

Riehl, W. H.

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

СОЧИНЕНІЕ

В. Г. РИЛЯ

Переводъ съ шестого нѣмецкаго изданія

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія **А. Е. Ландау**, Офицерская, 17.
1883.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Книга вторая. Движущія силы.

I. Бюргерство.

II. Четвертое сословіе.

Предисловіе къ 6-му изданію.

Эта книга была написана въ періодъ времени между 1847 и 1851-мъ гг., и поэтому весьма естественно, что въ содержаніи ея отражаются прогрессивныя и регрессивныя движенія этой эпохи. Не одинъ, изъ обсуждаемыхъ въ ней вопросовъ, не одинъ изъ передаваемыхъ въ ней эпизодовъ непосредственно касался въ то время злобы дня, представляя въ настоящее время лишь историческій интересъ. Нѣкоторыя книги со временемъ становятся поучительнѣе, не потому чтобъ онѣ, вылежавшись, дѣлались лучше, какъ напр. зимнія груши, а потому что содержаніе ихъ, касаясь общеизвѣстныхъ фактовъ прежней дѣйствительности и современности, представляетъ для послѣдующаго поколѣнія интересъ новизны и неизвѣстнаго, картину прошедшаго, и поэтому, естественно, вызываетъ на сравненія и размышленія. Въ особенности это можно сказать о книгахъ, въ которыхъ изображается положеніе въ извѣстное время даннаго народа, и если онѣ съ годами какъ бы молодѣютъ, то въ этомъ отнюдь не слѣдуетъ видѣть заслугу автора, а продуктъ естественнаго хода событій.

Нѣкоторыя положенія моего „Гражданскаго Общества“ 14 лѣтъ тому назадъ обратили на себя вниманіе, потому что люди говорили: „да, это такъ“, а теперь они покажутся странными, потому что воскликнутъ: „теперь уже не такъ“. Многое случилось не такъ, какъ я ука-

залъ или предсказывалъ въ своей книгѣ; но это случается и съ величайшими государственными людьми, а поэтому скромному писателю нечего огорчаться, если это приключится и съ нимъ.

Въ этой книгѣ читатели найдутъ отраженіе возбужденнаго и безпокойнаго состоянія 1848 года и послѣдовавшей затѣмъ глубокой потребности въ порядкѣ, спокойствіи и въ возвращеніи къ обычнымъ, прочнымъ формамъ. Перо мое порою обостряло негодованіе, какъ на прежнюю, бюрократическую опеку, такъ и на безалаберщину революціоннаго года. Появилась же книга въ реакціонный 1851-й годъ и встрѣтила особое сочувствіе и распространеніе въ реакціонную эпоху пятидесятыхъ годовъ. Изъ этого можно заключить, что это очень консервативное сочиненіе, ибо тотъ, кто не пишетъ въ духѣ своего времени, не можетъ разсчитывать на немедленный успѣхъ; съ другой стороны, столь же основательно было бы заключеніе, что это очень либеральная книга, ибо успѣхъ того, кто не противорѣчитъ господствующимъ понятіямъ, не можетъ продлиться слишкомъ десять лѣтъ.

Въ предисловіи къ первому изданію я писалъ: „Мнѣнія о выводахъ и доказательствахъ автора будутъ весьма различны, смотря потому, къ какой кто принадлежитъ партіи. Но онъ желалъ бы, чтобы даже принципіальные его противники отдали ему справедливость въ двухъ вещахъ: въ страстномъ и неизмѣнномъ стремленіи вѣрно понять народную жизнь и въ независимости его убѣжденій, въ силу которой онъ всюду откровенно высказывалъ то, что признавалось имъ за истину, хотя онъ и очень хорошо сознавалъ, что его взгляды не прійдутся къ опредѣленнымъ формуламъ господствующихъ партій, и что въ этой книгѣ очень многое будетъ шокировать каждую изъ партій.

Совершенно напрасно иные пытались выставить это сочиненіе—со-

чиненіемъ партійнымъ; но столь же неосновательно другіе желаютъ видѣть въ немъ „систему“, „ученіе“. Я *не* излагалъ въ этомъ сочиненіи моихъ научныхъ взглядовъ на идею общества, на органическій строй ея, на новѣйшія понятія о сословіяхъ, на отношенія науки объ обществѣ къ наукѣ о государствѣ и къ политической экономіи, и на подобные, чисто-теоретическіе вопросы. Тѣ изъ друзей моихъ, которые искали таковыхъ и вычитали ихъ между строкъ, оказали мнѣ очень плохую услугу. Я вовсе не желалъ, да и не могъ представить подобной систематики 14 лѣтъ тому назадъ, и если бы я попытался это сдѣлать, то мнѣ пришлось бы просто на просто передѣлать мою книгу; потому что уже послѣ того истинно научныя основы систематическаго ученія объ обществѣ выяснились мало по малу. Намекнулъ я на мою теоретическую точку зрѣнія въ моемъ сочиненіи „Нѣмецкій трудъ“ (Штуттгартъ, 1862) и въ университетскихъ лекціяхъ „О понятіи гражданскаго общества“, которыя вышли отдѣльной брошюрой въ числѣ изданій Мюнхенской академіи наукъ въ 1864 году. Подробно же изложилъ я до сихъ поръ свою систему лишь въ моихъ лекціяхъ. „Ученіе объ обществѣ и исторія соціальныхъ теорій“, которыя я въ теченіе многихъ лѣтъ ежегодно читаю въ здѣшнемъ университетѣ въ связи съ моими остальными лекціями по государственному праву и по исторіи культуры.

Настоящая книга имѣетъ значеніе политическое, т. е. практическое, а не теоретическое, и поэтому она и встрѣтила съ самаго начала откликъ у людей практики. Я изображаю современную общественную народную жизнь и связываю съ моими очерками анализъ политическихъ задачъ. Общая картина отнюдь не можетъ претендовать на полноту или на строгую систематичность, такъ какъ она не была на-

бросана за одинъ разъ, а складывалась постепенно. Хотя отъ этого, быть можетъ, и страдала цѣльность плана, но за то выигрывала свѣжесть колорита. Я приступилъ къ своему труду въ юношески-бурную эпоху политической жизни нашей и самъ находился въ то время еще въ очень юношескомъ ворастѣ. Я могъ бы представить въ настоящее время болѣе зрѣлое, ученое, такъ сказать, распланированное сочиненіе о гражданскомъ обществѣ, но я не могъ бы приступить къ этому труду съ тою же смѣлостью и рѣшительностью, какъ 14 лѣтъ тому назадъ. Да и кто вообще могъ бы это сдѣлать теперь, когда наше политическое міровоззрѣніе сдѣлалось болѣе зрѣлымъ и основательнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе безотраднымъ и мрачнымъ.

Наилучшій удѣлъ юности составляютъ поэзія и сердце. Поэтому я поставилъ рядомъ съ вполнѣ законнымъ матеріализмомъ экономическихъ интересовъ имѣющую одинаковое право на существованіе поэзію народной жизни, рядомъ съ школьнымъ образованіемъ романтическое обаяніе народныхъ обычаевъ, рядомъ съ ясно сознаваемымъ правомъ вытекающую изъ чувства мораль, рядомъ съ критическимъ знаніемъ дѣтски-вѣрующее народное чувство. Общество есть ничто иное, какъ народъ, взятый съ точки зрѣнія его труда, его собственности и вытекающаго изъ обоихъ этихъ факторовъ нравственнаго склада его. И когда тысячи перьевъ старались и до сихъ поръ стараются о томъ, чтобы съ помощью схоластическихъ пріемовъ новѣйшей политической экономіи понять и урегулировать жизнь общества крайне односторонне, исключительно какъ трудовую жизнь, то дозволительно, кажется, было возвысить голосъ въ пользу того, чтобы равнымъ образомъ былъ принятъ въ соображеніе и другой моментъ, идеальный, т. е. нравы и мораль. Въ этихъ видахъ я написалъ впослѣдствіи свою книгу „О нѣ-

мецкомъ трудѣ". Но эта книга писана болѣе головой, а „Гражданское общество"—сердцемъ. И въ этомъ-то послѣднемъ обстоятельствѣ я и вижу истинную причину того, почему это сочиненіе, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, при всѣхъ позднѣйшихъ успѣхахъ науки объ обществѣ, не утратило своей свѣжести и жизненности.

Работая надъ книгой о „Гражданскомъ обществѣ", я имѣлъ прежде всего въ виду субъективныя, моральныя побужденія, а не объективныя, политическія ученія партій. Если напр. я отстаивалъ раздѣленіе по сословіямъ, если я высказывался въ пользу сохраненія наслѣдственнаго дворянства—хотя, правда, и подлежащаго измѣненіямъ,—то я дѣлалъ это не въ видахъ отрицанія новѣйшей государственной идеи, не въ реакціонномъ духѣ, не изъ романтическаго мечтательства и не для того, чтобы льстить знатнымъ людямъ. Меня нравственно возмущало зрѣлище того, какъ въ наше время бѣднякъ всюду завидуетъ богачу, простой человѣкъ—знатному и какъ онъ стремится сравниться съ послѣднимъ, сравниться не относительно обязанностей и труда, а относительно наслажденій, блеска, роскоши и почета. Во мнѣ заговорила та гражданская гордость, которая считаетъ себя вполнѣ довольной въ своей кожѣ и вовсе не желаетъ того, что отличаетъ людей, болѣе взысканныхъ счастіемъ, которая не завидуетъ болѣе или менѣе высокому и вѣтвистому родословному дереву ближняго, такъ какъ оно для меня совершенно безполезно, такъ какъ я самъ себѣ могу сдѣлаться родоначальникомъ и собственными силами создать нѣчто путное, хотя бы мнѣ и пришлось наслаждаться лишь самыми скромными благами жизни. По моему мнѣнію, природный аристократъ можетъ стремиться къ уравненію всего общества, точно такъ же, какъ истый демократъ можетъ признать въ расчлененномъ по происхожденію и по званію обществѣ предписан-

ную божественнымъ промысломъ для человѣческой природы необходимость. Вотъ что вылилось изъ моей души, вотъ что я желалъ выставить въ моей книгѣ.

Въ различныхъ изданіяхъ моей книги я кое-что измѣнялъ и улучшалъ *въ частностяхъ*, оставляя неприкосновеннымъ существенное. Такимъ образомъ я и въ настоящемъ шестомъ изданіи (или, вѣрнѣе сказать, седьмой перепечаткѣ) я точно такъ же тщательно пересмотрѣлъ текстъ, какъ я сдѣлалъ это пять лѣтъ тому назадъ для перепечатки этого моего сочиненія въ „Германской народной библіотекѣ", которая собственно и составляетъ вышеупомянутое седьмое изданіе этого моего труда. Но критика обыкновенно не обращаетъ вниманія на подобныя исправленія, и всюду, гдѣ цитируются мои сочиненія, цитаты эти дѣлаются обыкновенно на основаніи перваго, однако значительно исправленнаго и пополненнаго въ послѣдующихъ перепечаткахъ, изданія. Дѣло объясняется очень просто: первыя изданія находятся во всѣхъ библіотекахъ; остальныя же распространены преимущественно среди менѣе спеціальной публики. Я, понятно, не имѣю ни малѣйшей претензіи на то, чтобы кто-нибудь цитировалъ мои сочиненія. Но если кому-либо угодно ихъ цитировать, то было бы по меньшей мѣрѣ справедливо относительно автора, чтобъ онъ основывалъ свои цитаты не на старомъ, давно исправленномъ текстѣ, а на новѣйшемъ, вновь пересмотрѣнномъ изданіи.

В. Г. Рилъ.

Мюнхенъ, 12-го февраля 1866 г.

Введенiе.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Признаки времени.

(Писано въ 1851—1853 г.).

Когда императоръ Максимиліанъ I, на поворотѣ древней и новой эпохи, созывалъ одинъ сеймъ за другимъ, съ цѣлью проектировать, а отчасти и осуществить многія важныя реформы германскаго государственнаго устройства, многимъ казалось несомнѣннымъ, что въ этомъ круговоротѣ вновь воспрянувшей государственной жизни заключается центръ тяжести борьбы не только грознаго и бурнаго настоящаго, но и весьма и весьма отдаленнаго будущаго. А между тѣмъ достаточно было одного незначительнаго толчка, чтобы, по истеченіи самаго короткаго времени, грозившая міру разрушеніемъ умственная буря разразилась совсѣмъ съ другой стороны: рѣшительный поступокъ Лютера прошелъ повсюду электрическимъ токомъ, и этимъ однимъ ударомъ уничтожены были всѣ разсчеты государственной мудрости; — опасались переворота политическаго, а совершился переворотъ церковно-религіозный, въ связи съ гражданско-соціальнымъ. Новыя, едва чувствовавшіяся, жизненныя силы выступили впередъ, новые люди, новые боги. Новый міръ явился для мечтателей также неожиданно и внезапно, какъ тать въ ночи.

И мы теперь стоимъ на порогѣ древней и новой эпохи; и мы также, подобно нашимъ предкамъ въ концѣ среднихъ вѣковъ, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ привыкли думать, что въ болѣе или менѣе значительныхъ столкновеніяхъ въ дѣлѣ государственнаго устройства заключается центръ тяжести нашей общественной жизни. Съ новосозданнымъ въ 1848 году общегерманскимъ государственнымъ устройствомъ связаны были самыя смѣлыя надежды, а впослѣдствіи самыя горькія разочарованія, громкое ликованіе и тайный скрежетъ зубовъ, безграничныя упованія и безконечная ненависть партій. Какимъ образомъ могло случиться, что послѣ такихъ жгучихъ страстей такъ скоро наступило такое холодное отреченіе? Это напоминаетъ намъ канунъ реформаціи. И на этотъ разъ волны прорвутся вовсе не на томъ мѣстѣ, на которое устремлены взоры всѣхъ. Въ сторонѣ отъ политической жизни, въ тѣсномъ смыслѣ, лежитъ теперь жизнь соціальная, точно такъ-же какъ три съ половиною столѣтія тому назадъ лежала въ сторонѣ отъ нея жизнь религіозная. Политическія партіи начинаютъ ослабѣвать, соціальныя же поддерживаютъ теплящійся подъ пепломъ огонь. Соціальная реформація ждетъ своего Лютера, и его тезисы заставятъ забыть самые смѣлые проекты германскаго государственнаго устройства, не исключая плановъ о великой и малой Германіи, какъ нѣкогда изъ за виттенбергскаго августинскаго монаха забыли вѣчный миръ и имперскій судъ, забыли и императора и самую имперію. Въ нашей политической борьбѣ сегодня или завтра можетъ установиться перемиріе; въ борьбѣ же соціальной невозможно перемиріе, не говоря уже о мирѣ—невозможно до тѣхъ поръ, пока надъ нашими могилами и надъ могилами нашихъ внуковъ не выростетъ высокая трава.

Каждый вѣкъ находитъ себѣ нѣсколько великихъ истинъ, нѣсколько общихъ положеній, которымъ онъ завоевываетъ себѣ свой собственный міръ. Одно изъ такихъ положеній наша эпоха нашла

въ томъ, что *„гражданское общество“ ни въ какомъ случаѣ нельзя отожествлять съ „политическимъ обществомъ“*, что понятіе „общества“ въ тѣсномъ смыслѣ, хотя оно часто и сливается съ понятіемъ государства, все таки теоретически должно быть отдѣлено отъ него. Теперь уже рѣчь должна идти не объ одномъ только государственномъ правѣ, какъ о цвѣтѣ общественной жизни, но и о стволѣ и корнѣ, объ обычаяхъ, нравахъ и трудѣ народа. Политическое изученіе народа—это самое характерное достояніе нашего времени, это источникъ разнообразной борьбы и заботъ, но оно въ то же время залогъ нашего политическаго будущаго.

Всѣ партіи, начиная съ приверженцевъ средневѣковаго сословнаго устройства и кончая красными коммунистами—сознательно или безсознательно—содѣйствовали утвержденію того положенія, что гражданское общество слѣдуетъ отличать отъ политическаго. Одна только государственно-полицейская бюрократія непричастна этому. Если-бы она перестала игнорировать это различіе и результатъ его — самостоятельное изученіе народа — то она этимъ самымъ уничтожила бы самое себя въ своей сущности. И вотъ чѣмъ объясняется тотъ странный фактъ, что наши соціально-политическія партіи, которыя ни въ чемъ не согласны между собою, въ одномъ только братски подали себѣ руку — въ ненависти къ бюрократіи.

На той основной мысли, что слѣдуетъ различать гражданское общество и политическое, построена, *„соціальная политика“*. Духъ времени наложилъ на нее свою печать. Самыя противоположныя между собою воззрѣнія на общественную жизнь—соціально-демократическое и сословно-аристократическое—сходятся въ одномъ пунктѣ, именно въ томъ, что оба они самымъ рѣшительнымъ образомъ содѣйствовали развитію идеи о соціальной политикѣ. Но

крайности, а не ихъ посредствующія звенья и слабыя модификаціи, заключаютъ въ себѣ предзнаменованія будущаго.

Взглянемъ же на признаки времени.

Если въ настоящее время хотятъ подѣйствовать на совѣсть какой либо партіи—такъ какъ сухія теоретическія доказательства ни къ чему не ведутъ—то ее поражаютъ какою нибудь ходячей фразой соціальной политики. Напримѣръ, до мартовской революціи приверженцы свободной торговли обзывали протекціонистовъ то политическими демагогами, то политическими реакціонерами. Когда же въ настоящее время приверженцы свободной торговли хотятъ такъ-же рѣзко напасть на своихъ противниковъ, то они обзываютъ ихъ или коммунистами или приверженцами сословно-привилегированнаго цѣховаго устройства.

Старая рознь радикаловъ и консерваторовъ блѣднѣетъ съ каждымъ днемъ, рознь же пролетаріевъ, гражданъ, юнкерства и т. д. съ каждымъ днемъ усиливается.

Незначительные предметы являются мѣриломъ для значительныхъ. Я упомяну здѣсь объ одномъ такомъ незначительномъ предметѣ. Недавно появились „Новыя бесѣды“ извѣстнаго государственнаго человѣка, главная цѣль которыхъ состоитъ въ обозрѣніи политическихъ партій, обозначавшихся въ недавно розыгравшейся борьбѣ по поводу государственнаго устройства Германіи. Вся журналистика, несмотря на различіе цвѣта и направленія, тотчасъ же остановилась на одномъ положеніи этой книги, какъ на самомъ замѣчательномъ, самомъ существенномъ, и указывала на него—отчасти съ ярымъ удовольствіемъ, отчасти съ ярою злобою. Положеніе это слѣдующее: сословная монархія принадлежитъ въ настоящее время къ благимъ пожеланіямъ, но не къ возможностямъ. При демонической проницательности, которую приписываютъ автору его враги, и геніальной—которую придаютъ ему его друзья — уже заранѣе

поджидали его приговора по этому дѣлу, и поспѣшность, съ которою всѣ накинулись именно на это его положеніе, показываетъ, что оно затронуло самую чувствительную точку, въ которой сосредоточиваются всѣ жизненныя нити нашихъ партій. Гораздо менѣе затрогиваютъ этотъ пунктъ вопросы государственнаго права, чѣмъ-то, что скрывается за ними—вопросъ соціальный.

Религіозные консерваторы въ послѣднее время соединились съ консерваторами соціальными. Оба эти направленія отъ этого значительно усилились. Ортодоксальные протестанты и ортодоксальные католики напрягаютъ всѣ свои усилія, чтобы доказать, что церковь—главная и единственная спасительница отъ нашихъ общественныхъ золъ. Это имѣетъ громадное значеніе. Положеніе, что органическій строй общества есть продуктъ божественнаго порядка, быстро пріобрѣло себѣ тысячи приверженцевъ, изъ которыхъ многіе лѣтъ десять тому назадъ съ сожалѣніемъ усмѣхнулись бы, еслибы имъ стали говорить объ устроеніи общества, какъ о созданномъ Богомъ порядкѣ.

Въ наши дни индустріализмъ возростаетъ и образуетъ собою такую силу, которая можетъ играть ту же роль, какую прежде играла то бюрократія, то демократія. Односторонній промышленникъ знаетъ лишь одну экономическую политику и не думаетъ о политикѣ соціальной. Общество для него—продуктъ фантазіи. Онъ не знаетъ никакихъ другихъ природныхъ сословій и классовъ, кромѣ производителя и потребителя, богатаго и бѣднаго. Онъ не желаетъ знать значительныхъ естественныхъ группъ народа, но фактически онъ все таки опасается всякой соціальной нивеллировки. Настоящій политико-экономъ, напротивъ того, презираетъ подобную филистерскую философію. Онъ будетъ желать для всякой народной группы отдѣльнаго преуспѣянія, и при этомъ вовсе не будетъ опасаться немедленнаго возвращенія средне-

вѣковаго сословнаго разграниченія. Онъ охотно будетъ поучаться обществовѣдѣнію и признаетъ, что соціальная сила промышленности не повелѣваетъ еще всѣмъ міромъ.

Борьба партій по поводу положенія Австріи и Пруссіи въ германскомъ государственномъ союзѣ, происходившая въ 1850 году, далеко не была бы столь ожесточенной, еслибы предъ глазами борющихся не обрисовывалось гораздо ярче соціальное, чѣмъ политическое будущее ихъ отечества.

На сторонѣ Пруссіи стояла значительная масса тѣхъ, которые не хотѣли говорить больше о крестьянахъ, мѣщанахъ и дворянахъ, а лишь о гражданахъ, и пожалуй о бѣдныхъ и богатыхъ, образованныхъ и необразованныхъ классахъ. Величайшій король Пруссіи нанесъ самый рѣшительный ударъ священной римско-германской имперіи. Пруссія самымъ широкимъ образомъ развила новѣйшее понятіе государственной власти и нерѣдко съ деспотическою строгостью ставила государственную власть выше внутренней самостоятельности сословій. Такое рѣшительное уничтоженіе ветхихъ остатковъ древней имперіи являлось настоятельнымъ требованіемъ времени, и Пруссія этимъ выполнила свое національное призваніе. Послѣдовательно проведенною идеей всеобщаго государственнаго гражданства мы прежде всего обязаны Пруссіи. Но въ то же время односторонность, съ которою энергическіе прусскіе монархи осуществляли верховность государства надъ общественными силами, создала всенивеллирующее, полицейское и чиновничье государство. Пруссія постоянно слишкомъ мало обращала вниманія на права естественныхъ народныхъ группъ, которыя, однако, весьма легко совмѣстимы съ строго-проведеннымъ государственнымъ единствомъ. Политическія силы: верховная власть, дипломатія, войско, чиновничество—все это получило въ Пруссіи совершенно особый отпечатокъ. Наши конституціоналисты нерѣдко впадали въ ту ошибку, что

забывали природныя силы народной жизни изъ-за какой нибудь абстрактной формы государственнаго права, и въ такихъ случаяхъ всегда искали себѣ опоры въ Пруссіи.

Но страннымъ образомъ и діаметрально противоположная ей партія—партія строго-монархически-сословнаго государства—также возлагала свои надежды на Пруссію. И надо сказать, что она дѣлала это съ неменьшимъ, даже, если хотите, съ гораздо бóльшимъ правомъ. Пруссія, при своемъ преимущественно отрицательномъ и уничтожающемъ старое призваніи, которое оно осуществляетъ уже въ теченіе столѣтія, не можетъ уже остановиться. Она стоитъ на перекресткѣ: ей слѣдуетъ рѣшиться — или осуществить разложеніе многочленнаго общества въ нивеллированное гражданство, или же не менѣе положительно приступить къ своему обновленію на почвѣ исторически развившихся общественныхъ группъ. Такъ называемая новопрусская партія ищетъ себѣ опоры въ личной политикѣ короля, между тѣмъ какъ партія конституціонная опирается на преданія послѣдняго столѣтія прусской исторіи. Обѣ партіи могли ссылаться на симпатіи значительной части населенія, и каждая изъ нихъ утверждала, что на ея сторонѣ большинство. Такимъ образомъ случилось, что два крайне враждебныхъ направленія одинаковымъ образомъ ссылались на призваніе Пруссіи, на ея исторію, на народъ — и притомъ ради совершенно противуположныхъ цѣлей. И обѣ эти партіи написали на своемъ знамени имя одного и того же человѣка, Фридриха Великаго, какъ настоящаго борца и историческаго первообраза стремленій ихъ партій.

При всей этой борьбѣ забыто было только одно: что *можно быть вполнѣ конституціоннымъ въ политическомъ отношеніи, и въ то же время приверженцемъ сословнаго устройства въ соціальномъ отношеніи.* Очень легко представить себѣ вполнѣ конституціонную палату, состоящую изъ выборныхъ отъ

сословій. Народъ избираетъ представителей по своимъ естественнымъ группамъ—сословіямъ; но депутатъ, разъ переступившій порогъ палаты, представляетъ не свое сословіе, а народъ. Но свободная и истинно народная *административная политика* немыслима безъ сочувственнаго взвѣшиванія всѣхъ естественныхъ особенностей народной жизни—т. е. „сословій“ (Stände). Не слѣдуетъ только слѣпо пугаться этого честнаго нѣмецкаго слова. Полицейскій чиновникъ, не знающій обычаевъ и нравовъ отдѣльныхъ народныхъ группъ—сословій—и не обращающій на нихъ вниманія, дѣлается полицейскимъ тираномъ. Полиція можетъ дѣйствовать разумно только при научномъ народовѣдѣніи; это же послѣднее имѣетъ своимъ источникомъ изученіе исторически развившихся различій въ народной жизни. Но все это совершенно игнорируется и многіе воображаютъ, что со словомъ „сословія“ возвращаются всѣ ужасы среднихъ вѣковъ. Но средневѣковыя сословія вѣдь уже давно умерли и похоронены. Новыя сословія выростаютъ на ихъ мѣстѣ; и современное конституціонное государство ничто иное, какъ дѣтище феодально-сословнаго государства. Но неужели можно оказать уваженіе сыну, выказывая презрѣніе къ его родителю? И развѣ можно отрицать, что въ лицѣ сына все еще отражаются многія и многія черты его родителя? Утверждаютъ, что соціальная политика есть политика реакціи. Я, напротивъ того, желалъ бы доказать въ этой книгѣ, что соціальная политика, т. е. государственное устройство, основанное на естественно-историческомъ изученіи народа во всѣхъ его группахъ и сословіяхъ, есть именно политика *прогрессивная, вполнѣ народная политика.*

Австрія не имѣетъ за собою прошедшаго съ такою рѣзко очерченною соціальною политикою, какъ Пруссія. Поэтому она и не достигла еще того конечнаго пункта, требующаго безповоротнаго

рѣшенія. Тамъ обѣ главныя соціально-политическія партіи ни въ личныхъ симпатіяхъ правителей, ни въ настроеніи народномъ не находили себѣ такихъ твердыхъ опоръ, какъ въ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе въ сопротивленіи строго-конституціонной партіи, противъ вступленія всей Австріи въ Германскій союзъ, соціально-политическія опасенія играли довольно значительную — хотя и отрицательную — роль. Достовѣрно одно: что Австрія, по природѣ, развитію и исторіи ея народовъ, не можетъ допустить такого строгаго соціальнаго объединенія общаго государственнаго гражданства, какое могло осуществиться въ Пруссіи, вслѣдствіе долговременнаго нивеллирующаго воздѣйствія бюрократическаго режима. Съ другой стороны друзья соціальной реформы, реформы, основанной на развитіи народнаго труда и народныхъ силъ, съ тѣмъ большею радостью привѣтствовали успѣхи Австріи въ общинномъ устройствѣ, въ преобразованіи юстиціи, въ освобожденіи недвижимости отъ налоговъ и въ особенности—стремленія австрійскаго министерства торговли ревностнымъ поощреніемъ торговли и промышленности содѣйствовать усиленію и преуспѣянію мѣщанскаго сословія. Эти факты внушили имъ надежду, что государственные люди Австріи поняли, въ чемъ кроется будущность ихъ страны, поняли, что призваніе Австріи состоитъ въ томъ, чтобы начать тамъ, гдѣ Пруссія остановилась, именно — возвратить обществу его право—стоять *не выше*, но *рядомъ* съ государствомъ, и создать новую соціальную политику возможно-естественнымъ преобразованіемъ крестьянства, мѣщанства и поземельной аристократіи, не впадая при этомъ въ естественную для Пруссіи крайность—старосословной реставраціи.

Такимъ образомъ соціальный мотивъ отзывался на настроеніи всѣхъ политическихъ партій, раздѣлялъ и раздроблялъ ихъ самымъ причудливымъ образомъ. Между тѣмъ соціально-демократическая партія, которая не расчитывала ни на Пруссію, ни на Австрію,

стояла себѣ въ сторонѣ и съ нейтральнымъ злорадствомъ потирала себѣ руки. Умѣреннымъ людямъ этой категоріи ничто не препятствовало соединиться съ конституціонными либералами, если бы діаметрально-противуположныя соціальныя воззрѣнія не образовали между ними непроходимой пропасти.

Какая громадная была разница между впечатлѣніемъ, произведеннымъ во всѣхъ странахъ февральской революціей, и почти вездѣ равнодушно встрѣченнымъ, въ политическомъ отношеніи столь же важнымъ своими послѣдствіями, наполеоновскимъ государственнымъ переворотомъ! При февральской революціи полъ-Европы было внезапно потрясено точно громовымъ ударомъ; при наполеоновскомъ переворотѣ Европа — и Франція впереди — въ сущности была только изумлена. Лудовикъ Бонапартъ смѣшалъ партіи, — и въ особенности въ Германіи. Ни органы консервативной, ни органы либеральной печати не знали какимъ образомъ смотрѣть на этотъ государственный переворотъ. Точно тоже имѣло мѣсто и при другихъ важныхъ и рѣшительныхъ случаяхъ. Противуположности между консерватизмомъ и либерализмомъ въ своей общности суть уже не болѣе какъ мертвая отвлеченность. Напротивъ того, партіи исторически создавшагося или систематически устроившагося общества — партіи положительной церкви и церкви разрушенной — продолжаютъ жить. Если вездѣ, въ рѣшительныя минуты, группы старыхъ партій не могутъ найти настоящаго лозунга, то это нѣчто болѣе, чѣмъ простой недостатокъ дисциплины въ этихъ партіяхъ. Въ этомъ смѣшеніи понятій и точекъ зрѣнія кроется глубокая иронія: это признаніе, что эти именно группы прежнихъ партій суть не болѣе какъ тѣни, мертвыя формулы, которыя уже не имѣютъ никакой силы въ виду совершающихся событій.

Развѣ впечатлѣнія, произведенныя парижской катастрофой 2-го декабря 1851 года, не были—страннымъ образомъ—болѣе

поразительны, чѣмъ сама катастрофа? Почти вся германская печать тотчасъ же указала на беззаконность государственнаго переворота. Кто вообще сомнѣвался въ этой беззаконности? И не смотря на это, всетаки значительныя массы даже германской публики желали, чтобъ этотъ ничѣмъ неоправдываемый переворотъ, разъ онъ уже совершился, вполнѣ удался. Въ этомъ воззрѣніи, которое такъ быстро примирилось съ нарушеніемъ всякаго публичнаго права, крылось, безъ сомнѣнья, нѣчто болѣе, чѣмъ простое пассивное подчиненіе совершившемуся факту: здѣсь крылось нѣчто болѣе, чѣмъ близорукость филистера, для котораго ожиданіе 2-го мая 1852 г., мѣшавшее торговымъ сношеніямъ, было слишкомъ утомительнымъ, но который въ тоже время желалъ бы возможно дальше отодвинуть рѣшительный моментъ, опасаясь его потрясающаго дѣйствія, для котораго срокъ этотъ былъ слишкомъ длиненъ, но который въ тоже время желалъ его отсрочки, отсрочки во что бы то ни стало—который радовался, что теперь, въ силу 2-го декабря, ему въ будущемъ году возможно будетъ безопасно вести свои дѣла, и только сожалѣлъ, что парижанамъ такъ испортили ихъ рождественскій праздникъ, и что у бѣдныхъ парижскихъ кондитеровъ почти половина выставленнаго ими марципана осталась непроданною. Существовалъ, безъ сомнѣнія, болѣе глубокій мотивъ равнодушія, съ которымъ смотрѣли, какъ политическое правовое сознаніе было поражено въ самое сердце.

Консервативные и либеральные голоса сошлись тогда въ вѣрной оцѣнкѣ этого болѣе глубокаго мотива. Интересъ къ государственной жизни, къ конституціонной жизни, къ спеціально *политической политикѣ*, совершенно охладѣлъ въ виду того страшнаго возбужденія, съ которымъ Европа, съ опасеніемъ и надеждой, слѣдила за развитіемъ соціальной жизни. Равнодушіе къ публичному *праву* обнаружилось при этомъ въ такой сильной степени, что приходится глубоко сожалѣть объ этомъ. Здѣсь одна крайность

гонитъ другую. Французское государственное устройство и германскія его подражанія, варьированныя въ разныхъ видахъ и формахъ, *должны окрѣпнуть на общественномъ базисѣ;* они должны возвратиться къ естественной исторіи народа, иначе они пережили самихъ себя, и германскія палаты будутъ также безсильны какъ и французское національное собраніе, а интересъ къ государственному устройству вообще затмится въ народѣ самымъ печальнымъ образомъ.

У каждой эпохи есть свой собственной демонъ, и въ страхѣ и боязни предъ нимъ воспитываются народы. Что для среднихъ вѣковъ была труба страшнаго суда, то для девятнадцатаго вѣка труба великаго соціальнаго переворота. На этомъ страхѣ второй Наполеонъ построилъ свой императорскій тронъ, подобно тому, какъ первый Наполеонъ построилъ свой престолъ на ужасахъ первой революціи. Этотъ страхъ заставляетъ людей хвататься за каждую соломинку въ надеждѣ на миръ, потому что за европейской войной тотчасъ же можетъ послѣдовать взрывъ соціальной революціи въ Европѣ. Цѣлый центнеръ конституціоннаго права не перевѣситъ и лота въ тотъ моментъ, когда всему историческому обществу приставленъ будетъ ножъ къ горлу. Пусть это сужденіе, возможное только при дѣйствительно затемненномъ политическомъ правосознаніи, чрезвычайно обманчиво и опасно, но значительной массѣ народа оно въ данную минуту *кажется* истиной. Прокламація президента Бонапарта отъ 2-го декабря 1851 года была неоспоримо мастерскимъ дѣломъ, мастерскимъ потому, что этотъ ловкій человѣкъ воспользовался тогда всеобщею подачей голосовъ, этимъ самымъ дѣйствительнымъ реактивомъ процесса соціальнаго броженія, чтобы — *прежде всего* — прекратить этотъ самый процессъ. И міръ не ломалъ себѣ голову надъ богословскимъ вопросомъ: дѣйствительно-ли возможно прогнать черта при помощи Асмодѣя; напротивъ: міръ успокоился на сознаніи, что эта

новая революція, въ концѣ концовъ, есть, прежде всего, *только* революція политическая! и что она отодвинула живущій въ народной вѣрѣ страшный судъ девятнадцатаго вѣка — революцію соціальную — на многіе годы, можетъ быть на многіе дясятки лѣтъ.

Такимъ образомъ мы въ этихъ загадочныхъ первыхъ впечатлѣніяхъ, произведенныхъ государственнымъ переворотомъ, видимъ новое доказательство той истины, что политическій интересъ въ настоящее время совершенно поглощенъ интересомъ соціальнымъ. Нашъ вѣкъ уже не замирится, не успокоится для воспріятія конституціонной политики до тѣхъ поръ, пока этому не будетъ предшествовать реформа общества. Ударъ противъ исторически существующаго государственнаго права Лудовикъ Бонапартъ могъ нанести съ быстрымъ успѣхомъ, и громадныя массы его противниковъ остались лишь его зрителями. Но еслибъ 2-го декабря такой же рѣшительмый ударъ былъ направленъ противъ историческихъ правъ общества, еслибъ соціалъ-демократы насильственной, побѣдоносной рукой обрушились на существующій порядокъ, то тогда полъ-Европы оказалось бы не въ числѣ зрителей, а въ числѣ участниковъ борьбы.

Наполеонъ III основалъ свою власть на силѣ, которая по крайней мѣрѣ съ виду казалась соціальной. Онъ опирался на солдатахъ, на *солдатчинѣ*, онъ создалъ изъ нея общественный корень, общественный рычагъ, съ которымъ онъ у утомленной аристократіи, у запуганнаго мѣщанства могъ отнять на время ихъ общественныя права, въ виду натиска соціальной демократіи. Онъ прокламировалъ миръ, но далъ привилегіи солдатству. Солдаты первые подавали свой голосъ, одно время они были единственною соціально и политически привилигированною аристократіей во Франціи. Въ этой смѣлой политикѣ—создать себѣ такъ сказать новую соціальную силу, въ виду того, что прежнія соціальные элементы оказались уже не-

годными,—таились въ одно и тоже время и залогъ несомнѣннаго успѣха въ данную минуту и зародышъ ранней или поздней гибели наполеоновскаго владничества. Ибо аристократія солдатчины можетъ въ наше время держаться лишь до тѣхъ поръ, пока продолжается безсиліе естественныхъ группъ историческаго общества въ виду напора демократическаго пролетаріата.

Мы видимъ императора безъ всякихъ правъ на господство кромѣ народнаго голосованія, продиктованнаго опасеніемъ призрака соціальной революціи, и его имени, его далеко немудренной родословни. И всетаки именно это чарующее дѣйствіе имени, этотъ призракъ общественно-историческаго права, доставили этому человѣку, который не былъ ни героемъ, ни полководцемъ, голоса арміи! Это опять таки одно изъ великихъ повидимому противорѣчій нашего времени. Инстинктивное влеченіе къ общественной традиціи, къ аристократіи происхожденія, создаетъ героя дня изъ осмѣяннаго авантюриста—а между тѣмъ эта традиція аристократіи происхожденія давно должна была испариться въ воздухѣ и нивеллированіе всѣхъ традиціонныхъ общественныхъ противорѣчій—есть идеалъ современности!

Лудовикъ Наполеонъ — наслѣдникъ имени великаго солдата, поэтому его дворянство явилось древнѣйшимъ и лучшимъ, истинно княжескимъ въ республикѣ, гдѣ солдатство отнынѣ считало себя призваннымъ образовать собою высшую аристократію. Можно эти факты находить и очень забавными и очень серьезными. Но, такъ или иначе, они служатъ намъ грознымъ предостереженіемъ, что слѣдуетъ понять истинное значеніе соціальной политики и что на нее слѣдуетъ смотрѣть какъ на политику, которой въ наше время принадлежитъ единственно рѣшающій голосъ.

Точно также опасный опытъ, произведенный Лудовикомъ Наполеономъ призваніемъ въ Парижъ многихъ тысячъ пролетаріевъ, чтобы показать имъ, что онъ въ состояніи предоставить

рабочимъ работу и заработки, является доказательствомъ, что соціальная политика неудержимо вторгается въ нашу общественную жизнь. Самая энергическая, самая смѣлая и самая отчаянная общественная группа — четвертое сословіе — должна держать въ страхѣ все остальное общество, чтобы императоръ между тѣмъ могъ спокойно сидѣть на своемъ престолѣ. Разрушая улицы почти половины Парижа, пролетаріи этимъ самымъ же воздвигаютъ невидимую защиту императорской власти. Но тутъ соціальная политика является азартной игрой, а не продуктомъ здравой государственной мудрости. Можетъ быть, что игроку когда нибудь и удастся взорвать банкъ, но, въ концѣ концовъ, онъ всетаки попадетъ въ долговое или же пуститъ себѣ пулю въ лобъ.

Въ настоящее время каждый гораздо легче перемѣнитъ свою политическую партію изъ чистаго свободнаго убѣжденія, нежели отречется отъ своихъ соціальныхъ воззрѣній. Дѣло въ томъ, что соціальное наше воззрѣніе есть не только продуктъ разсудка, но оно въ тоже время отчасти присуще намъ отъ рожденія, оно неразрывно срослось съ нами по нашему происхожденію, воспитанію и положенію въ свѣтѣ. Сынъ индивидуализированной средней Германіи, по самой природѣ своей, совершенно иначе смотритъ на соціальные вопросы, чѣмъ уроженецъ сѣверной или южной Германіи, потому что онъ съ дѣтства окруженъ совершенно другими соціальными явленіями. Поэтому въ спорѣ о соціальныхъ вопросахъ должно быть чрезвычайно осторожнымъ, потому что въ сужденіяхъ о соціальныхъ вопросахъ всякій есть въ тоже время судья въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Значительная часть политическихъ мѣропріятій, вызванныхъ нашимъ послѣднимъ революціоннымъ кризисомъ, послѣ весьма короткаго времени, оказалась никуда негодною. Пришлось сознаться, что гораздо легче быстро вводить одну за другую двѣ, три конституціи, нежели уничтожить хотя одно мѣропріятіе соціальнаго

характера, какъ напримѣръ реформу, имѣющую въ виду предоставить ремесленному классу больше промышленной самостоятельности, освобожденіе недвижимости отъ налоговъ и т. п.

Поэтому никакая политическая ересь мнѣ не казалась такъ противною, какъ та, когда люди, считающіе себя умными государственными людьми, въ палатахъ и въ печати называютъ мелочными мѣры — хотя бы и самыя скромныя — которыя касаются насущныхъ интересовъ гражданскаго общества, и въ тоже время поднимаютъ страшный шумъ въ преніяхъ о формальной политикѣ. Даже самая незначительная мѣра, имѣющая въ виду поднять самостоятельность гражданскаго общества противъ административной опеки, имѣетъ большую важность, и кто свысока смотритъ на заботливость хотя бы о самыхъ мелочныхъ общественныхъ интересахъ, совершаетъ смертный грѣхъ противъ духа времени.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Духъ особности и объединительныя стремленія въ нѣмецкомъ народѣ.

Въ винѣ—истина. Точно также самыя затаенныя думы народа можно всего лучше подслушать въ краткія минуты блаженнаго опьяненія — не въ длинные трезвые дни спокойной обыденной жизни.

Такою счастливою минутою опьяненія былъ 1848 годъ. Безъ сомнѣнія, градущія поколѣнія позавидуютъ изслѣдователю, которому въ ту пору судьба дала возможность наблюдать происходившее съ тетрадью и карандашемъ въ рукахъ и дюжинами набрасывать эскизы для будущей обработки. Легко, при случаѣ, можетъ повториться народное опьяненіе, но едва ли оно будетъ столь же добродушнымъ, едва ли съ тою же наивною откровенностью оно разоблачитъ всѣ свѣтлыя и мрачныя тайны народной жизни. Сколько было уже нравоописателей, создавшихъ изъ сценъ 1848 г. какой-то бѣсовскій шабашъ! Почему же не видно Остада, — картинокъ, гдѣ вино, какъ просвѣтляющій напитокъ, блещетъ въ каждой улыбкѣ, въ глазахъ, въ каждой морщинѣ собутыльниковъ, гдѣ не забытъ и несчастный бѣднякъ, прижавшійся въ уголку, потому что у него тяжело на сердцѣ?

Въ этотъ столь благопріятный для наблюдателя годъ великаго народнаго опьяненія, можно было подглядѣть двоякаго рода фактъ.

Первое, что всѣ и каждый, безъ различія состояній и званій, братски бросились другъ другу въ объятія, а кто не учавствовалъ въ этомъ одушевленномъ порывѣ по чувству искренняго восторга, тотъ по крайней мѣрѣ, продѣлывалъ это съ зубовнымъ скрежетомъ, подъ давленіемъ страха. Вовторыхъ — тотъ фактъ, что одновременно съ этимъ не менѣе явно сказалось стремленіе къ корпоративной самостоятельности частныхъ профессій и общественныхъ группъ.

Въ ту пору мы видѣли, что уже въ первые мартовскіе дни соединялся ремесленный людъ, чтобы спастись отъ пагубы безграничной свободы ремеслъ, отъ патентованнаго кулачества и т. д., чтобы отнять у бюрократіи хазяйничанье ремесленными дѣлами и взять въ собственныя руки. Въ разныхъ мѣстахъ установились формальныя цѣховыя правила, не по волѣ правительства, но по волѣ самихъ ремесленниковъ. Общества мастеровъ и подмастерьевъ рождались какъ грибы. Давно хирѣвшіе ремесленные союзы оживились снова. Въ нѣкоторыхъ вѣтвяхъ промышленности самоуправленіе союзовъ простиралось такъ далеко, что государственная власть приходила въ безпокойство. Напомню лишь о наборщикахъ, которые, своей энергической солидарностью, втеченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1848 г., причинили не мало хлопотъ сѣверогерманской полиціи. Но—замѣтимъ мимоходомъ—этихъ фанатиковъ корпораціоннаго строя называли не ретроградами, а радикалами.

„Рабочіе“ соединялись въ обширные союзы съ ясно высказанною соціальною задачею—отстаивать свои права, какъ „сословія.“ Основаны были спеціальныя газеты для рабочихъ.

Школьныя учителя, какъ и лица духовнаго званія, группировались въ особые союзы, имѣли сходки, учреждали педагогическія и церковныя газеты. Каждому хотѣлось соблюсти и упрочить интересы своего сословія и званія. Церковь какъ нельзя шире воспользовалась для себя правомъ составлять общества и

союзы. Католичество, благодаря образцовой организаціи своихъ союзовъ, достигло такого соціальнаго значенія, какимъ, быть можетъ, оно, по крайней мѣрѣ въ странахъ съ смѣшаннымъ вѣроисповѣданіемъ, никогда не обладало со времени Реформаціи. Появились листки церковныхъ союзовъ, кромѣ собственно церковныхъ газетъ. Вездѣ—обособленность, вездѣ возникавшее само собою разчлененіе общества. Можно даже сказать, что страсть устраивать всякія дѣла въ союзномъ духѣ дошла до безсмыслицы, и многіе, отличавшіеся прежде трудолюбіемъ граждане, сдѣлались ни къ чему непригодными трутнями, чрезмѣрно увлекшись всѣми этими корпораціями, сословнымъ «self gouverment'омъ и устройствомъ союзовъ.

Свободное общинное устройство,—что оно такое въ своихъ основныхъ, коренныхъ чертахъ, какъ не корпораціонное учрежденіе, полусоціальнаго, полуполитическаго свойства? Теперь каждая деревня требовала себѣ права распоряжаться домашними статьями своего общиннаго бюджета, требовала для общины права, не допускать въ свою среду тѣхъ, кого она считала людьми вредными и опасными—право, которымъ пользовались, въ средніе вѣка, города. Я не слыхалъ, чтобы гдѣ либо обнаруживалось злоупотребленіе свободнымъ общиннымъ устройствомъ, открывающее въ общину двери всякимъ уличнымъ побродягамъ; за то, наоборотъ, слыхалъ весьма часто, что въ закорузломъ духѣ обособленности свободная община отказывала въ правѣ мѣстожительства у себя даже самымъ способнымъ и благонадежнымъ переселенцамъ.

Городскіе бюргеры, среднее сословіе въ тѣсномъ смыслѣ, соединялись въ бюргерскіе союзы, въ конституціонныя общества, въ общества для огражденія порядка и закона и т. п. Правда, здѣсь не высказывалось прямо, что задача этихъ союзовъ—спеціально отстаивать корпоративные интересы бюргерскаго сословія. Но на дѣлѣ они стремились къ этому, и существеннымъ образомъ

только къ этому. Тѣмъ разительнѣе, хотя и безсознательно, проявлялась въ этомъ случаѣ обособленность средняго, или бюргерскаго сословія.

Что касается до дворянства, то невзгоды времени сами собою побуждали его къ болѣе тѣсному сближенію.

Одни крестьяне не пытались учреждать никакихъ новыхъ корпорацій, потому что, къ счастью, они одни изъ всѣхъ группъ гражданскаго общества продолжаютъ еще жить въ самомъ завидномъ состояніи, расчленяясь на части, невѣдомо для себя, самымъ естественнымъ образомъ.

Во всѣхъ этихъ фактахъ сказывается истина, та сердечная правда, которая выдаетъ себя въ опьяненіи. Не свыше приказано было соединяться въ союзы по ремесламъ и сословіямъ — граждане сами пришли къ этой мысли: инстинктъ освобожденнаго народа открылъ и обратилъ себѣ на пользу ту истину, что лишь заботливость объ отдѣльныхъ интересахъ приводитъ къ могуществу цѣлаго.

Какъ разъ въ Средней Германіи, гдѣ въ народѣ осталось очень мало средневѣковыхъ обычаевъ, но гдѣ необузданная ремесленная свобода постепенно размягчила всѣхъ, свободно-мыслящая партія увидѣла послѣдній якорь спасенія промышленности въ новой корпоративной организаціи ремесленнаго сословія. Въ Южной Германіи сохранилось отчасти даже слишкомъ много остатковъ древняго цѣховаго быта, но и тамъ не хотѣли сразу выкидывать за бортъ дѣйствительно устарѣлыя формы этого рода. Сѣверному нѣмцу непонятны подобные факты, такъ какъ онъ не пережилъ ихъ собственнымъ опытомъ. Передъ нами раскрылись бы удивительные итоги, если бы можно было собрать во едино все то, что предпринимало въ 1848 г. ремесленное сословіе разныхъ мѣстностей, дабы, не жалѣя усилій, образовать замкнутые союзы соціально-экономическаго характера, для взаимной защиты и обороны. Въ

сѣверо-германскихъ городахъ ремесленная свобода сохранилась; но въ другихъ мѣстахъ противъ нее поведена была бурная атака именно тамъ, гдѣ пользовались ею въ самомъ широкомъ размѣрѣ. Въ этомъ случаѣ либералъ измѣнялъ своему собственному либеральному принципу для того, чтобы дать удовлетвореніе живущему въ націи духу особности, тому духу, который всего энергичнѣе разразился именно тамъ, гдѣ природныя свойства народа выступали всего ярче, гдѣ народъ чувствовалъ себя наименѣе стѣсненнымъ и хозяйничалъ по собственному усмотрѣнію. Этого знаменательнаго факта нельзя опровергнуть.

Но само собою разумѣется, что одновременно съ этимъ также безгранично разыгрывались объединительныя стремленія. Всѣ беззавѣтно отдавались частнымъ интересамъ сословій и профессій, такъ какъ воображали, что въ обществѣ разъ навсегда упразднилась обособленность званія. Всѣ сознавали свое единство, какъ націи, и поэтому считали безопаснымъ слиться въ совершенно особыя единицы въ своихъ общественно-профессіональныхъ интересахъ. Всѣ считали себя связанными единствомъ образованія, потому что никто не считалъ себя ниже другого въ политической зрѣлости и каждый посыльный былъ государственнымъ человѣкомъ; за то, съ другой стороны, тѣмъ ревностнѣе охранялись преимущества отдѣльныхъ кружковъ гражданскаго быта, вмѣстѣ съ разнообразіемъ вытекающаго отсюда спеціальнаго знанія. Конечно, если-бъ громко сказать тогда населенію, что своими ассосіаціями и т. п. оно лишь обличаетъ въ себѣ неистребимое влеченіе къ сословному расчлененію, то это вызвало бы крики негодованія. То обстоятельство, что всѣ безсознательно платили дань живущему въ народѣ духу особности, нисколько не уменьшаетъ значенія самой дани.

Перегородка старыхъ общественныхъ группъ была сброшена такъ радикально вліяніемъ постоянно расширявшагося умственнаго образованія, силою новѣйшаго промышленнаго движенія, политиче-

скимъ фактомъ всеобщаго гражданства, съ равными обязанностями и правами, что нѣтъ уже надобности доказывать силу общественныхъ объединительныхъ стремленій въ наше время. Въ эпоху, когда въ обществѣ господствовала аристократія, никто не сомнѣвался въ сословномъ расчлененіи общества; такъ, наоборотъ, нынѣ, по достиженіи среднимъ сословіемъ самаго рѣшительнаго вліянія на общественныя дѣла, никто не сомнѣвается въ наличности общенаціональнаго сознанія, высшаго единства всѣхъ общественныхъ группъ. Но именно по этой причинѣ тѣмъ необходимѣе помнить теперь, что отнюдь не погаснулъ также духъ соціальной особности, что онъ только отступилъ на второй планъ и вмѣсто старыхъ формъ воплотился въ новыя, почему и заслуживаетъ самаго пристальнаго вниманія, какъ необыкновенно важный факторъ соціальной политики.

Я уже показывалъ, въ зеркалѣ народнаго движенія, какъ могущественно царитъ еще въ народѣ безсознательный духъ особности. Подобное же, соотвѣтственное тому явленіе видится намъ въ зеркалѣ новѣйшей литературы. Держась убѣжденія, что въ маломъ таится масштабъ для великаго, я беру для разсмотрѣнія такъ называемый „соціальный романъ“—малозначительную, въ литературномъ смыслѣ, но чрезвычайно важную для изучающаго народный бытъ, отрасль нашей литературной производительности, по причинѣ великаго богатства заключающихся въ ней общественныхъ откровеній. По мѣрѣ того, какъ въ насъ воскресало, заглохшее уже съ давняго времени, сознаніе общественной жизни, принялось рости и богатое сѣмя соціальной беллетристики. XVIII-ое столѣтіе не обладало вовсе литературою соціальныхъ романовъ, потому что ему недоставало новѣйшаго понятія объ общественномъ организмѣ. Но если будущій историкъ захочетъ изобразить современныя потуги соціальныхъ родовъ, то онъ посвятитъ особую главу этому феномену соціальныхъ романовъ. Онъ будетъ говорить въ ней о дѣятельности Сильсфильда, Диккенса, даже Вальтеръ-Скотта,

Евгенія Сю и всѣхъ будущихъ великихъ нѣмецкихъ романистовъ, сидящихъ еще нынѣ на скамьяхъ 5-го класса гимназій. Пришло время, когда государственные люди, для своего назиданія, должны читать и романы.

Развѣ это не многозначительный фактъ, что наши художники уже не могутъ иначе рисовать отдѣльную личность какъ въ обстановкѣ опредѣленнаго общественнаго кружка? что общіе типы любовника, героя, интригана и т. д., какъ ихъ изображали въ прежнее время, уступили мѣсто стереотипнымъ фигурамъ совсѣмъ другого сорта, фигурамъ, имѣющимъ общественную индивидуальность, куда относятся: крестьяне, изображаемые во всяческихъ видахъ, въ неиспорченной простотѣ или съ извращеннымъ обликомъ, дворяне и выскочки, бюргеры, буржуа и филистеры, ремесленники, рабочіе и пролетаріи? Эти установившіяся характерныя роли, составляющія исключительную принадлежность новѣйшаго романа, обозначаютъ побѣду общественно-историческаго міровоззрѣнія надъ уравнительно-философскимъ. Если уже романисты, люди большею частью либеральнаго образа мыслей, не могутъ типически изображать современнаго человѣка иначе, какъ въ сословной одеждѣ, то, навѣрное, эти сословныя группы суть нѣчто болѣе нежели химера реакціонныхъ политиковъ. Весьма многіе соціальные романы написаны въ интересахъ консерватизма, совершенно наперекоръ намѣреніямъ авторовъ. По истинѣ роковою ошибкою до-мартовской администраціи слѣдуетъ считать то, что за направленіемъ соціальнаго романа слѣдили не государственные люди, а полицейскіе. Означенный родъ поэтическаго искусства былъ главнымъ предметомъ литературно-полицейской цензуры, и до сихъ поръ еще, при имени „соціальнаго романа", девять человѣкъ изъ десяти тотчасъ помышляютъ о романѣ „соціалистическомъ".

Пусть сравнятъ поэтическія нравоописательныя картины изъ крестьянской жизни, начертанныя плѣнительнымъ перомъ Юнгъ-Штил-

линга и Гебеля, съ обработкою той же темы въ сочиненіяхъ Иммермана, Ауэрбаха, Іереміи Готгельфа. Тѣ старые деревенскіе нувеллисты рисовали намъ крестьянина какъ характерную личность, съ его индивидуальною задушевностью, какъ фигуру маленькой жанровой картины; напротивъ новѣйшіе художники выставляютъ его въ особенности какъ члена общества, какъ представителя крестьянскихъ нравовъ. Соціальная закладка проходитъ у нихъ красною нитью даже и тамъ, гдѣ не замѣчается никакой тенденціи.

То же самое мы видимъ во всѣхъ отрасляхъ беллетристики. Даже самое плоское и незначущее, въ эстетическомъ смыслѣ, произведеніе нерѣдко имѣетъ, съ этой точки зрѣнія, цѣнность для историка народной культуры. Такъ напримѣръ, женскіе артистократическіе романы. Позднѣе въ нихъ найдутъ много поучительнаго матеріяла для изученія слабостей нашей аристократіи, тогда какъ на взглядъ историка литературы, они дазно уже лишатся всякаго интереса. Графиня Ганъ называла свои творенія романами „изъ общества“. Конечно, подъ именемъ общества она разумѣетъ нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ мы, но, во всякомъ случаѣ, мы можемъ истолковать значеніе этого слова и въ желательномъ для насъ смыслѣ: это, безспорно, соціальные романы, хотя и весьма неудачные. Такъ какъ въ большей части этихъ женскихъ аристократическихъ романовъ культъ внѣшняго барскаго щегольства, со всей его пошлостью, доводится до крайныхъ предѣловъ, то они пріобрѣтаютъ формальный разрушительный пошибъ, какъ писанія, гораздо болѣе препятствующія истинному познанію и оцѣнкѣ аристократическаго быта, чѣмъ весьма многія, подпавшія полицейскому запрету, книги, сочиненныя косматыми литераторами.

Въ новѣйшее время два иностранныхъ романиста снискали въ Германіи истинно безпримѣрный успѣхъ: Вальтеръ-Скоттъ въ двадцатыхъ, Евгеній Сю въ сороковыхъ годахъ. Они представляютъ собою два крайніе полюса соціальнаго романа. Кто вздумаетъ снова взять

въ руки романы Скотта, послѣ того какъ мы прошли великій учебный курсъ нашей малой революціи, навѣрно крайне будетъ удивленъ тѣмъ, что они читаются теперь совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Какой существенно различный смыслъ получаютъ для насъ теперь эти картины старобританской аристократіи и средняго сословія, равно какъ патріархальный бытъ Верхней Шотландіи, когда мы сами очутились въ круговоротѣ соціальной борьбы! Теперь только становится замѣтно, что не историческая обстановка, а соціальное зерно составляетъ основной характеръ этихъ романовъ. Теперь только чувствуешь, какъ смѣшно было то, что прежде у насъ имѣли обыкновеніе титуловать то того, то другого нѣмецкаго романиста германскимъ Вальтеръ-Скоттомъ, тогда какъ мы еще должны были возвратить себѣ прежде сознаніе исторически-твердо расчлененной общественной жизни, въ родѣ англійской, для того, чтобы создавать нѣмецкіе соціальные романы, имѣющіе внутреннее сродство съ англійскими. Соціальныя идеи были гораздо скорѣе открыты массою читателей въ Евгеніи Сю, чѣмъ въ Вальтеръ-Скоттѣ, потому что тамъ онѣ являлись отрицаніемъ существующей общественности. Полагали, что только теперь возникъ соціальный романъ, тогда какъ на дѣлѣ имъ давно уже обладали. Для нѣмца большею частью политика начинается только тамъ, гдѣ начинается оппозиція; поэтому охранительная и созидающая политика для многихъ есть ничто иное, какъ противусмысліе — класcическое „деревянное желѣзо“ учебниковъ логики. Въ эпоху, которая едва ли менѣе нашей была возмущаема великимъ общественнымъ и духовнымъ броженіемъ, Рубенсъ, несравненно смѣлѣе, чѣмъ это когда либо удавалось французскимъ неоромантикамъ, изображалъ въ непокровенной наготѣ дикую вакханалію чувственности, разнузданнаго демона плотоугодничества, ярое опьяненіе сладострастія. Но мы не должны забывать, что, рядомъ съ этими, можно сказать, безнравственными образами, онъ поставилъ картину послѣдняго Божьяго суда и казни злыхъ ангеловъ и что ему всего болѣе

удалось изображеніе низвергаемыхъ въ бездну демоновъ, тщетно, съ зубовнымъ скрежетомъ, борющихся противъ архангельскихъ коній. И соціальный романъ французовъ рисуетъ порокъ въ возможной наготѣ, но судъ, что ставится тутъ же авторомъ—вовсе не Божій судъ, такъ что нравственная и поэтическая правда оскорбляется здѣсь сильнѣе, чѣмъ даже въ цинически-заманчивыхъ картинахъ безпутства и порока. Рубенсъ, создававшій соціальные романы въ стилѣ своего времени, былъ также и государственнымъ человѣкомъ. Можемъ ли мы сравнивать Виктора Гюго, Сю, Жоржъ-Зандъ и др., также бывшихъ на короткое время политическими дѣятелями новаго вакала, съ старымъ живописцемъ, какъ съ государственнымъ человѣкомъ? Нигдѣ французы не совершили столько нелѣпаго какъ въ опытахъ практическаго разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ, и точно также ни одна отрасль литературной производительности не доходила у нихъ, соотвѣтственнымъ образомъ, до такой эстетической безсмыслицы, какъ соціальный романъ.

Пусть покажутъ мнѣ новый романъ, написанный настоящимъ поэтомъ, гдѣ характеры, въ своемъ корнѣ, не развивались бы изъ различія различныхъ сословій, и я повѣрю, что различіе сословій не существуетъ уже ни въ природѣ ни въ духѣ народа. Человѣкъ, не принадлежащій никакой особой общественной группѣ, а только всемірному или государственному гражданству, есть для романиста такая же нелѣпость, какъ идея всеобщаго дерева — не дуба, не сосны, не березы—для живописца. Истина не въ одномъ винѣ—она и въ поэзіи.

Въ послѣднія десятилѣтія для изученія народныхъ нравовъ въ Германіи сдѣлано удивительно много. Думать ли, что богатѣйшій сырой матерьялъ, собранный въ этой сферѣ, имѣетъ лишь цѣну собранія рѣдкостей, или просто антикварную цѣнность, такъ какъ въ немъ хранится послѣднее отраженіе отживающаго міра? Для насъ масса этихъ данныхъ имѣетъ прежде всего огромное

соціальное значеніе. Ибо эти еще живущіе въ народѣ обычаи, сила которыхъ таится именно въ низшихъ народныхъ слояхъ, служатъ для насъ ручательствомъ и залогомъ того, что въ народѣ далеко еще не заснулъ и не окаменѣлъ творческій духъ особности. Эти рѣзкія различія народныхъ обычаевъ погаснутъ немедленно, когда, въ нѣдрахъ народнаго быта, исчезнетъ органическое расчлененіе общества. Тогда развѣ наступитъ пора помышлять о вѣчномъ царствіи соціализма. Только обезцвѣченный внѣшній слой общества, вмѣщающій въ себѣ отвлеченнаго „человѣка“ новѣйшей образованности, потерялъ уже и нынѣ всякую оригинальность бытовой физіономіи.

Особность народной жизни, доведенная нерѣдко до крайнихъ границъ, есть величайшее горе и въ то же время величайшая слава Германіи. Наши лучшія и наши худшія свойства коренятся въ этой особности, не съ нынѣшняго, не со вчерашняго дня, но съ самаго начала нѣмецкой исторіи. Здѣсь—своеобразность и свѣжесть нашего духовнаго творчества, муравьиная неусыпность нашей промышленной дѣятельности, та цѣпкая, гибкая, обновляющая сила, благодаря которой наша національность никогда не могла быть раздавлена въ конецъ, та сила, при которой германскій духъ, казалось, раздавленный въ одномъ пунктѣ, тѣмъ могущественнѣе, въ то же самое время, уносился въ высь въ десяти другихъ. Съ другой стороны, изъ того же источника вытекали раздоръ, раздробленіе, зло партикуляризма, чего точно также никогда нельзя было сокрушить одновременно на всѣхъ пунктахъ. Въ географическомъ отношеніи духъ особности и объединительныя стремленія выражаются въ „индивидуализированной и централизованной странѣ“, изображенной мною въ первомъ томѣ этого сочиненія. Съ тѣми мѣстными группами, чью разнообразную пестроту я могъ лишь обозначить контурами, безъ оживляющихъ красокъ, сочетаются идеальныя разграниченія общественныхъ

кружковъ. Кружится голова, глядя на этотъ муравьиный разбродъ индивидуальнаго быта. Подобно тому, какъ на германскихъ народныхъ племенахъ лежитъ болѣе рѣзкій отпечатокъ обособленныхъ народныхъ единицъ, чѣмъ на членахъ какой либо другой европейской націи, такъ и обособленность общественныхъ слоевъ продолжаетъ держаться у насъ всѣхъ упорнѣе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ у насъ есть сильнѣйшій рычагъ для устраненія незаконныхъ общественныхъ граней—широкое умственное образованіе. Нація, состоящая изъ дюжинъ племенъ, государствъ и общественныхъ группъ, и въ то же время—нація эрудитовъ! Въ этой противоположности — трагическое германскаго національнаго характера. Вслѣдствіе существующей у насъ крутой борьбы между естественнымъ, прирожденнымъ духомъ особности и, не менѣе прирожденнымъ нашей расѣ, духомъ единства, наша соціальная жизнь является въ высшей степени интересной и поучительной и въ то же время крайне плачевною. Въ натурѣ нѣмца—забывать собственное горе, чтобы служить объектомъ физіологіи горя. Соціальная борьба ведется у насъ всего ожесточеннѣе. Пусть Франція будетъ исходнымъ пунктомъ грядущихъ соціальныхъ переворотовъ; но Германія, а не другая страна, будетъ центральнымъ очагомъ этихъ переворотовъ, боевымъ полемъ, гдѣ рѣшится борьба. Мы готовы платить дань уваженія каждому честному борцу въ этой битвѣ; пусть только не отрицаютъ, что для обѣихъ партій обязательно уважать коренныя свойства нѣмецкаго народа: общественный духъ особности, равно какъ и стремленіе къ соціальному единству. Потокъ времени будетъ выдвигать впередъ то или другое изъ этихъ началъ; но онъ никогда не искоренитъ ни того, ни другаго. Непредубѣжденный государственный человѣкъ съумѣетъ оградить права ихъ обоихъ. Преимущества отдѣльныхъ сословій должны сдѣлаться корпораціонными правами всѣхъ сословій. Говорю „корпораціонныя права“, потому что здравая жизнь ростетъ лишь

изъ частнаго, единичнаго. Для того, чтобы установить равноправность, которая столько же требуется новѣйшимъ государственнымъ и гражданскимъ правомъ, какъ и понятіями гуманности, уравнивающій либерализмъ отнимаетъ у всѣхъ корпоративныя права. Я же, напротивъ, всѣмъ хотѣлъ бы даровать ихъ, каждому по его потребности, ибо я уважаю и признаю въ народѣ, кромѣ стремленія къ равенству, также и духъ особности.

Извращенная, пресыщенная цивилизаціей, римская древность наканунѣ своего паденія не могла не почувствовать глубокаго почтенія къ германскимъ варварамъ, узнавъ, на какихъ глубоко нравственныхъ основахъ покоится семейная жизнь въ этомъ народѣ. Съ этою семьею, крѣпко замкнутою въ узкомъ кругѣ, мы впервые водрузили знамя нашей народной чести на сценѣ всемірной исторіи. Семья же есть прототипъ общественныхъ группъ. Въ идеалѣ средневѣковаго германскаго дворянства идея семьи разрослась въ идею сословія, какъ общественнаго класса. Тѣсно-ограниченная группа гражданскаго общества, въ контрастъ съ отдѣльною бродячею личностью, носитъ у насъ печать историческаго освященія. Она снискала нашему народу первую дань почета: она же, по справедливости, должна быть и нашей окончательной славой.

Сословная жизнь искони существовала въ нѣмецкомъ народѣ; но у насъ никогда не бывало кастъ, какъ у восточныхъ народовъ, ни даже жреческой касты. Равнымъ образомъ, владѣющая политическими привиллегіями, господствующая аристократія не принадлежитъ, по крайней мѣрѣ, первымъ временамъ нашей народной исторіи. Духъ особности и начало единства взаимно уравновѣшивались въ тѣ отдаленные вѣка, когда нравственная высота германскаго семейнаго быта внушала почтеніе римлянамъ. Какъ въ наше время объединительно дѣйствуетъ общераспространенная образованность, такъ, въ тѣ времена, къ тому же результату приводили общія сокровища народной поэзіи, хранившіяся въ обычаяхъ и сагахъ,

въ пѣсняхъ и пословицахъ. Характерно то обстоятельство, что именно въ эпоху пудреныхъ париковъ, когда общественное самосознаніе, вообще говоря, было облечено густѣйшимъ туманомъ, что въ этотъ вѣкъ была пущена въ свѣтъ басня о древне-германскомъ „союзѣ бардовъ", имѣвшемъ у себя на откупу народную поэзію, на правахъ корпораціи. Конечно, высшая образованность не есть достояніе всѣхъ и каждаго; она можетъ быть принадлежностью извѣстнаго призванія, но не общественнаго сословія или званія. Между тѣмъ знаменательнымъ для насъ представляется то, что тогдашніе ученые присвоили себѣ права какого то особаго сословія, привиллегированной касты, именно въ тѣ времена, когда въ Германіи такъ глубоко упалъ здравый корпоративный духъ. Такъ и въ исходѣ среднихъ вѣковъ, вмѣстѣ съ искаженіемъ и распаденіемъ сословнаго строя, даже стихотворцы образовали изъ себя настоящій цѣхъ.

Въ контрастъ съ этимъ, намъ представляется другой, болѣе утѣшительный признакъ. Я разумѣю, свойственное нынѣшнему времени, душевное сочувствіе высшихъ сословій къ поэзіи и напѣвамъ простолюдина, къ народной пѣснѣ. Это—общественный феноменъ, торжество объединительнаго чувства, проникающаго всѣ состоянія, а равно и торжество благороднѣйшаго духа особности. Для генія нѣтъ никакихъ общественныхъ граней, онъ шагаетъ черезъ нихъ, гдѣ онѣ ему встрѣчаются, между тѣмъ, какъ великая новѣйшая грань—образованности и необразованности—безжалостно проводитъ крѣпкую перегородку среди всѣхъ общественныхъ группъ. Такъ мы видимъ, что аристократъ поклоняется художественному народному генію, принимая, какъ драгоцѣнность, въ сокровищницу своей образованности, маленькую, простосердечную мужицкую пѣсенку. Народная пѣсня, получившая теперь право гражданства въ самыхъ блестящихъ салонахъ, похожа на радугу мира, которая возносится надъ всѣми сословіями. Реальная существенность, это—обществен-

ная раздѣльность; идеалъ—единство. Простолюдину, вкушающему хлѣбъ свой въ потѣ лица своего, Богъ даровалъ пѣсню для того, чтобы при звукахъ этой задушевной пѣсни, пресыщенный всѣми благами высшій классъ, снова могъ бы почувствовать прелесть неискаженной правды. Не напоминаетъ ли это о словѣ Писанія: „И Евангеліе будетъ проповѣдываться бѣднымъ?“.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

„Народовѣденіе", какъ основа соціальной политики.

Изученіе народа, а не изученіе государственныхъ системъ, должно быть альфою всякой политической мудрости. Безъ сомнѣнія, государственные люди протекшихъ столѣтій, въ среднемъ итогѣ, далеко уступаютъ нынѣшнимъ въ солидной школѣ образованія; но они ежечасно, зоркими глазами, всматривались въ живую народную жизнь и оттого, по крайней мѣрѣ, вели свое управленіе съ практической увѣренностью, которая нынѣ сдѣлалась весьма рѣдкою.

„Народовѣденіе" принадлежитъ еще къ не существующимъ вспомогательнымъ отраслямъ государственныхъ наукъ. Развѣ это не странно? Народъ—это матерьялъ, на которомъ долженъ испытывать себя творческій талантъ политическаго дѣятеля; народная жизнь—естественная стихія, которой онъ, какъ художникъ, долженъ придать мѣру и стройность. Какъ же вообразить себѣ политическую науку, которая начинается не съ естественной исторіи народа? Но придетъ еще время, когда въ университетахъ будутъ читать лекціи, а на государственныхъ экзаменахъ задавать вопросы о „народовѣденіи".

Въ первомъ томѣ этого сочиненія я старался представить основныя черты, и, въ видѣ опыта, разъяснялъ содержаніе соціальнаго народовѣденія Германіи. Истинная наука объ обществѣ можетъ

строяться только на фундаментѣ соціальнаго народовѣденія, гдѣ изображается народъ въ своихъ общественныхъ наслоеніяхъ, въ предѣлахъ извѣстной опредѣленной страны, извѣстнаго, опредѣленнаго періода времени. Естественно-историческое изслѣдованіе страны и населенія есть камень, долго отвергавшійся зодчими теоретическаго зданія, но который въ настоящее время снова считается краеугольнымъ.

Нынѣшнія партіи нерѣдко съ истинно комическимъ легкомысліемъ провозглашаютъ каждая о сочувствіи къ ней народа. И однакоже изъ сотенъ людей, заявляющихъ подобныя притязанія, навѣрное нѣтъ и десятка, въ комъ весь запасъ свѣдѣній о народѣ простирался бы далѣе знакомства съ той незначительной частью его, которая ихъ непосредственно окружаетъ. Изученіе народа, какъ соціальной и политической личности, не дѣлается слегка, мимоходомъ; для этого требуется цѣлая жизнь и всѣ изыскательныя способности человѣка.

Гдѣ народные органы? Ежедневная печать, говоря широко, есть лишь органъ ограниченной части народа, его образованнаго слоя. Палаты еще менѣе отражаютъ въ себѣ оригинальный складъ народной жизни, въ ея частностяхъ и разнообразіи, ибо представители самыхъ оригинальныхъ и интересныхъ народныхъ группъ, изъ нижнихъ слоевъ, какъ разъ не высказываются вовсе. Они постоянно хранятъ молчаніе. Только посредствомъ неутомимыхъ путешествій, предпринимаемыхъ исключительно для изученія всѣхъ народныхъ классовъ, только зоркою внимательностью ко всѣмъ указаніямъ, выступающимъ въ ежедневномъ быту, въ каждомъ проявленіи народнаго мнѣнія, можно постепенно достигнуть, проникающихъ въ самую суть, результатовъ касательно политическаго и гражданскаго характера опредѣленныхъ народныхъ группъ.

Клеменсъ Брентано превосходно выразился о тайнахъ природы, которыя тогда лишь „дружелюбно открываются“ путешественнику,

если въ немъ живетъ благоговѣйное чувство къ природѣ. И поэтъ говоритъ о себѣ:

„Такъ какъ чту я всякую жизнь,
Духи не бѣгутъ отъ меня!“.

Такъ и скрытыя тайны народной жизни только въ томъ случаѣ дружелюбно взираютъ на насъ и духи ея не бѣгутъ отъ насъ, если мы уважаемъ всякія проявленія жизни. Но обыкновенно всякій хочетъ уважать въ народѣ только ту жизнь, которая укладывается въ готовыя рамки его предвзятыхъ школьныхъ формулъ; оттого духи убѣгаютъ отъ него, и педантъ Вагнеръ ничего не видитъ кромѣ большаго пуделя.

Какъ не подивиться, что демократическая партія, всего чаще повторяющая слово „народъ“ и пускающая въ ходъ общее понятіе о народѣ съ лихвенными процентами, такъ мало заботится, въ своихъ періодическихъ органахъ, объ изученіи народной и общественной жизни въ ея конкретныхъ, отдѣльныхъ чертахъ? Изъ за своихъ теорій о народѣ она проглядѣла факты народной жизни. Оттого наши диллетанты просвѣщенія гораздо болѣе пригодны для воспринятія демократическаго ученія, чѣмъ непросвѣщенный простолюдинъ. Въ противуположность этой демократіи школьнаго пошиба, столь же мало могущей привлечь къ себѣ народныя симпатіи, какъ и педантическій конституціонистъ или абсолютистъ, извѣстная франція такъ называемыхъ соціалъ-демократовъ, къ великой для себя чести, предалась, съ горячимъ одушевленіемъ, изслѣдованію быта, по крайней мѣрѣ, одной частной общественной группы. Въ этомъ причина ея практическихъ успѣховъ. Конечно, соціалъ-демократы застряли въ односторонности, въ томъ смыслѣ, что относительно малый слой городскаго и фабричнаго пролетаріата у нихъ смѣшивается съ совокупностью „рабочихъ классовъ“ или даже со всѣмъ „народомъ“. И они не смогли уважить всякую жизнь. Но безспорная заслуга ихъ въ томъ,

что о соціальной физіономіи этой отдѣльной группы пролетаріевъ было оглашено и собрано гораздо болѣе свѣдѣній, чѣмъ о какой либо другой части общества. Обширная полемика, возбужденная ими по этому пункту, привела къ тому, что только здѣсь, единственно въ этой сферѣ, мы находимъ почти всегда удовлетворительный матерьялъ для извѣстнаго отдѣла въ народовѣденіи.

Тѣмъ болѣе надобно удивляться, что соціалъ-демократы, изучившіе извѣстную часть общества въ ея особности, какъ напр., парижскій рабочій пролетаріатъ, развиваютъ теорію, гдѣ вмѣсто этой небольшой группы парижскихъ пролетаріевъ, молча подставляется общество цѣлой Европы, даже цѣлаго міра. Такимъ образомъ они добровольно снова утратили лучшій плодъ своихъ изслѣдованій относительно опредѣленной народной личности пролетарія, которая лишь въ контрастѣ съ другими конкретными формами общества выказываетъ свою самостоятельность. Чѣмъ глубже будутъ изучать отдѣльныя части общества, тѣмъ скорѣе убѣдятся, что соціальная политика, долженствующая имѣть силу для всѣхъ цивилизованныхъ народовъ, сама въ себѣ заключитъ противорѣчіе, такъ какъ нѣмецкіе общественные порядки совершенно несходны съ французскими, съ англійскими и т. д.; народъ всегда и во всемъ индивидуаленъ.

Соціальная политика должна исходить изъ отдѣльнаго, частнаго, и строиться на основѣ науки о народномъ бытѣ. Для насъ каждая общественная реформа тогда лишь имѣетъ цѣну, если ею не нарушаются природная свѣжесть и своеобразіе народной жизни, потому что въ этомъ своеобразіи—народная сила. Новѣйшее время убѣдительно показало на высшихъ сословіяхъ, что рядомъ съ исчезновеніемъ оригинальности идетъ рука объ руку нравственная и общественная оцѣпенелость. Крестьяне истинно крестьянскаго закала, бюргеры съ ногъ до головы, истинно аристократическіе дворяне всегда были вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшими людьми. Вы жалуетесь, что

3*

вымираютъ цѣльныя личности, оригинальныя натуры, которыхъ было гораздо больше еще во времена нашихъ отцовъ! Но подобныя натуры сохраняются лишь въ извѣстныхъ, тѣсно замкнутыхъ, соціальныхъ группахъ. Кто вытравляетъ въ сословіяхъ свойственную имъ оригинальность, долженъ отказаться отъ оригинальности и въ отдѣльныхъ лицахъ. И однако же эти, наполовину уже вымершія, оригинальныя фигуры искони бывали настоящими знаменоносцами истинной чести и добрыхъ нравовъ въ переднихъ рядахъ гражданскаго общества.

Въ этой книгѣ я не думаю выдвигать никакой соціальной системы, никакого новаго или стараго ученія соціальной политики. Я намѣренъ собрать безпритязательныя данныя для науки о народѣ, какъ источника всякой неподдѣльной государственной мудрости. При этомъ почти исключительно приняты во вниманіе порядки гражданскаго общества въ Германіи, потому что и для общественной жизни важна грань національности. Отправляясь отъ малаго, ограниченнаго и частнаго, я желалъ бы, съ возможною полнотою житейскихъ картинъ и фактовъ, представить читателю, какое богатство разнообразныхъ наслоеній можетъ еще раскрыться даже въ новѣйшемъ обществѣ. Я желалъ бы внушить практическимъ государственнымъ людямъ, что ихъ священнѣйшая обязанность—охранять въ политикѣ это многообразіе соціальныхъ формъ, утверждать свою систему на индивидуальности все еще сильно-расчлененной народной жизни, а не обратно—ломать народную жизнь во имя заранѣе изготовленныхъ, хотя бы и превосходныхъ по идеѣ, системъ. Кто созерцаетъ новѣйшее общество сверху, съ птичьяго полета, только въ общихъ, широкихъ контурахъ, тому оно покажется нивеллированнымъ или созрѣвшимъ для полнаго нивеллированія; но кто спустится въ глубь народной жизни, черпая свои знанія изъ малаго и обособленнаго, тотъ повсюду подмѣтитъ еще весьма строго разграниченныя между собою, по самой сущности

своей, группы. Касательно роли, какая должна быть предоставлена сословнымъ группамъ въ новѣйшемъ государственномъ правѣ, можно быть весьма различнаго мнѣнія; но для всякаго неизбѣжно: либо признать существованіе и внутреннюю необходимость сказанныхъ группъ, либо имѣть мужество дойдти до послѣдняго логическаго результата въ своемъ отрицаніи, т. е. примкнуть къ социализму. Средняго термина нѣтъ.

Въ этихъ немногихъ словахъ высказана вся тенденція предлежащей книги. Авторъ поставилъ себѣ задачею наблюдать, изслѣдовать, описывать; онъ не агитаторъ и не желаетъ создавать никакой новой системы. „Общественная реформа" обратилась въ такой безсодержательный лозунгъ, что человѣкъ со вкусомъ долженъ употреблять это слово съ большой осторожностью. Въ этой книгѣ искали рецептовъ для излеченія нашихъ общественныхъ недостатковъ и не нашли таковыхъ. Но эти поиски прямо свидѣтельствуютъ, что неправильно понята настоящая тенденція книги. Она написана какъ разъ противъ людей, которые видятъ въ рецептахъ способы къ радикальному уврачеванію общества. Но, по народной поговоркѣ, такими рецептами не выманишь пса изъ подъ печи. Наша первая обязанность—уразумѣть общество, какъ оно есть; этому я и хотѣлъ способствовать; предложенія къ исцѣленію отдѣльныхъ мѣстныхъ недостатковъ вездѣ явятся сами собою. А врачъ, приступающій къ леченію главнѣйшей болѣзни, до окончанія діагнозы, есть фантазеръ или шарлатанъ. Лишь въ той мѣрѣ, по скольку въ изслѣдованіи, въ у р а з у м ѣ н і и общества могутъ таиться сѣмена общественной реформы, позволительно и теперь уже говорить о послѣдней.

Я нарочно не выставляю въ своихъ заголовкахъ общихъ категорій свободы, народнаго блага, образованія и т. п., чтобы по нимъ располагать свой матерьялъ, чтобы, согласно съ ними, строить умозаключенія о томъ, что̀ хорошо и что̀ дурно въ

нашемъ существующемъ общественномъ устройствѣ. Кто будетъ искать здѣсь приговоровъ, сдѣланныхъ на основаніи подобныхъ общихъ категорій, тотъ значитъ опять таки не понялъ руководящей идеи книги. Вѣдь я берусь очертить особенности общественныхъ группъ именно для нагляднаго доказательства, что, практически, подобныя абстрактныя категоріи не имѣютъ никакого значенія, что образованіе крестьянина совершенно иное, и должно быть инымъ, чѣмъ образованіе бюргера, что благополучіе того и другого покоится на совершенно разныхъ основахъ, что свобода всего общества достигается лишь посредствомъ возможно безпрепятственнаго развитія отдѣльныхъ группъ, въ присущей имъ оригинальности.

Меня одушевляла основная мысль совершенно другого рода, чѣмъ тѣ, столь часто подвергающіяся кривому истолкованію, отвлеченныя понятія,—мысль, которая, какъ я полагаю, заключаетъ въ себѣ и нравственную тенденцію книги. Именно, по моему убѣжденію, только возвратъ отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ сословій къ большему самоограниченію, къ болѣе вѣрному пониманію своего достоинства, обѣщаетъ улучшить общественную жизнь. Пусть бюргеръ снова проникнется желаніемъ оставаться бюргеромъ, крестьянинъ—крестьяниномъ; аристократъ пусть не считаетъ себя привиллегированнымъ существомъ и не стремится къ исключительному господству надъ всѣми. Я желалъ бы пробудить въ моихъ соотечественникахъ ту гордость, чтобы каждый съ радостью признавалъ себя членомъ того общественнаго круга, къ которому онъ принадлежитъ по своему рожденію, воспитанію, образованію, по обычаямъ и профессіи, и питалъ бы презрѣніе къ шутовскому тщеславію, съ какимъ выскочка разыгрываетъ роль аристократа, стыдясь признаться, что отецъ его былъ честнымъ сапожникомъ или портнымъ. Эту роль безсмысленнаго выскочки играютъ въ настоящее время почти всѣ сословія, исключая однихъ только настоя-

щихъ крестьянъ; оттого-то крестьяне такъ близки и дороги моему сердцу. Раскаяніе, искупленіе и обращеніе отдѣльныхъ лицъ къ лучшему—вотъ моя „реформа общества“. Въ этотъ смыслѣ, если угодно, книга моя—аскетическая, а тотъ высшій нравственный принципъ самоограниченія, какъ личности, такъ и общественныхъ группъ, есть въ то же время и христіанскій принципъ.

Прежде всего частный человѣкъ можетъ имѣть соціально-реформаціонное значеніе въ истинномъ смыслѣ слова только при томъ условіи, чтобы онъ лично подавалъ примѣръ болѣе серьезной, строгой и скромной жизни въ обществѣ и семьѣ. Уже съ давняго времени повсюду въ Германіи, какъ извѣстно, выдающіеся политическіе таланты добровольно сходятъ со сцены общественной дѣятельности, покидая палаты и государственныя должности, какъ скоро эта дѣятельность перестаетъ быть успѣшною и непосредственно-полезною. Немногіе, еще остающіеся на лицо ревнители вымершихъ политическихъ партій горько упрекаютъ своихъ друзей за это удаленіе, которое кажется имъ измѣною знамени. Мы же, напротивъ, можемъ только одобрить нашихъ лучшихъ дѣятелей за то, что они не изнашиваются безцѣльно. Правду сказать—идея объ общественной жизни и дѣятельности понимается черезъ чуръ узко... Дворянинъ въ своемъ помѣстьѣ, бюргеръ и крестьянинъ въ узкомъ кругѣ своихъ согражданъ нерѣдко могутъ въ настоящее время развернуть политическую дѣятельность, захватывающую гораздо глубже, чѣмъ это возможно для государственнаго человѣка, сидящаго въ кабинетѣ, или для депутата въ камерѣ. Нынѣшняя эпоха тѣмъ отличается отъ до-мартовской, что она лучше постигаетъ политическую стихію и безъ шуму и грому развиваетъ ее въ семьѣ, въ общинѣ, въ общественныхъ кружкахъ, тогда какъ въ ту пору эти группы прямо считались несовмѣстными съ политикою. Сдѣланъ шагъ отъ теоретической политики къ прикладной. Въ дни юной

Германіи одинъ писатель изъ этой школы провозглашалъ: „Нынѣ политическій дѣятель, по необходимости, долженъ отдѣлиться отъ семьи... Онъ долженъ сказать своей женѣ, которая хочетъ привлечь его къ себѣ и къ домашнимъ интересамъ: женщина, что мнѣ за дѣло до тебя? Я принадлежу моему вѣку, я національный гвардеецъ!“ Нынче мы скажемъ наоборотъ: именно потому, что политическій дѣятель принадлежитъ своему вѣку (для чего впрочемъ, ему нѣтъ надобности быть національнымъ гвардейцемъ) онъ не можетъ быть чужимъ ни женѣ своей, ни семьѣ, потому что домашній очагъ есть первоначальная основа его политической дѣятельности.

Вмѣсто бывшей поэтической міровой скорби выступила на сцену скорбь политическая. Стало модою уныло пожимать плечами по поводу нашего политическаго положенія и оплакивать бѣдствія нашихъ нынѣшнихъ общественныхъ дѣлъ. Не дѣлающій этого слыветъ ограниченнымъ или равнодушно-легкомысленнымъ, совершенно непатріотическимъ человѣкомъ.

А между тѣмъ несомнѣнно великимъ дѣломъ, порукою за будущность, является та черта нашего времени, что у насъ съ такимъ рвеніемъ повсемѣстно возвратились къ изученію народнаго быта. Что дѣлается теперь для церковнаго и соціальнаго излеченія общественныхъ недостатковъ—не пустяки. Постепенная, шагъ за шагомъ, помощь въ отдѣльномъ и въ маломъ здѣсь единственно вѣрный путь. Къ тому же у насъ теперь есть досугъ спокойно переварить тѣ общія политическія идеи, которыя мы безъ устали поглощали въ послѣдніе двадцать лѣтъ. Конечно, при этомъ процессѣ умственнаго пищеваренія газетныя статьи и парламентскія пренія весьма оскудѣютъ и отощаютъ. Совершенно въ порядкѣ вещей, что мы на время снова посланы въ школу самосознанія, такъ какъ въ 1848 г. мы оказались въ извѣстной мѣрѣ политически свѣдущими, но безъ политическаго воспитанія.

Такова политика современности. Столь ходячая въ прежнее время фраза о политикѣ будущаго—замолкла. Намъ приходилось выслушивать, по порядку, о новооткрытомъ театрѣ, драмѣ, богословіи, философіи, политикѣ будущаго, и постоянно въ то самое время, когда театръ, драма, богословія, философія и политика настоящаго изнывали въ плачевнѣйшемъ положеніи. О естествознаніи будущаго, напр., не кричали, потому что и такъ руки были полнехоньки драгоцѣнными пріобрѣтеніями современнаго естествовѣденія. Наконецъ, въ хвостѣ всѣхъ другихъ, теперь появились еще музыканты съ „музыкой будущаго".

Но свойство истинно-политическаго дѣятеля въ томъ, чтобы онъ держался реальной современности, не смотря на всю ея горечь и тягость, и тѣмъ менѣе сомнѣвался бы въ народной дѣятельности, чѣмъ болѣе она укрывается въ отдѣльныхъ узкихъ кружкахъ. Музыку же будущаго политическій дѣятель можетъ предоставить музыкантамъ.

Чѣмъ болѣе авторъ посвящалъ себя частному изученію народной жизни, тѣмъ сильнѣе утверждалось въ немъ убѣжденіе, что разумна лишь та политика, которая опирается на особенности народа, развившіяся съ такимъ разнообразіемъ, которая, въ своемъ реформаторски поступательномъ движеніи, ведетъ далѣе завѣщанное исторіею. И политику такого рода авторъ готовъ почтить именемъ „консервативной". Въ этой политикѣ, тѣ мелкія, скромныя мѣры окажутся величайшими, которыя даруютъ отдѣльнымъ общественнымъ группамъ такую щедрую долю самоуправленія, какая только совмѣстна съ высшей идеей государства,—которыя снова разбудятъ, почти уже утраченную, гордость, побуждающую каждаго принадлежать къ собственной общественной средѣ, а не къ какой либо другой,—чувство самодостоинства, находящее себѣ удовлетвореніе только въ своемъ кругу.

Авторъ сердечно желаетъ представить читателю въ нижеслѣдующемъ трудѣ такой матерьялъ для „народовѣденія“, который могъ бы свидѣтельствовать, что изслѣдованіе новѣйшаго состоянія общества, предпринятое съ любовью къ народу, къ его обычаямъ и образу жизни, приводитъ, въ концѣ концовъ, къ оправданію консервативной соціальной политики.

Книга первая.

Охранительныя силы.

I. КРЕСТЬЯНЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Крестьянинъ добраго закала.

Въ германскомъ народѣ имѣется непобѣдимая консервативная сила, крѣпкій, незыблемый корень, выдерживающій стойко всѣ перемѣны, и эта консервативная сила—наши крестьяне. Это истинно своеобразный, оригинальный продуктъ, свойственный только нашей странѣ. Человѣкъ образованнаго класса можетъ имѣть консервативный образъ мыслей изъ разсудочныхъ побужденій; крестьянинъ консервативенъ въ силу обычая, въ силу нравовъ. Въ соціальныхъ борьбахъ нашей эпохи крестьянину суждено было играть болѣе важную роль, чѣмъ это многіе могутъ предполагать: онъ былъ естественною плотиною, задержавшею вторженіе французскихъ революціонныхъ ученій въ низшіе народные слои. Ничто другое, какъ пассивное сопротивленіе крестьянства въ мартѣ 1848 г. спасло отъ паденія нѣмецкіе троны. Говорятъ, что революція остановилась передъ тронами; это не вполнѣ справедливо; справедливѣе сказать, что крестьяне стояли грудью передъ тронами. Но крестьянская пассивность и инерція не была случайною; она вытекала изъ коренной сущности нѣмецкаго поселянина. Въ нашемъ отечествѣ крестьянинъ обладаетъ такимъ политическимъ значеніемъ, какимъ рѣдко пользуются крестьяне въ другихъ странахъ Европы; нашъ

крестьянинъ—это будущность германской націи. Наша народная жизнь постоянно освѣжается и возрождается посредствомъ крестьянства. Если только мы не допустимъ у себя чрезмѣрнаго разростанія крестьянскаго пролетаріата, то намъ нѣтъ причины слишкомъ опасаться пролетаріата ремесленнаго и литературнаго. Относительно крестьянскаго сословія, разумная система государственнаго хозяйства—хозяйственная политика—есть вѣнецъ всякой политической мудрости, и кто, въ этой сферѣ, не изучаетъ народный обычай и условія народнаго труда — т. е. кто не изучаетъ народа въ соціально-политическомъ смыслѣ—тотъ, со всѣми своими государственными умозрѣніями, потерпитъ рѣшительное фіаско. Величайшіе промахи, сдѣланные бюрократическими государствами въ послѣдніе пятьдесятъ лѣтъ, родились оттого, что бюрократизмъ совершенно ложно разумѣлъ суть нѣмецкаго крестьянства и забывалъ ту важнѣйшую истину, что консервативная сила страны таится въ крестьянскомъ сословіи. Революція 1848 г. фактически показала намъ, какъ ложно означенное воззрѣніе. Съ другой стороны, и революціонная партія не поняла политической и общественной силы крестьянства и совсѣмъ не вникала въ его особенности. Народный вождь, умѣющій увлечь за собою крестьянъ, былъ бы по истинѣ грознымъ вождемъ; за него стояло бы дѣйствительное народное большинство—не одно только численное большинство, но также подавляющій перевѣсъ матеріальной и нравственной силы.

Я хочу на нижеслѣдующихъ страницахъ очертить физіономію нѣмецкаго крестьянина, какъ политической и общественной единицы, какъ грубое, но не подточенное червями ядро нѣмецкой народности; затѣмъ я хочу показать, какъ и гдѣ политическая и соціальная порча проникла уже и въ натуру крестьянина. Въ видѣ фактическаго свидѣтельства и объяснительнаго примѣра сюда присоединяется очеркъ той роли, какая выпала на долю крестьян-

скаго сословія въ современныхъ борьбахъ и смутахъ. Затѣмъ я желаю чтобы выводы, къ которымъ я прихожу, нашли себѣ полезное примѣненіе на практикѣ, чтобы они, какъ мораль басни, глубоко внѣдрились въ умы нашихъ государственныхъ людей, могущихъ имѣть вліяніе на судьбы крестьянства.

Только въ крестьянскомъ слоѣ исторія старо-германской народности ощутительно вторгается въ укладъ новѣйшаго времени. Крестьянинъ не изучалъ никакой исторіи, за то самъ онъ—живая исторія. Всѣ прочія сословія выступили изъ своего первоначальнаго круга, утратили свои древнія отличія передъ натискомъ общей, всеуравнивающей, цивилизаціи; наоборотъ, крестьянство, хотя и затронутое отчасти стругомъ цивилизаціи, все еще сохраняетъ свою терпкую оригинальность, какъ неуклюжее, но самостоятельное общественное зданіе. Изучать крестьянскую жизнь, тоже, что изучать исторію: крестьянскіе нравы и обычаи — это живой архивъ, неоцѣненная книга историческихъ источниковъ.

По средневѣковому раздѣленію сословій, крестьяне были четвертымъ и послѣднимъ сословіемъ. На дѣлѣ же они—самый безъискуственный, первобытный пластъ, залегшій грубыми наслоеніями, и поэтому мои общественныя картины нравовъ, я начинаю съ крестьянства.

Уже на глазъ натуралиста истый нѣмецкій крестьянинъ представляется историческимъ типомъ германскаго физическаго склада. Среди горожанъ своеобразный отпечатокъ тѣла, ума и нравовъ вырабатывается въ типъ отдѣльной личности и самое большее—отдѣльной семьи. По физической своей комплекціи, крестьяне еще различаются между собою цѣлыми группами, по округамъ и мѣстностямъ. Между ними въ одномъ округѣ больше встрѣчаются длинноногіе, въ другомъ—широкоплечіе, коренастые, какъ это возможно только въ расѣ, ограждающей себя отъ чуждыхъ примѣсей втеченіе многихъ столѣтій. Такъ въ нѣкоторыхъ гессенскихъ

мѣстностяхъ и теперь еще исключительно встрѣчаются тѣ длинные лицевые профили, съ высокимъ, нѣсколько расширяющимся къ верху лбомъ, тѣ длинные прямые носы и маленькіе глаза съ густыми бровями и рѣсницами, какіе постоянно изображаются на фигурахъ стараго живописца Якова Беккера и его многочисленныхъ учениковъ, въ ихъ извѣстныхъ сельскихъ жанровыхъ картинахъ. При сравненіи этихъ крестьянскихъ лицъ съ скульптурными фигурами марбургской Елизаветинской церкви (изъ XIII-го столѣтія) тотчасъ замѣтно, что этотъ древнегессенскій типъ лица неизмѣнно сохранился почти втеченіе шести сотъ лѣтъ, съ тою лишь разницею, что тамъ изваяны головы князей, господъ и аристократокъ, съ чертами, указывающими на неискаженный племенный отпечатокъ, тогда какъ этотъ самый типъ можно найдти нынѣ только среди тамошнихъ крестьянъ. Кто хочетъ изображать исторически вѣрно средневѣковыя лица, тотъ, вообще говоря, долженъ искать для себя моделей между крестьянами. Этимъ объясняется совершенно естественно, почему у старо-нѣмецкихъ ваятелей, въ такія времена, когда несравненно менѣе, чѣмъ въ наши дни, имѣли обыкновеніе мыслить и работать по данному шаблону, всѣ головы въ скульптурныхъ фигурахъ отличаются чрезвычайнымъ типическимъ однообразіемъ: разгадка въ томъ, что народный типъ еще не выродился тогда въ индивидуальныя лицевыя черты. Но то обстоятельство, что этотъ общій типъ сохраняется и нынѣ среди неиспорченнаго крестьянства, приводитъ насъ къ дальнѣйшему факту. Въ такъ называемомъ образованномъ мірѣ, каждый дѣйствуетъ преимущественно въ качествѣ частнаго, единичнаго лица; напротивъ, крестьяне живутъ и дѣйствуютъ группою, какъ совокупность сословія. Гансъ пашетъ землю, живетъ и думаетъ, какъ Кунцъ, но коль скоро столь многія тысячи людей одинаково пашутъ землю, одинаково живутъ и думаютъ, то это уже само по себѣ составляетъ фактъ всемірно-

исторической важности и громадною тяжестью падаетъ на вѣсы нашихъ политическихъ и общественныхъ судебъ.

Въ образованномъ мірѣ у отдѣльной личности есть своя манера—свой слогъ, и въ слогѣ отражается человѣкъ. Между крестьянами, племя, округъ, мѣстность имѣютъ свою манеру—свое нарѣчіе, свои поговорки, пѣсни, и такою манерою, свычаемъ и обычаемъ, отмѣчены большія народныя группы. Но опять таки эта мѣстная манера крестьянъ есть историческое преданіе, дорогое крестьянину. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Венгріи, напр., въ нейтраэрскомъ гешпанствѣ, крестьянскіе потомки нѣмецкихъ колонистовъ 12 и 13-го столѣтій до сихъ поръ еще распѣваютъ свои старо-саксонскіе напѣвы и пѣсни, бродя по странѣ косарями; между тѣмъ какъ образованные нѣмецкіе переселенцы въ очень короткое время позабываютъ свой родной языкъ и принимаютъ мадьярскій. Въ Америкѣ также мы видимъ, какъ долго историческій завѣтъ провинціальнаго нарѣчія звучитъ среди переселенцевъ-крестьянъ, и какъ скоро горожанинъ успѣваетъ позабыть или исказить свой родной языкъ. И если даже, въ нѣмецкихъ крестьянскихъ колоніяхъ, угасаетъ почти всякое воспоминаніе о прежнемъ отечествѣ, то всетаки нѣмецкіе библіи и молитвенники на долго хранятъ для позднѣйшихъ поколѣній дары роднаго языка. Всякій, наблюдавшій сколько нибудь крестьянскіе діалекты, знаетъ, что кромѣ древнихъ рѣченій и поговорокъ народный языкъ все еще, большею частью, черпаетъ освѣжительную струю въ этихъ книгахъ и на нихъ опирается, и тутъ пуская корни въ очень твердую историческую почву. На датскомъ островѣ Амагеръ, между голландскихъ крестьянъ, свято и съ необыкновеннымъ упорствомъ хранившихъ свое родное нарѣчіе втеченіе многихъ столѣтій, тогда лишь былъ водворенъ датскій языкъ, когда вмѣстѣ съ датскими проповѣдниками имъ были постепенно навязаны датскіе библіи и молитвенники.

Съ другой стороны кой-какія данныя могутъ убѣдить, что и крестьяне не-нѣмецкой народности, разселенные между нѣмцами, упорно сохраняютъ свою народность. Въ Лузаціи проживаютъ славяне (Венды) въ числѣ приблизительно 200,000 душъ, живущіе частыми группами среди нѣмцевъ или замкнутыя въ собственныхъ приходахъ. У нихъ есть свои школы и церкви, гдѣ учатъ и проповѣдуютъ на славянскомъ языкѣ. Какъ католики, они весьма строго держатся папы, какъ лютеране, не менѣе уважаютъ Лютера. Простолюдинъ сердится, если, въ разговорѣ, не присоединяютъ докторскаго титула къ имени реформатора; онъ всегда, съ глубокимъ почтеніемъ, говоритъ только о докторѣ Лютерѣ. Сто лѣтъ назадъ то же самое было во всей протестантской Германіи. Съ величайшей акуратностью лужичанинъ выполняетъ обряды своей церкви, и это немало способствовало тому, что онъ успѣлъ соблюсти въ такой чистотѣ свой племенной характеръ. Нѣмецкое школьное обученіе, нѣмецкій судъ и управленіе, служба въ постоянномъ войскѣ и многое другое вторгаются разрушительно въ національную замкнутость; но женщины, какъ это мы часто видимъ у племенъ, чья самобытность подвергается угнетенію—жены и матери снова вытѣсняютъ изъ мужскаго ума то, что было навѣяно ему чуждымъ вліяніемъ. Сидя у домашняго очага, женщина можетъ хранить унаслѣдованную народность, тогда какъ мужчина, въ общеніи съ чужими людьми, вынужденъ утрачивать свою рѣзкую своеобразность.

Въ саксонскомъ войскѣ образовались изъ вендовъ (лужичанъ) славянскіе, очень воинственные полки; венды вездѣ очень цѣнятся какъ прилежные рабочіе и честные слуги, и многіе слабосильныя дѣти въ Лейпцигѣ и Дрезденѣ почерпаютъ силу и здоровье изъ молока вендскихъ кормилицъ. Въ своихъ деревняхъ лужичане отлично ведутъ свое мужицкое дѣло; всѣ ихъ обычаи показываютъ, что они искони были земледѣльческимъ племенемъ. Такъ, напр.,

домашнимъ животнымъ, у нихъ, по преданію, оказывается большая честь. У каждой коровы есть свое собственное прозвище, старательно выбираемое по качествамъ скотины, а пчеламъ пересказываются, шепотомъ, всѣ важнѣйшія домашнія событія. (Послѣднее встрѣчается также и въ Вестфаліи). За то хлѣбопошество вендовъ всегда было чрезвычайно прибыльнымъ. Сосѣдніе чехи съ завистью смотрятъ на счастливыхъ вендовъ, у которыхъ каждый праздникъ и каждое воскресенье объѣдаются пирогами. Если у бѣднаго чешскаго поселянина рождается сынъ, то онъ привязываетъ его къ длинному шесту и становится лицомъ къ Лужицкому краю, для того, чтобы новорожденному жилось такъ же хорошо, какъ живется тамошнимъ вендамъ.

Главная особенность крестьянскаго языка состоитъ почти лишь въ томъ, что въ крестьянской рѣчи удержалась древняя образность и выразительность, изгладившаяся въ образованныхъ кружкахъ. Такъ крестьянинъ гораздо охотнѣе, по старомодному, обозначаетъ день мѣсяца по имени календарнаго святаго, чѣмъ сухою цифрою, мертвымъ числомъ. Въ именахъ, даваемыхъ при крещеніи, онъ усердно слѣдуетъ старымъ обычаямъ края, тогда какъ человѣкъ образованный повинуется въ этомъ случаѣ своей прихоти и фантазіи. Многія, издревле употребительныя имена, исчезли бы окончательно, если бы они не сохранились у крестьянъ, преимущественно въ сѣверной Германіи. Можно бы даже составить своего рода мѣстную статистику крестьянскихъ именъ для разныхъ мѣстностей—такъ крѣпко и въ этомъ отношеніи крестьяне держатся старыхъ обычаевъ, въ предѣлахъ мѣстныхъ границъ. Постоянный преемственный переходъ извѣстныхъ любимыхъ именъ въ одномъ и томъ же семействѣ, во многихъ мѣстахъ доселѣ строго соблюдается у крестьянъ. Прежде это часто бывало и въ средѣ нѣмецкаго дворянства, но теперь встрѣчается все рѣже и рѣже и сохранилось, какъ обычай, только еще въ княжескихъ и королевскихъ фами-

ліяхъ. Если, въ крестьянскихъ семьяхъ, остаются живыми одновременно члены нѣсколькихъ поколѣній, то для различія одноименныхъ приходится прибѣгать къ помощи цифръ, совершенно такъ, какъ въ княжескихъ домахъ. Такимъ образомъ мы слышимъ о Гансѣ I, Гансѣ II или III, или, согласно болѣе древнему обыкновенію, о Гансѣ „старшемъ, среднемъ и младшемъ.“

Въ устахъ крестьянина народныя сказанія сохранились большею частью въ чистотѣ, тамъ же, гдѣ ими завладѣли образованные, они тотчасъ подверглись искаженію и произвольнымъ украшеніямъ, т. е. изуродованію. Такимъ образомъ у однихъ уваженіе къ преданію и скромность, у другихъ — тщеславіе, стремящееся все разукрасить на свой ладъ. За все, что дошло до насъ изъ міра древнеязыческихъ суевѣрій, въ видѣ поговорокъ и обычаевъ, относящихся къ этимъ суевѣріямъ, ученые изслѣдователи почти исключительно обязаны крестьянамъ. До рубежа дальнихъ временъ, къ которымъ не восходитъ уже никакая исторія, достигаетъ одно только смутное преданіе, сохраненное намъ крестьянствомъ. Чѣмъ древнѣе сказанія, тѣмъ необходимѣе изслѣдователю обратиться къ деревнѣ.

Крестьянинъ и тамъ даже крѣпко держится историческаго наслѣдія, гдѣ было бы благоразумнѣе отъ него отказаться. Въ Шварцвальдѣ и Гюттенбергѣ, въ іюльскіе жары, онъ носитъ грузную мѣховую шапку, потому что это историческая шапка, которую носили и его предки. Въ Веттерау, около Гросенлиндена, та крестьянская дѣвка считается самою шикарною, которая носитъ на себѣ больше платьевъ, одно на другомъ. Очевидно—весьма неблагоразумно идти въ поле на работу или въ мокрую траву или на жниву въ семи, одѣтыхъ одно на другое платьяхъ, но это „исторически“. Никакіе совѣты врачей, во многихъ мѣстностяхъ, не могутъ отучить крестьянина прикрѣплять себѣ штаны кожанымъ ремнемъ, перетянутымъ наискось по животу, ко вреду же-

лудка; скорѣе можно навязать ему новый общинный законъ, чѣмъ новые подтяжки. Въ восемнадцатомъ столѣтіи, вестервальдскій крестьянинъ, не смотря на всѣ филантропическія проповѣди въ пользу картофеля, долгое время кормилъ этой овощью свиней и собакъ прежде чѣмъ онъ рѣшился поставить на свой столъ новомодное растеніе хотя бы только въ видѣ опыта. Чтобы ввести въ употребленіе кормовыя травы, нужны были многолѣтнія настоянія и проповѣди, изустныя и письменныя.—Между многими деревнями существуетъ историческая непріязнь, первоначальные мотивы которой никому уже неизвѣстны, но которая тѣмъ не менѣе указываетъ на старинное соперничество, давно утратившее всякій смыслъ. Что прежде могло быть серьезною враждою, то нынѣ сводится къ случайнымъ дракамъ и къ неизмѣннымъ, перешедшимъ по преданію, сатирическимъ прозвищамъ. Такого рода историческая непріязнь и теперь еще существуетъ, напр., между многими прирейнскими деревнями и лежащими болѣе внутрь страны сосѣдними мѣстностями. „Рейнская улитка" считается эпической издѣвкой надъ обывателями рейнской деревни, а послѣдніе честятъ за это земледѣльческаго сосѣда прозвищемъ „крота" или живущихъ въ лѣсистой мѣстности—прозвищемъ „кукушки." Однако враждебность очень упорна, потому что это наслѣдственная враждебность, и если бы какой нибудь Ромео изъ рода „кротовъ" вздумалъ посвататься на Джульетѣ изъ рода „рейнскихъ улитокъ", то это повело бы къ не менѣе серьезной безладицѣ, чѣмъ это было въ Веронѣ между благородными родами Монтекки и Капулетовъ, хотя ни одна изъ враждующихъ сторонъ уже не могла бы представить никакихъ солидныхъ резоновъ для распри. Многія деревни или же группы деревень нерѣдко отличаются, существующими съ незапамятныхъ временъ, постоянными чертами характера, напр., грубостью, драчливостью, сутяжничествомъ и т. п. — Въ одной деревнѣ при Таунусѣ, жители которой искони славились двумя пер-

выми добродѣтелями, у старостъ было обыкновеніе, также сдѣлавшееся историческимъ, сажать за драки самыхъ буйныхъ не въ мѣстную тюрьму, а въ свиной хлѣвъ, ради усиленія кары. Но въ послѣднее время правительство, для исправленія грубости общины, назначило на должность старосты „образованнаго“ человѣка, который и отмѣнилъ оригинальную кару сажанія въ хлѣвъ. Но эта непрошенная тюремная реформа крѣпко не понравилась всей деревнѣ, и жители ея обратились съ просьбою къ властямъ, чтобы къ нимъ снова назначенъ былъ въ старшины „характерный“ человѣкъ, у котораго достало бы смѣлости наказывать по праву и справедливости, „какъ это бывало прежде.“ И старшина, отмѣнившій заточеніе въ свиной закутъ, никогда не пользовался большимъ уваженіемъ, потому что свиной закутъ былъ въ деревнѣ столько же историческимъ, какъ грубость и драчливость ея обывателей. Это случилось уже въ началѣ девятнадцатаго столѣтія.

Послѣдовательныя ступени крестьянскаго сожительства и сближенія, переходъ мызъ и хуторовъ въ марки, деревни, поселки и округа совершался чрезвычайно медленно, несравненно медленнѣе чѣмъ переходы городскаго быта. Зачастую крестьянство до настоящей минуты остается застывшимъ на какой либо изъ прежнихъ ступеней развитія. Прошло много столѣтій, пока отдѣльные поселки расширились въ марки, пока марки снова сложились въ деревни. Столь медленное движеніе впередъ свидѣтельствуетъ объ исторически охранительномъ духѣ. Но, какъ сказано, крестьяне не вездѣ шли впередъ и этимъ медленнымъ путемъ. Какъ извѣстно, система отдѣльныхъ мызъ вмѣсто деревень сохраняется еще во многихъ мѣстахъ Германіи, и точно также извѣстно, что крестьяне-мызники суть вѣрнѣйшіе хранители вѣковыхъ обычаевъ, истинно историческіе крестьяне. Въ другихъ мѣстахъ крестьяне застыли даже въ переходномъ состояніи—тамъ, гдѣ марки сложились въ слишкомъ большое число чрезвычайно маленькихъ

деревень. Это мы видимъ въ Вестервальдѣ. То обстоятельство, что тамъ находятся деревни съ 6—9 домами, при 40—50 жителяхъ, причемъ, однако, поселки расположены такъ густо, что цѣлая ихъ дюжина составляетъ одинъ приходъ, — вполнѣ разъясняютъ для насъ извѣстія старыхъ писателей, въ родѣ разсказа Фульдскаго лѣтописца. Послѣдній передаетъ, что 3-го іюля 875 г., деревня Аскабрунно (Эшборнъ), въ округѣ Ниддагау, была совершенно разрушена и уничтожена внезапной грозой, а жители всѣ погибли, такъ что не осталось даже никакихъ слѣдовъ отъ деревни. Соединеніе столь многихъ мелкихъ поселковъ въ болѣе крупныя общины произведено было силою внѣшнихъ событій, а никакъ не по уговору самихъ обывателей. Почти вездѣ, гдѣ старые поселки слились въ села большаго размѣра, далеко отстоящія одно отъ другаго, исторія или преданія повѣствуютъ о большомъ числѣ исчезнувшихъ деревень, относительно которыхъ съ достовѣрностью можно доказать, что онѣ были уничтожены въ средневѣковыхъ распряхъ, во время крестьянской или тридцатилѣтней войнъ, или отъ чумной эпидеміи, и т. п. Нѣтъ сомнѣнія, что до настоящаго времени не совершился бы этотъ переходъ въ болѣе крупныя общины, если бы жители не были вынуждены къ тому давленіемъ событій. Даже къ радикальнымъ хозяйственнымъ реформамъ нерѣдко могли подвинуть крестьянина только война или голодъ. Такъ во многихъ пунктахъ Германіи до самаго 17-го столѣтія господствовало крайне неестественное преобладаніе винодѣлія, на совершенно неблагодарной почвѣ. Когда же, въ тридцатилѣтней войнѣ, страна была опустошена и нужно было, какъ бы сначала, приняться за обработку земли, тогда винодѣліе ограничилось болѣе благопріятными для него мѣстами. Это одна изъ очень немногихъ выгодъ той плачевной войны. Но именно только война и могла съ успѣхомъ явиться въ роли великаго реформатора политико-экономическихъ отношеній и склонить цѣлые округа къ прогрессивному шагу

„раздѣленія труда“ съ одной стороны, и къ „соединенію производительныхъ силъ“ съ другой. Крестьянинъ упорнѣе всѣхъ медлилъ шагнуть отъ семейной жизни къ общинной, а возвыситься съ полнымъ сознаніемъ отъ общинной идеи къ идеѣ государства ему не удалось еще и доселѣ. Такимъ образомъ нѣмецкій крестьянинъ вполнѣ націоналенъ душою и тѣломъ, умомъ, сердцемъ и обычаемъ, но сознательная идея національности навѣрное еще не созрѣла въ немъ, тѣмъ болѣе, что въ своемъ тѣсно-ограниченномъ быту, онъ вовсе и не нуждается въ ней. Его точка зрѣнія относительно государства и національности есть, такъ сказать, состояніе чистѣйшей невинности; онъ не вкусилъ еще отъ древа познанія; въ историческомъ обычаѣ для него весь политическій катихизисъ. Здѣсь я выставляю это положеніе въ общемъ смыслѣ, хотя ниже мы увидимъ, что оно уже не вездѣ примѣнимо, и что именно на исключеніяхъ можно построить важные выводы.

Впрочемъ, говоря объ историческомъ „благочестіи“ крестьянина, не слѣдуетъ забывать, что это „благочестіе“ очень односторонне и въ сущности ограничивается лишь тѣмъ, что касается крестьянина прямо и непосредственно. Онъ смотритъ съ величайшимъ уваженіемъ на старый разваливающійся домъ, построенный его дѣдушкою, и въ которомъ онъ не дѣлаетъ никакихъ улучшеній, никакихъ перестроекъ, но къ замѣчательнымъ развалинамъ феодальнаго „бурга“, что̀ возвышаются надъ деревнею, онъ не питаетъ ни малѣйшаго уваженія и совершенно равнодушно выбираетъ изъ него камни, чтобы устроить ограду для своего сада, или ломаетъ художественную скульптурную работу готическаго собора, до которой „ему нѣтъ дѣла“, чтобы замостить деревенскую улицу. Онъ вѣдь не учился никакой исторіи, онъ не изслѣдователь, не антикварій; его обычаи—вотъ его исторія, и древность, внушающая ему уваженіе—это онъ самъ и все, что съ нимъ связывается. То же слѣдуетъ сказать объ историческихъ преданіяхъ и сагахъ,

хранящихся въ устахъ крестьянина. Они лишь въ той мѣрѣ сохранились въ свѣжести, по скольку касаются крестьянскаго быта. Въ мѣстностяхъ, гдѣ уцѣлѣлъ истый крестьянскій духъ, живутъ еще отголоски средневѣковыхъ отношеній крѣпостнаго права въ безчисленныхъ обычаяхъ и рѣченіяхъ, но тщетно будете вы искать у крестьянина указаній изъ исторіи германской имперіи или хотя бы даже изъ исторіи его собственнаго королевскаго дома. Онъ вамъ можетъ еще хорошо объяснить, что такое были „цѣлыя и половинныя тягла“, что такое были цѣльныя и раздѣленныя мызы; въ Гессенѣ доселѣ еще слышится рѣченіе, что „четыре коня составляютъ одного мужика“, и, по преданію о барщинѣ, несенной въ старое время, говорятъ о „трехдневныхъ, о четырехдневныхъ крестьянахъ“; но безполезно выспрашивать у крестьянъ, кто былъ Карлъ Великій, кто былъ Фридрихъ Барбаросса, если только какой нибудь школьный учитель не занесъ къ нимъ эти свѣденія.

Старая крѣпостная зависимость, бывшая истиннымъ благодѣяніемъ въ странѣ, еще большею частью нуждавшейся въ колонизаціи, съ очень рѣдкимъ и разбросаннымъ населеніемъ, немало способствовала къ тому, чтобы отклонить крестьянина отъ бродяжничества и развить въ немъ, для будущихъ поколѣній, свойственную ему нравственную выдержку. Долгій періодъ крѣпостнаго права, не дозволилъ, по крайней мѣрѣ, развиться въ крестьянствѣ привычкамъ пролетаріата, ибо, въ эпоху крѣпостничества, онъ, всетаки имѣлъ обезпеченный кусокъ хлѣба отъ своихъ господъ. Крестьяне-рабы германской древности отнюдь не были движимой собственностью, въ родѣ новѣйшихъ негровъ-невольниковъ, которыхъ, по произволу, выводятъ на рынокъ и продаютъ тѣмъ, кто заплатитъ дороже. Они считались прикрѣпленными къ господской семьѣ, въ качествѣ опредѣленной собственности, были отчуждаемы чрезвычайно рѣдко и зачастую вели самостоятельное хозяйство на участкѣ, который предоставлялся имъ въ постоянное пользованіе,

только на условіяхъ оброка или барщины въ пользу господъ. Правда, что только въ новѣйшее время образовалось свободное и самостоятельное нѣмецзое крестьянство; но уже отъ своего отдаленнаго предка, который былъ крѣпостнымъ и въ древнѣйшія времена даже рабомъ, крестьянинъ унаслѣдовалъ однако лучшую основу независимости—привычку къ осѣдлости.

Исторія нашего крестьянства богата изумительными фактами. Средневѣковые крестьяне, въ борьбахъ и насильственныхъ потрясеніяхъ того времени, почти всегда подвергались злѣйшему угнетенію. Гдѣ пировалъ рыцарь, тамъ у мужика было похмѣлье. Онъ стоялъ безъ защиты, очень часто безъ правъ, безъ оружія въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣднее рѣшеніе всего болѣе зависѣло отъ силы оружія. „Ложись плашмя и да поможетъ тебѣ Богъ“—такова старая крестьянская поговорка, раскрывающая всю политику баззащитнаго крестьянина. И однакоже, онъ не погибъ ни въ общественномъ, ни въ нравственномъ смыслѣ, подъ давленіемъ всяческаго страданія и горя. Напротивъ, средневѣковый гнетъ сдѣлался для нѣмецкаго крестьянства житейскою школою, въ которой выработалась одна изъ его драгоцѣннѣйшихъ добродѣтелей—его безконечная стойкость. Но если бы кто нибудь вздумалъ вывести изъ этого факта—а такой выводъ не далѣе полувѣка назадъ былъ въ довольно большомъ ходу—что крестьянина, значитъ, нужно только хорошенько прижимать и давить, чтобы у него сохранились добрыя свойства—тотъ ступилъ на самый ложный и превратный путь. Конечно, для управляющихъ, повидимому, очень удобно имѣть подданныхъ, чье политическое исповѣданіе гласитъ: „Ложись плашмя, и да поможетъ тебѣ Богъ!“ Но при этомъ не нужно забывать, что прекраснѣйшее крестьянское населеніе, лучшіе образчики нѣмецкаго крестьянства, какъ напр., классическіе вестфальскіе мызники, пользовались наибольшею долею свободы въ средніе вѣка. Въ ту пору, среди остальныхъ крестьянъ, они играли роль импер-

скихъ городскихъ патриціевъ; у нихъ было свободное общинное управленіе, установленное по стародавнымъ обычаямъ, право собственнаго суда, а подати ихъ были умѣренны. И эти, искони свободные, поселяне являются нынѣ всего болѣе консервативными, прототипомъ историческаго германскаго крестьянина. На нихъ видно, чѣмъ могло бы сдѣлаться наше крестьянское сословіе, если бы повсюду было ему предоставлено свободное, самобытное развитіе. Такъ нѣмецкій орденъ въ Пруссіи, дарованіемъ такъ называемаго „Кульмскаго права", создалъ свободное крестьянское сословіе, совершенно неизвѣстное въ другихъ краяхъ Германіи, и потомки этихъ счастливыхъ крестьянъ, выдвигавшихся до послѣдняго времени подъ именемъ „кульмишанъ" и „прусскихъ бѣлопашцевъ", втеченіе столѣтій были образцомъ здороваго крестьянскаго типа, образцомъ честнаго старо-крестьянскаго закала и строя. Герои нѣмецкой крестьянской исторіи, штедингерцы и дитмарсы, были свободными поселянами; они не ложились плашмя, ожидая Божьяго заступничества, но шли на бой и на смерть за свою свободу и свои старинныя права: характерическое крестьянское упорство возрасло въ нихъ до героизма. Въ мѣстностяхъ, гдѣ они жили, и теперь еще живетъ здоровое строго-консервативное крестьянство. Наоборотъ, во многихъ мелкихъ территоріяхъ Южной Германіи, гдѣ долгіе вѣка съ крестьянина снимали двойную шкуру, тамъ искалѣченный, мрачный мужиченка все еще не можетъ набраться силы и самоудовлетворенія. При этомъ онъ все таки склоненъ къ шуму и безчинствамъ при малѣйшемъ поводѣ.

Истый крестьянинъ не можетъ понять мягкосердечнаго новѣйшаго права наслѣдія, по которому все достояніе раздѣляется между всѣми дѣтьми, для того, чтобы никому не досталось ничего истинно цѣннаго. Гдѣ уже упразднились собственно крестьянскіе маіораты, тамъ, по крайней мѣрѣ, имущество нерѣдко дѣлится между дѣтьми по жребію, чтобы отеческій участокъ оставался въ однихъ ру-

кахъ. Гдѣ путемъ закона хотятъ противодѣйствовать этимъ жеребьевымъ надѣламъ или маіоратамъ, тамъ скоро убѣждаются, что для крестьянина обычай выше закона. Въ случаѣ нужды онъ такъ крѣпко держится обычая, что изъ уваженія къ нему впадаетъ въ безнравственность. Такъ на нижнемъ Майнѣ, гдѣ давно уже во всей силѣ господствуетъ раздробленіе поземельныхъ участковъ, есть нѣсколько деревень, неутомимо ратующихъ противъ поземельнаго раздробленія. За то въ этихъ деревняхъ никогда не слыхано, чтобы у кого либо рождалось болѣе двухъ дѣтей. Для сохраненія обычая, принесена въ жертву нравственность; общины цвѣтутъ и богатѣютъ, а пасторы — гремятъ проповѣдями противъ вытравленія плода.

Въ мѣстностяхъ, гдѣ еще властвуетъ старый крестьянскій обычай, браки, заключаемые между крестьянами изъ личнаго или сословнаго разчета, или сословной политики, относительно, такъ же часты, какъ политическіе или имущественные браки между государями и аристократами. На первомъ планѣ стоитъ связь имуществъ, а затѣмъ сердечная связь. Если, въ Вестфаліи выходитъ замужъ „дѣвушка-наслѣдница", то уже одинъ обычай фамильныхъ прозвищъ показываетъ, что здѣсь главное дѣло—наслѣдованіе имущества. Потому что мужчина, вступившій въ бракъ, принимаетъ фамилію жены, принесшей ему наслѣдство (какъ это нерѣдко бываетъ при выходѣ замужъ наслѣдницъ старыхъ династій) и только сзади пристегиваетъ уже свою первоначальную фамилію, съ прибавкою „урожденный", какъ это дѣлаютъ иногда жены. Въ такомъ родѣ: „Іостъ Мюллеръ, урожденный Шмидтъ".

Если крестьянинъ не расположенъ къ новизнамъ, то самая простая причина подобнаго равнодушія въ томъ, что вѣдь не онъ дѣлаетъ теоретическихъ опытовъ, которые очень дешевы, а на его долю выпадаютъ убыточные для его кошелька практическіе опыты. Объ этомъ различіи слишкомъ часто забываютъ наши сельско-хозяйствен-

ные теоретики, жалующіеся на тупость крестьянъ. Поэтому, очень понятно, что упрямый крестьянинъ не придаетъ большой цѣны теоретическому знанію. Нижнерейнская поговорка какъ нельзя нагляднѣе показываетъ, какъ мало добраго видитъ крестьянинъ въ наукѣ и въ учености. Тамъ говорится: „Никогда не поздно учиться, сказала старуха—и начала учиться колдовству“.

Что слишкомъ упорный характеръ переходитъ въ зловредное упрямство, свидѣтельствуетъ сутяжничество, страсть къ тяжбамъ, господствующія между поселянами. Для любителя тяжбъ его судебный споръ есть дѣло чести, за которое онъ стоитъ изъ чистаго упрямства, хотя съ перваго же дня онъ знаетъ, что изъ тяжбы не выйдетъ ничего путнаго. Истый сутяжникъ—а цѣлыя мѣстности заражены этой деревенскою язвою—часто вчинаетъ процессъ единственно для того, чтобы доказать своему противнику, что онъ умнѣе его и болѣе свѣдущъ въ законахъ. Онъ точно также считалъ бы для себя постыднымъ отступить передъ мыслью, что издержки процесса, по всему вѣроятію, далеко превзойдутъ стоимость спорнаго предмета, какъ дуэлистъ считаетъ постыднымъ бѣжать передъ опасностью смерти и ранъ въ виду ничтожности повода къ ссорѣ. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что кромѣ упорства и невѣжества крестьянъ, въ основаніи этого сутяжничества лежитъ нерѣдко замѣчательное стремленіе къ славѣ непобѣдимаго дѣльца и законника. Законъ опять таки равнозначителенъ для него обычаю, а гордость его въ томъ, чтобы вѣдать всякій обычай. Это могло бы служить знаменательнымъ указаніемъ для законодателей, весьма рѣдко, однако, заботящихся о живомъ юридическомъ смыслѣ крестьянъ. Если бы наше судебное дѣлопроизводство было народнѣе и проще, тогда едва ли бы можно было выставлять крестьянскіе процессы исключительно какимъ-то смѣшнымъ донъ-кихотствомъ, какъ это мы видѣли въ одномъ юмористическомъ романѣ изъ народнаго быта.

Крестьянинъ никакъ не хочетъ покидать формъ, въ которыя уложилась его жизнь. Такъ онъ вчинаетъ свои процессы не весною, а зимою, влюбляется, обручается, женится зимою, потому что лѣтомъ у него нѣтъ для всего этого времени. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ нассаускомъ гарнизонномъ городѣ Вейльбургѣ былъ взятъ въ рекрута одинъ крестьянскій парень, изъ бѣднѣйшей и самой захолустной мѣстности гористаго Вестервальда, гдѣ доселѣ, вообще говоря, господствуетъ еще самая низшая степень культуры, напоминающая сѣдую древность. Упомянутый парень никогда во всю свою жизнь не спалъ въ постели, и когда въ казармахъ ему впервые пришлось улечься въ постель, онъ началъ плакать какъ ребенокъ и дважды дезертировалъ, потому что онъ не могъ освоиться съ мыслью объ отдыхѣ на кровати, и вообще со всѣмъ образомъ жизни въ казармахъ, слишкомъ для него роскошнымъ и стѣснительнымъ. Онъ не могъ подавить въ себѣ тоски по родинѣ, желанія возвратиться къ убогимъ глинянымъ хижинамъ, съ соломенными кровлями. Безъ сомнѣнія, подобный деревенскій дикарь мало похожъ на городскаго пролетарія, который навѣрное не сталъ бы дезертировать изъ за чрезмѣрнаго улучшенія его обычнаго образа жизни.

Нигдѣ религіозныя противорѣчія не пустили столь глубокихъ корней, какъ въ крестьянинѣ. Для него и религія—не догматъ, а обычай, обрядность. Она окрасила всѣ его привычки своеобразнымъ цвѣтомъ; вѣроисповѣданіе, которому онъ слѣдуетъ, слышится въ его празднествахъ, въ его пѣсняхъ и поговоркахъ, оно проглядываетъ даже въ одеждѣ, такъ какъ истый крестьянинъ въ протестантскихъ странахъ предпочитаетъ одноцвѣтное темное платье, а въ католическихъ—свѣтлое и пестрое. Подобно тому, какъ религіозный индеферентизмъ въ образованномъ классѣ, такъ фанатическое сектантство очень часто находитъ въ крестьянствѣ самую благодарную для себя почву. Только въ новѣйшее время крестьянинъ

кое-гдѣ дошелъ до „просвѣщеннаго“ понятія, что религія не есть вѣковѣчный обычай, а личное, задушевное убѣжденіе.

Съ упорною неподатливостью крестьянина на новое и чужое связывается большое сознаніе собственнаго достоинства, гордая увѣренность въ своемъ общественномъ значеніи. Неиспорченный крестьянинъ не стыдится своего званія; онъ, напротивъ, гораздо болѣе склоненъ оцѣнивать низко каждаго, на комъ нѣтъ армяка. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ(между прочихъ, и во французскихъ мѣстностяхъ) господствуетъ обычай, чтобы поселяне въ извѣстные праздники украшали статуи святыхъ крестьянскими одеждами. Для крестьянина, мужицкая одежда есть драгоцѣннѣйшее парадное платье, даже для святыхъ.

Крестьянинъ считаетъ головную боль самой легкой болѣзнью, потому что головная работа кажется ему самою легкою и наименѣе нужною. Въ буряхъ 1848 г. тирольскіе крестьяне полагали, что они могутъ прекрасно управиться съ своими дѣлами безъ „господъ“, если только имъ не будутъ мѣшать. Крестьянинъ здраваго закала вовсе не завидуетъ знатному, онъ скорѣе считаетъ барина нѣсколько легкомысленнымъ, не солиднымъ. Исторія много разсказываетъ о крестьянскихъ мятежахъ всякаго рода, посредствомъ которыхъ угнетаемый и раззоряемый поселянинъ думалъ улучшить свою судьбу; но въ нихъ вовсе нѣтъ стремленія выступить изъ черты своего званія и занятій, никогда не существовало желанія сдѣлаться бариномъ, покинуть плугъ, чтобы перейдти въ болѣе спокойное состояніе рентьера или капиталиста или парижскаго государственнаго тунеядца, живущаго на счетъ казны. Этому совершенно чуждъ нѣмецкій крестьянинъ. Наоборотъ, двигательный рычагъ общественныхъ смутъ въ низшихъ слояхъ городскаго населенія заключается именно въ томъ, что низшее сословіе, низшій промыселъ завидуютъ высшимъ, что мелкій рабочій стыдится своего ремесла. Фабричный рабочій, ремесленникъ желаетъ не только воз-

вышенія своей заработной платы—этого желаетъ и крестьянинъ; нѣтъ, ему желательно перестать быть рабочимъ и ремесленникомъ, онъ стыдится этого, онъ также хотѣлъ бы сдѣлаться большимъ господиномъ. Въ этой жалкой зависти, проходящей черезъ всѣ общественные классы, до самыхъ высшихъ, лежитъ наиболѣе презрѣнная и безнравственная причина соціальныхъ смутъ. Крестьянинъ еще не знаетъ этой зависти, онъ одушевленъ еще благородной гордостью сословнаго духа, которымъ прежде былъ проникнутъ и ремесленникъ, отчего послѣдній былъ гораздо достойнѣе уваженія и полезнѣе, чѣмъ это, во многихъ случаяхъ, бываетъ нынѣ. Когда семиградскій саксъ хочетъ выразить свое уваженіе къ кому либо, онъ говоритъ: „это одинъ изъ нашихъ". Если одѣтый во фракъ третируетъ высокомѣрно „сермяжника", то у послѣдняго на это всегда есть въ запасѣ мѣткая фраза; „не будь мужиковъ, вамъ бы нечего было ѣсть". И крестьянинъ никогда не долженъ бы забывать этой фразы; это гордое слово, на которое онъ можетъ опираться.

Въ новѣйшее время крестьянинъ сдѣлался модною фигурою въ изящной литературѣ. О значеніи этого факта для естественно-историческаго изученія народа, я высказался уже въ моей книгѣ „Land und Leute". Но отсюда можно вывести еще двоякое заключеніе. Не разъ уже изящная литература предчувствовала далеко идущія вліянія какой либо политической силы, прежде чѣмъ взоръ практическихъ государственныхъ людей умѣлъ оцѣнить ее. Поэтому можно сказать, что теперь, въ деревенскихъ разсказахъ и романахъ, стучатся въ дверь крестьяне, такъ какъ недалеко время, когда обнаружится въ жизни вся вѣскость ихъ политическаго вліянія. Но съ другой стороны, изъ указаннаго факта, можно также заключить, что бездна, раздѣляющая образованнаго отъ поселянина, расширилась чрезвычайно, такъ какъ своеобразіе крестьянской жизни, къ удивленію, представляется столь новымъ

и пикантнымъ, что въ нынѣшнее время имъ пользуются даже какъ самой тончайшей пряностью для приправы романической литературы, и такъ уже насыщенной всякими пряностями. Но въ большинствѣ деревенскихъ разсказовъ (не исключая разсказовъ Ауэрбаха), рядомъ съ чертами, вѣрными природѣ и дѣйствительности, слышится совершенно ложный тонъ въ изображеніи нравственной жизни крестьянства. Крестьянинъ безконечно далекъ отъ всякой новѣйшей сантиментальности и романтики чувства; для этого онъ выточенъ изъ слишкомъ жесткаго матеріяла,—въ сердечныхъ дѣлахъ онъ даже зачастую прямо является грубымъ. Только одинъ Іеремія Готтельфъ умѣлъ изображать это въ нагой, ужасающей правдѣ, при чемъ, безспорно и то, что поэтическая муза подчасъ движется по колѣна въ навозѣ. Для крестьянина, семья—святыня, но напрасно искать у него нѣжныхъ родительскихъ, братскихъ или супружескихъ чувствъ, какія предполагаются въ образованномъ классѣ. Къ сожалѣнію, слишкомъ достовѣрно, что, напр., безучастіе взрослыхъ дѣтей къ престарѣлымъ родителямъ возрастаетъ въ деревняхъ весьма сильно, особенно тамъ, гдѣ родители, съ наступленіемъ старости, отдаютъ все свое имущество въ руки дѣтей, выговаривая себѣ такъ называемое „содержаніе", т. е. пропитаніе и уходъ до своей смерти. Чѣмъ бываетъ частенько это содержаніе, свидѣтельствуетъ крестьянскій афоризмъ: „Не раздѣвайся прежде, чѣмъ не наступитъ время сна". Но это отсутствіе піэтизма порождается всего чаще грубостью чувства, а не нравственною испорченностью.

Замѣчательно также, что изъ многихъ притчей и моральныхъ повѣстей въ устахъ крестьянъ ни одна не пользуется такимъ распространеніемъ и не имѣетъ столько варіантовъ, какъ исторія о неблагодарныхъ дѣтяхъ, заставляющихъ своего дряхлаго отца, которому они обязались „содержаніемъ", ѣсть изъ деревяннаго корыта потому, что пища не разъ вываливалась у него изъ дрожа-

щихъ рукъ. Однажды они замѣтили, что ихъ собственный мальчикъ вырѣзываетъ изъ дерева маленькое корыто, и когда они спросили, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, тотъ отвѣчалъ, что онъ будетъ кормить изъ него своихъ родителей, когда впослѣдствіи они, въ свою очередь, перейдутъ къ нему на содержаніе.

Равнымъ образомъ и братская любовь во время и послѣ жеребьеваго раздѣла отцовскаго имущества выступаетъ на дѣлѣ не въ очень блестящемъ свѣтѣ. Бракъ понимается крестьяниномъ съ весьма прозаической точки зрѣнія. Деревенскія дѣвушки выходятъ замужъ, большею частью, весьма рано, и первые годы брака для нихъ—цѣпь труда и невзгодъ; онѣ скоро старѣются и дурнѣютъ. Не много въ этомъ крестьянскомъ супружествѣ отыщешь той романтики, которая изображается деревенскими нувеллистами. Въ критическія минуты крестьянинъ иногда читаетъ своей женѣ страницу изъ Пуффендорфа или нѣсколько стиховъ изъ Клопштока, и при этомъ вовсе не поднимается никакого шума. Въ то время, какъ наши деревенскіе поэты переносятъ на крестьянина ихъ собственную сердечную жизнь, ими какъ разъ изглажена одна изъ самыхъ выдающихся чертъ крестьянства, та именно, что у сельчанъ супружескій обычай замѣняетъ личное чувство. Къ тому же въ нашей литературѣ изъ сельскаго быта крестьянинъ почти всегда изображается какъ существо, нѣсколько болѣзненное въ общественномъ смыслѣ, наполовину искалѣченное до образа пролетарія, уже зараженное городскимъ отрицательнымъ духомъ относительно общества, государства и церкви. Прежде вообще замѣчалась въ литературѣ большая наклонность—выставлять и въ этой сферѣ общественную почву подрытою, крестьянскіе нравы въ разложеніи, охранительную первобытную силу государства на переходѣ въ нѣчто разрушительное. Однако событія послѣднихъ лѣтъ доказали намъ, что при этомъ изображался не германскій крестьянинъ, а его выродокъ, уже измѣняющій истинному духу крестьянства. Безспорно,

что Іеремія Готтельфъ съ необыкновенною, доходящею до ужаснаго, правдивостью живописалъ крестьянина добраго и дурнаго типа. Какъ спеціальные, естественно-историческіе этюды, его нравоописательныя картины имѣютъ высокую цѣнность. Но ни одинъ новѣйшій писатель не разумѣлъ такъ духа крестьянства, какъ особого сословія, не рисовалъ его такъ мѣтко на фонѣ общенародной жизни, какъ старый Юстусъ Мезеръ, который самъ имѣлъ много родственнаго съ крестьянствомъ въ своемъ терпкомъ, прямодушномъ характерѣ, въ своихъ понятіяхъ, воспитанныхъ на гранитной скалѣ обычая. Онъ смотрѣлъ на крестьянъ не черезъ оперную подзорную трубу, ради литературныхъ этюдовъ изъ деревенской жизни, а, подобно Готтельфу, дѣйствовалъ и жилъ съ ними и между нихъ.

Если въ разработкѣ умственной и сердечной жизни крестьянинъ отсталъ отъ такъ называемыхъ „образованныхъ“, за то онъ, во всякомъ случаѣ, превосходитъ ихъ нервною силою, а это, по моему, тоже составляетъ духовное превосходство.

Въ сужденіяхъ о нашемъ духовномъ культурномъ состояніи обыкновенно упускаютъ изъ виду значеніе нервной силы. Старинные поэты, живописцы и ваятели имѣютъ то преимущество передъ новыми, что въ нихъ таилась несравненно большая свѣжесть и полнота неистраченной нервной силы, для которой не составляетъ эквивалента наше очищенное критическое самознаніе, наша, поднявшаяся на высоту, умственная и сердечная жизнь. Геніальность Шекспира, Микель-Анджело, Генделя и Себастьяна Баха покоится на богатствѣ неиспорченной нервной силы; точно также и въ Гете насъ еще освѣжаетъ мысль, какіе здоровые нервы были у этого человѣка, тогда какъ новѣйшая „геніальность“ очень часто не означаетъ ничего другого, кромѣ болѣзненной раздражительности нервной системы. Да и соціальныя фантастическія бредни коренятся въ значительной мѣрѣ въ разстроенной нервной системѣ нашего

городскаго люда, вплоть до пролетарія. Въ противуположность нервному слабосилію уравнительныхъ утопій, вытекшихъ изъ безнадежнаго недовѣрія соціалистовъ-рабочихъ къ силѣ собственной воли, старинная крестьянская поговорка гласитъ: „Самъ управляйся съ собою!“. Вотъ въ чемъ нервная сила. Нашимъ отцамъ и дѣдамъ жилось, конечно, гораздо хуже, чѣмъ намъ; они жили въ гораздо болѣе печальныя времена, однакожъ имъ не было въ привычку отчаяваться (вѣдь ученіе соціальной демократіи есть ничто иное, какъ отчаяніе отдѣльнаго лица въ своемъ нравственномъ мужествѣ, возведенное въ систему)—они владѣли еще такими же крѣпкими нервами, какъ крестьяне, и потому перебивались, съ Божьею помощью, подобно послѣднимъ. Крестьянинъ вовсе не такъ мускулистъ, какъ думаютъ; у него грубыя кости, грузность, но не особенно эластическіе мускулы; за то онъ обладаетъ крѣпкими нервами и, какъ результатомъ этого, сильной нравственной выдержкой. Оттого онъ не можетъ понять, зачѣмъ это горожанинъ ходитъ на прогулку, что̀ дѣлается послѣднимъ большею частью для освѣженія утомленныхъ нервовъ;—на взглядъ же крестьянина, прогулка—величайшая глупость, такъ какъ у него превосходно укрѣпляетъ нервы работа. Какъ, въ этомъ отношеніи, онъ счастливъ сравнительно съ изможденнымъ городскимъ рабочимъ!. Поэтому, нельзя не радоваться, что многіе, родившіеся въ деревнѣ, младшіе крестьянскіе сыновья переходятъ въ ремесленное сословіе, потому что этимъ путемъ прививается къ городскому люду новый запасъ нервной силы; сама же деревенская община предохраняется отъ чрезмѣрнаго раздробленія поземельныхъ участковъ и нераздѣльно связаннаго съ этимъ картофельнаго питанія, ослабляющаго нервы. Одинъ, еще здравствующій, извѣстный юристъ, какъ младшій крестьянскій сынъ, предназначался своимъ отцомъ къ изученію мясницкаго ремесла. Но такъ какъ юноша, отличался нѣкоторой слабонервностью, и не могъ видѣть крови, то старикъ объявилъ, что онъ долженъ обу-

чаться юриспруденціи, говоря, что парень слишкомъ плохъ для того, чтобы учиться чему нибудь путному. Это вполнѣ правильный взглядъ, потому что самое лучшее въ неиспорченномъ простолюдинѣ—его нервная сила. Это пунктъ, на которомъ онъ большею частью имѣетъ духовное превосходство надъ высшими сословіями, и навѣрное, что вмѣсто отличнаго ученаго юриста изъ юноши вышелъ бы весьма посредственный мясникъ.

Какъ извѣстно, у нѣмецкаго крестьянина есть немалая доля природнаго остроумія, соединеннаго съ такою хитростью и сноровкою въ практическихъ дѣлахъ, что нерѣдко онъ приводитъ въ изумленіе самаго искуснаго адвоката. Но замѣчательно, что и это природное остроуміе тотчасъ покидаетъ крестьянина, какъ только онъ очутится въ чуждыхъ для него отношеніяхъ. Въ такомъ случаѣ исчезаетъ даже его упорная недовѣрчивость, его осмотрительность въ сужденіи и рѣшимость въ поступкахъ. Тотъ самый крестьянинъ, который, въ своемъ обычномъ настроеніи, не приметъ отъ васъ ни однаго крейцера, покамѣсть шесть разъ не взвѣситъ его на своей рукѣ, который ни за что не ввѣритъ своего имущества чужому человѣку, если онъ не съѣлъ съ нимъ пуда соли, тотъ же самый крестьянинъ съ баснословнымъ легкомысліемъ отдается во власть всякихъ надуваль, какъ только онъ разъ порвалъ съ своимъ прежнимъ бытомъ и принялъ рѣшеніе переселиться въ новыя страны. Словно подъ влеченіемъ темной судьбы, онъ бросается очертя голову въ потокъ эмиграціи и какъ слѣпая курица мечется въ непривычной сутолокѣ новыхъ отношеній. Но какъ скоро онъ снова почувствуетъ твердую почву подъ ногами, какъ скоро онъ примется возстановлять старые обычаи въ новомъ отечествѣ, къ нему тотчасъ возвращаются его прежній практическій взглядъ на вещи, его природное остроуміе и спасительная недовѣрчивость. Крестьянскій переселенецъ всего чаще погибаетъ во время

дороги, городской—на мѣстѣ поселенія. Стойкость и выдержка дѣлаютъ нѣмецкаго крестьянина прирожденнымъ колонистомъ; благодаря этимъ качествамъ, онъ выполняетъ величественное всемірно-историческое призваніе, дѣлаясь, во всѣхъ концахъ міра, носителемъ германскаго духа, германскаго характера. Тогда какъ новѣйшее время снова представило печальныя доказательства, что нѣмецкій эмигрантъ изъ высшихъ сословій большею частью разыгрываетъ роль шута среди практически трезвыхъ американцевъ, мы видимъ, что, напротивъ, нѣмецкій крестьянинъ почти вездѣ, гдѣ только онъ ставитъ свой плугъ на чужую почву, пріобрѣтаетъ себѣ уваженіе туземцевъ.

Но колонизація чуждыхъ странъ свѣта нѣмецкими поселенцами представляетъ еще другую, достойную вниманія, страницу для нашей нравоописательной картины. Потерявшійся, упавшій духомъ, недовольный своимъ жребіемъ и отечествомъ, человѣкъ изъ высшихъ общественныхъ слоевъ, въ концѣ концовъ, находитъ себѣ спасеніе и врачеваніе единственно въ томъ, что онъ превращается въ крестьянина. Быть можетъ, у него имѣется еще достаточно средствъ, чтобы купить себѣ въ Германіи земельный участокъ, но въ Германіи онъ не могъ бы сдѣлаться настоящимъ крестьяниномъ: отношенія, въ которыхъ онъ выросъ и отъ которыхъ онъ хочетъ бѣжать, продолжали бы преслѣдовать его здѣсь и за плугомъ; онъ стыдился бы здѣсь своего новаго званія. Но по ту сторону океана онъ этого не стыдится. Такимъ образомъ эмигрантскій складъ жизни, т. е. крестьянская жизнь, получаетъ здѣсь смыслъ истиннаго леченія водою и воздухомъ, радикально очищающаго головы и сердца отъ порчи. Кто нигдѣ не отыскиваетъ себѣ покоя, находитъ его въ дѣвственномъ лѣсу, какъ крестьянинъ—и не въ званіи лѣниваго управителя, но именно, какъ крестьянинъ въ буквальномъ значеніи слова, заработывающій себѣ хлѣбъ съ заступомъ въ рукахъ, въ потѣ своего лица. Для государственнаго человѣка

заключается важное указаніе въ томъ фактѣ, что разлагающіеся части общественнаго организма находятъ себѣ освѣженіе только въ крестьянской жизни и крестьянскихъ нравахъ.

До сихъ поръ я говорилъ о нѣмецкомъ крестьянинѣ въ его общемъ типѣ. Но, пожалуй, покажется страннымъ, какъ можно приписывать ему такое множество общихъ чертъ, въ виду того, что „нѣмецкій крестьянинъ" есть чисто идеальное представленіе и доселѣ долженъ считаться не болѣе какъ этнографической формулой, подобно тому, какъ Германія—увы!—представляется только географическимъ терминомъ. * Къ тому же мы поставляли на видъ, что какъ разъ между крестьянами получила право гражданства самая неподатливая мѣстная самобытность, распредѣляющаяся по округамъ и даже отдѣльнымъ деревнямъ и селамъ. Но то и удивительно, что нѣмецкій крестьянинъ, не взирая на всѣ рѣзкія различія, повсюду остается однимъ и тѣмъ же въ главныхъ характерныхъ свойствахъ, въ коренномъ строѣ нравовъ и быта. Даже тамъ, гдѣ уже затронулъ его новѣйшій процессъ разложенія, онъ долго еще не утратитъ общихъ чертъ крестьянскаго характера. Крестьяне живутъ на пространныхъ имѣніяхъ въ Нижней Баваріи, Помераніи, Бранденбургѣ; на крупныхъ отдѣльныхъ поселкахъ въ Вестфаліи; группами маленькихъ деревень и фермъ въ Вестервальдѣ и Зауэрландѣ; крайняя раздробленность поземельныхъ участковъ, при многолюдности селъ господствуетъ и на Рейнѣ. Все это порождаетъ большую разницу въ нравахъ и обычаяхъ; тѣмъ не менѣе нигдѣ не исчезаютъ основныя черты нѣмецкаго крестьянства, не исчезаютъ даже тамъ, гдѣ нашъ крестьянинъ окруженъ варварскими порядками, какъ, напр., въ Грузіи или въ западныхъ лѣсахъ Америки.

---

* Не нужно забывать, что это писано было задолго до того, какъ Германія превратилась въ довольно стройное политическое цѣлое и перестала быть только географическимъ терминомъ. *Прим. пер.*

Уютная, чистенькая деревня въ горахъ очень отличается на первый взглядъ отъ унылыхъ и грязныхъ рыбацкихъ слободъ на морскомъ берегу, но въ обѣихъ деревняхъ обитаетъ все тотъ же нѣмецкій крестьянинъ съ тѣми же коренными чертами жизни и дѣятельности, съ тѣми же нравами, облеченными только въ несходную одежду, переведенными на другое нарѣчіе. Вообще культурныя формы ни въ одной странѣ не представляютъ такого разнообразія, какъ въ Германіи. Самые пестрые оттѣнки въ земледѣліи, въ скотоводствѣ, винодѣліи и проч., вызванные необыкновеннымъ разнообразіемъ и богатствомъ почвы, гористой и низменной, безпрестанно чередуются между собою, такъ что страна, въ цѣломъ, являетъ, для сельскаго хозяйна, поучительную образцовую карту (иногда, къ сожалѣнію, черезъ чуръ поучительную!). И однакоже вездѣ видится одинъ и тотъ же нѣмецкій крестьянинъ! Есть незримая связь, приводящая все къ единству, о которомъ самъ крестьянинъ думаетъ всего менѣе: вездѣ господствуетъ въ крестьянствѣ указанный выше историческій характеръ, и вездѣ для него обычай — верховный законъ; гдѣ религія связана съ національностью, гдѣ общественная и семейная жизнь еще руководится простодушнымъ инстинктомъ и обычаемъ, тамъ начинается область нѣмецкаго крестьянства.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Крестьянинъ испорченный.

Изложивъ то, что составляетъ лучшія нравственныя достоинства крестьянъ, то, что сохранно вынесли они изъ всеразрушающаго времени, намъ слѣдуетъ разсмотрѣть, что они утратили въ этомъ отношеніи. Я рисовалъ до сихъ поръ крестьянина въ его славѣ, теперь слѣдуетъ взглянуть на него въ его упадкѣ и порчѣ. Мы представили крестьянство какъ охранительную силу въ шаткомъ обществѣ,—посмотримъ, гдѣ и какъ проникъ и въ него разрушительный элементъ.

Нравственное разрушеніе крестьянина идетъ неразрывно съ экономическимъ. Равномѣрный, вѣрный доходъ укрѣпляетъ его духовно. Средства его къ жизни должны быть въ зависимости развѣ только отъ силъ природы. Эти послѣднія не могутъ возбудить въ немъ „месть обществу". Чѣмъ болѣе продукты земли дѣлаются предметомъ спекуляціи, чѣмъ болѣе они становятся въ зависимость отъ торговыхъ кризисовъ, тѣмъ болѣе крестьянинъ, котораго они коснулись, теряетъ подъ собою свою первобытную почву. Градобитіе, неурожай онъ перенесетъ съ привычнымъ терпѣніемъ, но когда онъ при полномъ амбарѣ долженъ терпѣть нужду, вслѣдствіе застоя въ коммерческихъ дѣлахъ, котораго онъ не понимаетъ и въ необходимость котораго онъ не вѣритъ, тогда онъ легко начинаетъ сомнѣваться въ самомъ себѣ.

Мы видимъ это на крестьянахъ, занимающихся винодѣліемъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ винодѣліе не есть только побочное занятіе, а ихъ исключительный промыслъ, и такимъ образомъ они становятся въ зависимость отъ всѣхъ случайностей рынка. Коммерческому человѣку понятны эти дѣла, онъ умѣетъ разсчитывать на торговые кризисы; крестьянину же и въ голову ни приходятъ такіе разсчеты, даже если бы онъ сто разъ былъ проученъ. Нигдѣ мы не встрѣчаемъ сельскаго населенія въ такомъ упадкѣ и нравственномъ убожествѣ, какъ въ мѣстностяхъ, гдѣ господствуетъ винодѣліе. Тамъ у мелкаго винодѣльца нѣтъ ни прочнаго имущества, ни вѣрнаго дохода. Высокіе сорта винъ—о винахъ собственно для мѣстнаго употребленія я не говорю—суть предметъ роскоши, сбытъ котораго подверженъ всѣмъ колебаніямъ общественнаго кредита. Урожай—тутъ тоже дѣло случая. Богатый землевладѣлецъ можетъ бороться съ колебаніями кредита, онъ даже можетъ спекулировать ими, онъ можетъ перенести, если хоть только два года изъ десяти окажутся благопріятными для винодѣлія. Но уже крестьянину средней руки, о бѣдномъ и говорить нечего, это тѣмъ менѣе подъ силу, что винодѣліе болѣе всякой другой сельской промышленности требуетъ запаснаго, наличнаго капитала. Сверхъ того всякое улучшеніе винодѣлія большею частью сопряжено съ извѣстною долею риска, и надо обладать не только смѣлостью, но и достаточными средствами, чтобы выдержать этотъ рискъ. Крупный винодѣлецъ, напр. въ Рейнскихъ провинціяхъ, облагораживаетъ свое вино между прочимъ позднимъ сборомъ винограда, рискуя конечно чрезъ это потерять когда-нибудь половину урожая. И этого не можетъ сдѣлать крестьянинъ средней руки. Герцогъ Нассаусскій и князь Меттернихъ выдѣлываютъ лучшее вино въ Рейнскихъ провинціяхъ, потому что они очень легко могутъ жертвовать количествомъ въ пользу качества и потому что они вообще могутъ распоряжаться наибольшими капиталами. Въ мѣстностяхъ

исключительнаго винодѣлія мелкій винодѣлецъ не имѣетъ ровно никакого значенія, и принимается еще въ разсчетъ лишь значительный капиталистъ. А крестьянинъ съ мотыкой въ рукахъ и корзиной за плечами—самый жалкій пролетарій, если онъ не обладаетъ значительнымъ капиталомъ. Но господство денежнаго хозяйства разрушаетъ хорошіе крестьянскіе нравы; ибо крестьянство все еще стоитъ одной ногой въ прежнемъ, такъ сказать натуральномъ, хозяйствѣ. По этому-то мелкій винодѣлецъ въ этихъ мѣстахъ большею частью развращенъ, въ разладѣ и съ людьми и съ Богомъ. Привыкшій въ старину къ лучшей жизни, — такъ какъ только недавно еще отношенія между виноградарями сдѣлались столь грустны—ему трудно отказать себѣ во многомъ, а обстоятельства вынуждаютъ его къ тому. Когда эти бѣдняги не могутъ сбыть своего вина, когда при томъ у нихъ нѣтъ куска насущнаго хлѣба,—понятно, что имъ остается только самимъ пить это вино. Такимъ образомъ горькая нужда ведетъ къ безпутной жизни, и нерѣдко въ этихъ „райскихъ“ мѣстахъ можно встрѣтить не только мущинъ, но и женщинъ пьяными и съ багровыми носами. Но главное дѣло не въ томъ, что дѣла крестьянина при этомъ промыслѣ идутъ вообще плохо, хуже всего то, что крестьянину при этомъ становится неловко въ своей собственной тарелкѣ и онъ теряетъ подъ собою почву, какъ въ своей работѣ, такъ и въ своихъ нравахъ. Онъ выходитъ такимъ образомъ изъ той рамки, въ которой я выше представилъ нѣмецкаго крестьянина. Единственный выходъ ему изъ этого положенія—совершенно отказаться отъ его призрачной самостоятельности. Большіе капиталисты пусть берутъ на себя рискъ винодѣлія въ большихъ размѣрахъ, которое воообще надо скорѣе отнести къ промышленности чѣмъ къ земледѣлію. Теперешніе же мелкіе виноградари, въ качествѣ прикащиковъ и работниковъ у богатыхъ производителей, заняли бы гораздо лучшее положеніе чѣмъ теперь, когда они не могутъ ни жить, ни

умереть. По мѣрѣ того, какъ вина среднихъ сортовъ будутъ исчезать изъ обширныхъ торговыхъ рынковъ и отойдутъ на задній планъ, сдѣлавшись лишь предметомъ мѣстнаго употребленія; по мѣрѣ того, какъ конкурренція съ ними пива и яблочнаго вина получатъ все большіе размѣры и лишь лучшіе сорта винъ, составляющіе предметъ роскоши и моды, сохранятъ за собою болѣе обширные рынки;—по мѣрѣ этого и мелкій крестьянинъ-винодѣлецъ будетъ вынужденъ отказаться отъ винодѣлія на свой собственный счетъ. Съ прекращеніемъ постоянныхъ колебаній между недолговременнымъ изобиліемъ и долговременными лишеніями прекратится и вырожденіе крестьянина-винодѣльца.

Быстрое возвышеніе и паденіе доходовъ всегда неблагопріятно дѣйствуетъ на крестьянина. Именно только медленность, постепенность и равномѣрный трудъ обусловливаютъ солидность истаго крестьянства. Лѣтъ десять тому назадъ въ Оберлангау открытъ былъ цѣлый рядъ желѣзныхъ рудниковъ, и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ до того времени едва-ли даже думали искать желѣзную руду, и гдѣ довольно солидное крестьянство питалось обработкою неособенно плодородной земли. Рудники оказались весьма обильными, и такъ какъ желѣзистыя жилы тянулись почти на самой поверхности земли, то для эксплоатаціи ихъ и не требовалось особенныхъ капиталовъ. Многіе крестьяне были въ состояніи пріобрѣсти свои собственные рудники. Скорая добыча увлекала какъ чары, точно какая-то горнозаводская лихорадка овладѣла цѣлыми общинами. Каждый розыскивалъ жилу, каждый открывалъ свой собственный рудникъ. Случалось, что крестьяне въ деревнѣ разрушали свои дома, чтобы добывать тамъ желѣзнякъ. Въ немногіе годы крестьянскія деревни получили видъ горнозаводскихъ поселеній. Но сумасбродство скоро принесло горькіе плоды. Хорошій сбытъ скоро прекратился, большая часть новыхъ горнозаводчиковъ должна была или браться снова за плугъ, или искать за-

работковъ въ другомъ мѣстѣ, и прежній солидный духъ крестьянства былъ надломленъ. Только 3—4 года слишкомъ легкой добычи, только 3—4 года жизни въ довольствѣ и внѣ древнихъ обычаевъ,—и этого было достаточно, чтобы изъ бѣдныхъ, но довольныхъ своимъ положеніемъ людей, сдѣлать недовольныхъ полукрестьянъ, которые уже никогда не возвратятся къ своимъ прежнимъ солиднымъ нравамъ. А между тѣмъ горнозаводская промышленность, говоря вообще, облагораживаетъ сельское населеніе: горный крестьянинъ—обыкновенно образецъ прилежнаго работника, истинный охранитель добрыхъ старыхъ нравовъ и обычаевъ. Съ этимъ историческимъ типомъ нѣмецкаго горнозаводскаго крестьянина наши сумасброды не имѣли ничего общаго, потому что они внезапно выскочили изъ своей прежней сферы, потому что они скорой разживѣ принесли въ жертву свою историческую почву, свой историческій характеръ. Кто хочетъ, чтобы крестьянство сохранилось во всей своей чистотѣ и солидности, тотъ долженъ содѣйствовать тому, чтобы оно оставалось въ предѣлахъ постепенныхъ и прочныхъ доводовъ.

Прекращеніе десятиннаго сбора сняло цѣпи не столько съ земледѣлія, сколько съ хлѣбной торговли, потому что принесло матеріальную пользу не бѣдному крестьянину, а богатому землевладѣльцу, ведущему въ тоже время обширную торговлю продуктами своего производства; но въ тоже время оно способствовало тому, чтобы сдѣлать и мелкаго крестьянина мелкимъ торговцемъ. Хлѣбные рынки открыли крестьянину новую лотерейную игру, и онъ сталъ предаваться этой игрѣ такъ же горячо, какъ предается сутяжничеству (игрѣ въ процессы) и обыкновенной денежной игрѣ. Но торговыя спекуляціи подрываютъ добрые нравы крестьянина, ничѣмъ не вознаграждая его за эту потерю, такъ какъ у мужика нѣтъ ни умѣнья, ни капитала для того, чтобы имѣть продолжительный успѣхъ въ состязаніи на нашихъ хлѣбныхъ рынкахъ.

Страшное зло для крестьянства относительно постепенности его дохода заключается въ томъ, что многіе развращенные ремесленники поселяются въ деревняхъ, не обладая достаточнымъ капиталомъ и умѣньемъ, чтобы найти въ городѣ средства къ существованію. Они занимаются отчасти земледѣліемъ, отчасти своимъ ремесломъ, и выходитъ изъ нихъ ни рыба, ни мясо, ни ремесленникъ, ни крестьянинъ. Во всякомъ случаѣ они мараютъ и того и другаго. Крестьянина они отвлекаютъ отъ его обычаевъ, никогда не дѣлаясь сами порядочными крестьянами, и въ тоже время способствуютъ разрушенію класса мелкихъ ремесленниковъ. Они образуютъ въ деревняхъ колонію крестьянъ-диллетантовъ,—болѣзненный наростъ, который быстро разростается и заражаетъ весь организмъ. Они часто играютъ роль „погибшихъ геніевъ", и своимъ примѣромъ увлекаютъ „погибшихъ геніевъ" и „непризнанные таланты" изъ крестьянской молодежи.

Отъ этой выродившейся раздвоенности значительно отличаются своеобразныя отношенія тѣхъ мѣстностей, въ особенности гористыхъ, гдѣ то или другое ремесло служитъ необходимымъ дополненіемъ скудному земледѣлію и такимъ образомъ уже давно сдѣлалось исторически вкоренившимся. Но какъ легко и здѣсь можетъ разрушиться твердое соціальное положеніе — это показываетъ судьба гвоздарей на Танусѣ, часовыхъ дѣлъ мастеровъ на Шварцвальдѣ, выдѣлывателей кружевъ въ Саксоніи и ткачей въ Силезіи. Нѣмецкій крестьянинъ сохраняется въ полной силѣ и здоровьѣ только тамъ, гдѣ онъ вполнѣ и исключительно крестьянинъ.

Здѣсь не мѣсто разбирать дурныя послѣдствія чрезмѣрнаго раздробленія земельныхъ участковъ въ экономическомъ отношеніи. Мы имѣемъ въ виду указать только на то вліяніе, какое имѣло это раздробленіе на соціальную порчу. Раздробленіе земельныхъ участковъ не новость, новы только послѣдствія этого раздробленія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно существуетъ цѣлыя столѣтія, но

прежнія простыя отношенія заработка дѣлали его не столь опаснымъ. На томъ же самомъ пространствѣ земли, которое сто лѣтъ тому назадъ было достаточно для полнаго обезпеченія крестьянина, въ настоящее время пробивается съ горемъ пополамъ только пролетарій. Усиленіе производительности земли тутъ мало помогаетъ дѣлу. Въ настоящее время крестьянинъ, получающій только то, что нужно для его пропитанія, кажется на нашъ глазъ пролетаріемъ. Только поэту позволительно пробавляться идилліей, что человѣкъ счастливъ, когда имѣетъ насущный кусокъ хлѣба; практическій экономистъ смотритъ на такого человѣка какъ на горемыку. Тотъ фактъ, что питаніе крестьянина съ каждымъ годомъ становится скуднѣе и что, наконецъ, придется ему остаться исключительно на неизбѣжномъ картофелѣ, ясно доказываетъ намъ это. Сто лѣтъ назадъ это можетъ быть было иначе. Кажущееся противорѣчіе разрѣшается тѣмъ, что крестьянинъ, даже самый мелкій, становится постоянно въ большую и большую зависимость отъ наличнаго капитала. Гдѣ онъ прежде даромъ рубилъ лѣсъ на постройку и топливо изъ дачъ, принадлежавшихъ общинамъ, тамъ онъ нынче долженъ покупать и то и другое по дорогой цѣнѣ. Избу свою покрывалъ онъ соломой самъ при помощи сосѣдей, теперь долженъ нанимать кровельщика. Прежнія натуральныя повинности были для него гораздо легче выполнить, чѣмъ добыть денегъ для уплаты налоговъ настоящаго времени. Независимость его отъ наличнаго капитала составляла богатство крестьянина, она обусловливала его самостоятельность. Именно потому, что и мелкій крестьянинъ сталъ въ зависимость отъ капитала, чрезъ что попалъ въ руки евреевъ, онъ, при томъ же имуществѣ, сдѣлался несравненно бѣднѣе чѣмъ прежде. Слишкомъ рано радовались быстрому и полному исчезновенію въ современномъ государствѣ натуральнаго народнаго хозяйства. Вопросъ еще—останется ли нашъ крестьянинъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, именно консервативной силой въ государствѣ, если будетъ господствовать

исключительно денежное хозяйство. Здѣсь соціальная политика должна противопоставить свои соображенія соображеніямъ чисто экономическимъ. Не даромъ крестьянинъ имѣетъ такое особенное, инстинктивное уваженіе къ деньгамъ. Онъ охотнѣе заплатитъ свои повинности вдвое домашними продуктами, которые за безцѣнокъ отдаетъ своему кредитору, лишь бы не требовали отъ него наличныхъ денегъ.

Общины имѣли прежде болѣе имуществъ и менѣе потребностей, потому и отдѣльныя лица были богаче, хотя въ кошелькѣ ихъ было менѣе, чѣмъ теперь. Права всѣхъ членовъ общины на лѣсъ, выгоны для скота и проч. составляли родъ древне патріархальнаго коммунизма. Они содѣйствовали кажущемуся общему благосостоянію, подъ покровомъ котораго продолжали существовать множество мелкихъ созданій, которыя сами по себѣ собственно не имѣли на то права. Когда высшая цивилизація усилила государственное хозяйство, и политическое разрушеніе феодализма потребовало уничтоженія и этого патріархальнаго коммунизма, тогда множество бѣдныхъ крестьянъ, сначала сами того не замѣчая, очутилось пролетаріями. Когда въ настоящее время крестьянамъ проповѣдуютъ коммунизмъ, они рѣдко могутъ понять его иначе, какъ въ смыслѣ возвращенія къ этому прежнему своему положенію, которое они, правда, представляютъ себѣ уже въ чрезчуръ розовомъ свѣтѣ. Мы ниже увидимъ, какъ мнѣніе это оправдалось на практикѣ въ послѣдніе революціонные годы. Но гдѣ крестьянскій пролетаріатъ распространился вслѣдствіе раздробленія земли и тѣхъ отношеній, которыя мы изложили, гдѣ единичный человѣкъ, потому что ничего не имѣетъ, находится въ томъ состояніи, когда можно философствовать о томъ, что „собственность есть кража“, тамъ такая философія будетъ приложена къ жизни совершенно практически, и такимъ образомъ скорѣе придется имѣть дѣло съ уголовнымъ судомъ, чѣмъ съ политическими трибуналами. Мы по крайней мѣрѣ не слыхали еще, чтобы въ деревняхъ, поги-

бающихъ отъ раздробленія имуществъ, много заботились о соціальныхъ теоріяхъ, а кража дровъ, дичи, полевыхъ плодовъ и т. п. тамъ въ порядкѣ вещей. Но съ исчезновеніемъ нравственности разрушается и обычай, а съ нимъ и общественныя группы и формы.

Иначе, конечно, обстоитъ дѣло въ большихъ деревняхъ, расположенныхъ близь большихъ городовъ. Здѣсь къ упадку нравственному присоединяется непосредственное вліяніе испорченности городской жизни. Здѣсь крестьянинъ уже начинаетъ „философствовать" объ обществѣ и истые крестьянскіе обычаи здѣсь уже и безъ того давно перестали существовать. Только одно изъ всѣхъ крестьянскихъ качествъ сохранилось — грубость и невѣжество. Пролетаріатъ такихъ деревень во всякомъ случаѣ самый опасный, такъ какъ относительно внутренней порчи онъ не отстаетъ отъ подонковъ городскаго населенія, а невѣжествомъ и грубостью ихъ превосходитъ. Деревенскіе пролетаріи этого именно пошиба умертвили Ауэрсвальда и Лихновскаго.

Нельзя не признать, что упадокъ истаго крестьянства сдѣлалъ громадные успѣхи въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ. Но если примемъ въ соображеніе, что къ этому привели не только мѣстное экономическое разстройство, не только наслѣдіе вѣками розлагавшихся экономическихъ отношеній, но что и само новѣйшее государство съ какою-то особенною любовью содѣйствовало разложенію крестьянства; то покажется чудомъ, что нѣмецкій крестьянинъ въ общей массѣ на столько остался вѣренъ самому себѣ, что онъ изъ этого крушенія спасъ еще такую значительную долю своего добраго нрава.

Разсмотримъ сначала только вліяніе внѣшнихъ политическихъ преобразованій XIX столѣтія. Три-четыре раза измѣнялась въ послѣднее время карта Германіи, то тамъ, то здѣсь разрывался старый политическій союзъ, перепуталась до тла вся внутренняя географія Германіи. Никто не чувствовалъ себя болѣе обиженнымъ этой перемѣ-

ной власти, чѣмъ крестьянинъ, хотя онъ менѣе чѣмъ кто-либо могъ постичь причину ея. Поэтому-то и крестьяне ни за что не могутъ выкинуть изъ головы старую географію и вмѣстить новую. Прусскій Вестервальдецъ не говоритъ, что онъ изъ Аренсбургскаго округа, а что онъ изъ „Оранія“; крестьянинъ Швальбахскій еще и понынѣ называетъ свою мѣстность „Нидерграфствомъ Катценеленбогенскимъ“, а крестьянинъ изъ Ланскаго округа скажетъ, что онъ живетъ въ „Сольмскомъ“, „Вейльбургскомъ“, „Видъ-Рункельскомъ“ или „Курткирскомъ краю; въ верхней Баваріи „Ганауское посельище“ по сіе время фигурируетъ въ языкѣ деревенскихъ жителей; настоящему Пфальцскому крестьянину и въ голову не приходитъ называть себя „прирейнскимъ баварцемъ“, или „прирейнскимъ гессенцемъ“, или жителемъ „Баденскаго Неккарскаго Округа“. Отъ этихъ людей требуютъ унаслѣдованной „лойяльности“, въ то время, какъ они говорятъ себѣ, что подъ этимъ подразумѣвается „лойяльность“ не къ унаслѣдованному. Образованный человѣкъ понимаетъ, что должно было устроиться такъ, а не иначе, если даже онъ и жалѣетъ, что при этомъ переустройствѣ государства съ одной стороны поступали черезъ чуръ радикально, а съ другой уже вовсе нерадикально. Крестьянинъ не знаетъ этого. И откуда ему это знать? Онъ держится наслѣдственной, темной политической симпатіи или антипатіи, въ миніатюрѣ похожей на ту инстинктивную ненависть, которую питаютъ къ Пруссіи южногерманскія массы, или къ Австріи жители Сѣверной Германіи. Крестьянинъ отъ природы партикуляристъ, только его партикуляризмъ непроизвольный, а основанный на историческомъ преданіи. Этотъ крестьянскій партикуляризмъ и не вступаетъ, подобно династическому, тотчасъ въ открытую борьбу съ идеей національнаго единства; эта идея ему только безразлична. Крестьянинъ природный партикуляристъ, партикуляристъ вслѣдствіе своей ограниченности, а не вслѣдствіе зависти, корыстолюбія, соперничества и высокомѣрія, какъ другіе

партикуляристы. Но когда этотъ его естественный партикуляризмъ затрогивается уже черезъ чуръ сильно — и какъ онъ полагаетъ — безпричинно, тогда онъ становится въ оппозицію существующему государственному строю. Онъ становится радикальнымъ изъ консерватизма. Не только его государя, но, какъ будто, вмѣстѣ съ нимъ и его самаго лишили престола. Въ особенности это часто можно встрѣтить въ бывшихъ церковныхъ владѣніяхъ, гдѣ въ крестьянинѣ исторически вкоренилась не только политическая, но и церковная обособленность; тамъ народъ до сихъ поръ не можетъ свыкнуться съ своимъ новымъ правительствомъ. Настроеніе крестьянъ въ Прирейнской Пруссіи и Мюнстерскомъ округѣ долго еще будетъ служить тому разительнымъ доказательствомъ.

Когда послѣ Люневильскаго мира одна деревенская община въ Виденіи въ короткое время должна была три раза перемѣнить своего государя, то крестьяне составили рѣшительный протестъ и требовали, чтобы имъ дали наконецъ одного государя разъ на всегда. Еврейскіе члены этой общины, также приглашенные къ подписанію этого протеста, уклонились и отвѣчали чрезвычайно оригинальнымъ посланіемъ, въ концѣ котораго буквально сказано, что они до сихъ поръ не были „аташированы" (attaschirt) ни къ одному изъ прежнихъ государей, потому имъ и теперь нечего жалѣть о совершающихся перемѣнахъ. Противуположность между безроднымъ деревенскимъ евреемъ и крестьяниномъ отражается здѣсь въ высшей степени характеристично. Но въ нашихъ раздробленныхъ государственныхъ группахъ часто доведено уже до того, что и крестьянинъ никому больше не „аташируется". Такимъ путемъ въ крестьянинѣ вкоренилось внутреннее разногласіе и нельзя же приписать простой случайности и не придать значенія тому обстоятельству, что именно въ географически раздробленной средней и югозападной Германіи историческія традиціи крестьянства, даже его обычаи и одежда, въ новѣйшее время, неимовѣрно быстро ис-

чевали; что именно здѣсь господствуетъ самое страшное раздробленіе имуществъ и распространенный крестьянскій пролетаріатъ; что именно здѣсь консервативный духъ крестьянина пострадалъ особенно сильно и замѣтно уже стала обнаруживаться склонность къ революціи, между тѣмъ въ болѣе обширныхъ и округленныхъ краяхъ, какъ Тироль, Старо-Баварія, Старо-Пруссія, Вестфалія и пр., крестьянинъ сохранилъ свои историческія традиціи въ особенной чистотѣ. Въ Шлезвигъ-Голштейнѣ мы видимъ съ какою, доходящею до самопожертвованія, стойкостью, здоровое крестьянское поколѣніе можетъ держаться и политической идеи, и ею какъ-бы просвѣщаться и облагораживаться. Но здѣсь крестьянинъ, кромѣ древней своей исторіи, имѣетъ еще новую и новѣйшую, чего нѣтъ у другихъ нѣмецкихъ крестьянъ. Исторія послѣднихъ ста лѣтъ для этихъ крестьянъ — бѣлая страница. Крестьянинъ ощущаетъ на себѣ ея послѣдствія—впрочемъ весьма отрицательнаго свойства— но причины остались для него сокрытыми. Когда лѣтъ двѣсти тому назадъ, мѣстность, гдѣ онъ жилъ, пріобрѣталась огнемъ и мечемъ, продажей или мѣной, и наслѣдственнымъ договоромъ доставалась другому властелину, то онъ это понималъ, потому что это совершалось все на его глазахъ, быть можетъ даже ему пришлось поплатиться при этомъ своей шкурой. Но никогда крестьянинъ не въ состояніи будетъ понять дипломатическія интриги, которыя лишь однѣ почти приводятъ въ движеніе всѣ рычаги современной исторіи; и съ одной стороны это даже истинное счастье, что онъ и вообразить не можетъ, какимъ образомъ уже не разъ торговали участью его родины и его собственною. Крестьянинъ не понимаетъ борьбы конституціонныхъ доктринъ съ республиканскими, съ абсолютистическими; если онъ и знакомъ съ современной исторіей, то лишь по нѣкоторымъ ея результатамъ, но не въ постепенномъ ея развитіи, и по такимъ результатамъ, изъ которыхъ онъ видитъ, что годъ отъ году ему приходится платить все боль-

шіе налоги, — т. е., для него современная исторія вообще существуетъ лишь отрицательно. Со времени войны за освобожденіе, крестьянинъ не участвовалъ ни въ одномъ историческомъ событіи, которое бы онъ постигъ. Люди образованные думаютъ и говорятъ не такъ, какъ крестьянинъ, и этимъ путемъ они уже съ давнихъ поръ похитили у него его долю въ національной литературѣ. Теперь же мы еще, кромѣ того, похищаемъ у него современную исторію—такъ великіе и маленькіе господа играютъ политикой, точно школьники подъ школьными скамейками.

Я впрочемъ совсѣмъ не знаю, за что собственно крестьянинъ долженъ быть привязанъ и благодаренъ современному государству. Вся наша практическая политика до сихъ поръ совершенно игнорировала крестьянина, какъ политическую силу. Она ему сдѣлала много хорошаго, но не въ *его смыслѣ*, а вѣдь только за это люди бываютъ искренно благодарны. Современное государство постоянно стремилось нарушить укоренившіяся особенности крестьянства, и едва ли сознавало, что въ немъ главная охранительная сила государства. На чиновничество и войско смотрѣли, какъ на столпы охранительной политики. Каковъ консерватизмъ чиновничества—это мы видѣли въ послѣдніе революціонные годы: часть его малодушно пресмыкалась, часть—открыто взяла сторону враговъ, часть колебалась въ низкомъ нейтралитетѣ, и только очень немногіе въ рѣшительную минуту открыто выступили противъ врага. Войско по своей сущности то же крестьянство, но только эти крестьяне въ мирное время развращаются въ гарнизонной жизни, а по окончаніи службы вмѣстѣ съ наружною полировкою приносятъ нерѣдко въ свою деревню городской развратъ; но тѣмъ не менѣе, въ рѣшительную минуту они показываютъ, какъ глубоко вкоренилось въ нѣмецкомъ крестьянинѣ чувство законности.

Полицейское государство вступило въ открытую борьбу съ святынями крестьянина; оно нерѣдко стремилось декретами уничто-

жить его нравы и обычаи, и это иногда ему удавалось. Чиновничество этимъ путемъ хотѣло дать чувствовать свою образованность. Мелкій чиновникъ претерпѣваемую имъ отъ высшаго начальства тиранію переносилъ на крестьянина и такимъ образомъ удовлетворялъ, такъ сказать, свое мщеніе. Какой-нибудь писаришка часто обращается съ почтеннымъ сельскимъ патріархомъ, какъ съ какимъ нибудь молокососомъ. У чиновниковъ считалось особенною мудростью употреблять въ разговорѣ съ крестьяниномъ самые грубые пріемы. Еще въ 1848 г. гласно упоминалось о томъ, что у многихъ судейскихъ чиновниковъ существовалъ обычай укрощать оплеухами слишкомъ оживленную рѣчь тяжущихся крестьянъ. Все это оставило глубокую занозу въ груди крестьянина, и возбудило сильную ненависть къ чиновническому режиму. Въ крестьянинѣ видѣли только грубый чурбанъ къ которому надо примѣнить не менѣе грубый топоръ. Совершеннымъ непониманіемъ характера крестьянъ, совершенной неспособностью проникнуть въ болѣе тонкія его формы чиновничество систематически приготовляло крестьянина къ оппозиціи.

Наши прежнія правительства не мало гордились тѣмъ, что они будто вносятъ просвѣщеніе въ грубое крестьянство. Но такъ какъ просвѣщеніе это ограничивалось отвлеченнымъ умствованіемъ и нѣкоторыми односторонними познаніями и имѣло цѣлью возбудить лояльность въ смыслѣ страха передъ полицейскимъ чиновникомъ, то оно и было отвергнуто лучшими крестьянами, а полуиспорченныхъ оно погубило окончательно. Забывали, что обычай, твердость характера, непосредственное чувство и наконецъ вѣра должны составлять коренную особенность крестьянина, а не плоское многознаніе. Правительство, искренно желающее просвѣщать и облагораживать крестьянина, пусть укрѣпляетъ и развиваетъ эти его качества. Крестьянинъ, просвѣтившійся въ смыслѣ раціоналистическаго полицейскаго государства—это тоже, что философствующая женщина, это—синій чулокъ въ блузѣ.

Такимъ образомъ, до сихъ поръ крестьянинъ могъ узнать государство лишь со стороны навязываемаго ему вышколиванія, или же со стороны отрицательной и разрушающей. Государство было для него полицейскимъ учрежденіемъ, взыскивающимъ съ него налоги, враждебно относящимся къ его простымъ обычаямъ, разрушающимъ его сословное сознаніе, докучающимъ ему новомодными непонятными формами и такимъ образомъ возбуждающимъ его недовѣріе. Во всякомъ случаѣ оно возбудило въ немъ капризное упрямство — дурную сторону его стойкости. Мы видѣли, какъ во многихъ палатахъ это упрямство выродилось въ особую опасную систему крестьянской партіи, одинаково недовѣрчиво относившейся къ правительству и къ его противникамъ, разрушавшей своими неожиданными скачками всякую прочность парламентскихъ успѣховъ. Это упорство крестьянъ въ политическихъ дѣлахъ, порождаемое злоупотребленіемъ бюрократіи, угрожаетъ разростись въ односторонній корпоративный духъ, который въ конституціонномъ государствѣ можетъ повести къ весьма опаснымъ кризисамъ парламентской политики. Но и въ этомъ случаѣ мы видимъ, что оппозиція крестьянъ является не съ клеймомъ нивелизаціи, а скорѣе съ клеймомъ самыхъ ограниченныхъ сословныхъ и корпоративныхъ интересовъ.

Но ничѣмъ бюрократія такъ сильно не оскорбила крестьянство, какъ своимъ „регулированіемъ“ общиннаго устройства. Общинная жизнь—это собственно настоящая семейная жизнь истаго крестьянина; то удовлетвореніе, которое онъ рѣдко можетъ найти въ тѣсномъ семейномъ кругу — ему предоставляетъ община. Въ большихъ деревняхъ, съ болѣе городскимъ характеромъ это конечно не такъ; но вообще—это, такъ сказать, семейная общинная жизнь и есть въ сущности свѣтлая сторона мелкихъ селъ и деревень. Въ горныхъ мѣстностяхъ община дѣйствительно часто составляетъ собою семью — остатокъ чего-то въ родѣ шотландскихъ клановъ. Такъ

въ верхнемъ Вестервальдѣ встрѣчаются деревни, въ которыхъ почти всѣ жители носятъ одну и ту же фамилію. Деревни, въ которыхъ постоянно повторяются одни и тѣ же какіе нибудь три-четыре фамиліи, что порождаетъ иногда остроумныя приставки для различенія отдѣльныхъ лицъ, очень часто встрѣчаются вездѣ. Община была святыней крестьянина, которую онъ такъ же охранялъ отъ непрошеннаго вторженія, какъ городской житель охраняетъ святыню своего домашняго очага. Замкнутость, которая въ средніе вѣка отличала гражданство и дворянство и которая предохраняла эти корпораціи отъ наплыва въ нихъ всякаго сброда, постепенно верешла и на сельскія общины. „Эта висѣлица для насъ и для дѣтей нашихъ" — такъ одна старая городская община велѣла написать на своей висѣлицѣ, такъ какъ она не только въ жизни, но и послѣ смерти, не хотѣла дать у себя мѣсто чужому негодяю. Это подходящее изрѣченіе для настоящаго крестьянина. Но явился бюрократическій режимъ и постарался включить въ сельскія общины возможно большее число чуждыхъ людей. Общинамъ стали навязывать старшинъ, бургомистровъ и пр., набранныхъ изъ нижнихъ ступеней чиновничества, изъ собственно писарскаго міра. Заманить чужихъ пролетаріевъ и внѣдрить ихъ въ сельскія общины—считалось высшею государственною мудростью; а когда общины не соглашались принять въ свою среду подобныхъ колонистовъ, то являлся строгій приказъ. Бюрократія обращалась съ крестьянствомъ точно такъ-же, какъ древніе римляне съ покоренными провинціями. При посредствѣ этихъ проконсуловъ, которые сами непосредственно произросли изъ корня бюрократіи или-же получили отъ нея только свой обликъ, имѣлось въ виду „цивилизовать" крестьянина, „просвѣщать" его, другими словами— обрѣзать его особенности и пріурочить его ко всенивелирующей государственной системѣ. Такимъ образомъ и тутъ чиновничество хочетъ

сдѣлаться охранительной силой въ государствѣ, и считаетъ нужнымъ сломить гранитные устои крестьянства для того, чтобы общество безопаснѣе могло покоиться на подсунутыхъ имъ взамѣнъ деревянныхъ подставкахъ и досчатыхъ сводахъ. Не верховный надзоръ, который усвоила себѣ государственная власть надъ общинными учрежденіями, возмущалъ крестьянина, а самый способъ примѣненія этого необходимаго надзора. Крестьянинъ имѣетъ настолько здраваго смысла, чтобы не мечтать о чисто теоретическомъ идеалѣ „свободныхъ общинныхъ учрежденій", идеалъ, который, на погибель общинъ, старались послѣднее время осуществить. Онъ вовсе не желаетъ освободиться отъ верховнаго государственнаго надзора, но онъ не хочетъ также, чтобы въ простыхъ дѣлахъ общины писарь имѣлъ болѣе вѣсу, чѣмъ крестьянинъ. Онъ еще не понимаетъ притязаній городского дилетантизма, который садится на всякаго коня, онъ увѣренъ, что только крестьянинъ знаетъ толкъ въ крестьянскихъ дѣлахъ. Неумѣлые опекуны не только вновь сдѣлали крестьянина упорнымъ и недовѣрчивымъ, но они во многомъ дѣйствительно разрушили святыню семейнообразной жизни общины, и въ головѣ крестьянина стала шевелиться недобрая мысль, что онъ закрѣпощенъ горожанами.

Но нивелирующее государство далеко еще не удовольствовалось и этимъ; оно преднамѣренно старалось выскоблить у крестьянина все то, что мы считаемъ его лучшимъ достояніемъ. Дальнѣйшимъ орудіемъ для этой цѣли были сельскіе учителя. Крестьянскаго происхожденія, они въ прежнее время жили среди крестьянъ, и само ученье ихъ не шло дальше крестьянской мудрости. Но теперь имѣлось въ виду „поднять крестьянина надъ самимъ собою". Для этого, конечно, прежде всего требовалось, чтобы учитель поднялся надъ самимъ собою. Въ такъ-называемомъ образцовомъ институтѣ ему прививали высшее образованіе. для котораго ему однако недоставало какого либо твердаго основанія; въ немъ искоренили крестьянина, но вполнѣ образованнаго человѣка все-таки сдѣлать изъ него не могли.

Въ новомъ „*Господинъ Учитель*" прежній сельскій „Schulmeister" дѣйствительно поднялся надъ самимъ собою, т. е. онъ нерѣдко являлся ученымъ крестьяниномъ, который изъ-за своей великой учености чуть не свихнулъ съ ума. Именно это вполнѣ современное настроеніе, въ которомъ человѣку становится неловко въ своей шкурѣ, и онъ все болѣе и болѣе стремится сломить границы своего сословія и званія,— было привито крестьянину сельскими учителями. Состояніе полуобразованности, къ которому онъ самъ перешелъ, школьный учитель, весьма естественно, старался сообщить и глупымъ крестьянамъ и совершенно освободить ихъ отъ старинныхъ нравовъ и обычаевъ. Это вызвало разладъ въ деревняхъ, ибо стойкіе старые крестьяне долго не хотѣли ничего знать объ этомъ новомодномъ учителѣ, и во всякомъ случаѣ смотрѣли на него свысока, между тѣмъ какъ молодое поколѣніе, образовавшееся изъ его учениковъ, напротивъ, съ тѣмъ большею приверженностью толпилось около него. Это неуваженіе со стороны деревенской аристократіи окончательно дѣлало честолюбиваго учителя недовольнымъ Богомъ и людьми. Его хотѣли облагородить, поднять и вмѣсто того онъ вдругъ сдѣлался пролетаріемъ, пролетаріемъ умственнаго труда, который впервые показалъ крестьянину тѣлесный образъ современнаго человѣка, находящагося въ разладѣ съ самимъ собою и озлобленнаго на весь свѣтъ; онъ если и не проповѣдывалъ прямо соціальной реформы, то ужъ своей личностью представлялъ живое воззваніе перестроить общество. Только въ самое послѣднее время правительства неопровержимыми фактами убѣдились, что они искуственнымъ образованіемъ сельскихъ учителей сами создали цѣлую армію государственныхъ пролетаріевъ, что въ лицѣ этихъ школьныхъ учителей сами вызвали тотъ призракъ, котораго они такъ страшно пугаются въ литераторствѣ. И въ самомъ дѣлѣ, свихнувшійся сельскій учитель совершенно представляетъ собою характерную маску испорченнаго литератора (онъ любитъ пописывать въ газетахъ или „на собственный счетъ" издаетъ книжку или нотную тетрадку),—но при этомъ положеніе учителя гораздо болѣе

важное и вліятельное, такъ-какъ ему почти исключительно предоставлена возможность исторгнуть по-крайней-мѣрѣ часть обыкновенно столь стойкаго крестьянства изъ завѣтнаго круга его нравовъ и обычаевъ. Послѣ послѣдней революціи цѣлыя толпы учителей предавались военному суду и обвинены ассизами и дисциплинарнымъ порядкомъ уволены отъ должности. Такимъ образомъ, отдѣльныя личности поплатились за то, въ чемъ виновато было собственно само бюрократическое правительство. Вѣдь до революціи правительства были убѣждены, что учитель совершенно въ ихъ рукахъ, и они его все болѣе и болѣе освобождали изъ-подъ вліянія церкви, чтобы поставить въ исключительную зависимость отъ канцеляріи. Много, очень много нужно будетъ времени, чтобы истребить въ сельскомъ населеніи разлагающіе элементы, привитые учительскимъ пролетаріатомъ, или вѣрнѣе сказать этого едва-ли когда-либо удастся достигнуть.

Бюрократическое государство исказило также и отношенія священника къ сельскому населенію. Сельскій священникъ казался слишкомъ окрестьянившимся; нужно было придать ему болѣе чиновничій характеръ. Поэтому пользованіе приходскою землею, составлявшее прежде значительную часть доходовъ сельскаго священника, было замѣнено, по крайней-мѣрѣ въ протестантскихъ приходахъ, жалованьемъ звонкою монетою; его заставляли отдавать приходскую землю въ аренду и запрещали самому обработывать ее,—въ нѣкоторыхъ государствахъ ему даже не позволяли пріобрѣтать землю на собственныя средства, если эта земля превышала извѣстную, весьма ограниченную норму, т. е. если она не могла быть воздѣлываема безъ помощи рабочей лошади. Священникъ не долженъ былъ слишкомъ твердо усѣсться. А между тѣмъ именно эта жизнь хозяина и доставляла ему уваженіе крестьянъ, которые неособенно высоко цѣнятъ образованіе, если оно не примѣняется къ практической дѣятельности, и именно къ сельскому хозяйству. Но правительствамъ хотѣлось, чтобы деревенскій священникъ занимался болѣе науками, чтобы онъ изъ наставника крестьянъ сдѣлался теологомъ. Мы не станемъ

здѣсь разбирать, какими способами бюрократія достигала этой цѣли въ разныхъ отдѣльныхъ случаяхъ. Довольно будетъ сказать, что сельскій священникъ, который показался канцеляріи черезчуръ экзотическимъ растеніемъ, снова твердо сталъ въ ряды чиновниковъ. Его прежнее непосредственное вліяніе на крестьянъ, слава Богу, прекратилось, и не имѣй священникъ твердой внутренней опоры въ своемъ научномъ образованіи, онъ, вѣроятно, сталъ-бы въ совершенствѣ разыгрывать роль свихнувшагося недовольнаго сельскаго учителя, только еще въ значительно высшей степени. Такіе случаи и бывали, и каждый разъ они приводили къ самымъ печальнымъ результатамъ для всей общинной жизни. Впрочемъ, нужно сказать, что въ то время, какъ протестантскія консисторіи старались изо всѣхъ силъ уничтожить въ священникѣ все, что сродняло его съ крестьянами, и сблизить его съ чиновничьимъ міромъ,—католическія духовныя власти, вслѣдствіе естественной оппозиціи бюрократіи, поступали по большей части гораздо благоразумнѣе. Католическая церковь никогда не забывала, какое громадное вліяніе даетъ ей то обстоятельство, что почти всѣ члены ея духовенства, по крайней-мѣрѣ въ Германіи, вышли изъ крестьянскаго сословія. Для политическаго вліянія іерархіи это обстоятельство такъ важно, что его одного достаточно, чтобы уничтожить всякое возраженіе противъ безбрачія духовенства. Ибо только это установленіе принуждаетъ низшее духовенство пополнять свой личный составъ почти исключительно сыновьями крестьянъ. Въ послѣднее время личное вліяніе католическаго священника на сельскую общину возрастало въ той самой мѣрѣ, въ какой падало вліяніе протестантскаго пастора. Мы нерѣдко видимъ, что общины, ревниво охраняющія свою самостоятельность, подчиняются, однакоже, католическому духовенству, сами того не замѣчая. Недавно католики много хлопотали о томъ, чтобы побудить ко вступленію въ низшее духовенство сыновей высшихъ сословій. Это весьма неблагоразумно. Политическая сила католической церкви въ Германіи коренится по преимуществу въ ея вліяніи на крестьянъ, которое обу-

словливается тѣмъ, что деревенскій священникъ самъ вышелъ изъ крестьянскаго сословія. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы можемъ указать на Баварію, Тироль, Вестфалію. Религія составляетъ для крестьянина обычай, точно также какъ и наоборотъ—обычай составляетъ для него религію. Оттого священникъ у него всегда больше значитъ, чѣмъ проповѣдникъ. Древнее лютеранство, вообще строгія формы первоначальнаго протестантизма привлекаютъ къ себѣ крестьянина, потому-что въ нихъ еще преобладаютъ особенности церковнаго обычая, точно также привлекаетъ его и католицизмъ со своими утвердившимися формами. Насильственное соединеніе лютеранской церкви съ реформатской, извѣстное подъ именемъ уніи, не мало способствовало къ истребленію въ протестантскихъ крестьянахъ чувства уваженія къ церкви; эта унія, какъ извѣстно, вызвала даже въ Силезіи и Саксоніи оппозицію, доходившую до фанатизма. Доказывать крестьянину, что лютеранское толкованіе св. причастія, лютеранская формула молитвы Господней, лютеранская организація церкви могутъ ужиться съ реформатскими и слиться безъ всякаго неудобства въ одно—значитъ подрывать авторитетъ церкви. Коренной религіозный обычай крестьянъ въ томъ и состоялъ, что принятіе св. причастія, формула молитвы, церковныя правила должны существовать именно въ такомъ видѣ, а не въ какомъ-нибудь другомъ, и этотъ обычай пріобрѣлъ силу и значеніе именно въ борьбѣ лютеранъ съ реформатами. Уничтожить эти два историческихъ контраста значитъ уничтожить въ глазахъ крестьянина самую церковь. Крестьянинъ и въ дѣлѣ религіи такой-же партикуляристъ, какъ во всемъ остальномъ. Меннониты, съ ихъ тихой религіозной жизнью по преимуществу, представляютъ настоящій образецъ крестьянъ. Даже на ихъ поляхъ какъ-будто покоится благословеніе Божіе. Часто дворы меннонитовъ, подобно оазисамъ въ пустынѣ, попадаются среди совершенно деморализированныхъ крестьянскихъ общинъ. Въ такомъ случаѣ положительный религіозный обычай, въ который замыкаются меннониты, замѣнилъ имъ исчезнувшіе или искаженные народные обычаи вообще окружающаго ихъ населенія. Въ

этомъ случаѣ духъ сектаторства былъ твердынею, за которою нашло себѣ спасеніе древнее истое крестьянство. Но именно вслѣдствіе того, что крестьянинъ партикуляристъ въ дѣлѣ религіи, раціонализмъ, бывшій въ большомъ ходу въ началѣ нынѣшняго столѣтія, подѣйствовалъ на него разлагающимъ образомъ. Сущность этого раціонализма состояла въ томъ, что онъ на мѣсто религіознаго обычая ставилъ новую жизнь по критически разумному направленію. Все должно было быть осязательно разумно и полезно. Но тутъ не доставало только немногаго — поэзіи всего органически произросшаго, органически образовавшагося. Но народная жизнь проникнута этой поэзіей, и послѣдній въ народѣ чувствуетъ и цѣнитъ ее. Наши теологи-раціоналисты воображали, что они поступаютъ такимъ образомъ въ народномъ духѣ, что они даже, какъ нельзя лучше, удовлетворяютъ практическимъ потребностямъ крестьянина. Они думали, что приносятъ огромную пользу крестьянамъ, говоря проповѣди о разведеніи картофеля, или приплетая къ притчѣ о сѣятелѣ свои собственные опыты о томъ, когда лучше сѣять ячмень, а когда овесъ. Такого рода популярность напоминаетъ намъ многія, такъ называемыя, народныя изданія, которыя стараются поддѣлаться подъ настоящій народный тонъ тѣмъ, что въ нихъ читатель предполагается до крайности ограниченнымъ, просто ребенкомъ, и потому мысли развиваются въ такомъ искусственномъ порядкѣ, что развѣ только самый пошлый дуракъ найдетъ его естественнымъ. Говорить проповѣди въ народномъ духѣ можетъ только тотъ, кто понимаетъ, что религія составляетъ для крестьянина его священный обычай, его поэзію, его вѣру. Гдѣ религія перестала быть для крестьянина обычаемъ, тамъ крестьянинъ уже по большей части деморализированъ. Такого рода деморализація дошла уже до значительныхъ размѣровъ. Но если подумать, какихъ только теологическихъ экспериментовъ не дѣлали надъ крестьяниномъ, то придется подивиться, какъ дешево еще онъ отдѣлался.

Такимъ образомъ мы видимъ, что крестьянину вездѣ грозитъ опасность быть совращеннымъ съ его естественнаго пути и преданнымъ на

жертву деморализаціи. Исцѣлить его можетъ только его собственная несокрушимая натура. А что эта натура еще на столько жизненна, чтобы помочь себѣ и въ рѣшительную минуту бросить на вѣсы исторіи все богатство неиспорченной силы нѣмецкаго крестьянства—это мы докажемъ въ слѣдующей главѣ фактами изъ исторіи новѣйшаго времени.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Роль, которую игралъ крестьянинъ въ революціонныхъ движеніяхъ послѣдняго времени.

Попробуйте заговорить съ крестьяниномъ,—вы непремѣнно услышите отъ него ропотъ и жалобы на свое положеніе, его такъ же трудно отучить отъ этого ропота, какъ трудно отучить волка отъ воя. И это качество крестьянина тоже историческое. Начиная еще съ среднихъ вѣковъ и до нашего времени, всѣ свидѣтельства единогласно говорятъ, что крестьянинъ преимущественно предъ другими сословіями любитъ ворчать и брюзжать. Но это недовольство, какъ мы уже выше видѣли, касается только самыхъ близкихъ обстоятельствъ крестьянина. Не въ его натурѣ обобщать свои жалобы; онъ не обвиняетъ государство и общество, быть можетъ, потому, что имѣетъ еще много основаній обвинять старшину. Когда вспыхнула первая французская революція, ея воспламеняющія искры упали тамъ и сямъ въ Германіи и даже между крестьянами. Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ ленныхъ помѣстьяхъ въ Саксоніи крестьяне собирались и писали просьбы и требованія къ леннымъ владѣтелямъ; но въ этихъ просьбахъ они требовали не „правъ человѣка", а только удовлетворенія ихъ мѣстныхъ нуждъ, въ просьбахъ говорилось только о пашняхъ, да лугахъ. Когда крестьяне явились съ такими *революціонными петиціями* къ своимъ господамъ, послѣдніе уже послали за помощью въ Дрезденъ; какъ только было

объявлено крестьянамъ, что если они не разойдутся, то будутъ посажены въ тюрьму, каждый изъ нихъ побѣжалъ безъ оглядки домой. Подобныя сцены происходили тогда во многихъ мѣстахъ Германіи. Крестьянинъ питалъ еще полнѣйшее уваженіе къ авторитету своихъ господъ. О революціонныхъ тенденціяхъ нечего было и думать. Когда генералъ Кюстинъ въ 1792 г. явился въ Прирейнскія области и сталъ пропагандировать въ пользу французской революціи, то, не смотря на то, что имъ были пущены въ ходъ и угрозы, и обѣщанія, ему удалось достигнуть своей цѣли лишь въ немногихъ Прирейнскихъ городахъ, какъ напр. въ Майнцѣ, или въ большихъ пригородныхъ селеніяхъ рейнской равнины. У крестьянъ же Нассаускихъ горъ и Веттерау республиканцы не нашли ни малѣйшаго сочувствія, напротивъ, ихъ иногда не совсѣмъ вѣжливо просили убираться во свояси. Когда Кюстинъ наложилъ на князя нассау-диттейнскаго личную военную контрибуцію въ 300,000 гульденовъ, крестьяне добровольно предложили уплатить изъ своихъ средствъ часть этой суммы.

Іюльская революція вызвала въ Германіи цѣлый рядъ маленькихъ крестьянскихъ возстаній. Но почти всѣ эти возстанія стремились только къ уничтоженію мѣстныхъ стѣсненій. Крестьяне разрушали таможни, изъ за ихъ обременительныхъ пошлинъ, истребляли ненавистную гербовую бумагу, преслѣдовали то дикихъ свиней, то членовъ магистрата. Нигдѣ не было единства дѣйствія, — каждый желалъ сбросить съ себя только тотъ гнетъ, который непосредственно тяготилъ его. Періодическія мѣстныя безпокойства изъ за налоговъ, натуральныхъ повинностей и барщинъ такъ-же стары, какъ и само крестьянство. Но эти возстанія крестьянъ нельзя назвать революціонными симптомами въ современномъ смыслѣ, какъ нельзя назвать этимъ именемъ волненій средневѣковыхъ городовъ, о которыхъ довольно часто упоминаютъ тогдашнія хроники и которыя нисколько не компрометировали здраваго смысла древне-нѣмецкаго гражданства.

Въ мартѣ 1848 г. движеніе приняло, повидимому, совершенно иной

характеръ. Въ маленькихъ западногерманскихъ государствахъ дѣла приняли такой оборотъ, что, казалось, крестьянское сословіе поднимается поголовно. Государственныя власти не безъ основанія потеряли голову: онѣ еще не видывали такого зрѣлища. Первую побѣду мартовской революціи одержали не Карлсруэ, Дармштадтъ или Висбаденъ, а сельское населеніе Бадена, Гессена и Нассау, явившееся въ столицы; только появленіе крестьянъ массами рѣшило исходъ борьбы. Возмущеніе городского населенія могло-бы быть прекращено существующими военными силами, но когда поднимаются крестьяне, то это похоже на то, какъ-будто городъ загорѣлся въ одно время со всѣхъ концовъ. И все-таки крестьянинъ и на этотъ разъ шелъ только за другими, онъ игралъ роль свою, самъ не зная, что онъ собственно играетъ.

Годъ неурожая и слѣдовавшій за тѣмъ годъ изобилія пошатнули мелкаго землевладѣльца, между тѣмъ какъ оба эти года одинаково наполнили кошелекъ богатаго помѣщика-спекулятора. У крестьянина, какъ и всегда, въ карманѣ лежало много жалобъ, къ тому-же его порядкомъ обработали, и онъ былъ расположенъ къ возстанію, а время было благопріятное. Узнавши, что на этотъ разъ благо страны изготовляется въ столицѣ, онъ подвязалъ свою котомку и отправился туда. Крайне наивная мысль, что въ столицѣ происходитъ что-то необыкновенное и что не худо-бы было побывать тамъ и посмотрѣть, что тамъ дѣлается,- эта мысль привела въ движеніе огромныя массы крестьянъ. Безъ всякой опредѣленной цѣли и рѣшенія явились эти люди на театръ мартовской революціи и были встрѣчены съ распростертыми объятіями предводителями революціонной партіи. Но изъ оконъ княжескихъ дворцовъ и министерскихъ отелей эти необозримыя вереницы крестьянъ представляли, конечно, совсѣмъ иную перспективу. Правительства совершенно растерялись, вообразивъ, что крестьяне проникнуты одной революціонной идеей и дѣйствуютъ совокупно по впередъ составленному плану. На самомъ-же дѣлѣ у этихъ людей частная жалоба не разрослась въ общее недовольство, какъ у, такъ-называемыхъ, „работниковъ“.

Ничто подобное революціоннымъ клубамъ не прививалось къ крестьянству. Такихъ союзовъ крестьянъ, которые стремились-бы, подобно союзамъ рабочихъ, преобразовать общество, нигдѣ не существовали или, если гдѣ и существовали, то только въ формѣ самой невинной каррикатуры. Движеніе крестьянъ замыкалось въ каждомъ округѣ, даже въ каждой деревнѣ. Никому и во снѣ не снилось, чтобы нѣмецкій крестьянинъ, съ береговъ Сѣвернаго или Балтійскаго моря, подалъ руку крестьянину Шварцвальда или Баваріи на общее возстаніе всего нѣмецкаго крестьянскаго сословія, какъ это было на самомъ дѣлѣ между городскими пролетаріями. Чтобы покрыть классъ нѣмецкихъ крестьянъ сѣтью революціонной пропаганды, для этого надо сперва вырвать крестьянина изъ его изолированности, а на рѣшеніе такой задачи нужны цѣлые вѣка. Образованному человѣку необыкновенно трудно сблизиться съ крестьяниномъ, воодушевить его къ какой-нибудь новой идеѣ. Брошюры, распространяемыя въ народѣ, почти никогда не воспламеняли крестьянина, хотя онъ и охотно бралъ ихъ, чтобы воспользоваться бумагою, а не содержаніемъ. Мѣстная журналистика тщетно старалась завоевать себѣ прочный успѣхъ въ деревняхъ. Крестьянинъ не вѣритъ еще, что ему можетъ помочь какая-нибудь газета, а если даже и вѣрилъ этому нѣкоторое время, то скоро разочаровывался. Кто могъ-бы заставить крестьянина отречься отъ обычаевъ, кто съумѣлъ-бы убѣдить его, что онъ долженъ перестать быть крестьяниномъ для того, чтобы сдѣлаться болѣе счастливымъ человѣкомъ и гражданиномъ, — тотъ былъ-бы творцомъ истинной нѣмецкой революціи. Но такого дѣятеля не нашлось. Что сталось-бы въ 1848 г. съ Берлиномъ, если-бы онъ не былъ окруженъ мощнымъ бранденбургскимъ крестьянствомъ? Что если-бы около Гавельскихъ озеръ жили крестьяне-пролетаріи, подобно тому, какъ въ югозападныхъ нѣмецкихъ государствахъ? Бранденбургскіе и Померанскіе крестьяне составляли во время борьбы съ революціей нравственный операціонный базисъ, какъ для генераловъ, такъ и для министровъ.

Требованія крестьянъ, въ основныхъ чертахъ, были вездѣ одни

и тѣ-же, они принимали только различные оттѣнки, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Но самъ крестьянинъ вовсе не сознавалъ этой повсемѣстной тождественности своихъ жалобъ, точно такъ, какъ онъ не помнитъ, что недовольство тѣми-же самыми вещами уже цѣлыхъ триста лѣтъ отлито у него въ стереотипную форму. Пріобрѣтенія, добытыя образованными классами при помощи мартовской революціи, онъ едва понималъ; онъ даже смотрѣлъ на нихъ съ самаго начала съ нѣкоторымъ подозрѣніемъ. Историческое недовѣріе къ горожанамъ пробудилось съ полною силою. Тирольскіе крестьяне не предвидѣли ничего добраго отъ свободы печати и конституціи, „потому что господа ужъ что-то слишкомъ радовались этимъ вещамъ". Вестервальдскіе крестьяне, одобрявшіе сначала съ восторгомъ требованіе общаго нѣмецкаго парламента, стали потомъ съ озабоченною миною расспрашивать, изъ какого войска будетъ составленъ этотъ парламентъ—изъ пѣхоты или кавалеріи. Объявленіе удѣльныхъ имѣній собственностью государства обрадовало крестьянъ въ мелкихъ княжествахъ, въ особенности потому, что они думали, что каждый получитъ свою часть изъ этихъ имѣній но праву общиннаго пользованія, или по праву раздѣла доходовъ. Мысль крестьянъ, сама по себѣ, была не совсѣмъ нелѣпа, и во всякомъ случаѣ они смотрѣли на дѣло благоразумнѣе, чѣмъ большинство „образованныхъ политиковъ", которые требовали передачи удѣльныхъ вотчинъ въ распоряженіе государства, не соединяя съ этой мѣрой никакой опредѣленной мысли.

Съ перваго взгляда покажется страннымъ, что идея раздѣла имущества такъ быстро распространилась между крестьянами и даже скоро сдѣлалась единственною приманкою, которою апостолы революціи привлекали на свою сторону адептовъ изъ крестьянскаго сословія. Не только пролетаріи, но и многіе состоятельные крестьяне были ослѣплены надеждой на „раздѣлъ". Казалось, что соціальное направленіе революціи встрѣтило сочувствіе у крестьянъ; казалось, что ошибались тѣ, которые думали, что отъ коммунизма крестьянинъ предохраненъ своею любовью къ прочному

владѣнію собственностью и спокойному заработку. Но эта жажда раздѣла имущества, которою въ послѣдніе годы глубоко проникнуты были крестьяне почти всѣхъ государствъ, имѣла особенный смыслъ. Истый крестьянинъ обыкновенно менѣе всего думалъ объ осуществленіи отвлеченнаго коммунизма; „раздѣлъ" былъ для него скорѣе возвращеніемъ къ старинѣ, чѣмъ нововведеніемъ. Фантазія крестьянина представляла ему золотымъ вѣкомъ то время, когда каждый членъ общины получалъ даромъ изъ общиннаго лѣса столько дровъ, что, кромѣ собственнаго употребленія, часть ихъ еще продавалъ, когда доходы общины были такъ значительны, что въ концѣ года остатокъ ихъ дѣлился между всѣми членами. Такое положеніе дѣлъ существовало, конечно, въ видѣ исключенія, въ особенно благопріятныхъ мѣстностяхъ; въ рѣдкихъ случаяхъ оно существуетъ еще и теперь. Желаніе, чтобы оно существовало вездѣ, составляетъ идеалъ большинства крестьянъ. Поэтому крестьяне обыкновенно понимали раздѣлъ въ томъ смыслѣ, что государственное имущество, именно государственные лѣса сдѣлаются общинными угодьями, что вообще посредствомъ какого-нибудь экономическаго фокуса каждый гражданинъ будетъ получать даровой лѣсъ, даровые луга и еще нѣкоторую сумму наличныхъ денегъ. Не страсть къ новизнѣ, а дурно понятый консерватизмъ, самообольщеніе историческими преданіями бросили крестьянъ въ объятія коммунистовъ. Изъ собственнаго же имущества никто не хотѣлъ пожертвовать ни одной тряпки для всеобщаго раздѣла, и убѣжденіе, что безъ такого средства нельзя рѣшить эту задачу „дѣленія", — скоро вылечило огромное большинство охотниковъ дѣленія.

Впрочемъ, нужно сказать, что въ деморализированныхъ крестьянскихъ общинахъ, именно въ деревняхъ, расположенныхъ noблизости большихъ городовъ, и разоренныхъ въ конецъ вслѣдствіе чрезмѣрной раздробленности имуществъ,—коммунизмъ проявился въ самыхъ уродливыхъ формахъ. Въ этихъ деревняхъ „дѣленіе" понимали совершенно по своему, и такъ-какъ въ цѣлой деревнѣ не было, быть можетъ, ни од-

ного жителя, который-бы особенно огорчился потерею своего имущества, то всѣ они предались душой и тѣломъ новому ученію. Самое большее число случаевъ насилія, совершенныхъ въ провинціи въ продолженіи революціи, падаетъ на такія деморализированныя деревни, населенныя пролетаріями. Жители этихъ деревень принимали дѣятельное участіе въ баденскомъ возмущеніи, во франкфуртскомъ сентябрьскомъ возстаніи и тому подобныхъ „битвахъ". Развращенный крестьянинъ-пролетарій въ своей необузданности заходилъ гораздо дальше городского пролетарія: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ сжигалъ гипотечныя и межевыя книги. Такая демонстрація очень ясна сама по себѣ, она доказываетъ намъ лучше, чѣмъ дюжины трактатовъ, до чего можетъ дойти крестьянинъ, когда прочная почва собственности начинаетъ колебаться подъ его ногами, когда онъ измѣняетъ своимъ обычаямъ, когда водка разслабляетъ его нервы и превращаетъ его природную грубость въ звѣрство.

Возвратимся снова къ неиспорченнымъ крестьянамъ и къ той роли, которую они играли въ общемъ движеніи. Они представляли любопытный контрастъ съ образованными классами. Крестьянинъ сейчасъ-же ухватился за практическую сторону „народныхъ требованій"; такъ напр. онъ рѣшился не платить податей и налоговъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ видно, чѣмъ кончится вся эта исторія; и вообще онъ съ самаго начала высчиталъ осязательныя выгоды, которыя можетъ доставить ему побѣда революціи. Между тѣмъ образованные люди мучили себя абстрактными планами преобразованія государства и всего человѣчества. Въ то время, какъ горожане ломали голову надъ выборнымъ закономъ, „на самыхъ широкихъ началахъ", крестьяне наивно спрашивали у правительства, имѣютъ-ли при новомъ порядкѣ дѣлъ силу прежніе контракты объ арендѣ, или, можетъ быть, теперь, вслѣдствіе уничтоженія „феодальнаго насилія", арендаторъ сдѣлался собственникомъ арендуемой земли? Мы могли-бы назвать крестьянина грубымъ матеріалистомъ, если-бы намъ самимъ не пришлось по неволѣ сдѣлаться

такими-же матеріалистами, съ тою только разницею, что крестьянинъ началъ революцію счетомъ своего выигрыша, между тѣмъ, какъ мы заключили ее счетомъ нашихъ потерь и долговъ. Крестьянинъ представляетъ собою грубый реалистическій элементъ народа, и нужно быть довольно практическимъ человѣкомъ, или, пожалуй, филистеромъ, чтобы сознаться, что мы крайне нуждаемся въ такомъ элементѣ; намъ не мѣшало-бы отъ времени до времени освѣжаться радикально, погружаясь душой и тѣломъ въ грубый реализмъ крестьянина.

Не смотря однако-же на то, что въ деревняхъ, во время мартовскихъ дней, руководствовались не Цахаріэ и Дальманомъ, а ариѳметикою Адама Ризэ, — мелкій крестьянинъ все-таки поплатился, въ пользу богатаго землевладѣльца, лучшею частью своихъ выгодъ, добытыхъ во время революціи. Мы укажемъ, напр., на агитацію въ пользу отмѣны десятины, агитацію, которая во многихъ государствахъ играла большую роль, и даже долго была нервомъ всей политической жизни въ провинціи. До тѣхъ поръ, пока вопросъ о десятинѣ считался насущнымъ вопросомъ, городской агитаторъ находилъ пунктъ, въ которомъ онъ могъ сблизиться съ недовѣрчивымъ и неприступнымъ крестьяниномъ. Агитація противъ десятины была маленькая революція въ революціи, она такъ разнообразно развѣтвлялась по всѣмъ направленіямъ, что нужно написать особую книгу, чтобы прослѣдить всѣ нити этой агитаціи. Такая книга представляла-бы интересный матеріалъ для исторіи цивилизаціи. Желанію „дѣлить“ соотвѣтствовало требованіе безвозмезднаго уничтоженія десятины. Это требованіе, какъ нельзя лучше, поясняетъ то, какимъ образомъ крестьянинъ понималъ „раздѣлъ“. Правительство и церковь должны быть лишены одного изъ источниковъ ихъ доходовъ, этотъ источникъ доходовъ долженъ сдѣлаться общимъ достояніемъ крестьянскаго сословія и распредѣляться между отдѣльными его членами пропорціонально величинѣ пахатной земли каждаго. Таковъ простой смыслъ безвозмезднаго уничтоженія десятины; въ немъ проглядываетъ не столько нивелирующій коммунизмъ, сколько своеко-

ристный партикуляризмъ крестьянскаго сословія. Очевидно, что вопросъ о десятинѣ заключаетъ въ себѣ, кромѣ сельскохозяйственной, еще экономическую сторону. Но крестьянинъ не обращалъ на эту послѣднюю ни малѣйшаго вниманія. Привыкши смотрѣть на вещи съ своей особенной точки зрѣнія, онъ забывалъ, что если отмѣна десятины будетъ произведена въ слишкомъ большомъ размѣрѣ, то государственная казна потерпитъ значительный дефицитъ, покрытіе котораго, посредствомъ новыхъ налоговъ, упадетъ на каждаго отдѣльнаго гражданина, а слѣдовательно и на него самого. А такъ-какъ маленькіе участки земли, какими, къ сожалѣнію, обыкновенно владѣетъ мелкій крестьянинъ, мало или даже совсѣмъ не были обложены десятиной, вся тяжесть которой падала на большія имѣнія, то мелкій крестьянинъ не только ничего не выигрывалъ отъ отмѣны десятины въ слишкомъ большомъ размѣрѣ, но онъ еще долженъ былъ, какъ платящій подати, принимать участіе въ покрытіи дефицита, образовавшагося въ государственной кассѣ, въ пользу богатаго землевладѣльца. Въ Нассау, напр., самый богатый землевладѣлецъ получилъ такимъ образомъ въ подарокъ изъ средствъ государства не менѣе 36.000 флориновъ, между тѣмъ какъ мелкій крестьянинъ выигралъ въ результатѣ только возвышеніе налоговъ. Если-бы крестьянинъ впередъ предвидѣлъ такой исходъ дѣла, онъ-бы не совсѣмъ дружелюбно встрѣтилъ людей, которые такъ ловко воспользовались для своихъ выгодъ волненіемъ крестьянъ по поводу десятины. Но дѣло въ томъ, что пока вопросъ о десятинѣ оставался нерѣшеннымъ, богатые крестьяне, хорошо понимавшіе свои выгоды, крѣпко держались другъ за друга, а бѣдняки смотрѣли на нихъ какъ на своихъ естественныхъ адвокатовъ, не подозрѣвая, что въ этомъ случаѣ интересы крупнаго и мелкаго землевладѣльца діаметрально противоположны. Если-бы государственная казна перетерпѣла разъ на всегда свою потерю, происшедшую отъ уничтоженія десятины, тогда, конечно, и мелкіе крестьяне получили-бы пользу въ сельско-хозяйственномъ отношеніи, потому что освобожденіе маленькихъ участковъ земли отъ уплаты десятины

представляло величайшій соблазнъ къ веденію хозяйства небольшими участками, которое идетъ рука объ руку съ безконечнымъ дробленіемъ имущества и деревенскимъ пролетаріатомъ. Нравственное вліяніе этой агитаціи было громадно, соціальныя послѣдствія ея неисчислимы. Вопросъ о десятинѣ поглощалъ у крестьянина всѣ другіе политическіе интересы, и агитаторы не преминули обратить у него политику въ дѣло простого корыстолюбія. На мѣстныхъ сеймахъ, гдѣ вопросъ о десятинѣ былъ жизненнымъ вопросомъ для сельскаго населенія, крестьяне нерѣдко продавали свои голоса другимъ партіямъ, пріобрѣтая взамѣнъ голоса въ пользу отмѣны десятины. Съ другой стороны, крестьяне, учившіеся на мѣдные гроши, не въ состояніи были рѣшить финансовую задачу и потому колебались отъ одного мнѣнія къ другому и каждый день подавали новые петиціи, то объ уничтоженіи, то объ уменьшіи, то о нормализаціи десятины. Гдѣ рѣшена была отмѣна десятины въ большомъ размѣрѣ, тамъ сельское населеніе возбудило противъ себя ненависть въ сословіи ремесленниковъ, которые должны были теперь дѣлать своими налогами подарки крупнымъ землевладѣльцамъ; духовенство, съ своей стороны, тоже начало волноваться, потому что этой мѣрою уменьшались доходы церкви; мелкіе крестьяне чувствовали всю горечь обманутой надежды. При болѣе разумномъ разрѣшеніи вопроса о десятинѣ и сельское хозяйство выиграло-бы, и государственная казна ничего не потеряла-бы. Но кто-же могъ заикнуться о болѣе разумномъ рѣшеніи въ виду общей фразы объ исторической несправедливости десятины, несправедливости, которую нужно искупить — на счетъ кармана мелкихъ крестьянъ и ремесленниковъ! Только тогда, когда вредъ уже сдѣлался осязательнымъ, поняли истинное положеніе дѣла.

Въ первое время безурядицы, произведенной революціей, крестьянинъ на западѣ Германіи, въ продолженіи почти цѣлаго мѣсяца, имѣлъ полную возможность распоряжаться по своему произволу. Интересно узнать, какъ онъ воспользовался этимъ медовымъ мѣсяцемъ свободы.

Онъ издалъ самъ для себя строгій законъ относительно вреда, причиняемаго дичью полямъ,—такъ-какъ прежній законъ казался ему слишкомъ снисходительнымъ,—и сталъ стрѣлять и ловить дичь, сколько силъ хватило. Лѣсъ онъ снова сдѣлалъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ, по историческимъ преданіямъ, въ прежнія времена, т. е. общиннымъ угодьемъ, и началъ рубить дрова вездѣ, гдѣ ему нравилось. Гнетъ налоговъ облегчилъ тѣмъ, что оставлялъ налоги для собственнаго пользованія. Налоговъ въ пользу медіатизированныхъ князей онъ тоже не платилъ, являясь, въ случаѣ нужды, въ замокъ князя и принуждая его силою покориться „народнымъ требованіямъ“. Ненависть къ полицейскому государству онъ утолилъ тѣмъ, что прогналъ лѣсничихъ и повивальныхъ бабокъ, чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ опять пригласить ихъ. Во всемъ этомъ мы видимъ только отчасти наивную, отчасти безразсудную самопомощь противъ подавляющаго зла и стремленіе къ возстановленію крестьянскаго идеала добраго стараго времени. Совершенно въ другомъ свѣтѣ представляется постыдное преслѣдованіе евреевъ, имѣвшее мѣсто во время мартовскихъ дней во многихъ сельскихъ общинахъ южной Германіи. Что въ этомъ преслѣдованіи проглядывалъ не духъ современной революціи, а мерзкая мужицкая гордость и ненависть — это очевидно всякому. Но замѣчательно то, что, въ этомъ случаѣ, въ насиліи виновны именно тѣ общины, которыя по преимуществу называли „просвѣщенными“, въ которыхъ учителя и демагоги всѣми средствами старались распространить новыя ученія; общины, въ которыхъ не могло существовать глубокой религіозной ненависти потому, что въ теченіи многихъ лѣтъ употреблялись всевозможныя усилія, чтобы искоренить въ крестьянахъ религіозность и замѣнить ее сухою грошовою моралью. И въ самомъ дѣлѣ преслѣдованіе евреевъ въ Баденѣ было внушено не религіозною ненавистью. Это была скорѣе ненависть крестьянина, обнищавшаго вслѣдствіе чрезмѣрнаго раздробленія имуществъ и потому преданнаго на жертву произволу евреевъ-торгашей; это была естественная вражда исключительнаго корпоративнаго духа къ чуждому пришельцу;

это было презрѣніе землевладѣльца къ разсѣянному, не имѣющему отечества, племени. Какъ ни „просвѣщали" этихъ крестьянъ, они все-таки въ первую-же минуту свободы явились въ самыхъ ужасающихъ первобытныхъ формахъ.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что революціонныя стремленія крестьянъ составляютъ прямую противоположность съ революціоннымъ духомъ горожанъ; крестьянинъ хотѣлъ избавиться отъ всего новаго, насильно навязаннаго ему, и возвратиться къ старинѣ, а горожанинъ желалъ промѣнять новое на фантастическое новѣйшее.

Главные нападки крестьянъ были направлены противъ бюрократически-общинной администраціи. Но не было примѣра, чтобы крестьяне, въ дни необузданной вольности, думали о новой системѣ общиннаго управленія; они поступали очень просто и практично: устраняли отъ должности навязанныхъ имъ правительствомъ бургомистровъ и старшинъ, а медленность въ ходѣ дѣлъ общины, вызываемую бюрократической лѣстницей инстанцій, устранили фактически тѣмъ, что вовсе не обращались къ этимъ инстанціямъ, а рѣшали дѣла не канцелярскимъ порядкомъ, а на основаніи обычая, каковъ-бы ни былъ этотъ обычай — хорошъ или дуренъ. Крестьянинъ и не мечталъ никогда о совершенномъ освобожденіи своей общины отъ верховнаго контроля государственной власти; ему не нравился только тотъ способъ, какимъ производился этотъ контроль. Гдѣ теоретическій радикализмъ успѣлъ провести такую организацію свободной общины (какъ это удалось ему въ нѣкоторыхъ странахъ), при которой право надзора, принадлежащее государству, дѣлается призракомъ, въ дѣйствительности-же каждая отдѣльная община образуетъ независимое свободное государство въ государствѣ, тамъ вредъ отъ такого порядка дѣлъ обнаружился уже теперь самымъ ощутительнымъ образомъ. Такъ, напр., государственная власть, отказавшись отъ права разрѣшать или запрещать общинамъ предполагаемыя ими порубки лѣса, обрекла лѣсоводство на неизбѣжную гибель. Общины, разумѣется, стали вырубать столько лѣса, сколько имъ нужно

было, чтобы облегчить на минуту бремя своихъ долговъ, вовсе не думая о томъ, гораздо большемъ, гнетѣ, который приготовлялся ими такимъ образомъ для потомковъ. Чтобы возстановить прежнюю рутину общиннаго владѣнія, по возможности, въ большихъ размѣрахъ, часть лѣса превращена въ пашню. Иногда образовавшуюся такимъ образомъ пахатную землю дѣлили микроскопическими частицами между всѣми гражданами. Въ особенности тѣ общины, которыя не могли утѣшиться, обманувшись въ своей надеждѣ на „раздѣлъ", прибѣгали къ подобнымъ средствамъ, чтобы хоть немножко отвѣдать наслажденіе раздѣла. Но скоро затѣмъ явившіяся горькія послѣдствія отбили у нихъ охоту отъ дальнѣйшихъ опытовъ въ этомъ родѣ. Община должна сама устроить свою внутреннюю администрацію; она должна выбирать своихъ старшинъ изъ своей собственной среды. Съ этимъ требованіемъ нельзя не согласиться. Но именно въ тѣхъ странахъ, гдѣ надъ общинами господствовала бюрократическая опека самаго лучшаго свойства, теперь вдругъ бросились въ совершенно противоположную крайность, и дали общинамъ свободную организацію, *въ духѣ современной демократіи*, основанную на началѣ всеобщей подачи голосовъ и неограниченнаго выборнаго права. Такимъ образомъ, крестьянину опять навязали нѣчто совершенно чуждое ему, не возникшее исторически. Его преданія указываютъ ему на гораздо болѣе аристократическія формы. Крестьянинъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, убѣжденъ, что способность къ политической дѣятельности соединяется съ извѣстнымъ возрастомъ и съ извѣстнымъ имуществомъ. По его понятіямъ, человѣкъ становится истинно разсудительнымъ не раньше, какъ на 40-мъ году своего возраста. Поземельная собственность потеряла-бы въ глазахъ крестьянина свою главную цѣну, если-бы какой-нибудь неимущій пролетарій былъ выбранъ въ шеппены (засѣдатели) такъ-называемаго полевого суда (Feldgericht). Крестьянинъ никогда не станетъ питать уваженія къ старостѣ, который самъ не будетъ *настоящимъ крестьяниномъ*, который не будетъ имѣть въ своемъ хозяйствѣ по-крайней-мѣрѣ одной пары; онъ не бу-

детъ уважать такого старосту, хоть-бы самъ-же десять разъ подавалъ за него голосъ на выборахъ. На этихъ-то и другихъ историческихъ особенностяхъ характера крестьянина должна основываться свободная организація общины, а не на теоретическихъ доктринахъ.

Опытъ показалъ уже, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ община организована по демократическимъ отвлеченнымъ теоріямъ, безпорядки и раздоры умножились. Тамъ въ каждомъ селѣ образовались партіи, которыя начинаютъ раздѣлять общину, жившую прежде въ полнѣйшемъ согласіи, на непримиримыя группы; уваженіе или неуваженіе къ закону сообразуется съ личностью чиновниковъ и съ принципами той партіи, къ которой они принадлежатъ,—ибо крестьянинъ никогда не питаетъ уваженія къ отвлеченному закону, онъ уважаетъ только обычай, или лицо. Глава общины, больше чѣмъ когда-либо, становится деспотомъ въ отношеніи людей противной партіи и рабомъ своей собственной. Сельскій староста, возведенный верховной властью народа на тронъ, совершенно теряетъ голову на этой высотѣ. Представленная нами картина вовсе не преувеличена. Кто желаетъ убѣдиться въ вѣрности ея, пусть посмотритъ на наши средне-нѣмецкія мелкія государства. Въ этихъ государствахъ до 1848 г. существовало глубокое и справедливое озлобленіе противъ бюрократической опеки общинъ, и, несмотря на то, зло отъ абстрактно-демократической общинной организаціи, продержавшейся нѣкоторое время, какъ плодъ революціи, было такъ осязательно, что заставило забыть прежнее неудовольствіе, и крестьяне стали вздыхать по печальной бюрократической рутинѣ. Кто хочетъ написать хорошіе законы для крестьянъ, тотъ пусть беретъ за исходную точку обычаи и характеръ сельскаго населенія, а не школьную мудрость политической науки, съ ея отвлеченными догматами.

Способъ воззрѣнія большинства крестьянъ на ихъ положеніе и призваніе въ нашихъ парламентскихъ палатахъ показываетъ, какъ далеки еще они, т. е. крестьяне, отъ пониманія сущности конституціонной теоріи. Почти вездѣ они смотрятъ на себя, какъ на сословную корпорацію,

призванную преимущественно для того, чтобы защищать дѣло крестьянства; и даже тамъ, гдѣ они не сознавали ясно этой цѣли, они все-таки дѣйствовали сообразно ей.

Почти на всѣхъ мѣстныхъ сеймахъ крестьяне составляли, какъ мы уже выше сказали, замкнутую партію, одиноко стоявшую посреди другихъ нашихъ партій. Эта партія не подраздѣлялась на правую и лѣвую стороны, потому что она исходила не изъ политическихъ ученій, а изъ чисто практическихъ соображеній. Когда крестьянинъ выбираетъ кандидатовъ для народнаго представительства, онъ, конечно, прежде всего думаетъ о крестьянскомъ представительствѣ. Надежда, которую онъ возлагаетъ на дѣятельность сейма, измѣряется у него численнымъ отношеніемъ, въ которомъ находится цифра крестьянскихъ депутатовъ къ цифрѣ всѣхъ остальныхъ. Онъ боится, чтобы представители изъ промышленнаго и чиновничьяго классовъ не обманули его, и вообще онъ трудно вѣритъ, чтобы человѣкъ, не владѣющій земельною собственностью, могъ здраво судить о его особенныхъ интересахъ. Самымъ поразительнымъ доказательствомъ необыкновеннаго вліянія, какимъ пользуется католическое духовенство въ Вестфаліи, служитъ тотъ фактъ, что тамъ во время парламентскихъ выборовъ въ крестьянскихъ избирательныхъ округахъ успѣли провести депутатовъ, изъ которыхъ почти ни одинъ не былъ до этого времени лично извѣстенъ избирателямъ-поселянамъ. Въ Тиролѣ, гдѣ крестьянство получило значеніе самостоятельнаго сословія еще со временъ среднихъ вѣковъ и очень хорошо сознавало свою корпоративную силу, произошелъ странный случай: большинство крестьянъ-избирателей платили своимъ депутатамъ изъ своего собственнаго кармана двойныя суточныя деньги, потому что сумма, выдаваемая изъ общественной кассы, казалась имъ слишкомъ незначительною. Конечно, тирольскіе крестьяне посылали въ Франкфуртъ представителей, въ той увѣренности, что послѣдніе будутъ прежде всего защищать частные интересы крестьянскаго сословія. Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ крестьянинъ, сбитый съ толку разными посторонними вліяніями на

выборы, не увѣренъ, что его сословные интересы будутъ защищаемы съ успѣхомъ, онъ, по большей части, смотритъ недовѣрчиво на палаты, жалуется на то, что депутатамъ выдаются слишкомъ большія суточныя деньги, и скорѣе готовъ-бы былъ поддержать всякое предложеніе объ уменьшеніи этихъ денегъ, чѣмъ увеличивать ихъ изъ собственнаго кармана. Идея конституціоннаго государства представляетъ для него книгу за семью печатями. Онъ не находитъ ни въ своемъ собственномъ быту, ни въ своихъ историческихъ преданіяхъ никакой аналогіи съ этимъ порядкомъ, за которую могъ-бы ухватиться его разсудокъ. Напротивъ того, раздѣленіе по сословіямъ, какъ нельзя лучше гармонируетъ съ его партикуляризмомъ, и съ давнихъ поръ лежитъ въ основѣ всего его политическаго міросозерцанія. При республиканской формѣ правленія онъ еще по-крайней-мѣрѣ представляетъ себя чѣмъ-нибудь, хотя и совершенно превратно; при конституціонной формѣ—онъ себя ничѣмъ не представляетъ. Крестьянинъ не на основаніи науки, а какъ-бы чутьемъ понимаетъ и цѣнитъ народное представительство по сословіямъ, между тѣмъ какъ къ представительству по числу жителей, пользующемуся такою популярностью между низшими классами городского населенія, онъ не имѣетъ ни малѣйшей склонности. Въ этомъ обстоятельствѣ заключается важный признакъ,—оно происходитъ отъ того, что крестьянину присуще, какъ естественное чувство, сознаніе его сословности. Въ современномъ мірѣ крестьянство представляетъ *сословіе* въ полномъ значеніи этого слова, ибо единство обычаевъ, языка, одежды, занятій у него еще совершенно совпадаетъ съ понятіемъ соціальной группы, политической корпораціи. Въ крестьянствѣ мы видимъ единственный, еще вполнѣ уцѣлѣвшій, образчикъ прежнихъ сословій. Это сословіе и теперь *живетъ* совершеннымъ особнякомъ, точно такъ-же какъ прежде жили и другія сословія.

Политическія формы, составляющія результатъ рефлексіи, школьной мудрости, системы, чрезвычайно трудно прививаются къ крестьянину. А, между тѣмъ, къ несчастію, большая часть политическихъ опы-

товъ, произведенныхъ во время послѣдняго движенія, ограничивалась подобными кабинетными выдумками,—отсюда равнодушіе крестьянъ къ этимъ формамъ. Напр., хотя крестьянинъ, конечно, больше всѣхъ терпитъ отъ обязательной военной службы, и скорѣе всякаго имѣлъ-бы причины желать уничтоженія постоянныхъ армій, тѣмъ не менѣе онъ самымъ упорнымъ образомъ противился осуществленію придуманнаго фантазерами всеобщаго народнаго ополченія. Его практическій взглядъ, къ стыду многаго множества образованныхъ людей, хорошо предвидѣлъ неудобоисполнимость этого грандіознаго на бумагѣ учрежденія. Онъ послѣдній взялся за ружье милиціонера и первый положилъ его, да и вообще своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ быстро разрушилъ иллюзію удобоисполнимости такого народнаго вооруженія. Что касается до комедіи, еще продолжавшейся послѣ того нѣкоторое время въ городахъ, то онъ не оказывалъ къ ней ни малѣйшаго сочувствія. Когда эрцгерцогъ Карлъ, осенью 1799 г., хотѣлъ организовать въ нѣмецкихъ земляхъ всеобщее народное ополченіе и уже сдѣлалъ въ окрестностяхъ Майнца довольно удачное начало, большинство народонаселенія оказало сопротивленіе, и планъ не удался столько-же отъ нерасположенія къ нему государей, сколько и отъ уклончивости крестьянъ, хотя въ то время отечеству угрожала гораздо большая опасность, и хотя во главѣ ополченія стоялъ герой, способный воодушевлять массу. Нѣмецкій крестьянинъ хорошій солдатъ, когда его дѣлаютъ настоящимъ солдатомъ, но давно уже прошла та пора, когда онъ могъ быть въ одно и то-же время и крестьяниномъ, и солдатомъ, когда ландграфъ гессенскій (въ XIII ст.) могъ съ полнымъ успѣхомъ призывать на войну всякаго мужчину, способнаго носить мечъ, или хоть-бы даже дубину.

А между тѣмъ крестьянинъ составляетъ ядро нѣмецкой арміи и дерется превосходно тамъ, гдѣ онъ призванъ подъ знамена обычною властью полководца. Онъ становится хорошимъ солдатомъ съ той минуты, когда онъ, такъ-сказать, осязаетъ руками *безусловную необходимость* сдѣляться солдатомъ. Что сталось-бы съ нами во время

революціи, если-бы ядро и преобладающая масса нѣмецкаго войска состояла не изъ крестьянъ, а изъ другихъ элементовъ?

Когда въ 1848 г. новое политическое устройство стали отливать въ форму закона и при этомъ вездѣ налегать на выборное начало, то, наконецъ, испугались чудовищной массы выборовъ, на которыхъ приходилось учавствовать каждому отдѣльному гражданину; нужно было выбиратъ депутатовъ въ парламентъ, депутатовъ мѣстнаго сейма, присяжныхъ, бургомистровъ, общинныхъ совѣтниковъ и т. д. Казалось, что на каждый день календаря приходятся какіе нибудь выборы. Но прогрессисты утверждали, что это-то и хорошо именно для крестьянина; постоянное избираніе „поддержитъ въ немъ бодрость духа". Они плохо знали крестьянина. Ему скорѣе всѣхъ надоѣло такое множество выборовъ, и все его участіе къ политикѣ охладѣло отъ досады на выборы, которыми его безпрестанно мучили. Это занятіе было черезчуръ утомительно и скучно для его практическаго ума. Многія оденвальдскія сельскія общины объявили, что онѣ не хотятъ болѣе выбирать, а предоставляютъ это дѣло великому герцогу Гессенскому, который, до періода выборной моды дѣйствовалъ вѣдь гораздо лучше, чѣмъ теперь. Это откровенное признаніе лучше всего показываетъ, далеко-ли уйдешь съ крестьяниномъ, если вздумаешь пріучать его, при помощи безпрестаннаго понуканья, къ тому дѣлу, сущность котораго для него непонятна. Наконецъ, нигдѣ выборы не производились съ такимъ легкомысліемъ, какъ у крестьянъ, отъ природы вовсе не легкомысленныхъ; нигдѣ такъ легко не удавались происки на выборахъ, тогда какъ тотъ-же крестьянинъ въ другихъ случаяхъ весьма недовѣрчивъ. Но именно эта-то недовѣрчивость и сдѣлала его равнодушнымъ: видя, что его толкаютъ въ бока съ такимъ рвеніемъ, онъ сталъ подозрѣвать, что его хотятъ загнать въ ловушку. Крестьянинъ всякое нововведеніе принимаетъ не спѣша, онъ постепенно сживается съ нимъ, а если вы хотите сдѣлать его зрѣлымъ для конституціоннаго порядка, постарайтесь, чтобы формы

этого порядка, мало-по-мало перешли въ его обычаи и, наконецъ, сами стали для него обычаемъ.

Когда десятина и другіе тяжелые налоги были упразднены, права пользованія лѣсами и право охоты опредѣлены, община получила новую организацію; однимъ словомъ, когда крестьянинъ покончилъ счеты съ матеріальнымъ выигрышемъ отъ революціи—движеніе для него прекратилось. Разумѣется, это мало говоритъ въ пользу его политической зрѣлости въ болѣе обширномъ смыслѣ. Спокойствіе и совершенное утомленіе появилось въ деревняхъ гораздо раньше, чѣмъ въ городахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случалось даже, что крестьяне грозили горожанамъ, что если они не успокоятся сами, то все сельское населеніе явится усмирить ихъ. Было что-то пророческое въ томъ обстоятельствѣ, что первый, наиболѣе дурный, актъ революціи суждено было завершить именно эрцгерцогу Іоанну, этому штирійскому крестьянину-эрцгерцогу. Начиная со второй половины 1848 г., всѣ, сколько-нибудь значительные, планы возмущенія не удались вслѣдствіе равнодушія крестьянъ. Всегда дѣло останавливалось за неприбытіемъ, какъ выражались въ то время, „послѣдняго подкрѣпленія", т. е. крестьянъ.

Демократія поступила точно такъ-же, какъ и полицейское государство; при своихъ политическихъ соображеніяхъ она упускала изъ виду крестьянъ и ихъ своеобразный бытъ; она очень много толковала о народѣ и забывала, что подъ этимъ словомъ понимаются, между прочимъ, и крестьяне. Обративъ все свое вниманіе на реакцію во дворцахъ, она просмотрѣла гораздо болѣе опасную реакцію въ хижинахъ. Крестьяне, именно сѣвера и юго-востока Германіи, съ самаго начала смотрѣли на парламентъ равнодушно, даже недовѣрчиво. Чѣмъ болѣе парламентскія пренія углублялись въ основные вопросы конституціи, тѣмъ труднѣе было крестьянину слѣдить за ними; а вслѣдствіе этого должно было охладѣть и его участіе къ самому учрежденію. Только совершенное незнакомство съ нѣмецкимъ крестьяниномъ могло навести на мысль, что онъ воодушевится за основные вопросы имперской конституціи, или хоть

даже за самую эту конституцію. За какой-нибудь писанный законъ крестьянинъ никогда еще не воодушевлялся, но очень часто испытывалъ тайный страхъ, въ виду всякихъ подобныхъ законовъ; онъ одушевляется только за живой законъ, за свои обычаи, преданіе, вѣру. Если-бы даже „возстаніе для проведенія имперской конституціи“ и не встрѣтило никакихъ другихъ препятствій, оно все-таки не удалось-бы, вслѣдствіе равнодушія крестьянъ. Въ Баденѣ и Пфальцѣ крестьяне были увлечены въ несчастную борьбу, благодаря тому внѣшнему авторитету, который революціонная партія мало по малу пріобрѣла въ этихъ земляхъ;—да и то увлеклась сравнительно очень незначительная часть сельскаго населенія. Когда Геккеръ приглашалъ оберландскихъ крестьянъ присоединиться къ его отряду, ему данъ былъ классическій отвѣтъ, что имъ совершенно некогда, что имъ нужно пахать землю на полѣ. Геккеръ не пользовался еще авторитетомъ между крестьянами, а крестьянинъ человѣкъ авторитета. Баденъ, во время такъ-называемой борьбы за имперскую конституцію, находился въ совершенно исключительномъ положеніи. Прежніе представители власти потеряли всякую силу. И крестьянинъ принялъ участіе въ возстаніи не ради имперской конституціи, даже не ради республики, а просто потому, что люди революціонной партіи въ продолженіи цѣлаго года такъ глубоко пустили корни по деревнямъ, что въ виду совершенно стушевавшагося правительства они казались ему единственной властью въ странѣ. Что касается до пфальцскихъ крестьянъ, то они, какъ извѣстно, въ большинствѣ случаевъ, не слишкомъ горячо брались за оружіе. Ихъ вялое равнодушіе способствовало взрыву революціи, но то-же самое равнодушіе привело и къ ея пораженію.

Если-бы мы захотѣли опредѣлить въ общихъ чертахъ вліяніе послѣдняго политическаго кризиса на крестьянъ, намъ представилось-бы два совершенно противоположныя явленія. Здоровое, настоящее и природное сельское населеніе снова укрѣпилось въ силахъ; испорченный же, передѣланный на городской ладъ крестьянинъ-пролетарій палъ еще

глубже. Крестьяне вдругъ пришли въ столкновеніе съ „господами" на одной и той же почвѣ, въ одномъ и томъ-же дѣлѣ. Тамъ, гдѣ они еще не потеряли истинно корпоративнаго духа, гдѣ они еще сохранили свое первобытное политическое значеніе, тамъ этотъ духъ еще болѣе усилился, тамъ они лучше прежняго поняли свое значеніе, между тѣмъ какъ испорченный крестьянинъ еще болѣе сталъ усвоивать себѣ все, что соединяетъ его съ огромнымъ полчищемъ испорченныхъ людей изъ всѣхъ слоевъ общества. Своеобразный нѣкогда сельскій пролетаріатъ начинаетъ все болѣе и болѣе переходить въ общее понятіе пролетаріата, т. е. къ характеру экономическаго разоренія присоединился еще характеръ соціальнаго отрицанія. Такимъ образомъ, революція, съ одной стороны, снова ввела крестьянство въ его замкнутый кругъ, а съ другой стороны нивелировала его. Въ какой мѣрѣ свободная общинная организація сообщаетъ солидному крестьянину большую увѣренность въ своихъ силахъ и поддерживаетъ его своеобразный характеръ, въ такой-же точно мѣрѣ она ведетъ испорченныя общины къ совершенному разрушенію. Впрочемъ, въ этомъ нѣтъ большого несчастія, потому что нашъ сельскій пролетаріатъ имѣетъ свою будущность только въ Америкѣ. Тутъ еще разъ обнаружилось, какое богатство жизненной силы лежитъ въ нравахъ крестьянъ; но тамъ, гдѣ эти нравы перешли въ деморализацію, обнаружились и темныя ихъ стороны. Крестьяне, отрекшіеся отъ своихъ нравовъ, отличались теперь (1850 г.) своею безнравственностію; между ними, въ послѣдніе годы, число убійствъ и вообще преступленій, предполагающихъ полное нравственное растлѣніе, увеличилось до ужасающихъ размѣровъ. Никогда по деревнямъ не совершалось столько грабежей въ церквахъ, на кладбищахъ, не было столько поджоговъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ живутъ эти деморализированные, преобразившіеся на городской ладъ, крестьяне, церкви бываютъ по большей части пусты, напротивъ пьянство и буйство, по воскресеньямъ, во время божественной службы, вошло въ обычай. Оскорбленіе должностныхъ лицъ, именно чиновниковъ исполнительной власти, злостное истреб-

леніе чужой собственности изъ зависти, или мщенія, или съ цѣлью грабежа—все это было обыкновеннымъ дѣломъ въ дни анархіи. И при этомъ нужно еще замѣтить, что рядомъ съ уголовной статистикой выродившихся крестьянъ идетъ обыкновенно уголовная статистика сельскихъ учителей, находясь къ первой въ отношеніи причины къ слѣдствію. Свихнувшійся учитель-пролетарій очень часто становился злымъ демономъ, Мефистофелемъ, для падшаго крестьянина. Онъ указывалъ животнымъ инстинктамъ крестьянина цѣль и средства; онъ, по большей части, принялъ на себя ту роль подстрекателя, которую въ городахъ разыгрывалъ выродившійся литераторъ. Извѣстно, какую дѣятельность выказали многіе баденскіе сельскіе учители въ подготовленіи и осуществленіи возстанія. Для образчика мы приведемъ здѣсь извлеченіе изъ уголовной статистики герцогства нассаусскаго. Въ этой земелькѣ, лѣтомъ 1850 г., въ уголовныхъ тюрьмахъ сидѣло за простыя преступленія восемь школьныхъ учителей, т. е. почти *одинъ процентъ всего числа учителей.* На пятерыхъ изъ нихъ тяготѣло обвиненіе въ клятвопреступленіи и различныхъ обманахъ, изъ которыхъ одинъ представлялъ нѣчто неслыханное: именно одинъ изъ учителей устроилъ совершенно организованное учрежденіе для произнесенія ложныхъ клятвъ и для этой цѣли нанималъ за умѣреную плату бѣдныхъ обольщенныхъ поселянъ; шестой судился за покушеніе на безнравственныя дѣйствія надъ дѣтьми, посѣщавшими его школу; седьмой обвинялся въ убійствѣ крестьянской дѣвушки, забеременившей отъ него; восьмой въ подлогѣ документовъ. Если бы все совершеннолѣтнее народонаселеніе Нассау доставляло въ уголовныя тюрьмы такой-же процентъ, какъ учительское сословіе, то этимъ тюрьмамъ пришлось бы помѣщать въ себѣ около *двухъ тысячъ* арестантовъ; а между тѣмъ число уголовныхъ преступниковъ никогда не превышаетъ *ста;* слѣдов. изъ всего числа обвиненныхъ въ уголовныхъ преступленіяхъ *восемь* процентовъ приходится на сословіе учителей. Мы уже ничего не говоримъ, по недостатку статистическихъ данныхъ, о томъ значительномъ числѣ школьныхъ учителей,

которые занимались политической и религіозной пропагандой, и которые частію наказаны лишеніемъ мѣстъ. Во всякомъ случаѣ отношеніе было-бы еще болѣе поразительное. Конечно во всемъ этомъ виновато не, само по себѣ почтенное, но плохо вознаграждаемое учительское сословіе, а, просто, та нелѣпая политика, которая изъ учителя, долженствующаго дѣйствовать въ средѣ крестьянъ, дѣлаетъ полуобразованнаго умственнаго пролетарія, и тѣмъ самымъ, вмѣстѣ съ народнымъ учителемъ, совращаетъ съ естественнаго пути молодое поколѣніе крестьянъ. Но мы не думаемъ погрѣшить преувеличеніемъ, говоря, что нравственное состояніе учительскаго пролетаріата вообще идетъ въ параллель съ состояніемъ выродившагося крестьянина-пролетарія. Это обстоятельство очень характеристично и поучительно.

Не положительнымъ дѣломъ, а одною только упорною уклончивостью, однимъ пассивнымъ сопротивленіемъ, нѣмецкій крестьянинъ помѣшалъ полной побѣдѣ отвлеченной политической революціонной доктрины. Современная демократія опирается не на фактахъ, а больше на отвлеченностяхъ, и не замѣчаетъ, что самый опасный врагъ ея — крестьянинъ, съ его грубымъ реализмомъ, съ его историческою своеобразностью. Городской пролетаріатъ не имѣетъ у насъ того значенія, какое онъ имѣетъ во Франціи, т. е. не представляетъ массы населенія; эту массу у насъ представляетъ крестьянинъ. Одно это обстоятельство ручается за будущность нѣмецкаго народа. Но горе намъ, если порча, начавшая уже разъѣдать внѣшніе слои массы, проникнетъ до ея здороваго внутренняго зерна!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выводы.

Консервативная политика въ Германіи, если она хочетъ дѣйствовать успѣшно, должна опираться на крестьянъ. Министерство, желающее быть истинно народнымъ, должно начать съ того, чтобы сдѣлаться крестьянскимъ. Всѣ мѣры къ обезпеченію общественнаго спокойствія, къ укрѣпленію государственной власти не могутъ быть долговѣчны, когда они не исходятъ изъ того основного положенія, что консервативный элементъ государства составляетъ крестьянинъ; что поэтому прежде всего его положеніе должно быть возвышено, его характеристичныя особенности сохранены, его потребности удовлетворены. Крестьянинъ возстановляетъ въ обществѣ равновѣсіе, нарушенное неестественнымъ развитіемъ цивилизаціи; соціализмъ теперь уже нельзя побѣдить ни прессой, ни мѣрами правительства, но его можно одолѣть посредствомъ крестьянъ, посредствомъ заботливаго сохраненія ихъ правовъ и обычаевъ. Въ лицѣ крестьянъ практическій государственный мужъ можетъ выставить воплощеную исторію противъ нашей образованной, неимѣющей исторической точки опоры молодежи, онъ можетъ противопоставить кабинетному идеалу воплощенный реализмъ; искуственному міру — живую природу; въ лицѣ крестьянъ онъ можетъ заставить дѣйствовать силу группъ и масеъ противъ разъединеннаго до безконечности образованнаго общества.

А между тѣмъ наши новѣйшіе законодатели и государственные му-

жи вообще почти такъ же мало обращали вниманія на крестьянина и *его своеобразный бытъ,* какъ и прежняя бюрократія.

Прежде всего нужно *очистить* крестьянское сословіе. У насъ есть два главныхъ вида испорченныхъ крестьянъ. Одинъ изъ этихъ видовъ представляетъ тѣ выродки, достаточно описанные выше, у которыхъ нравственная порча соединяется съ экономическимъ разореніемъ. Отъ нихъ общество можетъ избавиться только хирургически, именно посредствомъ, по возможности, широкой ампутаціи. Въ этомъ случаѣ весь вопросъ сводится на то, какимъ образомъ устроить скорое выселеніе какъ цѣлыхъ испорченныхъ общинъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ этой среды. Премія, назначенная за выселеніе этого рода людей, была бы найденнымъ капиталомъ, который принесъ бы странѣ тысячные проценты. Кромѣ того, есть еще другой, къ счастію, гораздо обширнѣйшій классъ весьма почтенныхъ сельскихъ пролетаріевъ, людей, которые вслѣдствіе неблагопріятныхъ мѣстныхъ условій, вслѣдствіе усиливающагося дробленія имуществъ и т. п., повергнуты въ глубокую нищету и горе, но которые съ неистощимымъ терпѣніемъ и покорностью судьбѣ, доходящими наконецъ до совершеннаго отупѣнія, продолжаютъ бѣдствовать и мучить себя. Бѣдность не деморализируетъ ихъ, потому что она составляетъ у нихъ отцовское и дѣдовское наслѣдіе, она у нихъ нѣчто историческое, они и не знаютъ ничего лучшаго. Они вырождаются даже тѣлесно отъ одного поколѣнія къ другому, и, не смотря на то, не измѣняютъ отцовскимъ обычаямъ. Намъ извѣстно нѣсколько общинъ такихъ крестьянъ, обитающихъ въ безплодной гористой мѣстности, у которыхъ цѣлое поколѣніе выродилось до такой степени, что дѣти не въ состояніи до 3-хъ лѣтъ стоять на ногахъ, не говоря уже бѣгать, и однако эти люди терпѣливо несутъ свой крестъ; цѣлыя общины хирѣютъ какъ-будто въ медленной чахоткѣ. Какъ помочь этимъ изнуреннымъ голодомъ крестьянамъ—это составляетъ политико-экономическій вопросъ, который уже много разъ и иногда превосходно разбирался; впрочемъ, едва-ли кто-нибудь рѣшилъ его дѣль-

нѣе и практичнѣе, чѣмъ Фридрихъ Листъ, въ своей статьѣ: „Die Ackerverfassung, die Zwergwirthschaft und die Auswanderung."* Самымъ радикальнымъ лекарствомъ онъ справедливо считаетъ округленіе имуществъ. Но тутъ практика слишкомъ медленно слѣдуетъ за желаніями и требованіями писателей. Можно указать только на одинъ маленькій опытъ осуществленія подобныхъ плановъ. Мы могли бы назвать по имени одну благородную даму, которая уже много лѣтъ употребляетъ часть своего избытка истинно по-царски: она покупаетъ обѣднѣвшимъ крестьянамъ участки земли, для увеличенія и округленія ихъ имущества, и покупкой имъ скота, сѣмянъ и т. п. до тѣхъ поръ помогаетъ бѣдняку, пока черезъ нѣсколько лѣтъ изъ пролетарія дѣлается зажиточный крестьянинъ. Автору настоящаго сочиненія позволено было подробно ознакомиться какъ со способами вспоможенія, такъ и съ достигнутыми результатами, и онъ долженъ сознаться, что результаты поразительны, особенно, если сравнить ихъ съ незначительностью средствъ. Такого рода благотворительность превосходитъ всѣ остальныя тѣмъ, что тутъ подается помощь не только одному лицу и на минуту, а упрочивается положеніе цѣлыхъ семействъ и обезпечивается судьба даже дѣтей и внуковъ. Если бы государство и частныя общества организовали въ обширныхъ размѣрахъ подобнаго рода вспомоществованія обѣднѣвшимъ крестьянамъ, то это было бы не только актомъ человѣколюбія, но и здравой политики.

Обезпечить крестьянину его недвижимую собственность, округлить ее тамъ, гдѣ она уже раздробилась —это одна изъ первыхъ задачъ не только политико-эконома, но также и консервативнаго государственнаго человѣка.

Но одна имущественность не достаточна для того, чтобы сдѣлать крестьянина довольнымъ и укрѣпить его въ его природномъ консервативномъ характерѣ. Крестьянинъ чувствуетъ себя дома въ своей общинѣ,

* Fridr. List. Gesammelte Schriften. Bd. II.

и тутъ онъ долженъ себя хорошо чувствовать. Нелѣпо думать, что организація общины должна быть сшита по одной и той же мѣркѣ и для города, и для деревни. Въ довольно большихъ странахъ даже организація сельской общины не можетъ быть одинакова для всѣхъ мѣстностей. Такъ-какъ устройство общины должно, по возможности, основываться на обычаяхъ, то нужно дать нѣкоторую волю партикуляризму крестьянина, на сколько онъ не противорѣчитъ высшимъ интересамъ. Но тамъ, гдѣ новѣйшее государство въ правовомъ отношеніи ввалило всѣ общины въ одинъ горшокъ, тамъ пусть хоть дадутъ своеобразно развиваться обычаю, который часто съ успѣхомъ замѣняетъ право.

Крестьянинъ недовѣрчивъ къ „господамъ", даже тогда, когда онъ сидитъ съ ними въ сеймѣ на одной скамьѣ. Онъ часто дѣлается недовѣрчивымъ къ самому сейму, потому что онъ видитъ, что въ немъ обращаютъ много вниманія на совершенно чуждые его ограниченному пониманію интересы. Идея цѣльнаго, объединеннаго народа, какъ совершенно вѣрно понимаетъ его конституціонное государство — для него вообще очень не ясна. Онъ видитъ только крестьянъ и не-крестьянъ, своихъ и чужихъ, и также часто, какъ онъ изъ-за общины не видитъ государства, такъ онъ изъ-за крестьянъ не видитъ народа. Но мы изъ-за крестьянъ не можемъ-же возстановить прежніе сословные сеймы. Но мы можемъ воспитать крестьянина въ идеѣ народа и однообразнаго цѣльнаго народнаго представительства. Это осуществится, если мы предоставимъ крестьянамъ и другимъ естественно образовавшимся сословіямъ выбирать въ сеймъ представителей своихъ сословій; на самый-же сеймъ будемъ смотрѣть какъ на представительство народа, а не какъ на представительство сословій. Здѣсь не мѣсто подробнѣе развить эту мысль, да и теперь не время осуществить ее. Но если когда-нибудь слѣпая ненависть противъ всего того, что только отдаленнѣйшимъ образомъ нѣсколько похоже на сословіе, уступитъ мѣсто болѣе объективному воззрѣнію на естественную организацію общества,—тогда узнаютъ, что вышедшее изъ сословныхъ выборовъ общее народное представитель-

ство не только представляетъ собою самую вѣрную и полную обновленную картину всего народа, но оно также уничтожитъ и недовѣріе крестьянъ къ сеймамъ, которые теперь еще очень часто кажутся ему слишкомъ односторонне подчиненными городскимъ интересамъ.

Нашихъ молодыхъ чиновниковъ заставляютъ изучать чрезвычайное множество предметовъ. А что имъ нужно бы было изучить и крестьянъ, объ этомъ никто не думаетъ. А между тѣмъ, такое близкое сношеніе съ крестьянами, какое очень часто приходится имѣть судебнымъ и административнымъ чиновникамъ, требуетъ особеннаго изученія. Бюрократическое требованіе, что, наоборотъ, крестьянинъ долженъ изучать чиновника, совершенно нелѣпо. Если бы наши чиновники лучше знали бытъ крестьянина, ненависть послѣдняго къ *приказнымъ крючкамъ* не была бы такъ велика. Конечно, въ крестьянскомъ бытѣ не услышишь лекцій въ университетахъ. Государство измѣряетъ и награждаетъ способности своихъ чиновниковъ по нормальной мѣркѣ знаній и технической ловкости. Но обладаетъ ли чиновникъ нужными личными качествами, съумѣетъ ли онъ сжиться съ обычаями и характеромъ того круга, въ которомъ ему придется вращаться, — все это современное государство считаетъ совершенно не важнымъ. Но враждебныя отношенія крестьянина къ чиновнику будутъ существовать до тѣхъ поръ, пока чиновникъ будетъ пренебрегать изученіемъ крестьянина. Мы этимъ не хотимъ сказать, что онъ долженъ обходиться вѣжливѣе съ крестьяниномъ. Старинные чиновники дѣдовскихъ временъ, о которыхъ почти вездѣ преданія говорятъ, что они безжалостно мучили крестьянъ и драли съ нихъ послѣднюю шкуру, эти чиновники, при всей своей грубости, разумѣли характеръ крестьянина, они успѣвали внушить ему уваженіе къ себѣ. Они выростали посреди сельскаго населенія, а не у письменнаго стола, и потому, не смотря на свой деспотизмъ, жили въ большемъ ладу съ крестьяниномъ, чѣмъ наши современные чиновники, которые кажутся ему сегодня слишкомъ грубыми, а завтра слишкомъ вѣжливыми.

Судебный чиновникъ, желающій изучить до тонкости крестьянина, долженъ постараться объ искорененіи между крестьянами страсти къ сутяжничеству. Общія фразы здѣсь ничего не помогутъ. Болѣзнь сидитъ въ самомъ организмѣ крестьянъ. Только личность чиновника, только основательное знаніе особенностей сельскаго населенія можетъ въ этомъ отношеніи, мало-по-малу, начиная съ отдѣльныхъ лицъ, привести, наконецъ, цѣлую мѣстность къ здравымъ понятіямъ. Большое вліяніе на уничтоженіе сутяжничества можетъ оказать введеніе добровольныхъ третейскихъ судовъ. Крестьянское сословіе найдетъ такимъ образомъ лекарство, и при томъ радикальное, въ самомъ себѣ. Во многихъ мѣстностяхъ крестьяне уже положили начало основанію такихъ третейскихъ судовъ. Свободная организація общины лучше всего подготовитъ учрежденіе подобныхъ крестьянскихъ судовъ, и замѣчательно, что мы встрѣчаемъ эти добрыя начинанія именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ самоуправленіе общинъ было древнимъ обычаемъ. Консервативный государственный мужъ долженъ поощрять введеніе третейскихъ судовъ не только по нравственнымъ побужденіямъ, но также и по своимъ политическимъ принципамъ, такъ-какъ эти суды все-таки важное пособіе для укрѣпленія народа въ его индивидуальной жизни, и если гдѣ-нибудь, то именно въ Германіи въ индивидуальности отдѣльныхъ мѣстностей и сословій кроется могущество націи.

Не на общіе законы, а преимущественно на *личность* своихъ чиновниковъ государство должно обратить вниманіе, чтобы улучшить, поддержать и привлечь на свою сторону крестьянъ. Нуженъ особенный геній, чтобы умѣть сойтись съ крестьяниномъ, постигнуть всѣ его особенности, — геній, отъ котораго страшно далека наша современная „народность“, при помощи которой наши т. н. народные мужи всего меньше добились у крестьянина. Надо умѣть выбрать такого генія и поставить его на должное мѣсто. Тѣмъ-то и отличается наша политика относительно крестьянъ отъ бюрократической, что мы хотимъ сблизиться съ ними, приноравливаясь къ ихъ особенностямъ, между тѣмъ какъ бю-

рократія домогалась пригнать крестьянство подъ мѣрку нивелированнаго общества вытяжкой и выправкой, не мытьемъ, такъ катаньемъ.

Трудно оцѣнить вполнѣ то значеніе, которое имѣетъ сельская община для консервативнаго государственнаго человѣка. Только въ общинной жизни пріобрѣтаетъ крестьянинъ интересъ къ государству, которое иначе остается для него пустой, холодной формулой. Комментаріемъ къ идеѣ государства крестьянину служитъ община. Общинная жизнь есть пунктъ, на которомъ даже крестьянинъ становится политическимъ дѣятелемъ. При централизованномъ, зависящемъ отъ канцелярій, общинномъ устройствѣ полицейскаго государства крестьянинъ, только, по своей *пассивности*, могъ сдѣлаться охранительною силою государства. При расширенной самостоятельности общины онъ становится *активно* охранительною силою.

Когда нѣмецкій крестьянинъ достигалъ высшей, истинно дѣятельной силы (какъ было отчасти въ средневѣковомъ Дитмарсенѣ), тогда мы видимъ и строго организованную, свободную товарищескую жизнь, жизнь, которая могла-бы сохраниться долго и безъ поддержки императорскими привилегіями, единственно своею собственною силою. Для сравненія возьмемъ крестьянина другого государства—Польши. Говорятъ, Польша XVIII вѣка стремилась къ погибели потому, что, лишенная промышленности и моря, она была исключительно земледѣльческимъ государствомъ. Но она никогда не была и порядочнымъ земледѣльческимъ государствомъ, и въ этомъ-то заключается одна изъ причинъ неминуемости ея распаденія; ей не доставало широкой государственной основы, необходимость которой въ настоящее время сознана всѣми,— именно, самостоятельнаго крестьянства. Польскій крестьянинъ свободенъ, но свободенъ только лично, а не *общинно*, онъ свободенъ какъ пролетарій. Потому онъ несчастнѣе русскаго крѣпостнаго крестьянина, онъ—соціальный нуль, между тѣмъ какъ русскій—полновѣсная сила, богатая будущностью.

Въ Польшѣ есть крестьянинъ, но нѣтъ крестьянства, есть деревни,

но нѣтъ общины. Государство, въ которомъ крестьяне считаются только поголовно, а не образуютъ самостоятельную группу, въ настоящее время не можетъ имѣть права на самостоятельное политическое существованіе. Польскій крестьянинъ тоже крѣпко держится стараго. но, говоря вообще, только дурного стараго, а хорошее онъ забылъ. Помѣщикъ удерживалъ своего крѣпостного въ нищетѣ и глупости для того, чтобы крестьянинъ остался „доброкачественнымъ". Когда крестьянинъ отваживался выростить у себя фруктовое дерево,—помѣщикъ срубалъ его, на томъ основаніи, что Богъ создалъ фруктовыя деревья только для хозяйства *благородныхъ людей*. Пану пріятно было видѣть, какъ крестьянинъ разорялся отъ пьянства, такъ-какъ, чѣмъ больше выпивалось водки, тѣмъ больше было дохода помѣщичьимъ винокурнямъ. Это вѣдь тоже „крестьянская политика", но дьявольски глупая, а уже вовсе не консервативная.

Даже относительно внѣшняго механизма правленія слѣдуетъ принимать во вниманіе характеръ сельскаго населенія; не надо запутывать его письмоводствомъ и формальностями, которыя не понятны для него и противны духу народа. Эти формальности и письмоводство не только могутъ породить недовѣріе къ чиновному механизму, но рѣшительно сбиваютъ крестьянина съ толку. Часто попадаются „ученые" крестьяне, которые желаютъ освоиться со всѣми уловками и тайнами чиновничьяго механизма, стараются объяснить себѣ всю юридическую тарабарщину: отношенія, предписанія, резолюціи, отписки, рапорты и пр., и пр.; дѣло кончается обыкновенно тѣмъ, что они запутываются въ этомъ какъ алхимики, какъ люди, отыскивающіе квадратуру круга. Нельзя не опасаться, какъ-бы не распространилось такое помѣшательство, если принять въ соображеніе, какъ часто крестьянинъ приходитъ въ столкновеніе съ чиновникомъ, какъ часто долженъ онъ ломать свою голову надъ юридическими іероглифами, отъ разгадки которыхъ нерѣдко зависитъ все его достояніе, его честь и свобода.

Еще болѣе, чѣмъ чиновникъ, долженъ вникать въ особенности кре-

стьянъ народный учитель. Наши учебныя заведенія искусственно вырываютъ крестьянскаго мальчика изъ родного сословія, вмѣсто того, чтобы преимущественно заботиться о томъ, какъ-бы возвратить его съ развитыми силами въ ту-же среду, изъ которой онъ вышелъ, такъ какъ онъ долженъ же остаться крестьяниномъ. Общенародное образованіе, для котораго приготовляютъ сельскихъ учителей, есть сумасбродство, продуктъ стараго нивелирующаго раціонализма. Нѣтъ общенароднаго воспитанія: напротивъ, чѣмъ глубже проникаетъ образованіе въ народъ, тѣмъ больше оно развѣтвляется, индивидуализируется. Сельскій учитель нуженъ не для того, чтобы осуществить какую-нибудь педагогическую теорію, а для того, чтобы помочь крестьянину сдѣлаться настоящимъ крестьяниномъ. Большая часть сельскихъ учителей считаетъ себя несчастными, не находя, „сообразно степени своего образованія“, въ деревнѣ ни одного человѣка, съ которымъ можно-бы обмѣняться мыслями. Это лучшее доказательство того, что направленіе ихъ образованія ложно, иначе они въ живой натурѣ крестьянина находили-бы самый лучшій элементъ для обмѣна мыслей.

Какъ-бы то ни было, сельскіе учителя и приходскіе священники служатъ главною связью между высшими, образованными слоями общества и естественнымъ человѣкомъ, каковъ крестьянинъ. Когда эти лица таковы, какими должны быть, они—единственный органъ, при содѣйствіи котораго высшія сословія и государственные люди могутъ дѣйствовать рѣшительно и *непосредственно* на крестьянина. Вожаки массы понимали это очень хорошо, и потому старались, прежде всего, привлечь на свою сторону учителей. Но слишкомъ слабо сознаютъ значеніе этой связи законныя государственныя власти, иначе онѣ болѣе заботились-бы о томъ, чтобы привлечь сельскихъ учителей и священниковъ къ интересамъ консервативной политики.

Какъ только учитель и священникъ выходятъ изъ своей естественной роли посредниковъ между высшими классами общества и крестьяниномъ, вліяніе ихъ пропадаетъ или даже дѣлается вреднымъ. При-

мѣръ этому мы видѣли въ цвѣтущее время раціоналистическихъ протестантскихъ консисторій, когда приходскіе священники обратились въ чистыхъ чиновниковъ, для которыхъ церковная бухгалтерія важнѣе была божественной службы; тоже видимъ и теперь, когда учитель, рѣшительно не понимая, какое огромное вліяніе можетъ онъ имѣть на своемъ мѣстѣ, считаетъ высшей цѣлью своего честолюбія сдѣлаться правительственнымъ чиновникомъ.

Нерѣдко возникалъ вопросъ: долго-ли, съ экономической точки зрѣнія, будетъ возможно существованіе сословія мелкихъ землевладѣльцевъ, существованіе описаннаго нами крестьянства? Если принять въ соображеніе исполинскіе успѣхи химіи въ приложеніи къ сельскому хозяйству, успѣхи раціональнаго земледѣлія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и неправильное отношеніе прирощенія населенія къ доходамъ съ земли, то ясно будетъ, что несовершенный, трудный и малодоходный методъ хозяйства, котораго въ настоящее время рутинно держится большинство крестьянъ, долженъ неминуемо, рано или поздно, уступить усовершенствованному земледѣлію въ обширныхъ размѣрахъ, которое вытѣснитъ мелкихъ хлѣбопашцевъ-крестьянъ, подобно тому, какъ промышленные фабриканты вытѣснили уже почти мелкихъ ремесленниковъ. Мы отнюдь не сомнѣваемся, что это должно когда-нибудь случиться, но, что выйдетъ изъ этого, предоставляемъ разбирать нашимъ правнукамъ, если для нихъ вопросъ этотъ сдѣлается вопросомъ „жгучимъ".

Покамѣстъ-же мы держимся крѣпко настоящаго положенія, какъ единственно важнаго для нашей соціальной политики. Если естественныя науки, при своемъ высокомъ развитіи, могутъ косвенно способствовать постепенному распаденію крестьянства, то по крайней-мѣрѣ государство не должно прямо нарушать крестьянскіе обычаи. Чѣмъ меньше касается оно этой области, тѣмъ лучше для обѣихъ сторонъ. Существующій, въ плоть и кровь вошедшій обычай такъ-же трудно искоренить, какъ трудно образовать и распространить новый. То и другое дѣло исключительно принадлежитъ народу, и кто вздумаетъ вмѣши-

ваться тутъ, хотя-бы съ самимъ лучшимъ намѣреніемъ, тотъ, въ наилучшемъ случаѣ, сдѣлается смѣшнымъ. Точно такъ-же слѣдуетъ отказаться отъ совершенно безполезной примѣси чуждыхъ крестьянамъ образовательныхъ элементовъ, въ видѣ такъ-называемой народной литературы, въ которой нѣтъ ничего народнаго, кромѣ подражанія наивности крестьянскихъ выраженій.

Даже самые рѣшительные противники церковной жизни все-таки допускаютъ, что церковь для простолюдина, именно для крестьянина, покрайней-мѣрѣ въ настоящее время, есть необходимое „полицейское учрежденіе“. Но именно въ этой задачѣ, на которую они ударяютъ не безъ особеннаго удовольствія, они хотятъ видѣть достоинство церкви низведеннымъ до самыхъ скромныхъ размѣровъ. Для того-же, кто хорошо знаетъ нашего крестьянина, назначеніе церкви какъ блюстительницы духа и нравственности вовсе не такъ мало и незначительно. Духовная пища нашего крестьянина очень ограниченна. Высокое, очистительное наслажденіе искусствомъ почти недоступно ему, нѣмецкая національная литература для него еще не явилась, умственныя силы его не могутъ окрѣпнуть въ цѣлительномъ источникѣ научныхъ занятій. Религія и богослуженіе должны не только удовлетворять его религіознымъ потребностямъ, но и замѣнить ему всю сумму тѣхъ духовныхъ возбужденій, которыя образованный человѣкъ находитъ для себя въ другихъ сферахъ. Сельская церковь для крестьянина есть въ тоже время и его единственный храмъ искусства. Въ чемъ-же, какъ не въ религіозной формѣ, доставить ему тотъ смягчающій нравы, облагораживающій элементъ, который для образованнаго находится въ тысячѣ произведеній искусства и науки? Послѣ этого можно-бы назвать и литературу, и искусство „полицейскими учрежденіями“, необходимыми для того, чтобы держать образованный классъ общества въ границахъ благородства и нравственности. Въ отношеніи крестьянина на церковь между прочимъ падаетъ и это призваніе.

Великая современная мысль, что церковь, преимущественно предъ всѣ-

ми другими силами, призвана для избавленія современнаго поколѣнія отъ соціальной путаницы, скорѣе всего найдетъ плодотворное примѣненіе между крестьянствомъ. Крестьянинъ еще вполнѣ признаетъ надъ собою власть церкви. Для него еще непризнаніе церкви, очевидно, идетъ рука объ руку съ безбожіемъ и гибелью нравственною и матеріальною. Крестьянинъ, не признающій церкви, обыкновенно и соціально развращенный человѣкъ. Изъ этого простого положенія наши церковные дѣятели могутъ извлечь множество практическихъ указаній для своей миссіонерской дѣятельности въ средѣ крестьянъ.

Въ послѣднее время за народными праздниками стали признавать образовательную силу и это есть доброе предзнаменованіе. Консервативное государство должно не стѣснять настоящіе народные, именно крестьянскіе праздники, но скорѣе поддерживать ихъ и споспѣшествовать имъ; въ нихъ освѣжаются и молодѣютъ народные обычаи, въ нихъ крестьянинъ находитъ всѣ удовольствія своего сословія, они развиваютъ и укрѣпляютъ корпоративный духъ въ народѣ. Удивительно умно поступило нивелирующее полицейское государство, назначивъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ народные праздники (кирмессы) въ одинъ день, желая отнять у крестьянина возможность посѣщать два или три кирмесса въ годъ и тѣмъ избавить его отъ лишнихъ расходовъ! Такимъ полицейско-дѣтскимъ воспитаніемъ отравляются тѣ крестьянскіе обычаи, поддержаніе которыхъ для консервативнаго государства должно быть какъ нельзя болѣе дорого. Нѣсколько разъ въ годъ перебѣситься крестьянину такъ-же необходимо для поддержанія своего физическаго и умственнаго здоровья, какъ для сильныхъ міра сего сдѣлались необходимы поѣздки на минеральныя воды. Мѣтко выразился Юстусъ Мезеръ о періодическихъ разгулахъ крестьянъ, подавленныхъ нѣжною заботливостью полицейскаго государства: „Случайныя буйства въ извѣстныя времена года, — говоритъ онъ, — подобно граду и грозѣ, вредятъ, правда, тамъ, гдѣ разражаются, но вообще-же увеличиваютъ плодородіе“.

Для того, чтобы нѣмецкій крестьянинъ и въ будущихъ поколѣніяхъ сохранилъ свой историческій характеръ, правительство должно устранять отъ крестьянина всякое вредное, разрушительное вліяніе, не становясь въ непріязненное положеніе къ его обычаямъ; оно обязано стараться улучшить его экономическое положеніе, возвратить ему обрѣзанныя земли; мелкаго земледѣльца дѣлать самостоятельнымъ мызникомъ; въ вопросахъ законодательства и государственныхъ учрежденій не должно забывать особенныхъ потребностей крестьянъ,—скорѣе по нимъ слѣдуетъ индивидуализировать цѣлое государство. Этимъ только можно уничтожить пропасть, лежащую между крестьяниномъ и высшимъ классомъ общества, не нарушая особенностей ни того, ни другого. Тогда крестьянинъ съ любовью отнесется къ существующему государственному устройству, хотя, навѣрное, не разстанется съ старою привычкою роптать и ворчать; но вѣдь и въ самыхъ благоустроенныхъ государствахъ постоянно можно услышать ропотъ. Но тогда крестьянинъ ни подъ какимъ видомъ не допустить преступнаго возстанія противъ государственной власти, не допустить разрушенія общественныхъ поземельныхъ отношеній.

Крестьянинъ—это охранительная сила нѣмецкаго народа; пусть же стараются поддерживать эту силу.

II. АРИСТОКРАТІЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Соціальное призваніе аристократіи.

Изъ четырехъ большихъ группъ общества только у одной аристократіи право на образованіе отдѣльнаго сословія часто еще будетъ оспариваться даже такими людьми, которые вовсе не принадлежатъ къ стану соціалистовъ. Никто не станетъ отрицать, что есть бюргеры, крестьяне, пролетаріи, что это различіе не случайное и произвольное, но коренящееся въ нравахъ и обычаяхъ, выработанное всѣмъ историческимъ развитіемъ общества. Отвергнуть это тройное раздѣленіе, нивелирующій умъ, конечно, желаетъ, но все-же онъ долженъ согласиться, что оно существуетъ какъ нельзя осязательнѣе. Обычаи аристократическіе—хороши они или дурны—во всякомъ случаѣ еще существуютъ; отъ призванія-же аристократическаго въ наше время не осталось и слѣда. Мнѣніе, что аристократія заключается только въ воображеніи и предразсудкѣ, сдѣлалось довольно популярнымъ. Какъ всякій, кто только въ состояніи отличить балахонъ отъ сюртука, можетъ убѣдиться въ реальности крестьянства, какъ отдѣльнаго сословія, такъ, наоборотъ, за аристократіей признаютъ только притязанія на сословность.

Признаютъ, правда, что въ старину когда-то дворянство существовало какъ отдѣльное сословіе, имѣвшее свои права и жизненную силу; но теперь оно не болѣе какъ историческая окаменѣлость, кабинетная рѣд-

кость антикваріевъ, впрочемъ весьма почтенная, потому что уже посѣдѣла отъ старости. И духовенство въ средніе вѣка составляло самостоятельную общественную группу; священство, какъ сословіе, какъ каста, было древнѣйшимъ благороднымъ сословіемъ во всемірной исторіи; при всемъ томъ духовенство потеряло теперь свою соціальную самостоятельность и смѣшалось съ другими сословіями.

Въ чемъ-же, спрашиваютъ, еще заключается особенное, отличительное призваніе аристократіи, послѣ того какъ изъ рукъ ея выскользнула монополія обширнаго, свободнаго землевладѣнія, монополія высшей военной ерархіи, руководство государственнымъ управленіемъ и высшей судебной власти, а высшая придворная служба, монополію которой дворянство еще удерживаетъ за собою, потеряла уже прежній политическій характеръ? Относительно четвертаго сословія на первомъ планѣ стоитъ вопросъ: какъ дать ему соціальную организацію, относительно крестьянства: какимъ образомъ политически руководствоваться его соціальною организаціею, невредимо сохранявшеюся во всѣ тревожныя времена; относительно дворянства, напротивъ, возникаетъ вопросъ:—въ чемъ собственно заключается его соціальное призваніе и въ чемъ оно собственно обнаружилось?

Въ дни волненій передовые люди не разъ, въ различныхъ странахъ, декретировали формальное у н и ч т о ж е н і е дворянства. Страннымъ образомъ однако дворянство снова являлось. Дворянство не считалось уже вовсе настоящимъ сословіемъ, такъ-какъ уничтоженіе сословія декретомъ—страшная нелѣпость.—Разорить буржуазію, крестьянство, въ соціальномъ смыслѣ довести ихъ до саморазложенія—это, конечно, можетъ быть цѣлью мѣропріятій, но ни одинъ разумный человѣкъ не вздумаетъ вдругъ декретировать „уничтоженіе“ ихъ. Тѣ-же, которые постановляли уничтоженіе дворянства, этимъ самимъ высказывали, что не смотрятъ на аристократію какъ на отдѣльное сословіе. Въ ихъ глазахъ она на тѣлѣ общества ничто иное какъ болѣзненный наростъ, для уничтоженія котораго нуженъ хирургическій ножъ. Дворянскіе титулы въ

особенности казались не исторически выросшимъ обычаемъ, который можетъ быть сглаженъ лишь историческимъ путемъ внутренней необходимости, т.е. тѣмъ же путемъ, какимъ онъ возникъ, — а привилегированнымъ злоупотребленіемъ произвольнаго вычурнаго термина, вычеркнуть который, для очищенія языка, слѣдуетъ простымъ полицейскимъ распоряженіемъ. На вопросъ, въ чемъ заключается особенное, отличительное призваніе аристократіи какъ сословія, не было никакого отвѣта. Въ противность всѣмъ этимъ взглядамъ, конечно, можно привести то, что дворянство до сихъ поръ не исчезло, не смотря на то, что нетолько извнѣ подвергалось частому отрицанію, но и само оно, какъ напр. въ XVIII вѣкѣ, сдѣлало все, что было возможно, для своей погибели. Жизнь безъ призванія, безъ цѣли не можетъ быть такою прочною.

Даже самое опредѣленіе понятія настоящей аристократіи все болѣе и болѣе затемнялось и расплывалось. — Даже въ средніе вѣка не имѣли точнаго основательнаго понятія о дворянствѣ, не говоря уже о новѣйшемъ времени. Понятіе это, смотря по мѣстному взгляду, то расширялось, то съуживалось даже тогда, когда дворянское сословіе и призваніе имѣли опредѣленные внѣшніе признаки. Встарину дворянство раздроблялось на множество связанныхъ въ непрерывную цѣпь звеньевъ высшаго и низшаго дворянства, изъ мѣстныхъ группъ и кружковъ, составляющихъ истинный камень преткновенія для историка. Въ этомъ смыслѣ дворянство представляетъ картину партикуляризма сходную съ той, какую представляютъ и крестьяне. Но тѣмъ не менѣе въ средніе вѣка, ясно и опредѣленно, сознавалась объемлющая мысль одного общаго соціальнаго призванія, мысль — какъ утверждаютъ — въ наше время утраченная дворянствомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, есть въ этомъ извѣстная доля правды, и весьма характерично для современнаго, требующаго реформъ, положенія аристократіи, что она должна отыскивать вѣрнаго опредѣленія самого себя, что ей неизвѣстно, какъ далеко простираются границы ея корпораціи, что она въ рѣшительныя минуты современныхъ общественныхъ

смутъ не можетъ часто рѣшиться, какое принять положеніе. Уже въ разговорный языкъ проникла подозрительная путаница; слово „аристократія" стало употребляться въ фигуральномъ смыслѣ, и говорятъ о денежной аристократіи, чиновной, ученой и пр. Это переносное значеніе слова „аристократія" до такой степени вошло во всеобщее употребленіе, что часто бываетъ трудно опредѣлить, въ какомъ значеніи сказано слово „аристократія", въ прямомъ или переносномъ.

Однозначущи-ли вообще понятія: аристократія и дворянство? Обыкновенно принимаютъ понятіе первой въ болѣе обширномъ значеніи, чѣмъ послѣдняго. Я же полагаю, напротивъ, что въ соціальной наукѣ понятіе аристократіи должно имѣть болѣе узкое значеніе. Мой выводъ относительно соціальнаго значенія аристократіи докажетъ, что ни въ какомъ случаѣ къ ней нельзя отнести всего дворянства, но что дворянство по рожденію есть, если не единственное, то, во всякомъ случаѣ, существенное свойство соціальной аристократіи. Прежде понятіе аристократіи имѣло слишкомъ тѣсныя,внѣшнія границы и принималось за однозначущее съ понятіемъ дворянства; въ настоящее же время черезчуръ расширили его внѣшнимъ образомъ. Это вполнѣ согласуется съ духомъ нашего образованнаго общества, духомъ тщеславнымъ, но чуждымъ истинной гордости, что высшіе граждане тоже желаютъ причислить себя къ аристократіи, между тѣмъ какъ настоящій „бюргеръ" долженъ быть слишкомъ гордъ для того, чтобы не быть чѣмъ нибудь другимъ, кромѣ „бюргера". Только самостоятельное, независимое, имѣющее поземельную собственность, дворянство принадлежитъ къ соціальной аристократіи, но не то, за которымъ ничего не водится, кромѣ титула. Причисляютъ и владѣтельныхъ особъ къ соціальной аристократіи, хотя онѣ занимаютъ совершенно нейтральное положеніе относительно политическихъ сословій. Въ смыслѣ именно этого настоящаго, независимаго дворянства смѣшивалъ я иногда тамъ и сямъ выраженія: дворянство и аристократія.

Вольтеровское воззрѣніе на міръ чудеснымъ образомъ сохранило

свою популярность относительно дворянства, между тѣмъ какъ оно давно уже забыто относительно большей части другихъ предметовъ и не могло быть снова вызвано къ жизни привито общественному сознанію, не смотря на всѣ старанія нѣкоторой философской школы новѣйшаго времени. Нѣмецкій филистеръ скорѣе найдетъ сообразнымъ съ здравымъ смысломъ существованіе воплощеннаго дьявола, чѣмъ существованіе природнаго дворянства. Объяснить это очень легко. Религіозный раціонализмъ явился гораздо раньше, почему онъ раньше можетъ и исчезнуть со сцены; соціальный роціонализмъ гораздо моложе, и пройдетъ еще довольно времени, пока онъ отживетъ свое. Въ борьбѣ съ тою крайностью, до которой дошелъ соціальный раціонализмъ при разработкѣ современныхъ соціальныхъ теорій, явилась впервые, въ научной формѣ, та точка зрѣнія, съ которой общественныя состоянія разсматриваются исключительно какъ продуктъ историческаго развитія общества. Любопытно: добьется-ли хотя черезъ 50 лѣтъ указанный взглядъ значенія въ глазахъ нѣмецкаго филистера?

Кантъ считаетъ дворянство за рангъ, предшествующій заслугѣ, которая однако не есть и необходимое, обыкновенное слѣдствіе его.— Но понятіе дворянства заключаетъ въ себѣ болѣе богатое содержаніе, чѣмъ простой рангъ,—скорѣе рангъ для него есть нѣчто совершенно второстепенное. Кантъ не пришелъ-бы къ такому скудному, чисто внѣшнему опредѣленію, если-бы не мѣрилъ общественный феноменъ дворянства исключительно абстрактно философскимъ масштабомъ. Если-бы въ то время были способы для соціально историческаго изслѣдованія, великій Кенигсбергскій философъ призналъ-бы въ дворянствѣ особенную форму развитія соціальной жизни, которой не можетъ не быть тамъ, гдѣ европейское общество, сложившееся исторически, находится въ полномъ своемъ составѣ. Осуществляетъ-ли отдѣльный членъ достоинства, требуемыя отъ того сословія, къ которому онъ принадлежитъ? — вовсе не важно для общаго понятія о сословіи. Большинство еще до-сихъ-поръ держится Кантовскаго взгляда, потому что онъ еще

теперь неумѣетъ выдѣлить общественныя явленія изъ всей суммы соціальной жизни.

Замѣчательно, что съ давнихъ временъ слово „аристократія“ чаще употребляется для выраженія понятія о партіи, чѣмъ объ отдѣльномъ сословіи. Между тѣмъ какъ словомъ „буржуазія“ уже гораздо позже стали означать партію, а не сословіе. Въ этомъ опять-таки выражается наклонность отвергнуть соціальное существованіе аристократіи, признавая лишь ее политическое и притомъ узурпированное существованіе. Не слѣдуетъ забывать, что стремленіе умалить понятіе объ аристократіи до понятія „партіи“ принадлежитъ главнымъ образомъ первой французской революціи, соотвѣтственное-же переложеніе понятія о гражданствѣ принадлежитъ революціи февральской.

При всемъ томъ въ основаніи этого заблужденія есть доля истины, ибо въ соціальной жизни три различные политическіе тона составляютъ одинъ симпатическій аккордъ. Аристократія и крестьянство настроены на сословно консервативный тонъ, горожане — на конституціонный, пролетаріи—на соціально-демократическій. Конечно, такое созвучное настроеніе въ волнующейся средѣ не обнимаетъ собой всей жизни отдѣльнаго сословія; поэтому, вмѣстѣ съ волнами соціальной борьбы поднимаются и падаютъ соразмѣрныя политическія волны. Пролетаріатъ, добивающійся уничтоженія всѣхъ сословныхъ различій, ищетъ общечеловѣческихъ правъ, аристократія, служащая воплощеннымъ понятіемъ сословныхъ группъ, противопоставляетъ такому стремленію общественную личность, одѣтую въ историческій костюмъ; бюргеры же играютъ роль посредниковъ и бросаютъ въ эту распрю магическое слово о „государственномъ гражданинѣ“. Эта неутомимая политическая распря предохраняетъ насъ отъ продолжительнаго господства какого-либо односторонняго политическаго принципа.

Каждое сословіе, руководясь своими собственными, природными политическими идеями, обращается въ матеріальный столбъ, на которомъ государство строитъ фундаментъ своего политическаго зданія,

или правильнѣе: сословная жизнь народа есть необработанный матеріалъ для политика, на которомъ онъ испытываетъ свою способность творчества. Смотря по его политической доктринѣ, та или другая общественная группа предпочтительно служитъ ему готовымъ матеріаломъ, который требуется вылить въ опредѣленную форму. Я полагаю, такимъ образомъ, что для сословно консервативнаго государственнаго человѣка на первомъ планѣ стоитъ—аристократическая и крестьянская политика, для конституціоннаго — бюргерская политика, политика средняго сословія, для демократа—политика четвертаго сословія, пролетаріата.

Съ этой точки зрѣнія будетъ ясно, какое политическое значеніе можетъ имѣть изслѣдованіе сословій въ томъ духѣ, которымъ мы руководимся. Настоящее время очень богато политическими формами; мы желали бы указать матеріалъ, соотвѣтствующій этимъ формамъ. Демократія доказала свой политическій инстинктъ, присоединивъ къ себѣ четвертое сословіе, стараясь организовать его, принимая четвертое сословіе за народъ, единственно на немъ основывая всю свою политику. Здѣсь намъ нѣтъ дѣла до того, что она остановилась на этой низкой ступени, что пролетаріи, съ своей стороны, хотя охотно пошли на смерть, но не умѣли организоваться. Но конституціонный порядокъ вещей опирался на ученыхъ, на журналистику, а не на гражданъ; консервативный искалъ опору въ солдатахъ, а не въ аристократіи и крестьянствѣ. Въ этомъ-то и заключается постоянное безсиліе этихъ послѣднихъ въ виду демократіи, безсиліе, прекратившееся только тогда, когда демократія сама наложила на себя руку. Только соціальная политика въ нашу эпоху остается непобѣдимой.

Сдѣлавъ это небольшое отступленіе, мы снова возвратимся къ нашему предмету: къ критикѣ мнѣній отрицающихъ призваніе аристократіи.

Мысль—представить дворянство въ его историческомъ развитіи какъ нѣчто произвольное, могла явиться тогда только, когда вообще стали смотрѣть на всякое существующее издревле разграниченіе обще-

ственныхъ группъ, какъ на что-то случайное, выдуманное варварами, недостойное человѣчества. Родовое дворянство считалось тѣмъ широкимъ проломомъ, чрезъ который „философскій вѣкъ" можетъ войти побѣдителемъ въ сословную крѣпость.—Тому, кто вообще не хотѣлъ знать истоирческой необходимости, труднѣе всего было понять, какимъ образомъ по праву вся участь человѣка можетъ зависѣть отъ того, кто были его предки.

Условіе происхожденія, относительно генія, давно уже признавалось, какъ нѣчто весьма существенное. Именно въ то время, когда больше всего издѣвались надъ родовымъ дворянствомъ, съ большими стараніями раскапывали родословную Себастіана Баха; открыты были длинныя родословныя таблицы знаменитаго поколѣнія артистовъ и очень справедливо приписывали этой потомственной аристократіи таланта значительную долю прекрасныхъ качествъ С. Баха. Относительно Гете разобрали по косточкамъ не только его родителей, но и самыхъ отдаленныхъ предковъ по восходящей линіи. Такимъ, образомъ признавали, что геній часто подчиняется роковой необходимости извѣстнаго происхожденія. Идеальная аристократія таланта есть тоже потомственная аристократія; потому соціалисты вполнѣ послѣдовательны, отвергая и аристократію таланта. Но если-бы даже весь свѣтъ обратился въ громадный „воспитательный" домъ, то и тогда-бы сохранилось это отличіе происхожденія.

Рожденіе вѣдь опредѣляетъ—кто долженъ быть гражданиномъ, крестьяниномъ и пролетаріемъ, отчего-же оно не можетъ опредѣлить, кому быть барономъ? Эта мысль, что рожденіе—въ большинствѣ случаевъ—обусловливаетъ мѣсто человѣка въ обществѣ, получила осязательную форму, или покрайней мѣрѣ свой символъ въ теоріи родового дворянства. Аристократія есть сословіе соціальныхъ преградъ, между тѣмъ какъ четвертое сословіе не признаетъ ихъ вовсе; та и другая крайность имѣютъ свое основаніе, такъ-какъ общество развивается въ органическую жизнь—только при широкомъ разнообразіи.—

Пролетарій съ родословнымъ древомъ, съ фамильными традиціями— такая-же нелѣпость, какъ аристократія безъ рода.

Основаніе всѣхъ сословныхъ преградъ и развѣтвленій есть семейство. Потому естественно, что семейное сознаніе яснѣе всего отражается и особенно живуче въ аристократіи. Семейство въ его постепенномъ развитіи отъ историческаго корня образуетъ родословное древо. Родовой гербъ есть внѣшній признакъ того, что семейное сознаніе сдѣлалось историческимъ, и боковыя отрасли находятъ въ гербовыхъ символахъ доказательства единства своего съ извѣстною фамиліею. Соціальная личность гражданъ и крестьянъ вытекаетъ точно такъ-же изъ понятія о семействѣ. У нихъ нѣтъ гербовъ, потому что историческое сознаніе фамильнаго чувства не простирается у нихъ такъ далеко, единство рода не развѣтвляется такъ широко и роскошно, чтобы была надобность въ подобномъ символѣ. Здѣсь мы дѣлаемъ еще шагъ впередъ относительно опредѣленія понятія аристократіи. Оно—сословіе общественнаго разграниченія, основаніе же этого разграниченія, этого принципа расчлененія заключается въ историческомъ семейномъ сознаніи.

Въ отдѣлѣ о нѣмецкомъ крестьянинѣ я представилъ крестьянина какъ воплощенный кусокъ исторіи, доходящій до нашей эпихи. Я показалъ, какъ дремлетъ историческій смыслъ крестьянъ, какъ крестьянинъ руководится инстинктомъ историческаго обычая и вовсе не имѣетъ опредѣленной сознательной мысли о томъ, какъ сохранить и поддержать эту историческую преемственноеть у себя и во всемъ окружающемъ его. И дворянство, подобно крестьянству, есть также воплощенный кусокъ исторіи, доходящій до нашей эпохи.

Но разница въ томъ, что дворянство имѣетъ ясное сознаніе объ историческомъ духѣ, вѣющемъ надъ нимъ, что оно сознаетъ себя, какъ хранитела исторической традиціи въ общественной жизни. Въ своемъ собственномъ сословномъ интересѣ оно отдается историческимъ изслѣдованіямъ, тогда какъ крестьянинъ вовсе не помышляетъ о такомъ изслѣ-

дованіи. Крестьянинъ не знаетъ, кто были его предки, но въ немъ живутъ прадѣдовскіе нравы. Дворянство слѣдитъ за собою въ своей бытовой исторіи—хотя бы исторія эта заключалась только въ совершенно сухой фамильной хроникѣ родословнаго дерева; крестьянинъ же погруженъ въ своей исторіи, и самъ этого не вѣдаетъ. Съ этой точки зрѣнія, дворянство —то же что крестьянство, только на высшей общественной ступени, — это крупный землевладѣлецъ, съ древнихъ временъ хранящій сознаніе о своей, исторически выросшей, фамильной жизни. Но темное инстинктивное влеченіе, безсознательно хранимый обычай—почти всегда держатся крѣпче, упорнѣе и исключительнѣе, чѣмъ умственное понятіе. Оттого крестьянство является „историческимъ сословіемъ“ въ болѣе строгомъ и одностороннемъ смыслѣ, чѣмъ дворянство, знающее свою исторію и слѣдящее за нею по документамъ, но не замыкающееся съ простодушіемъ крестьянина въ тѣсномъ кругу историческаго обычая. Родословное дерево въ соціальной наукѣ имѣетъ теоретическое значеніе; но практическую цѣнность пріобрѣтаетъ оно лишь въ томъ случаѣ, если къ длинной лѣстницѣ предковъ примыкаетъ еще историческая традиція дворянскихъ обычаевъ.

Я назвалъ дворянство облагороженнымъ крестьянствомъ, разумѣя послѣднее въ новѣйшемъ смыслѣ, какъ сословіе свободныхъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Дальнѣйшихъ сравнительныхъ пунктовъ для подобной паралели представляется чрезвычайно много. Въ обоихъ сословіяхъ коренится, главнымъ образомъ, охранительная, сдерживающая, обуздывающая сила для общества и государства; въ гражданствѣ (бюргерствѣ) и въ четвертомъ сословіи видится сила прогрессивная, поступательная. Дворянство, какъ и крестьяне, тотчасъ теряетъ подъ ногами историческую почву, какъ скоро оно лишается основной опоры, землевладѣнія. Точно также настоящее дворянство и настоящій крестьянинъ всего лучше понимаютъ другъ друга, всего легче уживаются вмѣстѣ. Это весьма замѣчательный фактъ. Вообще говоря, историческія преданія крестьянъ объ ихъ прежнихъ отношеніяхъ къ господамъ и землевладѣль-

цамъ отнюдь не такого содержанія, чтобъ ими могла поддерживаться особенная любовь къ сословію и фамиліямъ дворянъ. Въ этихъ преданіяхъ не говорится почти ни о чемъ другомъ, какъ о циншахъ и повинностяхъ, поборахъ и барщинѣ. И однакоже крестьянинъ гораздо рѣже завидуетъ дворянину-землевладѣльцу, чѣмъ бюргеръ барону. Они сознаютъ себя какъбы родственными, сознаютъ, что въ итогѣ ихъ обоюдные интересы сливаются. Да и въ историческомъ движеніи, какъ мы увидимъ ниже, дворянинъ гораздо ближе стоялъ къ крестьянину, чѣмъ къ бюргеру. Здѣсь таится знаменательное указаніе для аристократіи. Если послѣдняя желаетъ соблюденія своихъ собственныхъ выгодъ, то она должна быть защитницею интересовъ мелкаго землевладѣнія, содѣйствовать самостоятельному расцвѣту крестьянства. Наоборотъ — владѣльческое дворянство навѣрное не упрочитъ своего положенія, если оно будетъ увеличивать свои земли систематическою покупкою мелкихъ крестьянскихъ участковъ и обращать такимъ образомъ свободныхъ собственниковъ въ своихъ батраковъ. Все, что оно пріобрѣтетъ подобнымъ путемъ матерьяльно, оно потеряетъ нравственно. Самостоятельные собственники были его естественными союзниками, а батраки, хотя бы питающіеся его же хлѣбомъ—суть пролетаріи, т. е. естественные враги аристократіи.

Въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ только высшее дворянство, къ замкамъ котораго присоединялась значительное количество земли и людей, имѣло право устраивать у своихъ бурговъ рвы и подъемные мосты такимъ образомъ, чтобы ограждать всю окрестную мѣстность. Это „право подъёмныхъ мостовъ“ было политическимъ, военнымъ правомъ, но въ немъ есть также глубокое общественное значеніе. Только высшее дворянство было вправѣ составлять изъ себя отдѣльный маленькій міръ,—право подъемныхъ мостовъ было признакомъ его общественной самостоятельности, и, въ существѣ, такъ осталось до настоящаго времени. Въ ту пору только высшее дворянство съ духовенствомъ составляли „общество“. Позднѣе оно расширилось. Достойно замѣчанія, что почти одновременно съ этимъ расширеніемъ низшее дворянство въ свою

очередь добилось „права подъемныхъ мостовъ“, такъ какъ оно начало пріобрѣтать соціальную самостоятельность и входить въ составъ общества. Оно добилось этого права, потому что вмѣстѣ съ вымираніемъ и упадкомъ множества древнѣйшихъ родовъ высшаго дворянства оно пріобрѣтало бурги и замки, въ которыхъ сидѣли эти фамиліи, подобно тому, какъ въ нынѣшнее время многіе богатые бюргеры пріобрѣтеніемъ имущества достигаютъ права подъемныхъ мостовъ въ смыслѣ новѣйшемъ. Къ тому же низшее дворянство начало тогда опираться на свои фамильныя хроники. Только съ достиженіемъ права замкнутости образуются повсюду общественныя группы. Такъ средневѣковое бюргерство, вмѣстѣ съ своимъ корпоративнымъ устройствомъ завоевало и для себя соціальное, право подъемныхъ мостовъ; когда города сдѣлались расширенными замками, которые можно было „замкнуть“, сословіе гражданъ выступило на сцену органическимъ членомъ общества. Замкнутость крестьянъ въ обычаяхъ, языкѣ и образѣ жизни составляетъ ихъ соціальное право подъемныхъ мостовъ, благодаря которому, они чувствуютъ себя крѣпкими, какъ сословіе. Пролетаріатъ еще не нашелъ для себя этого права подъемныхъ мостовъ, и именно по этой причинѣ онъ не есть уже созрѣлый, а только образующійся еще членъ общества.

У современнаго дворянства нѣтъ уже никакихъ укрѣпленныхъ замковъ; ему не нужно уже никакихъ рвовъ и никакихъ подъемныхъ мостовъ. Но такъ какъ оно поддерживаетъ крупное землевладѣніе въ связи съ частною исторіею дворянскихъ родовъ, то, вообще говоря, оно служитъ представителемъ общественнаго права подъемныхъ мостовъ, какъ кореннаго условія соціальнаго расчлененія. Истинно жизненное призваніе дворянства—блюсти и выражать собою это расчлененіе, точно также, какъ жизненное призваніе бюргерства—не допускать, посредническимъ и уравнительнымъ дѣйствіемъ, закоснѣнія историческихъ перегородокъ. Если въ новѣйшемъ разговорномъ языкѣ слова „общество“ и „аристократія“ считаются однозначущими, то, конечно, это въ высшей степени неправильное словоупотребленіе, но въ немъ все таки заклю-

чается нѣкоторая доля истины. Дѣйствительно, задача аристократіи состоитъ въ томъ, чтобы представлять собою прототипъ наиболѣе опредѣленной и закругленной общественной группы. Политическое призваніе аристократіи есть уже производное, вытекающее изъ указаннаго вещественнаго призванія. Потому-то единственно вѣрнымъ и глубоко вліятельнымъ назначеніемъ первыхъ или аристократическихъ палатъ будетъ то, чтобы представлять собою, съ политической стороны, *историческій принципъ общественнаго расчлененія*, блюсти, чтобы государственная жизнь не покидала своей исторической общественной основы,—а не въ томъ, чтобы односторонне отстаивать частные интересы дворянства.

Какъ бюрократическій міръ въ тѣсномъ кругу представляетъ дѣятельность государства во всѣхъ направленіяхъ, тогда какъ только совокупность всѣхъ гражданъ образуетъ государство, точно также аристократія призвана олицетворять сословный элементъ общества въ самомъ наглядномъ его выраженіи, тогда какъ лишь совокупность всѣхъ сословій образуетъ общество.

Если мы согласимся признать это идеальнымъ призваніемъ аристократіи, то отсюда прямо будетъ слѣдовать, что оно выражаетъ собою нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ простое понятіе ранга высокаго званія. Самое высшее званіе еще не дѣлаетъ аристократомъ; точно также не дѣлаютъ имъ ни обширнѣйшія поземельныя владѣнія, ни громкое историческое имя, взятыя отдѣльно. Лишь независимое и самостоятельное положеніе, созданное прочнымъ поземельнымъ владѣніемъ, въ связи съ историческимъ самосознаніемъ фамильной и сословной солидарности, дѣлаютъ способнымъ къ выполненію общественнаго призванія аристократіи. Поэтому такъ же мало можно создать аристократію, какъ и упразднить ее посредствомъ декрета,—и потому же весьма странно дворянина, оказавшагося недостойнымъ своего званія, переписывать, въ наказаніе, въ бюргерское сословіе. У бюгерскаго сословія есть свое соціальное призваніе,

столь же высокое и почтенное, какъ и призваніе аристократіи, исходящее только изъ другихъ основаній и выполняемое другимъ путемъ, и никакъ нельзя думать, чтобы человѣкъ, выказавшій неспособность къ аристократическому призванію, оказался способнымъ къ выполненію обязанностей, свойственныхъ другому сословію; такой человѣкъ есть лишь испорченный, ни къ чему негодный аристократъ, какъ и во всякомъ другомъ сословіи есть свои наросты и язвы. Въ отношеніи другъ къ другу, сословія вовсе не стоятъ въ іерархическомъ порядкѣ—они выражаютъ лишь различныя стороны цѣльнаго общественнаго организма. Значеніе, какое со времени среднихъ вѣковъ придавали сословной іерархіи, породило ту сословную напыщенность, которая, къ несчастью, уронила самую идею сословности. Этого чванства долженъ избѣгать всякій, кто серьезно желаетъ общественной реформы. Если бы всѣми была понята идея сословій, какъ различныхъ формъ совокупной общественной дѣятельности, нераздѣльныхъ съ формами спеціальной дѣятельности, тогда каждый гордился бы собственнымъ своимъ званіемъ, чувствовалъ бы себя удовлетвореннымъ въ границахъ своего сословія, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилось бы злополучное стремленіе выступить изъ своего круга и, съ помощью внѣшнихъ погремушекъ и мишурнаго блеска, открыть себѣ двери другаго сословія, которому завидуютъ, какъ высшему.

Чѣмъ свѣжѣе, самостоятельнѣе и крѣпче расцвѣтаетъ и растетъ бюргерство, тѣмъ достойнѣе и способнѣе будетъ и аристократія, тѣмъ дружнѣе, безъ зависти, будутъ дѣйствовать всѣ сословія. Нѣмецкое дворянство пошло назадъ съ той минуты, какъ подвергнулось упадку бюргерство, и чѣмъ болѣе упадали оба сословія, тѣмъ шире становилась раздѣлявшая ихъ бездна. По мѣрѣ того, какъ разлагалась сословная обособленность, крѣпчайшая *матеріяльная* опора которой пребываетъ въ бюргерствѣ, аристократія болѣе и болѣе забывала свое истинное призваніе—охранять идею этого сословнаго расчлененія. Въ соціалистическомъ мірѣ, не хотящемъ знать никакой буржуазіи, дворянство упраздняется само собою, ибо только въ исторически сложив-

шемся обществѣ оно имѣетъ смыслъ и призваніе. Секретъ могущества и жизненности англійской аристократіи заключается въ томъ, что въ Англіи и буржуазія доселѣ еще сознаетъ себя крѣпкимъ, правильно выгороженнымъ сословіемъ, что общественная организація еще сохраняетъ тамъ свой внутренній историческій устой. Съ этимъ взаимнымъ самосознаніемъ силы въ различныхъ группахъ тѣснѣйшимъ образомъ связана *умпренность*—это, по выраженію Монтескье, коренная добродѣтель англійской аристократіи. Въ Германіи, со времени несчастной тридцатилѣтней войны, буржуазія принизилась и опошлилась, что неизбѣжно повлекло за собою упадокъ дворянства. Матеріялъ для возсозданія вліятельной и уважаемой германской аристократіи отыщется только тогда, когда снова отыщется матеріялъ для возрожденія вліятельной германской буржуазіи. Во Франціи, гдѣ сословный духъ буржуазіи понизился всего болѣе, гдѣ враждебный исторіи пролетаріатъ торжествуетъ свои самыя рѣшительныя побѣды—дворянство, равнымъ образомъ, померкло и обезцвѣтилось всего болѣе. Наоборотъ—въ Испаніи, гдѣ сословное чванство перешло въ донъ-кихотство, каждый мѣщанинъ хочетъ быть гидальго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Средневѣковая аристократія, какъ микрокозмъ общества.

Въ предшествующемъ отдѣлѣ я, для уразумѣнія крестьянства, прибѣгнулъ къ обрисовкѣ отдѣльныхъ мелочныхъ чертъ изъ жизни нынѣшняго крестьянства. Напротивъ, для уразумѣнія аристократіи, я обращусь назадъ, къ историческому прошлому. Въ этой особой методѣ изслѣдованія молча сказывается уже коренное различіе двухъ общественныхъ группъ. Центръ тяжести аристократіи лежитъ въ томъ, чѣмъ оно было прежде; центръ тяжести крестьянства—въ томъ, чѣмъ оно есть въ настоящее время или будетъ впослѣдствіи. Для изслѣдователя культуры состояніе дворянства въ средніе вѣка представляется тончайшимъ миніатюрнымъ изображеніемъ осуществленной на практикѣ „организаціи общества". Здѣсь нетолько обозначается и очерчивается въ тысячѣ мелкихъ чертъ и свѣжими красками молодости весь соціальный *вопросъ*, столь бурно волнующій современность, но находится также и *отвѣтъ* на этотъ вопросъ.

Повидимому это очень смѣлое, но въ сущности чрезвычайно благодарное дѣло — взглянуть на старую аристократію съ новѣйшей точки зрѣнія, подъ освѣщеніемъ нашей современной общественной жизни,— вызвать тѣни старинныхъ рыцарей, чтобы они высказали намъ свои взгляды на рѣшеніе общественныхъ проблемъ. Быть можетъ, окажется, что именно въ томъ пунктѣ общественной жизни, по которому ихъ чернятъ

всего болѣе, они явятся *для своего времени* истинными „рыцарями духа“. Въ теченіе вѣковъ изслѣдователями собранъ безконечный матеріалъ для изученія средневѣковой аристократіи. Ее изображали съ точки зрѣнія государственной и юридической, военнаго искусства, или въ магическомъ полусвѣтѣ поэтической романтики; почему же не попытаться освѣтить ее и бѣглымъ лучемъ новѣйшей соціальной критики?

Основная идея товарищеской жизни, круговаго обязательства пробивается наружу у средневѣковаго дворянства съ такою силою, что даже наши нынѣшніе соціалисты могли бы этому порадоваться. Совершенно ложно общераспространное мнѣніе, что дворянинъ въ своемъ замкѣ держался одиноко, отрѣшался отъ общества и жилъ самовольно съ гордымъ девизомъ: „самозащита, независимость“. Бургъ, замокъ, какъ уже замѣчено выше, выражаютъ гораздо болѣе замкнутость дворянства, какъ сословія, чѣмъ замкнутость отдѣльнаго дворянина.

Образъ жизни въ бургахъ есть продуктъ свободнаго сотоварищества, которое не имѣетъ ничего общаго съ одиночествомъ личности въ наше время и которое, въ миніатюрномъ видѣ, содержитъ въ себѣ великолѣпные зачатки корпоративнаго общественнаго строя, основаннаго на началѣ товарищества. Простой сельскій дворянинъ, проживалъ какъ фогтъ, кастелянъ, управляющій замкомъ, арендаторъ высшаго дворянства большею частью въ чужихъ бургахъ; нерѣдко соединялось цѣлое общество дворянъ, которое сообща покупало, строило, получало въ наслѣдство одинъ и тотъ же бургъ, гдѣ и поселялось на правахъ общаго совладѣнія. Въ этихъ дворянскихъ союзахъ и товариществахъ господствуетъ явная соціалистическая стихія—и въ такой широтѣ, какъ того не удавалось еще воспроизвести въ новѣйшее время. Эту общинную жизнь цѣлыхъ дворянскихъ родовъ можно бы сравнить съ фаланстерами, съ филантропическими казармами новѣйшихъ теоретиковъ, если бы тутъ не кидалась въ глаза великая разница—основа семейная, на которой покоились всѣ средневѣковыя отношенія, и затѣмъ—право подъемныхъ мостовъ, сословная замкнутость.

Нѣтъ сомнѣнія, что аналогія стариннаго бюргерства, съ его гильдейскимъ и корпоративнымъ бытомъ, далеко не такъ рѣшительно выражаетъ и воспроизводитъ новѣйшее понятіе объ экономически-общественной солидарности, какъ это усматривается въ разнообразныхъ видахъ дворянскихъ общежитій. Только монастырская жизнь, по остротѣ соціальной или, если угодно, соціалистической мысли, можетъ быть поставлена рядомъ съ дворянскими общежитіями или выше ихъ. И замѣчательно, что большею частью многочисленные монастыри встрѣчаются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ было много замковъ; въ мѣстностяхъ, скудныхъ рыцарскими замками, рѣдки и монастыри. Болѣе того — самыя дворянскія общежитія зачастую находились къ монастырямъ въ отношеніяхъ общественной солидарности. Дворянскія фамиліи и основывали монастыри нетолько изъ побужденій благочестія, но также подъ вліяніемъ хорошо разсчитанныхъ соціальныхъ соображеній или соціальной политики. Коль скоро родовой замокъ не былъ уже достаточно обширенъ, чтобы, согласно старинному дворянскому обычаю, вмѣщать въ себѣ всѣ разроставшіяся побочныя отрасли, связывая ихъ крѣпкимъ семейнымъ союзомъ, тогда монастырь, за извѣстное приношеніе или даже безъ всякаго приношенія, принималъ въ свои стѣны избытокъ членовъ изъ фамиліи основателей монастыря. Такимъ образомъ, и въ новомъ монастырскомъ сожительствѣ эти члены оставались въ духовной связи съ своими родичами. Дворянскихъ дѣвушекъ посылали для воспитанія въ монастырь, гдѣ онѣ, кромѣ религіознаго образованія, пріобрѣтали также привычки общественной благовоспитанности. Одновременно съ соціальнымъ упадкомъ дворянскихъ общежитій вырождалась и распадалась и общинная монастырская жизнь. Причиной послѣдняго вовсе не былъ одинъ только религіозный переворотъ. Общественный переворотъ также далъ знать себя. Соціалистическая мысль, воплотившаяся въ дворянскихъ общежитіяхъ и въ монастырскомъ быту, какъ будто исчезла; но она лишь задремала и снова проснулась въ наше время, только въ новой одеждѣ.

Въ духовныхъ рыцарскихъ орденахъ монастырскій бытъ вполнѣ сочетался съ рыцарскимъ бытомъ и, сообразно этому, здѣсь всего ярче и рельефнѣе развернулся средневѣковый соціализмъ. Новѣйшій коммунистъ безъ всякаго колебанія могъ бы вырѣзать на своей печати извѣстный рыцарскій гербъ монашескаго ордена, изображающій двухъ рыцарей на одномъ конѣ.

Рядомъ съ благотворною и полезною стороною, обнаружились и опасныя послѣдствія общежитія, въ виду тѣснаго сближенія дворянскихъ союзовъ. Мятежи въ этихъ общежительныхъ бургахъ были также часты, какъ часты они при попыткахъ учрежденія соціалистическихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ. Тѣ разбои, совершавшіеся надъ мирными купцами, которые такъ часто помрачали блескъ средневѣковаго дворянства, исходили большею частью изъ общежительныхъ бурговъ, причемъ страшнѣе всего были тѣ бурги, гдѣ сидѣли вмѣстѣ мелкіе совладѣтели.

Средніе вѣка повсюду обнаруживали большую чуткость въ общественныхъ дѣлахъ, хотя тогдашніе люди мало заботились о научномъ ихъ разъясненіи. Когда князья и государи предприняли преслѣдованіе тампліеровъ посредствомъ пытокъ и костровъ, то, навѣрное, кромѣ другихъ мотивовъ, ими руководила неясная мысль объ опасности для государства дворянскаго общежитія, въ которомъ самымъ рѣзкимъ образомъ сказывалась тенденція круговаго обязательства, но которое, внѣ ордена, порвало всякую связь съ историческимъ семейнымъ бытомъ. Для тампліера „общество“ замыкалось въ орденѣ, члены котораго не могли владѣть частной собственностью. Такъ при постоянномъ расширеніи и возростаніи этого духовно-рыцарскаго товарищества средневѣковая аристократія, въ концѣ концевъ, была бы уничтожена порожденіемъ своихъ собственныхъ нѣдръ, подобно тому, какъ въ новѣйшемъ соціализмѣ само общество наложило бы на себя смертоубійственную руку. Въ числѣ обвиненій, которыя взводились на тампліеровъ, находится между прочимъ то, что они помышляли объ учрежденіи всеобщей аристократиче-

ской республики въ Европѣ. Въ этомъ обвиненіи опять таки проглядываетъ неясное сознаніе громадной революціонной силы соціальнаго свойства, таившейся въ орденѣ. Истребленіе ордена тампліеровъ было по истинѣ страшнымъ дѣломъ, но это было дѣломъ соціальной самообороны со стороны государей. Поучительно просмотрѣть акты процесса, направленнаго противъ тампліеровъ, съ точки зрѣнія новѣйшаго соціализма и коммунизма. Общественно-уравнительная филантропія восемнадцатаго столѣтія вспомнила о трагической судьбѣ тампліеровъ и воспользовалась ею, какъ благодарнымъ матеріаломъ. Слѣдуетъ также прибавить, что отрасль сенъ-симонизма въ Парижѣ намѣревалась возобновить орденъ тампліеровъ, но замыселъ ограничился только тѣмъ, что на бѣлые плащи нашиты были красные кресты — затѣя, которая была бы всего умѣстнѣе на какомъ нибудь маскарадномъ балѣ.

Для нашей цѣли достаточно и здѣсь засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что въ средневѣковой аристократіи типически выражается все разнообразіе нашей общественной жизни, даже въ ея болѣзненныхъ наростахъ и формахъ, которыя, по господствующему мнѣнію, считаются чѣмъ-то совершенно новымъ, свойственнымъ только новѣйшему времени.

Семейная собственность, корпораціонное владѣніе, общинная собственность и общинное хозяйство играли первенствующую роль въ охранительныхъ силахъ среднихъ вѣковъ—у дворянства и крестьянства; напротивъ того, бюргеръ, человѣкъ движенія, мало-по-малу усвоилъ себѣ и логически и глубоко проводилъ идею свободнаго частнаго владѣнія и этимъ путемъ завоевалъ себѣ новый соціальный міръ.

Возвратимся къ здравому общинному элементу въ средневѣковой аристократіи. И тѣ дворянскія товарищества, о которыхъ сказано выше, не стояли одинокими группами. Въ отдѣльныхъ округахъ эти маленькія группы соединялись въ болѣе крупныя. Возникали имперскія общества, рыцарскіе кружки, кантоны, дворянскія братчины и союзы со всяческими наименованіями, такъ называемыя товарищества собу-

тыльниковъ подъ покровительствомъ большихъ имперскихъ городовъ и т. д. Одинъ союзъ не хотѣлъ „въѣзжать для игры“ съ другимъ такимъ же союзомъ,—эти группы объединялись строго, и однако же отдѣльному лицу отнюдь не возбранялось принимать *личное* участіе въ постороннихъ союзахъ, служа соединительнымъ звеномъ между группами, лишь бы это участіе не было противно принципамъ собственной общины.

Очевидно, что повсюду пробивались изъ почвы зачатки органической общественной системы, но вслѣдствіе избытка растительной силы одинъ зародышъ нерѣдко заглушался другимъ. Если обозрѣть нѣмецкія дворянскія сотоварищества въ ихъ совокупности, то передъ нами развернется картина истинно геніальной безпорядочности; но замѣчательно, что эта безпорядочность порождалась порывистымъ стремленіемъ къ порядку, почему она была вполнѣ живою и содержательною. Именно этимъ самымъ качествомъ отличаются многія готическія сооруженія: въ цѣломъ готическое архитектурное зданіе дышетъ чѣмъ-то безпорядочнымъ, вытекающимъ изъ могущественнаго, индивидуальнаго влеченія къ порядку въ отдѣльныхъ частяхъ. Для корпоративнаго устройства средневѣковой аристократіи нельзя пріискать болѣе нагляднаго уподобленія.

Признаніе указаннаго живаго духа свободной ассоціаціи чрезвычайно важно для правильной оцѣнки общественнаго значенія средневѣковой аристократіи. Въ ту пору дворянство было истиннымъ „микрокозмомъ“ общества; можно даже сказать, что прежде полнаго сформированія городскаго быта въ немъ вмѣщалось все общество, которое слагалось и подраздѣлялось не по внѣшней системѣ, а возрастало свободно, зачастую нестройно и съ виду весьма произвольно. Но рядомъ съ произвольнымъ соединеніемъ большихъ и малыхъ дворянскихъ товариществъ воздвигалась совершенно опредѣленная лѣстница аристократическихъ правъ и обязанностей, отъ фогства, ленной зависимости и графства до аллодіальнаго права и независимаго державства (династіи). Строгіе законы турнировъ были въ то же время дисциплинарными и

нравственными законами. Дворянскому сословію далеко не былъ чуждъ духъ строгой дисциплины и порядка, но это была дисциплина, свободно развившаяся, сама собою, изъ учрежденій дворянства, а не полицейски навязанная извнѣ. Соблюденіе внутренней дисциплины и нравственности было заботою и правомъ общественнаго союза, а не государства. Права высшаго и низшаго дворянства точно разграничивались. Низшему дворянству не приходило въ голову желать того же, что̀ было подходящимъ для высшаго дворянства. Тогда лишь, когда оно, предавшись такимъ желаніямъ, выступило изъ своего законнаго круга, начался періодъ упадка для всей аристократіи. Духъ добровольнаго корпоративнаго разграниченія угасъ, и принудительныя средства внѣшняго іерархическаго порядка не могли оживить его.

Въ томъ обстоятельствѣ, что прежде всего общество организовалось въ средѣ старой аристократіи, какъ его почти исключительной представительницы, и организовалось роскошно и широко, съ истинно величавою природною силою, въ этомъ обстоятельствѣ заключается право новѣйшей аристократіи соблюдать и хранить общественный организмъ, *въ томъ видѣ, какъ онъ сложился исторически*. Это ее право и призваніе.

Но не слѣдуетъ думать, что строго организованная корпорація средневѣковаго дворянства, всего болѣе дорожившаго „правомъ подъемныхъ мостовъ“, повсюду упрямо отдѣлялась отъ прочихъ сословій, находившихся тогда въ гораздо болѣе раннемъ періодѣ организаціи и, слѣдовательно, развитія своихъ силъ. Не слѣдуетъ думать, что члены ея высокомѣрно избѣгали совокупной дѣятельности съ другими сословіями. Въ томъ-то и сказывается живая сила старо-дворянскаго устройства, что дворяне стояли гораздо ближе къ гражданству и крестьянству, чѣмъ новѣйшая аристократія. Такъ какъ дворянская дѣятельность не была мыслима иначе, какъ на опредѣленной почвѣ, въ границахъ извѣстной мѣстности, „родины“ въ тѣсномъ смыслѣ, то дворянинъ естественно и необходимо шелъ рука объ руку съ гражданами и

крестьянами, жившими въ его маленькомъ мѣстномъ районѣ. Въ свободныхъ общинахъ дворяне и граждане (бюргеры) сообща обсуждали и вершали дѣла. „Мы дворяне и бюргеры", говорится часто въ началѣ тогдашнихъ документовъ; или: „мы дворяне и община, съ общаго согласія, объявляемъ" и проч. По новѣйшимъ воззрѣніямъ, это сопоставленіе дворянъ и бюргеровъ можетъ казаться намъ довольно незначущимъ, но въ свѣтѣ средневѣковыхъ нравовъ оно служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ весьма близкихъ отношеній аристократіи къ бюргерству,—двухъ сословій, дружески, согласно, безъ зависти и высокомѣрія встрѣчавшихся на *нейтральной почвѣ общинной жизни*. Старинныя сословія всѣ вмѣстѣ и каждое въ частности очень рознились въ юридическомъ отношеніи; однако же они переплетались другъ съ другомъ связующей нитью. Новѣйшія сословія суть ничто иное, какъ группы, различающіяся между собою только родомъ дѣятельности и нравами. Стало быть, они гораздо менѣе средневѣковыхъ должны бы терпѣть отъ сословной разъединенности общинной жизни; но мы видимъ другое. Конечно, въ средніе вѣка столкновенія между дворянствомъ и бюргерствомъ, гдѣ имъ случалось встрѣчаться во враждебномъ соперничествѣ, ни мало не отличались дружелюбіемъ. Въ такомъ случаѣ рыцарь убивалъ путешествующаго купца, и если жители Нюренберга захватывали такого рыцаря, они безъ всякихъ церемоній вѣшали передъ городскими воротами. Общественныя отношенія такого рода, конечно, представляются не совсѣмъ любезными въ зеркалѣ нашей новѣйшей политуры; но и въ самыхъ нѣдрахъ сословій, какъ бюргерскаго, такъ и аристократическаго, отношенія были не менѣе рѣзкими. Эпоха во всѣхъ отношеніяхъ была грубою и насильственною. Люди могли еще видѣть кровь, не прибѣгая къ помощи одеколона; сословія, распаленныя корыстью, или враждою, дрались безпощадно, и тѣмъ не менѣе, въ принципѣ, общественныя преимущества возбуждали въ нихъ менѣе зависти, нежели въ насъ, ихъ цивилизованныхъ потомкахъ.

Въ рейнскомъ округѣ майнцскаго курфюршества, дворянинъ, пріоб-

рѣтавшій поземельную собственность, не будучи въ то же время его постояннымъ обитателемъ, по обычаю ,не получалъ еще никакого права на пользованіе мѣстными владѣльческими прерогативами, которыя только тогда доставались ему, если онъ одновременно съ пріобрѣтеніемъ собственности лично водворялся въ округѣ. „Свободный владѣлецъ, свободное помѣстье", говорилось лишь въ томъ случаѣ, если дворянинъ, къ которому переходило обремененное налогами помѣстье, избиралъ себѣ мѣстожительство въ краѣ. И эта, такъ настойчиво требуемая, осѣдлость устраняла чрезмѣрную раздѣльность сословій,—и она же давала дворянству возможность выполнять свое соціальное призваніе. Поэтому совершенно основательно придавалось такъ много значенія факту осѣдлости. Когда въ шестнадцатомъ столѣтіи значительная часть дворянства потеряла подъ собою мѣстную почву, а въ семнадцатомъ и нравы ея сдѣлались вполнѣ космополитическими—только тогда образовалась глубокая пропасть между бюргерствомъ и дворянствомъ. За то въ средѣ сельскаго дворянства, продолжавшаго жить между крестьянствомъ, сохранились, какъ уже замѣчено, въ высшей степени благотворныя отношенія къ крестьянскому сословію, основанныя на общности интересовъ.

Чтобы получить отрадное, согрѣвающее душу впечатлѣніе о томъ, какими способами средневѣковое дворянство выполняло свою соціальную задачу и въ политическихъ дѣлахъ, нужно изучить отчеты о нѣкоторыхъ мѣстныхъ представительныхъ собраніяхъ и ландтагахъ, собиравшихся въ *болѣе счастливыхъ*, т. е. *свободныхъ* мѣстностяхъ Германіи. У меня подъ рукою имѣются отчеты о средневѣковыхъ собраніяхъ въ Люцелау, въ прирейнской области. Изъ нихъ мы и нынѣ еще можемъ заимствовать настоящій образецъ того, какъ должна держать себя аристократія въ дѣлѣ народнаго представительства, и мы сочли бы себя счастливыми, если бы у насъ въ нынѣшнее время были такія же первыя палаты, какія до пятнадцатаго столѣтія формировались на томъ островѣ изъ прирейнскаго дворянства. *Само собой ра-*

зумѣется, что въ этихъ фактахъ средневѣковый духъ долженъ быть замѣненъ духомъ нашего времени и что нельзя примѣнять ихъ къ нашему, совершенно отличному, общественному состоянію.

Мѣстные дворяне, по праву рожденія, принимали участіе въ этихъ юношескихъ начаткахъ сословнаго представительства, и хотя за ними постепенно были признаны всѣ почетныя должности, но фактически они избирали должности *посредниковъ*. Дворянинъ являлся въ собраніе не для того, чтобы ограждать особые интересы своего сословія, но единственно въ качествѣ прирейнскаго земца и поземельнаго собственника, въ качествѣ естественнаго посредствующаго члена между делегатами архіепископа и бюргерами, въ качествѣ самостоятельнаго, свободнаго человѣка, не желающаго налагать узду на парламентскую свободу бюргерскихъ представителей и съ другой стороны не расположеннаго жертвовать своимъ независимымъ убѣжденіемъ въ угоду архіепископскому правительству. Его собственный интересъ, какъ крупнаго землевладѣльца, побуждалъ его дѣйствовать примирительно въ спорахъ между архіепископскимъ управленіемъ и гражданами. Его личный голосъ, какъ члена собранія, имѣлъ то же значеніе, какъ и голосъ бюргера; отъ бюргерскихъ представителей онъ отличался только наслѣдственнымъ правомъ представительства. Но это право обусловливалось не однимъ только фактомъ землевладѣнія, но также постояннымъ мѣстожительствомъ въ округѣ. Такимъ образомъ аристократія вполнѣ удовлетворяла требованіямъ своего истиннаго призванія, и ей принадлежала та политическая роль, которая во всѣ времена подходила къ ней всего лучше— *роль посредничества и примиренія въ сословной жизни*. Возраставшія втеченіе позднѣйшихъ столѣтій привиллегіи дворянства на сеймахъ, а затѣмъ въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ зависимость дворянскаго сословія отъ правительствъ—привели къ тому, что мало по малу политическая дѣятельность аристократіи сдѣлалась подозрительною для бюргеровъ; наоборотъ, тѣ старинныя сословныя собра-

ныя, вслѣдствіе своего примирительнаго и объединяющаго характера, внушали бюргерамъ живѣйшее уваженіе къ аристократіи, игравшей такую почтенную роль на этихъ собраніяхъ. Подобно тому, какъ всякій рыцарь совершенно сближался съ своими крестьянами въ засѣданіяхъ общиннаго совѣта, такъ здѣсь рыцарство, въ цѣломъ своемъ составѣ, сближалось съ членами всего бюргерства. И въ этомъ-то единодушіи таилась вся сила старинныхъ представительныхъ собраній, сила, которая сравнительно съ нашимъ дряблымъ сословнымъ чувствомъ, отзывается чѣмъ-то демагогическимъ. Представительныя собранія, въ томъ видѣ, какъ они сходились на упомянутомъ островѣ, окруженныя волнами зеленаго Рейна, не были какими нибудь совѣщательными, неполноправными собраніями,—нѣтъ, ими принимались положительныя, обязательныя рѣшенія, и согласно съ духомъ первой половины среднихъ вѣковъ государю страны не могло даже придти въ голову пренебречь такимъ совокупнымъ конституціоннымъ рѣшеніемъ дворянства и бюргерскихъ ландратовъ! Такова была сила сословнаго народнаго представительства!

Люцелау смытъ долой волнами Рейна; не знаютъ даже хорошенько, гдѣ онъ находился; съ нимъ погрузилась въ потокъ и величественная самостоятельность представительныхъ собраній стараго времени. Люцелау съ своими гордыми сеймами погребенъ на рѣчномъ днѣ, какъ своего рода утесъ Нибелунговъ, утесъ германской народной и государственной жизни. Поэтъ могъ бы сочинить на этотъ сюжетъ прелестную балладу!

Дальнѣйшимъ соединительнымъ звеномъ, въ земскомъ представительствѣ, для гражданства и аристократіи было занятіе судейскихъ должностей дворянствомъ. Не только въ общихъ земскихъ судахъ, но весьма часто и въ деревенскихъ, дворяне выполняли обязанности судей и засѣдателей. Юридическія познанія считались чуть ли не прирожденнымъ свойствомъ дворянина и рыцаря. Отечественные юридическіе обычаи—не книжная юридическая ученость—вмѣстѣ съ другими обычаями сохранялись наслѣдственно въ дворянскихъ фамиліяхъ. Такимъ образомъ

по справедливости слѣдуетъ признать, что въ такую, столь еще наивную эпоху, шли рука объ руку историческое фамильное самосознаніе рядомъ съ историческимъ самосознаніемъ отечественнаго законодательства. Изъ общественной роли аристократіи, какъ ни странно можетъ это звучать для нашего слуха, естественно вытекла простодушная увѣренность, что дворянство обладаетъ знаніемъ законовъ, что каждый баронъ былъ какъ бы прирожденнымъ докторомъ юриспруденціи. При этомъ владѣльческая осѣдлость дворянъ могла считаться такой же порукой ихъ рыцарской независимости, какъ въ новѣйшей бюрократіи несмѣняемость судейскихъ должностныхъ лицъ. Это рыцарское судебное сословіе часто упоминается въ древнихъ документахъ, какъ состоящее изъ „честныхъ, строгихъ и разумныхъ людей“. Но судья изъ дворянъ засѣдалъ на равной ногѣ съ своими сотоварищами изъ бюргеровъ и крестьянъ. Судебныя обязанности были высшей честью какъ для рыцаря, такъ и для всей общины. Къ сожалѣнію, въ ту пору сословія не были равны передъ закономъ, но нерѣдко съ большимъ успѣхомъ они достигали равенства въ высшей почетной области суда. Какъ участіе въ общинномъ и земскомъ управленіяхъ, такъ и участіе въ судебной дѣятельности было нейтральною почвою, на которой снова встрѣчались столь рѣзко разграниченныя, въ общественномъ смыслѣ, сословія.

Болѣе того. Члены низшаго дворянства нерѣдко видѣли въ судебныхъ должностяхъ общественную службу, доставлявшую имъ хлѣбъ. Низшее средневѣковое дворянство, вообще говоря, не отличалось особеннымъ богатствомъ; рыцарская профессія требовала большихъ затратъ, доходы съ имѣнья очень часто вовсе не отвѣчали потребности жить широко и роскошно. При извѣстныхъ обстоятельствахъ судебныя должности могли доставить изрядный доходъ. Стало быть, рыцарь находилъ средство къ жизни въ занятіяхъ, столько же мѣщанскихъ, какъ и дворянскихъ. И тогда какъ общественный предразсудокъ запрещалъ ему заниматься бюргерскимъ ремесломъ — оба сословія и съ этой стороны встрѣчались въ почетной сферѣ суда. Съ этимъ можно сравнить

то позднѣйшее явленіе, когда обѣднѣвшая аристократія искала низшихъ и высокихъ государственныхъ должностей для добыванія себѣ способовъ къ жизни. Но такъ какъ эти казенныя должности отнюдь не были независимою службою, чѣмъ были службы въ старинныхъ земскихъ судахъ, то погоня за ними не мало способствовала къ тому, чтобы подавить самостоятельность мелкаго дворянства, которое, какъ привиллегированное сословіе, болѣе и болѣе разъединялось съ мѣщанствомъ, особенно, когда дворяне наперерывъ начали добиваться блестящихъ придворныхъ мѣстъ. Тогда какъ самое значеніе судебныхъ должностей возвышалось дворянствомъ, государственная служба, напротивъ, была унижена тѣмъ, что она получила видъ какой-то богадѣльни для обнищавшей аристократіи. Средневѣковые администраторы и должностныя лица дворянскаго происхожденія часто посвящали себя „наслѣдственно и на вѣки“ княжеской службѣ. Но уже то самое обстоятельство, что они такимъ образомъ со всѣмъ своимъ потомствомъ крѣпко примкнули къ большой семьѣ династическихъ слугъ, болѣе согласовалось съ общественнымъ характеромъ аристократіи, съ ея назначеніемъ поддерживать историческія градаціи, нежели зависимость отъ канцелярскихъ и бюрократическихъ требованій новѣйшаго пошиба. Непосредственное участіе дворянскаго сословія придало судамъ, даже въ самыхъ мелкихъ деревняхъ, большое общественное значеніе, которое позднѣе не очень то удачно было поддержано ученой торжественностью докторовъ юриспруденціи. Въ то еще грубое время дворянство существенно помогало водворенію чувства законности среди сельскихъ обывателей. Такимъ путемъ эта, иной разъ весьма скромная дѣятельность была благотворна для обѣихъ сторонъ.

Безъ сомнѣнія, раздѣлительныя черты дворянскаго сословія были проведены въ средніе вѣка достаточно рѣзко. И однакобоковые отпрыски главныхъ дворянскихъ родовъ, для сохраненія нераздѣльности наслѣдственнаго помѣстья, гораздо чаще нынѣшняго переходили изъ высшаго дворянства въ низшее, изъ послѣдняго въ бюргерское или кресть-

янское сословіе. Черезъ это аристократія нетолько сохранялась крѣпкою и сплоченною, но въ то же время ее отношенія къ свободному бюргерству были тѣснѣе и задушевнѣе, чѣмъ въ наше время. Если мы такъ часто встрѣчаемъ одинаковыя, стародворянскія и бюргерскія фамиліи, то, навѣрное, въ большинствѣ случаевъ, послѣднія происходятъ отъ младшихъ отраслей одноименной фамиліи, которыя въ прежніе вѣка благоразумно отказались отъ аристократическаго званія, такъ какъ имъ не доставало аристократическаго помѣстья, этого необходимаго условія самостоятельности. Съ другой стороны значительная часть низшаго дворянства несомнѣнно происходитъ отъ бюргерскихъ и крестьянскихъ предковъ. Оно не отдѣлялось особыми правами отъ свободнаго гражданина и служило посредникомъ между бюргерствомъ и высшимъ дворянствомъ.

Но и въ привиллегіяхъ средневѣковаго дворянства была общественная закваска. Одно изъ его драгоцѣннѣйшихъ правъ выражается въ древнемъ юридическомъ изрѣченіи: „неблагородный не можетъ указывать дворянину". — „Судья не дворянскаго происхожденія не можетъ ни наказывать, ни порицать дворянина", говорится въ видѣ комментарія въ одномъ документѣ, относящемся къ серединѣ тринадцатаго столѣтія. Сюда примыкало не менѣе важное преимущество, что дворянинъ былъ nativi juris,—что дворянинъ долженъ былъ судиться въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ, и не могъ быть позванъ къ чужому суду.

Если мы будемъ смотрѣть на эти привиллегіи съ новѣйшей точки зрѣнія, то они покажутся намъ возмутительною обидою для всей не аристократической части общества, ибо дворянинъ, который не могъ быть судимъ не дворянами, судилъ однакоже другія сословія. Слѣдовательно, постановленіе, что равный можетъ быть судимъ только равными, было выгодно собственно для одной части. Но въ освѣщеніи старины дѣло представляется совершенно инымъ.—Аристократія представляла собою общество. Присвоивая исключительно для себя одной

вышеозначенныя права — какъ привиллегію общества — она ни болѣе ни менѣе, какъ провозглашала важную долю „всеобщихъ правъ человѣка“, только, разумѣется, по *средневѣковому* шаблону. Дворянство, требуя для себя политическихъ привиллегій, какъ общественныхъ правъ, невѣдомо для себя, давало мѣщанству и крестьянамъ право на такія же привиллегіи въ будущемъ, когда эти сословія достигнутъ своего соціальнаго образовательнаго процесса, въ качествѣ самостоятельно организованныхъ членовъ, когда они получатъ возможность вступить въ постоянно расширявшійся, общественный кругъ. Дворянство наслѣдовало исконныя права жрецовъ, граждане и крестьяне наслѣдовали права дворянства, пролетаріи права бюргерства. Вся сумма правъ, въ которыхъ позднѣе коренилась сила свободнаго бюргера, которыя нынче считаемъ еще истиннымъ фундаментомъ нашего праваго государства, — вся сумма этихъ правъ существовала и хранилась какъ драгоцѣнное сокровище въ привиллегіяхъ старой аристократіи. И обладаніе этими привиллегіями не только не ложилось гнетомъ на цивилизаціи, но напротивъ, оно позволяло средневѣковому дворянству охранять свѣточъ цивилизаціи въ смутныя, бурныя времена. Изъ равенства древняго варварства выросло неравенство средневѣковыхъ обычаевъ, а изъ этихъ послѣднихъ опять возродилось соціальное равенство въ блескѣ новѣйшаго просвѣщенія.

Въ то время, когда общины, въ смыслѣ организованной гражданской свободы, могли противупоставить лишь слабое сопротивленіе абсолютному управленію князей, аристократія взяла на себя эту обязанность, опираясь на свои старыя привиллегіи. Въ духовныхъ княжествахъ эту роль аристократіи выполняли не дворяне, какъ сословіе, но соборные капитулы, монастыри и обители, составленные изъ аристократическихъ элементовъ и представлявшихъ собою моральныя лица. Силу духовныхъ дворянскихъ корпорацій можно даже отнести еще къ тому времени, когда политическое могущество единичныхъ аристократовъ давно уже было сокрушено. Въ

своей любопытной монографіи о вюрцбургскомъ архіепископѣ Францѣ-Людвигѣ, Бернгардъ приводитъ объ этомъ замѣчательные факты. Такъ, напримѣръ, еще въ семнадцатомъ столѣтіи бамбергскій соборный капитулъ такъ настойчиво выставилъ противъ архіепископа свое право въ отказѣ податей, какъ это едва ли случается въ новѣйшихъ сеймахъ. Въ избирательномъ договорѣ въ 1693 г. было опредѣлено, что если князь-архіепископъ нарушитъ договоръ, то капитулъ сдѣлаетъ ему увѣщаніе; если же онъ и тогда не откажется отъ этого нарушенія, то сборщики податей до тѣхъ поръ не будутъ выплачивать ему его содержанія, пока онъ вполнѣ не подчинится требованіямъ капитула. При этомъ было еще условлено, что князь никому не будетъ выказывать „немилости, злобы и досады“ по поводу подобнаго отказа въ уплатѣ податей, а „приметъ этотъ отказъ благосклонно“ и что, кромѣ того, онъ не можетъ быть освобожденъ отъ своей клятвы въ соблюденіи договора ни папою, ни императоромъ; точно также онъ не будетъ искать никакого высшаго покровительства, а напротивъ, клятву и присягу сохранитъ втайнѣ.

Въ ту пору между могущественными монастырями и архіепископами, ради важнѣйшихъ правительственныхъ правъ, происходилъ совершенно такой же споръ, какой со времени французской революціи ведется между народами и монархами. Подобные монастыри неоднократно обнаруживали свою политическую самостоятельность отказомъ въ военныхъ налогахъ, предписанныхъ архіепископомъ. Они до самаго восемнадцатаго столѣтія были настоящими духовными рыцарскими бургами. Жилище игумена въ такихъ могущественныхъ аббатствахъ называли „дворомъ“, а иноковъ, занимавшихъ особыя должности—„придворными“. Когда въ 1738 г. ученый аббатъ Зелльнеръ-фонъ-Эбрахъ въ изданномъ имъ трактатѣ старался доказать непосредственную зависимость своего монастыря отъ имперіи, то архіепископъ вюрцбургскій запретилъ распространеніе трактата при барабанномъ боѣ и приказалъ публично разорвать его. Но трактатъ былъ изданъ еще двукратно, при-

чемъ одно изъ этихъ изданій появилось въ Римѣ. Въ ту же эпоху, въ централизаціонный вѣкъ Людовика XIV, архіепископъ бамбергскій не захотѣлъ больше сзывать чиновъ своей области; тогда аббаты монастырей Михельсберга, Банца и Ланггейма все-таки, собственнымъ почином, созвали сословныхъ представителей своихъ округовъ. Архіепископъ подавилъ это нарушеніе своей верховной власти только тѣмъ, что онъ арестовалъ аббатовъ и до тѣхъ поръ занималъ ихъ монастыри солдатами, пока они не представили достаточнаго ручательства, что это созваніе сословныхъ представителей больше не повторится.

Аристократическая корпорація соборнаго капитула гораздо рѣшительнѣе ограничивала княжескую власть въ духовныхъ владѣніяхъ, чѣмъ это дѣлается нынѣ сеймами вмѣстѣ съ отвѣтственными министерствами. Соборный капитулъ избиралъ правителя, и послѣдній обязанъ былъ назначать игуменовъ коллегіальныхъ монастырей, президентовъ судовъ и благочинныхъ только изъ среды капитула. Внутренняя организація этихъ соборныхъ капитуловъ исполнена высокаго интереса для соціальной исторіи аристократіи. Въ Вюрцбургѣ соборный капитулъ состоялъ изъ 24 капитуляріевъ и 30 канониковъ, въ Бамбергѣ—изъ 20 капитуляріевъ и 14 канониковъ. Чтобы быть принятымъ въ эту корпорацію, кандидатъ долженъ былъ предъявить какъ съ матерней, такъ и съ отцовской стороны по 8 предковъ, стало быть въ итогѣ 16, и доказать, что фамилія, къ которой онъ принадлежитъ, болѣе ста лѣтъ владѣетъ помѣстьемъ въ одномъ изъ близкихъ округовъ. Извѣстно, впрочемъ, что повѣрка предковъ нѣмецкаго дворянства имѣла косвенную цѣль, состоявшую въ томъ, чтобы удалять отъ нѣмецкихъ обителей и епископскихъ каѳедръ римскихъ пришельцевъ, которыхъ постоянно старалась навязать римская курія.

Такимъ образомъ эти духовныя княжества были скорѣе общимъ миноратамъ (владѣніемъ младшихъ аристократическихъ членовъ, въ противуположность маіорату) для мѣстнаго и сосѣдняго католическаго дворянства, зависимаго отъ имперіи, чѣмъ собственностью церкви. Да

и большая часть этихъ монастырей была создана дворянствомъ, хотя начало ихъ положено древними императорами. Въ настоящемъ, смыслѣ не церковь владѣла здѣсь княжеской собственностью, а дворянство ставило часть своего общаго сословнаго достоянія, въ видѣ громаднаго выморочнаго имущества, *подъ охрану церкви*. Оттого-то упраздненіе духовныхъ княжествъ было гораздо сильнѣйшимъ ударомъ, гораздо большей несправедливостью въ отношеніи дворянства, чѣмъ въ отношеніи церкви. Вліяніе Рима въ Германіи *не уменшилось*, а напротивъ возросло вслѣдствіе того, что римской куріи уже не нужно вѣдаться съ епископами и соборными капитулами, которые пользовались полной политической самостоятельностью.

Кромѣ убѣжища, представляемаго аристократическими духовными корпораціями младшимъ сыновьямъ дворянства, при вюрцбургскомъ дворѣ было еще восемь такъ называемыхъ наслѣдственныхъ должностей, находившихся въ обладаніи графскихъ и рыцарскихъ фамилій; точно также при бамбергскомъ дворѣ четыре дворянскихъ фамилій Франконіи занимали наслѣдственныя должности. Благодаря всему этому, аристократическое вліяніе было такъ значительно въ отношеніи князя, что въ 1722 г. архіепископъ вюрцбургскій издалъ распоряженіе, имѣвшее цѣлью воспрепятствовать чрезмѣрному усиленію какъ дворянства, такъ и монастырскихъ учрежденій. По этому распоряженію, безъ его особаго разрѣшенія, ни первое, ни послѣднія не могли пріобрѣтать покупкою новыхъ бюргерскихъ земель. Тотъ же самый духовный владыка увидѣлъ себя вынужденнымъ образовать княжескій союзъ противъ могущественнаго дворянскаго союза, и для общей охраны державныхъ правъ государей противъ рыцарства, поддерживаемаго соборными капитулами, онъ соединился съ курфюрстомъ саксонскимъ, маркграфомъ бранденбургскимъ и баденскимъ, ландграфомъ гессенскимъ и герцогомъ саксенъ-готскимъ.

Отношенія орденскихъ гроссмейстеровъ къ ихъ капитуламъ нерѣдко представляются бѣглыми набросками для законченной картины но-

вѣйшаго идеала конституціонной представительной системы и министерской отвѣтственности. Въ сословномъ представительствѣ среднихъ вѣковъ почіютъ зародыши новѣйшаго народнаго представительства. Впослѣдствіи среднее сословіе возрастило зародыши весьма многихъ свободныхъ учрежденій такого рода, впервые вызванныхъ на свѣтъ божій старинной средневѣковой аристократіей. Государственныя основныя права, сначала своекорыстно выработанныя аристократіей для выгоды собственнаго частнаго круга, обратились ко благу всего общества и незамѣтно расширились до степени *всеобщихъ* гражданскихъ правъ. Гроссмейстеръ нѣмецкаго ордена былъ отвѣтственнымъ министромъ въ отношеніи къ капитулу, который ограничивалъ и контролировалъ его власть. Что эти контролирующія аристократическія учрежденія не довольствовались совѣтами, а переходили къ дѣлу, если требовалось — свидѣтельствуетъ судьба весьма мужественнаго гроссмейстера, „человѣка подвиговъ“, Генриха Рейса фонъ-Плауэна. Возбужденное противъ него „министерское“ обвиненіе было утверждено въ генеральномъ собраніи капитула, и гроссмейстеръ былъ брошенъ въ подземную темницу пожизненно. Подобное низверженіе министра вовсе не отзывается, по крайней мѣрѣ, соблюденіемъ только „внѣшнихъ конституціонныхъ формъ!“

Старогерманская идея суда присяжныхъ, начавшая уже меркнуть въ народномъ сознаніи, была сохранена неприкосновенною втеченіе вѣковъ въ привиллегіяхъ аристократіи. Если послѣдняя, въ тѣ времена, въ своемъ тѣсномъ кругу вырабатывала соціальную самостоятельность — право подъемныхъ мостовъ, — послужившую образцемъ для всего общества, то она же была и исторической посредницею связанныхъ съ этимъ правъ и льготъ.

Когда въ шестнадцатомъ столѣтіи у крестьянъ блеснула мысль, что и они принадлежатъ къ обществу, то и въ нихъ возникло желаніе, въ свою очередь, участвовать въ правахъ, которыя дотолѣ составляли принадлежность одной аристократіи и позднѣе бюргерства, какъ привиллегированныхъ слоевъ средневѣковаго общества. Эта мысль была

совершенно справедливою и разумною и сама по себѣ была далека отъ соціализма или коммунизма; но выполненіе ея было превратнымъ. Возмутившіеся крестьяне не хотѣли разрушить общество, какъ новѣйшіе пролетаріи; они желали лишь *войдти въ составъ общества*. Имъ не удалось открыть себѣ ворота мятежомъ и насиліемъ, но путемъ мирнаго развитія впослѣдствіи ворота открылись для нихъ сами собою. Наше нынѣшнее четвертое сословіе съ его революціонными наклонностями должно принять этотъ историческій опытъ къ свѣдѣнію.

Домъ дворянина былъ святилищемъ, неприкосновеннымъ убѣжищемъ, откуда нельзя было исторгнуть насильственно ни владѣльца, ни его домашнихъ. Если наши новѣйшіе законы не позволяютъ полицейскому грубо нарушать спокойствія частнаго дома, если безъ судебнаго приказанія онъ не можетъ производить арестовъ, то это значитъ только, что неприкосновенность рыцарскаго бурга расширилась до всеобщей неприкосновенности частнаго дома, подобно тому, какъ рыцарскій бургъ, въ общественномъ смыслѣ, расширился до города и деревни. *Почти всѣ свободные политическіе принципы имѣютъ старо-аристократическое происхожденіе.*

Но мы находимъ еще другой родъ привиллегій средневѣковой аристократіи, правда, только кажущихся привиллегій. Крупные феодальные землевладѣльцы искони посвящали себя военной службѣ, вооружаясь на собственный счетъ и отказываясь отъ болѣе спокойныхъ и выгодныхъ источниковъ существованія, которыми пользовались ихъ гражданскіе сотоварищи въ городахъ; не ранѣе двѣнадцатаго столѣтія образовалась большая, примкнувшая къ нимъ, масса низшаго дворянства. Эти военные люди посвящали себя защитѣ страны, государству, и такимъ образомъ съ самаго начала выдвинулось политическое призваніе дворянства на ряду съ общественнымъ. Право и обязанность защиты отечества сопровождались свободою отъ податей. Это не значитъ, что такая льгота была какъ бы жалованьемъ за военную службу—рыцарь фактически уплачивалъ подати тѣмъ, что онъ отдавалъ свою

жизнь, свое тѣло, защитѣ отечества, и вдобавокъ ополчался на собственный счетъ. Стало быть, на дѣлѣ онъ не пользовался льготою от податей, онъ буквально платилъ свои подати *натурою*, отдавая обществу свою личность. Поэтому вовсе не былъ возмутительною несправедливостью обычай, что помѣстье, обремененное податями, тотчасъ становилось свободнымъ отъ нихъ съ переходомъ въ руки одного изъ такихъ воиновъ. Послѣдній платилъ теперь подати своей рыцарской службой. Если рыцарь военнаго званія не являлся на призывъ къ ополченію, если онъ не спѣшилъ стать въ ряды бойцевъ, то за это онъ подвергался тяжелому взысканію. Тогда онъ, въ средневѣковомъ смыслѣ, дѣлался неплательщикомъ податей. Но этотъ родъ натуральной повинности прекратился самъ собою съ введеніемъ состоящей на жалованьи милиціи, когда военное ремесло уже перестало быть непремѣнной обязанностью феодальнаго землевладѣльца. Вотъ тогда лишь явилась дѣйствительная свобода отъ податей, дѣйствительная привиллегія,— т. е. въ тѣхъ случаяхъ, когда эти рыцарскія имѣнія по прежнему оставались исключенными отъ несенія общественныхъ тягостей. Политическія права дворянства не разъ переживали его политическія обязанности, и нужно прибавить—не къ выгодѣ дворянскаго сословія.

Вслѣдствіе того, что аристократія первой половины среднихъ вѣковъ умѣла соблюдать счастливую середину между чрезмѣрною доступностью и чрезмѣрною сословною замкнутостью, она была могущественна и самостоятельна. Но въ исходѣ указаннаго періода всѣ сословія утратили тонкое чутье относительно этой разумной середины. Сословія позабыли свою роль, выродились, распались. Волны вѣковъ протекли надъ развалинами минувшаго, сложились новыя, болѣе широкія общественныя группы, представляющія лишь тѣнь старинныхъ сословій. Но такъ какъ нашему времени выпала задача организовать новѣйшую аристократію, новое бюргерство и крестьянство, равно какъ создать четвертое сословіе, съ предоставленіемъ каждой изъ этихъ общественныхъ формацій подобающаго политическаго вліянія, то мы не можемъ найти для

себя болѣе подходящаго общественно-политическаго образца, какъ именно въ тѣхъ старыхъ средневѣковыхъ сословіяхъ.

Я привелъ лишь отдѣльныя черты изъ быта старой аристократіи и, сообразно руководящей мною цѣли, болѣе старался очертить ея идеальное зерно, нежели историческій обликъ; но уже изъ этой неполной картины съ достаточной ясностью видно, что настоящее призваніе этой аристократіи состояло въ томъ, чтобы въ молодой, юношеской формѣ олицетворить собою общественный строй во всѣхъ его элементахъ и проявленіяхъ. Такова была идея, жившая въ аристократіи. Этотъ фактъ служитъ соціальною дворянскою грамотою для современной аристократіи. Ея призваніе — развивать и охранять весь складъ общественной жизни, какъ нѣчто свободно разчлененное на сословія, а не какъ нѣчто кастовое, механически раздѣленное перегородками—и въ этомъ состоитъ ея историческое освященіе. Всякія реформы, касающіяся новѣйшей аристократіи, должны исходить изъ этой основной мысли.

Въ высщей степени знаменательно, какъ истинно историческое указаніе, то обстоятельство, что Лютеръ, этотъ величайшій представитель духовной дѣятельности нѣмецкаго средняго сословія, свое наиболѣе значительное полемическое посланіе, гдѣ впервые была открыто возвѣщена идея національной германской церкви, адресовалъ „къ христіанскому дворянству нѣмецкаго народа“. Это случилось какъ разъ въ моментъ великаго всемірно-историческаго поворота, когда пала общественная сила средневѣковаго дворянства, когда, вслѣдствіе религіозной борьбы, среднее сословіе, какъ спеціальная сила, съ небывалымъ блескомъ выступило *въ духовной жизни* народа. И нѣмецкій дворянинъ Ульрихъ фонъ-Гуттенъ, увлеченный могучимъ церковнымъ движеніемъ, происходившимъ въ нѣдрахъ средняго сословія, тотчасъ понялъ всю важность этой минуты и бросилъ въ свѣтъ свои зажигающія книжки, въ роли проповѣдника переходилъ отъ бурга къ бургу, для напоминанія рыцарству его сословныхъ обязанностей, или, выражаясь новѣйшимъ языкомъ, его соціальнаго призванія. При этомъ геніальная проница-

тельность Гуттена сказалась въ быстромъ уразумѣніи того, что именно въ ту пору общественное усиленіе аристократіи легло бы на историческіе вѣсы громадною тяжестью. Наша демократія прославляетъ нынѣ этого рыцаря, какъ великаго народнаго дѣятеля. Да, онъ дѣйствительно былъ таковымъ. Но пусть, однако, не забываютъ, что Гуттенъ въ своихъ посланіяхъ къ Карлу V и брату его Фердинанду самымъ настоятельнымъ образомъ упрашивалъ этихъ государей *снова возвратить дворянству его корпоративную самостоятельность относительно князей*, что онъ реформою рыцарскаго сословія хотѣлъ положить основу для реформы всей нѣмецкой націи. Но большинство тогдашней аристократіи такъ же плохо понимало тогда Гуттена, какъ плохо понимаетъ его теперь новѣйшая демократія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Упадокъ средневѣковой аристократіи.

Съ началомъ шестнадцатаго столѣтія въ средневѣковомъ дворянствѣ возникло бурное движеніе, грозившее разбить цѣлый организмъ. Оно не замѣтно было въ своихъ начаткахъ, но грозно своими послѣдствіями. Мы видѣли заговоры и кровавыя распри низшаго дворянства противъ высшаго, союзы высшаго дворянства противъ императора и имперіи. Сельское дворянство стремится сдѣлаться имперскимъ дворянствомъ; „рыцарство хочетъ быть самовластнымъ"; дворянинъ съ ограниченными привиллегіями желаетъ преобразиться въ имперскаго барона; институтъ рыцарской службы начинаетъ вырождаться. Но и государи, съ своей стороны, собираютъ свои силы. Новоизобрѣтенныя пушки, какъ „послѣднее слово королей", начинаютъ весьма внушительный разговоръ съ бургами, гдѣ упрямые вассалы ищутъ новой самостоятельности или заботятся о сохраненіи старой. Въ лицѣ нѣкоторыхъ геройскихъ личностей независимость средневѣковаго дворянства трагически приближается къ своей гибели.

Это была не одна лишь политическая борьба; то была соціальная революція, разразившаяся въ нѣдрахъ аристократіи. Государи отлично это поняли. Въ избирательной капитуляціи Карла V союзы имперскаго рыцарства, относительно опасности для государства, поставлены на одну доску съ тайными союзами недовольныхъ крестьянъ.

Общество стремилось уравняться, стремилось упростить многообразіе стараго сословнаго быта, и это стремленіе, завершившееся, нако-

нецъ, французскою революціею, возникло впервые и между дворянствомъ. Въ этихъ судорогахъ общественнаго переворота тысячи мелкихъ дворянскихъ группъ соединились въ болѣе крупныя единицы. Князья и государи, которые, по своему общественному положенію, стояли до тѣхъ поръ въ самомъ сосредоточіи дворянства, теперь очутились внѣ послѣдняго, какъ нѣчто ему чуждое, внѣшнее или, по крайней мѣрѣ, въ положеніи высшей аристократіи относительно высокой. Они никогда не теряли изъ виду упроченія своей высокой власти; но эта цѣль могла быть достигнута только обузданіемъ мелкаго дворянства. Но теперь значительная часть высшаго дворянства вмѣстѣ съ государями достигла полусуверенной высоты, и при постоянныхъ усиліяхъ пріобрѣла нѣкоторую долю верховной власти. Широковѣтвистое, многообильное разчлененіе дворянства сомкнулось въ двѣ большія массы, изъ которыхъ одна состояла изъ полусуверенной имперской аристократіи, высшими представителями которой были впослѣдствіи аббаты обширныхъ монастырей, духовные курфюрсты и имперскіе князья,—а вторая изъ многочисленныхъ полчищъ придворнаго дворянства, низшаго сельскаго дворянства, лицъ только номинально носившихъ дворянское званіе и т. д.

Различіе, проникавшее собою эти двѣ главныя группы, имѣло отчасти только политическую, отчасти же и соціальную важность. Необыкновенно мастерски сложенный, необыкновенно тонко разработанный корпоративный строй старой аристократіи измѣнился. Патриціатъ большихъ имперскихъ городовъ, развившійся такъ своеобразно въ общемъ укладѣ аристократіи и имѣвшій достаточно причинъ съ гордостью сохранять свои особенности, понемногу сталъ приносить въ жертву свой историческій характеръ общему безцвѣтному понятію о дворянствѣ. Онъ считалъ это за честь, но такое стремленіе не послужило къ пользѣ патрицiйскихъ фамилій. Съ другой стороны многіе члены рыцарскаго дворянства, прежде этого превращенія патриціата, съ непростительнымъ высокомѣріемъ смотрѣли на городскихъ патри-

цiевъ. Они провозгласили патриціатъ недостойнымъ общенія и равноправности съ рыцарскимъ дворянствомъ за то, что онъ предоставлялъ ремесленнымъ цехамъ участіе въ городскомъ управленіи. До такой степени въ извѣстной части аристократіи затемнилось уже пониманіе какъ средняго сословія, такъ и миссіи своей собственной корпораціи!

Съ виду, по внѣшнему блеску, аристократія гораздо болѣе прежняго возвысилась въ общественной іерархіи; но на дѣлѣ она лишилась лучшей доли своего прежняго могущества. Некняжеская часть дворянства отказалась отъ своего политическаго призванія. Въ контрастъ съ рыцаремъ, имѣвшимъ право и обязанность, по самому своему рожденію, защищать отечество, позднѣйшій дворянинъ долженъ былъ хлопотать о полученіи офицерскаго патента; въ контрастъ съ прежнимъ придворнымъ, вѣчно и наслѣдственно служившимъ государю и черезъ это самое близко входившимъ въ политическіе интересы страны,—камергеръ позднѣйшаго времени вполнѣ зависѣлъ отъ личнаго расположенія своего государя и только случай могъ дать ему политическое значеніе.

Преимущества дворянства въ дѣлахъ мѣстнаго управленія, по буквѣ и внѣшности, во многихъ случаяхъ казались значительнѣе; но на самомъ дѣлѣ большая часть государей нисколько не заботились о рыцарскихъ мнѣніяхъ. Сила дворянскихъ представителей была разбита, потому что опора, которую они находили въ старинномъ общеніи съ бюргерскими ландратами, давно уже подгнила. Одновременно съ общественною самостоятельностью во многихъ дворянахъ угасъ также духъ политической независимости; они добровольно отказывались отъ оппозиціи противъ политическаго произвола. Въ противномъ случаѣ новая власть князей круто давала имъ себя знать. Великій курфюрстъ Бранденбургскій безъ обиняковъ приказалъ заключить предводителя дворянской оппозиціи на клевскомъ сословномъ сеймѣ, барона фонъ-Вилиха, въ крѣпость Шпандау, эту классическую для подлежащей главы крѣпость, въ которой нашли себѣ невольный пріютъ столь многіе ари-

стократическіе тузы, низвергнутые придворнымъ всемогуществомъ. Полковникъ Калькштейнъ, позволившій себѣ „высказаться рѣзко“ противъ курфюрста, былъ обезглавленъ, а предсѣдатель кенигсбергскаго суда заключенъ на всю жизнь въ тюрьму. Еслибы такъ поступилъ средневѣковый государь, то противъ него возстала бы вся страна, а не одно лишь непосредственно затронутое дворянство. Но въ срединѣ восемнадцатаго столѣтія пропасть между бюргерствомъ и даже между крестьянствомъ и дворянами расширилась уже до того, что подобными насиліями курфюрстъ скорѣе снискалъ себѣ популярность. Бранденбургскіе крестьяне написали тогда на своихъ знаменахъ:

„Мы крестьяне бѣдняки
И служимъ кровью нашему всемилостивѣйшему курфюрсту“.

Это замѣчательное изрѣченіе возвѣщаетъ новый міръ отношеній. Въ этомъ краѣ дворяне-землевладѣльцы перестали оказывать естественное покровительство крестьянину, они не были уже необходимымъ посредствующимъ звеномъ между крестьяниномъ и монархомъ, между крестьянами и государствомъ, и крестьянинъ непосредственно обращается теперь къ своему „всемилостивѣйшему курфюрсту“, хотя черезъ это его стихотворное изрѣченіе очень хромаетъ въ размѣрѣ и дѣлается неуклюжимъ.

Пруссія была тою нѣмецкою державою, которая, не желая того и не предчувствуя, въ теченіи двухъ столѣтій всего рѣшительнѣе водворяла новѣйшую систему политической централизаціи, чѣмъ и проложила путь господствующей нынѣ, въ столь демонической формѣ, общественной централизаціи. Еще до реформаціи первый курфюрстъ изъ Гогенцолернской династіи разрушилъ бурги фамилій фонъ-Рохова, фонъ-Путлица, фонъ-Квитцова и др. Съ истинно пророческимъ взглядомъ Гогенцолерны поняли, что новая монархическая власть можетъ быть создана только уничтоженіемъ дворянской власти и такимъ образомъ представили въ Бранденбургѣ образецъ основанія новой верховной власти. Уже въ серединѣ семнадцатаго вѣка бранденбургское дворянство

было привлечено къ отбыванію государственныхъ повинностей. Англія, не смотря на происходившіе въ ней внутренніе перевороты, никогда не уравнивала такъ насильственно въ сферахъ политической и общественной, какъ Пруссія, и она достигла могущества при посредствѣ своей аристократіи въ союзѣ съ среднимъ сословіемъ. Ея политическое значеніе утверждается на *соціальной* основѣ. Пруссія возвеличилась личностями своихъ государей, своимъ войскомъ и своей дипломатіей. Она сокрушила общественныя силы, повсюду подчиняя общественную жизнь идеѣ государства. Это называли „просвѣщеннымъ абсолютизмомъ“, изъ котораго выросло новѣйшее бюрократическое государство. И нужно было явиться коммунистамъ и соціалистамъ для того, чтобъ бюрократія одумалась на полудорогѣ, что на свѣтѣ существуютъ еще и „общественные элементы и силы“.

Начиная съ семнадцатаго столѣтія исторія прусскаго дворянства совпадаетъ съ исторіей прусскаго двора. Но, какъ сказано, нетолько товарищеская самостоятельность аристократіи, но и вообще ея сословный духъ были подавлены въ Пруссіи твердостью вѣнценосцевъ, опиравшихся на войско и дипломатію.

Выполненіе этой исторической миссіи прусскаго государства, поглотившаго собой общество, тогда какъ въ среднихъ вѣкахъ государство поглощалось обществомъ—освободило насъ отъ закоснѣнія, въ которое впала средневѣковая сословная жизнь. На это мѣтко указываетъ „нѣмецкій богословъ“, высказывающій не мало вѣрныхъ политическихъ замѣчаній въ своей прекрасной книгѣ о „нѣмецкомъ протестантизмѣ“. Онъ говоритъ: „Съ горячей благодарностью весь германскій народъ вспоминаетъ о старомъ Фрицѣ, не взирая на костыль, не выходившій изъ его рукъ, потому что этимъ костылемъ онъ колотилъ филистеровъ!“ Но такимъ чисто отрицательнымъ дѣломъ нельзя ограничиться. Остатки сословнаго представительства, влачившія жалкое существованіе до нашего времени въ Пруссіи, были безсодержательны и безжизненны. Нынѣ для прусскаго королевства необходима сильная аристократія, са-

мостоятельно развитая сословная жизнь въ народѣ, на которую оно могло бы опираться. Костыля стараго Фрица уже недостаточно. Противъ напора соціальной революціи, болѣе могущественной, чѣмъ революція политическая, можно бороться только посредствомъ соціальнаго переустройства, посредствомъ возсозданія истинно новыхъ сословій и общественныхъ группъ. Пруссія хлопочетъ теперь о созданіи перства, тогда какъ цѣлый рядъ способныхъ и оправданныхъ ближайшими послѣдствіями государей настойчиво хлопотали о томъ, чтобы уничтожить матеріалъ для перства. Такъ-то посмѣивается исторія надъ политической мудростью, и зачастую ближайшій успѣхъ есть ничто иное, какъ неудача, отсроченная на будущее!

Прежде политическое призваніе аристократіи распредѣлялось между членами всего сословія; теперь множество полудержавцевъ присвоили себѣ кучу политическихъ привиллегій; зато всѣ остальные очутились съ пустыми руками. Эта аномалія отомстила за себя. Въ южной Германіи имперскія права не могли долгое время простираться на столь многихъ лицъ; съ наступленіемъ новой эпохи естественнымъ порядкомъ послѣдовали медитизированія, а вмѣстѣ съ тѣмъ даже и высшее дворянство, за исключеніемъ немногихъ оставшихся не тронутыми владѣтельныхъ князей, потеряло свои исключительныя права. Чрезмѣрное сосредоточеніе политическихъ правъ дворянства большею частью привело къ уничтоженію этихъ правъ. Подобно тому, какъ средневѣковое состояніе дворянства почти во всѣхъ отношеніяхъ учитъ насъ, какимъ образомъ слѣдовало бы заново организовать аристократію, чтобы дать ей прочное бытіе, такъ, наоборотъ, состояніе дворянства въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, представляетъ намъ, съ неменьшею наглядностью, *отрицательный* образецъ того, какъ не слѣдуетъ организовать дворянства.

Нигдѣ уничтоженіе средневѣковаго дворянства не было проведено съ такою послѣдовательностью, какъ во Франціи. Людовикъ XI, Ришелье и Людовикъ XIV умѣли централизировать аристократію

такъ радикально, что наконецъ все ея политическое и соціальное признаніе сосредоточилось въ единственномъ человѣкѣ — въ особѣ короля. Если бы послѣднему была доступна новѣйшая идея объ обществѣ, то онъ могъ бы сказать не только: „государство — это я“, но, кромѣ того: „общество — это я“.

Зато совершенное непониманіе собственнаго значенія и собственной силы, въ которомъ обрѣталось большинство нѣмецкаго дворянства въ золотой вѣкъ французскаго монархическаго полновластія, нигдѣ не выступаетъ въ столь рѣзкомъ свѣтѣ, какъ въ рабскомъ подражаніи нѣмецкихъ дворянъ французской придворной аристократіи. При дворѣ Людовика XIV можно было поучиться развѣ только тому, чѣмъ не должна быть аристократія, чего она должна избѣгать. Къ несчастью, даже наши училища для пажей, вытѣснившія старинныя „придворныя школы нравственности“, были устроены по французскому покрою. Словно въ высшую школу аристократическихъ нравовъ, стремилось нѣмецкое дворянское юношество въ Парижъ. Такъ называемая „кавалерская поѣздка“ (Cavalier-tour) должна была съ раннихъ поръ заглушить въ юной головѣ всякую мысль о высшемъ призваніи аристократіи. И если дурная школа все-таки не вездѣ оказала свое вредное вліяніе, то это убѣждаетъ лишь въ томъ, какъ живо и долго во всемъ сословіи звучали еще мысли и мечты о прежней самостоятельной его роли.

Вполнѣ безпристрастную и тѣмъ болѣе выразительную картину той придворной школы нравовъ на берегахъ Сены набрасываетъ тогдашняя герцогиня Орлеанская, невѣстка Людовика XIV, урожденная графиня Пфальцская, въ своихъ письмахъ къ сестрамъ, въ Германіи. Между прочимъ тамъ говорится: „Здѣшніе знатные люди несравненно развращеннѣе простолюдиновъ. Французы вмѣняютъ себѣ въ настоящую честь быть распутными, и кто сталъ бы высказывать, что онъ любитъ только свою жену, не имѣя любовницы, то его ославили бы глупцомъ, и каждый его презиралъ бы и смѣялся надъ нимъ. Такъ водится здѣсь. Нужно еще сказать, что здѣсь вмѣняютъ себѣ въ честь *не любить*

родственниковъ. Поступать иначе, считается мѣщанствомъ"».—Мы знаемъ, что историческая идея *семейства* была коренною идеей дворянства, что высокое соціальное значеніе семейной жизни символизировалось въ учрежденіи родоваго дворянства, что въ средніе вѣка честь и безупречность семейной жизни считались высшею славою и гордостью аристократіи; а между тѣмъ теперь нравственность семейной жизни была для французскаго придворнаго дворянства „мѣщанствомъ". Одно уже это обстоятельство показываетъ, что оно рѣшительно сбилось съ своего пути, что во Франціи уже не было настоящей, отвѣчающей общественнымъ требованіямъ аристократіи, либо, что она жила на родинѣ, какъ въ ссылкѣ—тамъ, гдѣ еще сохранились кое какія ея развалины. Для того времени въ двоякомъ смыслѣ заключается глубокая истина въ замѣчаніи, что любить своихъ родственниковъ считается „мѣщанствомъ". Ибо въ тѣ фривольные дни, когда и „свободнѣе" образованные, уже эманципированные отъ правилъ стараго честнаго мѣщанства члены средняго сословія состязались съ парижской аристократіей въ испорченности нравовъ, вытекающей изъ *безсемейности*,—въ это время простые люди, плохо образованный бюргеръ и крестьянинъ, тѣмъ крѣпче держались старыхъ началъ германской семейной жизни, сохраняя для позднѣйшихъ временъ духъ семейственности и серьезное ея пониманіе, такъ что впослѣдствіи высшія сословія снова могли укрѣпиться нравственно въ этомъ источникѣ.

Французское придворное дворянство и тогда не перестало называть себя „обществомъ" по преимуществу, желая представлять собою микрокозмъ общества, какъ представляла его нѣмецкая средневѣковая аристократія. Но подъ именемъ общественной жизни оно разумѣло только артистически вылощенную праздность, игру, танцы и попойки, а не то общество, которое въ потѣ лица своего стремится съ сознаніемъ человѣческаго достоинства выполнить свое назначеніе въ работѣ всего человѣчества.

Нѣмецкое сельское дворянство, оставшееся вѣрнымъ старинѣ въ

своихъ помѣстьяхъ, было въ упомянутую эпоху любимой мишенью дешеваго остроумія. Никогда „крапивные юнкера“ не подвергались такому осмѣянію, какъ въ тѣ дни, когда преимущественно ими была спасаема честь нѣмецкой аристократіи. Въ этотъ періодъ почти совершенно была утрачена способность цѣнить великое дѣло твердой осѣдлости на собственной землѣ и почвѣ. Множество дворянскихъ помѣстій было тогда продано и раздроблено къ великому вреду послѣдующихъ поколѣній. Лишь съ приближеніемъ новой эпохи, когда у дворянства снова начали открываться глаза на счетъ его истиннаго призванія и его истинныхъ интересовъ, опять была признана важность крупнаго землевладѣнія для укрѣпленія всего сословія и для государства. Можно смѣло сказать, что значеніе, какое въ разныя времена сама аристократія придавала факту дворянскаго землевладѣнія, было настоящимъ барометромъ, по которому можно было измѣрять ея процвѣтаніе и развитіе ея силъ.

Въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ сельское дворянство отличалось узкостью взглядовъ и замкнутостью, но оно было національно въ своей замкнутости, какъ и крестьяне; напротивъ, нѣмецкое придворное дворянство было большею частью офранцужено и космополитично. Тогда какъ наша старинная аристократія часто была хранительницею германской народности, придворное дворянство того печальнаго періода нашей исторіи вводило чужеземные нравы. Французскій языкъ былъ языкомъ высшихъ сословій. Кто хотѣлъ причисляться къ „обществу“, къ „свѣту“, обязанъ былъ владѣть имъ. Во второмъ и въ третьемъ поколѣніи это перешло затѣмъ и къ высшимъ представителямъ средняго сословія.

Въ одномъ только сельскомъ дворянствѣ сохранилось нѣчто отъ „характерной фигуры“ германскаго барона. Среди городской и придворной аристократіи оригинальность сословныхъ обычаевъ и нравовъ разстворилась почти безслѣдно въ общемъ типѣ образованнаго свѣтскаго общества. Но именно самый благовоспитанный тонъ всего менѣе ладитъ съ оригиналами внѣшняго нрава. У крестьянъ все сословіе проникнуто

такой оригинальностью; у дворянства — лишь. весьма незначительный остатокъ. Въ низшихъ общественныхъ слояхъ, гдѣ есть еще первобытная натуральность, господствуетъ глубокое своеобразіе нравовъ; чѣмъ она поднимается выше, тѣмъ болѣе это своеобразіе выравнивается и сглаживается. Это показываетъ, что здѣсь соціальный жизненный нервъ притупился гораздо болѣе. Здѣсь энергія общественной жизни болѣе износилась и поблѣднѣла. Въ своихъ отношеніяхъ къ крестьянству дворяне, какъ землевладѣльцы, могутъ и должны почерпнуть новую нравственную силу. Говорятъ, въ Англіи земледѣліе процвѣтаетъ такъ исключительно отчасти по той причинѣ, что, по тамошнему аристократическому обычаю, землевладѣлецъ большую часть года проживаетъ въ своемъ помѣстьѣ и посредствомъ своего высшаго образованія, своего духа предпріимчивости даетъ грубо-матеріальной работѣ фермера высшее направленіе. Нужно, однако, замѣтить, что само дворянство, вслѣдствіе этого превосходнаго обычая, выигрываетъ, по крайней мѣрѣ, столько же, какъ и сельское хозяйство. Оттого въ Англіи гораздо болѣе сохранилась истинно-своеобразная фигура аристократа, чѣмъ въ Германіи, не говоря уже о Франціи.

Въ настоящее время въ Германіи дворяне снова все болѣе и болѣе возвращаются къ личному хозяйству въ своихъ имѣніяхъ. Замѣчено, что столь многочисленный еще 50 лѣтъ назадъ классъ управителей и экономовъ обѣщаетъ исчезнуть вовсе. Это свидѣтельствуетъ о нравственномъ возвышеніи достаточнаго дворянства.

Средневѣковое рыцарство имѣло свои строгіе законы по части внѣшнихъ аристократическихъ нравовъ. Утонченная выработка понятія о чести смягчала нѣкоторымъ образомъ естественную грубость боевой жизни. Въ позднѣйшія столѣтія старые рыцарскіе обычаи обратились въ общераспространенный внѣшній декоратумъ сословія. Но все-таки эта опредѣленность внѣшнихъ благоприличій, эта самоувѣренность высшаго тона, сдѣлали аристократію учительницею средняго сословія, отличавшагося въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ поразительной

дикостью и угловатостью въ манерахъ и обращеніи. Такимъ образомъ господствующую теперь повсюду мягкость въ общественныхъ сношеніяхъ слѣдуетъ безспорно приписать всего болѣе вліяніямъ аристократіи. То, что въ этомъ отношеніи прежде было монополіей дворянства, сдѣлалось нынѣ общимъ достояніемъ всего образованнаго міра.

Многіе чисто нѣмецкіе пороки перешли по наслѣдству изъ среднихъ вѣковъ къ дворянству послѣдующихъ столѣтій, — пороки, бывшіе тогда довольно сносными въ сочетаніи со многими добрыми обычаями. Однако, тѣ добрые обычаи не перешли по наслѣдству. Въ среднихъ вѣкахъ говорилось nobiliter bibere, въ переводѣ — пить по дворянски, собственно говоря—напиваться до безчувствія. Въ виду суроваго военнаго ремесла старинныхъ витязей и неограниченнаго гостепріимства въ отдаленныхъ замкахъ это имѣло свое оправданіе—оттѣнокъ веселаго удальства. Но когда въ семнадцатомъ столѣтіи придворные кавалеры вмѣняли себѣ въ славу сразу проглатывать за королевскимъ столомъ цѣлую мѣру вина, когда одинъ изъ бранденбургскихъ камергеровъ хвалился тѣмъ, что онъ можетъ выпивать 18 мѣръ то подобные нравы, при совершенно измѣнившейся обстановкѣ, казались скорѣе скотскими, чѣмъ рыцарскими. И однако въ ту пору ухватки такого рода тоже принадлежали къ аристократическому тону. Я, впрочемъ, не хочу этимъ сказать, что вся аристократія обладала такой вмѣстительной глоткой. Вообще я не думаю сказать, что всѣ указанныя дурные стороны повсюду были характеристическимъ отличіемъ аристократа семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій. Я хотѣлъ только соединить здѣсь въ одну рѣзкую темную картину дурныя послѣдствія, возникающія для аристократіи изъ уничтоженія ея старыхъ сословныхъ формъ, подобно тому, какъ мною были означены густыми красками, преимущества средневѣковой аристократіи. Я не пишу исторіи дворянства. У меня сопоставляются только рядомъ—въ свѣтлыхъ и темныхъ краскахъ—результаты различныхъ ступеней развитія

аристократіи, откуда выводятся указанія, гдѣ и какъ нужно утвердить рычаги для реформы этого сословія.

Въ періодѣ, о которомъ я говорю, опошленіе и вырожденіе соціальной жизни охватило все образованное общество. Только простолюдинъ, оставшійся совершенно чуждымъ лоску культуры, прозябалъ въ своей нетронутой непосредственности. Но именно потому, что призваніе аристократіи — изображать собою всѣ элементы общества въ миніатюрѣ, она была тѣмъ чувствительнѣе и глубже затронута болѣзненнымъ потрясеніемъ, которое, какъ естественная реакція противъ закоснѣлости корпораціоннаго строя охватило всѣ сословія. Аристократія — наиболѣе чувствительный классъ общества. Постоянно всѣ общественныя движенія обрушивались на нее всегоупорнѣе и враждебнѣя, прежде всѣхъ отзывались на ней. Потому-то на аристократіи семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій сказывается всего разительнѣе, какъ глубоко упали тогда всѣ жизненныя силы европейскаго общества.

Соціальныя обязанности этого сословія въ средніе вѣка, не смотря на его чрезвычайную расчлененность, всюду выступаютъ ясно, опредѣляются безъ труда, сами собой слагаются въ общія понятія. Напротивъ, въ послѣдующія столѣтія аристократія формально забываетъ свое соціальное призваніе, теряетъ ясное сознаніе о своей задачѣ. Понятіе *сословія* на извѣстное время низводится къ безцвѣтному понятію *ранга*. Самая перемѣна аристократическихъ титуловъ указываетъ на это. Въ старыхъ титулахъ большихъ баръ высказывалось опредѣленное призваніе. Званія пфальцграфа, маркграфа, герцога, курфюрста и т. д. означали опредѣленныя должности въ имперіи. Но именно эти наиболѣе характеристическіе титулы всего раньше выходятъ изъ употребленія у вновь народившейся аристократіи, или, по крайней мѣрѣ, ихъ старинный смыслъ забывается. Герцогъ отличается, напр., отъ пфальцграфа уже не своими обязанностями, а только рангомъ. Точно также старые титулы рыцаря, вассала, фогта и т. д. выражали призваніе, должность,

тогда какъ новый титулъ барона или наименованіе дворянина начали, въ аристократическомъ кругу, переходить въ простое обозначеніе ранга. Сначала положеніе духовныхъ дворянъ въ соборныхъ капитулахъ и аббатствахъ было настоящей службой. Но въ эпоху рококо заботились о доходахъ, а не о службѣ. Нерѣдко третьей части всѣхъ доходовъ духовнаго владѣнія недоставало на то, чтобы снарядить жилища членовъ соборнаго капитула. Любили пользоваться бенефиціями съ нѣсколькихъ духовныхъ должностей, но не любили самыхъ должностей, и младшіе сыновья дворянъ брали себѣ жалованье за работу двухъ или трехъ канониковъ, уклоняясь отъ всякой работы. Но вмѣстѣ съ должностными обязанностями утратилось и соціальное призваніе этихъ аристократовъ. Наконецъ, относительно соборныхъ капитуловъ, выяснилось, что недостаточно знатнаго происхожденія и обширныхъ помѣстій, чтобъ создать истинно аристократическое положеніе въ обществѣ. Каноникамъ недоставало прикрѣпленія къ почвѣ и землѣ. Исключая немногихъ торжественныхъ случаевъ, обыкновенно лишь четвертая или пятая часть канониковъ находились въ кафедральныхъ городахъ, гдѣ они состояли на службѣ. Немногіе изъ нихъ имѣли тамъ постоянныя жилища, а большинство наѣзжало туда въ качествѣ гостей и пріѣзжихъ, снова удалявшихся, если это позволяли уставы. Холостая жизнь вообще плохо ладитъ съ соціальнымъ призваніемъ аристократіи. Вотъ еще новый поводъ къ подражанію англійскимъ обычаямъ, по которымъ только глава семейства можетъ быть представителемъ аристократическаго блеска.

Соотвѣтственно вырожденію понятія о дворянскомъ призваніи въ простое понятіе о рангѣ, съ его самолюбивою притязательностью, въ семнадцатомъ столѣтіи всего выше ставится пустой церемоніалъ. Презрѣніемъ къ церемоніалу роняетъ себя самый значительный государственный мужъ, самый могущественный царедворецъ. Государи и владѣтельные князья борются о первомъ мѣстѣ — не фигурно, за представительство высшихъ общественныхъ интересовъ, но буквально, физически, за

первое мѣсто въ какой нибудь праздничной церемоніи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ въ учебникѣ дипломатіи можно было написать особую главу объ искусствѣ, съ которымъ, помощью силы и хитрости, слѣдуетъ оттѣснить назадъ представителя чужеземной державы, состоящаго въ спорномъ рангѣ, въ случаѣ если онъ упредитъ васъ въ торжественной процессіи. Средніе вѣка тоже имѣли свои смѣшные придворные и рыцарскіе обычаи замысловатаго свойства, но рядомъ съ этимъ существовали аристократическая политика, придворная учтивость и рыцарская отвага.

Сами государи, для которыхъ въ шестнадцатомъ столѣтіи могущество самостоятельной аристократіи, безъ сомнѣнія, было еще довольно обременительнымъ, поддерживали по мѣрѣ силъ злополучную мысль, видѣвшую въ дворянствѣ только рангъ, простое почетное званіе. По этому взгляду, ихъ преемники награждали дворянствомъ пропасть лицъ, не обладавшихъ ни однимъ изъ качествъ, обусловливающихъ истую аристократію. Такъ одинъ пруссакъ, обязанность котораго состояла въ разрѣзаніи за столомъ мяса, былъ возведенъ въ графское достоинство за то, что онъ, какъ значится въ графскомъ патентѣ, „повсюду возбуждалъ въ себѣ общее расположеніе своимъ искуснымъ разрѣзаніемъ явствъ“. Камердинеры тоже возводились въ дворянство. Нынче это опять повторяется во Франціи *, гдѣ, впрочемъ, вовсе не думаютъ возсоздавать въ нашемъ смыслѣ аристократію, какъ общественную силу.

Коль скоро вступленіе въ ряды дворянства безмѣрно облегчается такимъ легкомысленнымъ расточеніемъ дворянскихъ титуловъ ведущихъ къ совершенному упадку дворянскаго сословія, то, съ другой стороны, нѣтъ почти поводовъ отказываться отъ привиллегированнаго званія, хотя бы между обладающими такимъ званіемъ давно уже исчезли всякіе признаки истиннаго аристократизма. Ибо всякій можетъ поддерживать рангъ, не предписывающій никакихъ особыхъ обязанностей, пока это ему нравится и другіе готовы признавать за нимъ его

* Писано во времена второй имперіи.

рангъ. Въ среднихъ вѣкахъ было иначе. Вступленіе въ аристократію было затруднительно, выходъ же изъ нея облегченъ, и дѣйствительно только при этомъ порядкѣ могло процвѣтать все сословіе. Почти всѣ предубѣжденія бюргерства противъ дворянъ ведутъ свое начало изъ упоминаемаго періода, и прежде всего самое опасное изъ этихъ предубѣжденій—что дворянство не имѣетъ уже никакого особеннаго общественнаго призванія, что оно просто означаетъ лишь почетное званіе. Когда отцы ѣдятъ кислый виноградъ, у дѣтей дѣлается оскомина. Взгляды и сужденія массы публики идутъ большею частью не только вслѣдъ за фактами, но она продолжаетъ считать и самые факты еще существующими, хотя бы они лежали уже позади насъ. Это мы видимъ и остносительно все еще ходячихъ взглядовъ на дворянство, очевидно, ведущихъ свое происхожденіе отъ порядковъ семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій. Пушки, которыми государи разрушали дворянскіе бурги, далеко не были для дворянства такими губительными орудіями разрушенія, какъ дворянскіе патенты, расточавшіеся направо и налѣво. Характеристично, что опять-таки въ эпоху Карла V дворянскіе патенты настоящимъ образомъ были двинуты въ ходъ. Безсмысленнымъ расточеніемъ ихъ была, какъ нарочно, наложена печать государственнаго авторитета на предразсудокъ, что дворянство означаетъ лишь простой рангъ.

Сопоставляя съ независимымъ средневѣковымъ дворянствомъ придворное дворянство позднѣйшихъ столѣтій съ его тѣневыхъ сторонъ, я отнюдь не желаю намекнуть, что для дворянства неумѣстно или противно аристократическому призванію вступать въ придворную или государственную службу. Въ средніе вѣка тоже было придворное дворянство, имѣвшее законное право на существованіе. Нѣтъ ничего естественнѣе, если аристократія страны блескомъ своего общественнаго положенія увеличиваетъ блескъ престола. Она не должна только въ своемъ общественномъ, а тѣмъ болѣе матеріальномъ существованіи зависѣть отъ придворной и государственной службы. Между тѣмъ послѣднее весьма часто и даже въ самыхъ гордыхъ фамиліяхъ было вполнѣ

въ ходу въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ. *Самостоятельное* дворянство, близко стоящее къ престолу, служитъ порукою свободы и самостоятельности всего народнаго развитія. Тамъ же, гдѣ беретъ верхъ централизующее и уравнительное самовластіе, дворянство, состоящее на придворной и государственной службѣ, почти всегда ставится въ самое зависимое и несамостоятельное положеніе. Въ средніе вѣка процвѣтаніе нѣмецкаго средняго сословія шло параллельно съ самостоятельностью дворянства. Изъ упадка аристократіи послѣ реформаціи среднее сословіе извлекло для себя мало пользы; скорѣе оно само потерпѣло при этомъ. Въ Россіи теряется право потомственнаго дворянства, если втеченіе двухъ поколѣній ни одинъ изъ членовъ семейства не состоялъ въ государственной службѣ. Тамъ понятіе дворянства связывается съ понятіемъ правительственной службы. Вслѣдствіе того, ко вреду страны, дѣлается невозможною всякая, хотя бы даже приблизительная самостоятельность дворянства. Гораздо болѣе согласуется корпоративная самостоятельность крестьянства съ абсолютною формою правленія, чѣмъ признаніе такой же самостоятельности за аристократіей. Истину этого доказываетъ та же Россія. Еслибы враждебность либерализма къ аристократіи была чисто политическою, то это было бы безсмыслицей, потому что сильная аристократія во всѣ времена была опорою политической свободы. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, стоитъ только сравнить величественно развернувшееся перство Англіи съ русскимъ дворянствомъ, существованіе котораго обусловлено государственной службой, или средневѣковую нѣмецкую аристократію съ той же нѣмецкой аристократіей эпохи пудреныхъ париковъ. Но дѣло-то въ томъ, что вражда либерализма противъ аристократіи не есть чисто политическая вражда, въ существѣ своемъ она скорѣе является соціальною.

Никакое сословіе не переживало такъ глубоко, можно сказать до мозга костей, всѣ соціальные процессы, какъ переживала ихъ нѣмецкая аристократія. Переходъ отъ старинной средневѣковой аристократіи къ позднѣйшей, отъ послѣдней—къ дворянскимъ порядкамъ эпохи рококо

и наконецъ отъ этой эпохи къ новому строю современной намъ аристократіи—всѣ эти переходы были такъ насильственны, такъ радикальны, идея аристократіи каждый разъ подвергалась, повидимому, такой коренной переработкѣ и все таки, не смотря на свои безконечно разнообразныя формы внѣшняго проявленія, въ сущности оставалась все одной и той же, что отсюда со всей ясностью бросается въ глаза несокрушимая стойкость аристократическаго принципа. Какъ ни далеко наше разъединенное новѣйшее бюргерство отстоитъ отъ бюргерствъ среднихъ вѣковъ, однако въ этотъ продолжительный промежутокъ времени оно не испытывало такихъ крутыхъ перемѣнъ, какъ современная ему аристократія. Развалины стариннаго великолѣпія въ нашихъ большихъ имперскихъ городахъ привлекаютъ насъ вѣющимъ въ нихъ *родственнымъ* духомъ, связующимъ еще то померкшее торговое и ремеслённое величіе съ новѣйшимъ величіемъ нашей промышленности. Напротивъ, разрушенные рыцарскіе бурги, уединенно лежащіе на заросшихъ горныхъ вершинахъ, таятъ въ себѣ загадочную для насъ поэзію, и именно *загадочно-чуждое* въ этихъ „сказкахъ стараго вѣка“, обратившихся въ камень, звучитъ въ нашей душѣ какъ таинственный отголосокъ поэтической романтики. И однако для историческаго изслѣдователя привлекательность многосложной исторіи нашего дворянства заключается все-таки въ томъ, что при всѣхъ рѣзкихъ ея переходахъ въ ней насквозь проходитъ историческая красная нить, соединяющая въ неразрывную цѣпь весь длинный рядъ этихъ противуположностей.

Замѣчательно, что сама природа указываетъ на это въ очередномъ выступленіи на сцену и исчезновеніи крупныхъ аристократическихъ фамилій. Каждое звено цѣпи замыкается отдѣльно, но каждое входитъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ другое звено. Къ исходу среднихъ вѣковъ вымерли почти всѣ старѣйшіе первобытные роды высшаго дворянства. На мѣсто ихъ большею частью выступаютъ фамиліи, вышедшіе изъ бурныхъ переворотовъ, постигавшихъ средневѣковую аристократію; преемниками

ихъ правъ и обязанностей, а нерѣдко и древняго имени, являются новые люди. И въ свою очередь изъ этихъ, возникшихъ въ средніе вѣка, аристократическихъ родовъ громадное большинство, по крайней мѣрѣ въ главныхъ линіяхъ, угасаетъ къ концу восемнадцатаго столѣтія. Крайне немногимъ фамиліямъ дано было, впродолженіе всѣхъ этихъ великихъ періодовъ, крѣпко возрастать на своемъ первоначальномъ древѣ, въ своихъ наслѣдственныхъ помѣстьяхъ, олицетворяя собою единство среди всяческихъ перемѣнъ. Какъ отдѣльное лицо уходитъ съ лица земли, совершивъ свое назначеніе, такъ уходятъ навсегда роды и фамиліи, исполнивъ то, къ чему они были способны. Самый могущественный домъ, которому, казалось, обѣщали много-вѣковую жизнь многочисленные отпрыски, нерѣдко угасаетъ внезапно. Судьба какъ будто не хочетъ дозволить ему переживать тотъ періодъ, къ которому онъ былъ призванъ. Долговѣчность отдѣльнаго человѣка измѣряется годами, долговѣчность родовъ—столѣтіями, долговѣчность народовъ—тысячелѣтіями, долговѣчность человѣчества—быть можетъ, сотнями тысячъ лѣтъ. И будетъ ли ребячествомъ, въ виду желѣзнаго закона природы и исторіи, налагающаго эту таинственную мѣрку, эти таинственныя границы—будетъ ли ребячествомъ поддерживать историческое фамильное самосознаніе въ сословіи, имѣющемъ высшее соціальное призваніе, равно какъ въ семейныхъ хроникахъ и въ родословныхъ сохранять для себя и для другихъ память объ исторической дѣятельности и исторической продолжительности родовъ?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Результаты въ настоящемъ.

Первая французская революція хотѣла уничтожить дворянство. Но она достигла противнаго тому, чего желала. Послѣ опьяненія восемнадцатаго столѣтія она только возвратила его къ ясному самосознанію и, что еще важнѣе, къ сознанію своихъ недостатковъ. Темница, эшафотъ и изгнаніе привели къ убѣжденію, что сословія, и впереди ихъ аристократія, должны искать для себя болѣе глубокаго содержанія, чѣмъ то, какое прикрывалось простымъ іерархическимъ рангомъ въ казенномъ календарѣ. Революція осязательно доказала, что аристократія должна, или снова уразумѣть свое *соціальное* призваніе и вліять преобразовательно, въ качествѣ организующей силы, на все уравнявшееся общество, стать въ главѣ новаго общественнаго расчлененія—, или же—должна погибнуть.

Проснувшаяся такимъ образомъ въ нѣдрахъ самой аристократіи *потребность реформы* всего сословія кажется мнѣ столь важною, что въ ней я вижу главное характеристическое отличіе аристократіи девятнадцатаго столѣтія отъ аристократіи восемнадцатаго. При этомъ должно принять во вниманіе, что ни въ буржуазіи, ни въ крестьянствѣ мысль о новой организаціи *сословія* не просыпалась такъ рано и съ такой живостью какъ въ дворянствѣ. Если бы у дворянства достало энергіи практически и послѣдовательно осуществить подобную реформу на самомъ себѣ, то и другія сословія были бы вынуждены совершить то же самое относительно себя. Въ этомъ смыслѣ вопросъ объ очищеніи и возвыше-

ніи аристократіи, о преобразованіи стараго дворянскаго сословія въ истинно новое пріобрѣтаетъ неизмѣримую соціальную важность. Здѣсь предстояла бы аристократіи всемірно-историческая задача представить, въ своемъ тѣсномъ кругу, образцовое переустройство новѣйшаго общества, подобно тому, какъ въ прежнее время она сдѣлала это при устройствѣ средневѣковаго общества.

Но въ исполненіи преобразовательныя попытки дворянства неоднократно терпѣли неудачу потому, что онѣ ограничивались внѣшностью. Припомню эпоху освободительной войны. Случай представлялся благопріятный. Но сколько лучшихъ силъ дворянства пропали тогда въ безплодныхъ стараніяхъ вдохнуть въ дворянство новую идеальную жизнь посредствомъ возрожденія рыцарской романтики прежде, чѣмъ создана была для этого идеала реальная почва! Конечно, тутъ было нѣчто ослѣпительное, ибо представляется чѣмъ-то единственнымъ въ своемъ родѣ, что нѣкогда въ аристократіи, именно въ вѣка рыцарства сословные обычаи непосредственно придавали жизни поэтическій отблескъ. Но при усиліяхъ, клонившихся къ тому, чтобы возсоздать въ новѣйшемъ дворянствѣ этотъ поэтическій колоритъ прежде осуществленія самыхъ настоятельныхъ практическихъ реформъ, достигалось лишь то, что даже и послѣднія явились въ ложномъ свѣтѣ и всѣ стремленія къ обновленію и облагороженію дворянства получили видъ болѣзненнаго порожденія разгоряченной фантазіи. Затѣйливыя мечтанія подобнаго рода въ манерѣ Фуке чрезвычайно много повредили дѣлу дворянства въ глазахъ трезваго, надѣленнаго сатирической жилкой бюргера. Случалось, что какой нибудь баронъ, носившій всю жизнь мирный суконный кафтанъ, приказывалъ изображать себя на портретѣ, по примѣру своихъ предковъ, въ блестящемъ стальномъ шлемѣ и въ панцырѣ, чтобы обновить рыцарскій духъ въ семействѣ. Другіе думали возвратить сословію его прежній блескъ возстановленіемъ упраздненныхъ дворянскихъ привиллегій. Но такіе проекты вовсе не были плодомъ разумнаго

самосознанія и для пробужденія подобныхъ мыслей вовсе не требовалось кровавыхъ уроковъ революціи.

Съ другой стороны даже противники дворянства признаютъ, что по наступленіи новой эпохи съ каждымъ десятилѣтіемъ возрастала въ нѣдрахъ этого сословія дружина замѣчательныхъ дѣятелей, которые выше всего цѣнили стремленіе къ облагороженію дворянства въ новомъ духѣ, основанное на соціальномъ самопознаніи. Дѣйствительно эти люди, соотвѣтственно основной идеѣ и основнымъ правамъ новѣйшаго государства, желали водворить и въ Германіи прославленную коренную добродѣтель англійской аристократіи добродѣтель *умѣренности*, и вмѣсто темныхъ сторонъ средневѣковаго дворянскаго быта замышляли обновить свѣтлую его сторону, состоявшую въ томъ, что аристократія была *посредническимъ* сословіемъ, лучшимъ другомъ и естественною опорою свободнаго гражданства. Въ этой дружинѣ свободномыслящихъ и именно потому истино аристократическихъ дѣятелей встрѣчается много именъ, принадлежащихъ лучшимъ сынамъ страны и произносимыхъ съ любовью во всемъ германскомъ отечествѣ.

Въ указанномъ отношеніи ни одинъ дворянинъ не превышалъ такъ своихъ современниковъ, какъ *баронъ Штейнъ*. Мнѣ всегда казалось. отраднымъ признакомъ вымиранія старой, ни къ чему негодной, сословной ненависти то обстоятельство, что здоровая часть нѣмецкаго бюргерства и благороднѣйшіе люди аристократіи какъ бы оспаривали другъ у друга славу идей этого великаго государственнаго мужа, присвоивая себѣ ихъ источникъ. Перцъ, въ своемъ сочиненіи „Жизнь Штейна“, говоритъ: „Онъ желалъ улучшенія, не упраздненія дворянства; въ немъ было живое чутье къ дѣйствительнымъ, не фиктивнымъ, правамъ и особенно къ внѣшней независимости а нравственному достоинству, какія доставляются значительной поземельной собственности и прочностью аристократическаго рода, соединеннаго благороднымъ фамильнымъ духомъ и вліятельнаго своими связями. Послѣ того, какъ самъ Штейнъ упразднилъ прежнюю привиллегію дворянства на крупную поземельную

собственность и на занятіе высшихъ государственныхъ должностей, послѣ того, какъ его же усиліями прекратилось исключеніе дворянства изъ промышленной сферы, тогда какъ не дворянскіе землевладѣльцы были допущены въ сословныя собранія, — послѣ этого исчезло прежнее государственное положеніе дворянства, какъ высокопривиллегированнаго сословія, и ему необходимо было возвратиться къ своей древней основѣ, если только оно хотѣло сохранить свое истинное сословное значеніе. Союзъ дворянскихъ фамилій, отличающихся большими наслѣдственными землями и государственными заслугами, всегда будетъ имѣть возможность удержать за собою значительное и благотворное вліяніе относительно другихъ сословій. Въ своихъ мемуарахъ и устно Штейнъ высказывалъ опредѣлительно, что крупное землевладѣніе онъ считаетъ кореннымъ условіемъ для дворянства... Другіе, не менѣе достовѣрные его заявленія показываютъ, что дворянское званіе онъ считалъ отличіемъ за заслуги, что съ этимъ отличіемъ, по его взгляду, должны были соединяться соотвѣтственныя обязанности и что онъ желалъ не кастическаго разъединенія, а соединенія различныхъ сословій".

Проекты, составленные Штейномъ въ 1807 касательно преобразованія дворянства и новаго устройства, какое должно быть дано прусскому дворянству, затерялись впослѣдствіи. Но біографъ Штейна передаетъ намъ главныя черты его реформаторскихъ идей, откуда мы видимъ, что реформаторъ не могъ таки освободиться отъ предположенія, столь свойственнаго тому бюрократическому времени, что общественныя заслуги, главнымъ образомъ, состоятъ въ непосредственной государственной службѣ; стало быть, идеи его напоминаютъ отчасти принципъ, на которомъ покоится русское дворянство. Такою же внѣшнею представляется предположенная Штейномъ классификація дворянства по доходамъ. Тѣмъ значительнѣе сужденія этого государственнаго человѣка о положеніи младшихъ сыновей въ дворянскихъ фамиліяхъ. Его преобразовательные взгляды сводились къ слѣдующему: „Основой дворянства должно быть крупное, дающее независимость, землевладѣніе и связанныя

съ этимъ заслуги государству. Дворянскія имѣнія не могутъ раздробляться ниже извѣстной нормы. Заслуги государству могутъ быть, какъ личные, такъ и предковъ. Заслуги предковъ явствуютъ изъ принадлежности кого либо къ дворянской фамиліи. Личныя заслуги доказываются значительнымъ положеніемъ въ государственной службѣ, доставшимся должностному лицу, какъ справедливое признаніе его дѣятельности, и дающимъ извѣстное вліяніе и почетъ. Дворянство, по различію дохода, подраздѣляется на разряды. Дворянинъ получаетъ въ наслѣдство неуменьшенную поземельную собственность: дѣти, не получающія наслѣдства, равно какъ всѣ, непригодные для вступленія въ составъ новаго дворянства члены бывшаго дворянства удерживаютъ за собою *дворянскую правоспособность* (Adelsfähigkeit), но не могутъ имѣть притязанія на какое либо высшее положеніе. Дворянство, какъ первое государственное сословіе, призывается лично въ провинціальные сеймы, и отчасти лично, отчасти черезъ делегатовъ изъ его среды въ собраніе имперскихъ сословій".

Къ этому нужно еще прибавить, что Штейнъ намѣревался учредить сословные суды, имѣющіе право исключать изъ сословій недостойныхъ сочленовъ.

Перцъ замѣчаетъ, что правило, установляющее возможность наслѣдованіе дворянскаго званія не для всѣхъ дѣтей, повлекло бы на практикѣ къ величайшимъ затрудненіямъ. „Но трудность времени, прибавляетъ онъ, была такъ велика, что не задумались бы принести еще болѣе тяжкія жертвы". Къ этому я, въ свою очередь, прибавлю, что трудность времени для нѣмецкаго дворянства, какъ общественнаго тѣла, нынѣ такъ же велика, какъ была въ ту пору для прусскаго, вслѣдъ за битвою при Іенѣ. Со времени Штейна, мысль о томъ, что младшимъ сыновьямъ не слѣдуетъ предоставлять дворянскаго званія, а только пассивную правоспособность къ этому званію—находила безчисленныхъ защитниковъ, какъ важнѣйшее предварительное условіе для реформы

нѣмецкаго дворянства, но нигдѣ еще не отважились привести ее въ исполненіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сохранился обычай, что только главный представитель семьи, глава достаточной дворянской фамиліи зовется „барономъ"; сыновья же его, родственники и вообще дворяне только по происхожденію не пользуются этимъ титуломъ. Конечно, въ южно-германскихъ странахъ, гдѣ каждаго, одѣтаго въ приличное платье, привѣтствуютъ дворянскою частицею „фонъ", всякій дворянинъ, само собою, является барономъ. Въ имперскихъ графскихъ фамиліяхъ только главѣ дома присвоивается титулъ „сіятельства", а въ царственныхъ домахъ, какъ извѣстно, бываетъ только одинъ государь, всѣ прочіе—принцы. Во всемъ этомъ скрывается мысль, что дворянское призваніе вполнѣ сосредоточивается только въ главѣ семейства, что, напротивъ, другіе его члены пользуются лишь *дворянской правоспособностью*. Эта мысль для реформы и упроченія дворянства такъ же важна въ соціальномъ смыслѣ, какъ учрежденіе маіората—въ экономическомъ. У дворянъ должно быть настолько мужества, чтобы по этому пункту не ограничиваться однѣми рѣчами о превосходствѣ англійскихъ порядковъ, но чтобы фактически пересадить послѣдніе на нѣмецкую почву. Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ древне-германскаго различія между юнкеромъ и рыцаремъ исчезла и сила нѣмецкаго дворянства.

Правда, въ новѣйшее время вообще не было недостатка въ *отдѣльныхъ попыткахъ*, имѣвшихъ цѣлью обновить дворянство его собственными силами. Но не видно радикальныхъ мѣръ, относящихся ко *всему дворянству нѣмецкой націи*. Такъ, напр., въ 1793 г. императоръ Францъ II даровалъ швабскому рыцарству улучшенные и обновленные статуты, основанные на превосходныхъ началахъ. Въ нихъ вездѣ поставлены впереди внутренняя дѣятельность сословія, на которое возлагаются нравственныя обязанности, совершенно соотвѣтствующія значительности его правъ. Мы видимъ, что здѣсь уже существуетъ нѣчто анологичное тому, что предлагалъ Штейнъ своимъ

„сословнымъ судомъ“, такъ какъ, на основаніи особыхъ правилъ, лица, провинившіяся въ нарушеніи важныхъ нравственныхъ и соціальныхъ обязательствъ рыцарскаго (дворянскаго) статута, подвергались предостереженію или даже исключенію изъ ордена.

Отличіе истиннаго аристократа отъ бюргера, точно также независимаго благодаря своему состоянію, заключается въ *историческомъ фамильномъ самосознаніи*. Ни въ какомъ другомъ сословіи фамилія, семья, не представляетъ столь рѣшительной силы, какъ въ аристократіи. Поэтому всякая реформа аристократіи предпочтительно будетъ исходить отъ семьи, которая должна въ такой же мѣрѣ отличаться сознательнымъ историческимъ характеромъ, въ какой семья крестьянская — характеромъ инстинктивнымъ. Въ дни вырожденія дворянства фамильныя преданія считались обветшалымъ хламомъ. Документы фамильныхъ архивовъ употреблялись на изготовленіе фейерверковъ, а изображеніе предковъ служили для молодыхъ барячей удобной мишенью при пистолетной стрѣльбѣ. Но нынѣшнее время ставитъ совершенно иныя требованія относительно фамильнаго дворянскаго духа. Въ сохраненіи сознательной исторической связи фамильнаго рода аристократія должна быть образцомъ для прочихъ сословій. Она должна укрѣплять и очищать наслѣдственные обычаи дома, тогда какъ бюргерскому сословію здѣсь охотно предоставляется большой просторъ. Только у высшаго дворянства есть *домашніе законы*, которыхъ оно не можетъ разрушать легкомысленно, а обязано, если требуется, улучшать ихъ и затѣмъ хранить тщательно. Родословное древо имѣетъ цѣну только какъ знакъ историческаго фамильнаго самосознанія; въ виду же ослабѣвшаго или безпечно разрушеннаго фамильнаго духа гордость родословнымъ деревомъ лишена всякаго смысла.

Революція 1848 года повторила совершенно то же предостереженіе дворянству, какое послѣдовало въ первую революцію 1789 г., только еще громче и опредѣлительнѣе. Либо соціализмъ, либо исто-

рическое общество. Третьяго, средняго, термина—нѣтъ. Но историческое общество немыслимо иначе, какъ только въ его исторически сложившихся группахъ, немыслимо безъ аристократіи. Конечно, четыре сословія, какъ я ихъ разумѣю, суть элементы, исключительно свойственные девятнадцатому столѣтію, но они покоятся на тысячелѣтнемъ національномъ развитіи нѣмецкаго народа. Новѣйшая аристократія сама собою уже не образуетъ общества, какъ аристократія перваго средневѣковаго періода. Но ей, какъ наиболѣе свободному, наиболѣе самостоятельному и наиболѣе достаточному сословію, какъ сословію историческихъ традицій, какъ сословію наслѣдственнаго права, всѣхъ болѣе подобаетъ ограждать пріобрѣтенія исторической цивилизаціи противъ варварской вражды ко всему своеобразно-индивидуальному, ко всему историческому въ обществѣ. Прочія сословія могутъ, должны бы и хотятъ выполнять то же призваніе,—аристократія же *обязана* это сдѣлать. Ибо она при этомъ больше всѣхъ имѣетъ что защищать и—что потерять.

Въ своихъ сословныхъ привиллегіяхъ средневѣковая аристократія скрывала свѣточъ цивилизаціи для грядущихъ столѣтій. Въ единственной великой привиллегіи сословнаго и фамильнаго самосознанія, которая только и останется за новѣйшей аристократіей, она также должна обезпечить намъ свѣточъ цивилизаціи. Органическое расчлененіе общества есть цивилизація.

Наоборотъ, привиллегіи въ настоящемъ смыслѣ слова, сословныя привиллегіи на счетъ другихъ, въ новое время никогда не приносили пользы аристократіи. Кажущаяся выгода, доставляемая ими, вѣситъ чрезвычайно мало рядомъ съ ненавистью, возбуждаемою ими среди непривиллегированныхъ, съ ослабленіемъ нравственной мощи сословія, которое будетъ обычнымъ спутникомъ этой ненависти. Сколько зла причинили всему сословію прежнія привиллегіи по звѣриной охотѣ дворянамъ-землевладѣльцамъ! У крестьянина только временно страдали посѣвы, а землевладѣлецъ пожиналъ долговременную, упорную враждеб-

ность крестьянъ. Быть можетъ, въ прежнія времена это мало его печалило. Но съ каждымъ днемъ для государства и общества дѣлается важнѣе дружеское сожительство крестьянина и барона. Вѣдь и крестьянинъ, подобно барону, человѣкъ наслѣдственнаго строя, и тамъ, гдѣ разъ въ него внѣдрилось такое горькое чувство, нѣсколькихъ человѣческихъ поколѣній иной разъ недостаточно, чтобы окончательно изгладить ее. Такимъ образомъ при этой привиллегіи дворянство проигрывало навѣрное. Весьма завидною казалась также привиллегія, по которой въ прежнее время нѣмецкое дворянство проѣзжало мимо всякой таможни, не показывая свой поклажи досмотрщику. Но эта же привиллегія вмѣняла дворянству въ долгъ чести — не заниматься никакой торговлей; она препятствовала младшимъ дворянскимъ сословіямъ, не владѣвшимъ никакой собственностью, переходить въ ремесленное званіе и безспорно толкала многихъ изъ нихъ прямо въ объятія дворянскаго пролетаріата; она содѣйствовала укорененію въ нѣмецкомъ дворянствѣ пагубнаго презрѣнія къ торговлѣ и высшимъ отраслямъ промышленности. И однако Медицисы продолжали заниматься торговлей, будучи уже владѣтельными князьями! Стало быть, кому же была всего убыточнѣе упомянутая привиллегія, повидимому столь благопріятная дворянству и столь ненавистная мѣщанству?

Изъ недоразумѣнія, что будто бы случайныя привиллегіи дворянства принадлежатъ къ его соціальной сущности, что будто бы оно означаетъ нестолько сословіе, какъ званіе — изъ этого недоразумѣнія возникло такъ называемое „юнкерство". Законный корпораціонный духъ сословія превращается юнкеромъ въ сословный эгоизмъ; сословные обычаи юнкеръ доводитъ до карриватуры. Оттого все положеніе дворянства на долгое время было такъ извращено, что и нынѣ еще потребно извѣстное мужество для признанія соціальнаго права родовой аристократіи. Весьма многіе противники сословнаго раздѣленія дѣлаются таковыми единственно потому, что въ ряду сословій имъ нужно признать и аристократію. Еслибъ имъ была предложена

общественная группировка безъ этого сословія, они примкнули бы къ ней. Но справедливость запрещаетъ навязывать цѣлому сословію то, чѣмъ погрѣшила только часть его членовъ, и самостоятельный человѣкъ не позволитъ сбить себя съ толку криками толпы, повинующейся „не разсудку, а предразсудку“.

Политическія обязанности новѣйшей аристократіи уже не суть непосредственныя обязанности, какими были онѣ прежде, когда ей принадлежала еще монополія воинской чести, традиціонной судебной мудрости и т. д. Но онѣ косвеннымъ путемъ выростаютъ изъ ея соціальнаго призванія. Новѣйшее, бюрократическое государство, порожденное смѣшаннымъ бракомъ просвѣщеннаго деспотизма XVIII вѣка съ революціей, не имѣло никакого чутья къ этому соціальному призванію аристократіи, такъ какъ для него общество растворялось въ государственномъ механизмѣ. Чѣмъ болѣе конкретныя, дышавшія жизнью фигуры крестьянина, бюргера, дворянина дѣлались тѣнью въ отвлеченныхъ построеніяхъ государственнаго гражданина, тѣмъ довольнѣе былъ онъ своей политической прогрессивностью. Но коль скоро мы желаемъ, чтобы государство не мѣшало крестьянину свободно развиваться въ его соціальной крестьянской личности, то мы требуемъ того же для дворянства, требуемъ того же для каждаго сословія. Дѣло идетъ о томъ, чтобы сочетать органически то средневѣковое состояніе, при которомъ государство исчезало въ обществѣ, съ воззрѣніями восемнадцатаго столѣтія, когда общество поглощалось государствомъ. И то, и другое, какъ равноправныя жизненныя силы, должны дополнять другъ друга.

Если предоставить естественнымъ группамъ общества развиваться изнутри для самостоятельной жизни, то это вовсе не будетъ войною между сословіями, какъ многіе опасаются. Напротивъ, война сословій существуетъ скорѣе въ настоящее время и существовала съ шестнадцатаго столѣтія—съ тѣхъ поръ, когда односторонняя политическая сила подавила сословную жизнь, чѣмъ и были посѣяны зависть, ненависть и

недовѣріе между сословіями. Въ средніе вѣка сословная война была гораздо менѣе возможна, чѣмъ въ позднѣйшее время.

Политическое представительство сословныхъ жизненныхъ стихій отнюдь не находится также въ неразрѣшимомъ противорѣчіи съ высшимъ единствомъ гражданскаго государства, гдѣ члены всѣхъ сословій нова встрѣчаются на общей почвѣ. Въ Англіи господствуетъ могущественное сознаніе государственнаго единства, и однако Англія обладаетъ весьма самостоятельнымъ пэрствомъ.

Не нужно только думать, будто многія до сихъ поръ неудавшіяся попытки сословнаго народнаго представительства въ Германіи, при которыхъ не принималось въ соображеніе *новѣйшее* понятіе сословій, а удерживались кой какіе, вырванные наудачу, клочки вымершаго средневѣковаго сословнаго разчлененія,—будто эти попытки представляютъ доказательство невыполнимости сословныхъ учрежденій вообще. Нѣмецкому дворянству никогда не дѣлали болѣе опаснаго подарка, какъ устройствомъ, въ до-мартовскую эпоху, вторыхъ палатъ, или вовсе не представлявшихъ собою народа, или представлявшихъ его весьма плохо, и учрежденіемъ рядомъ съ ними дворянскихъ камеръ, дѣйствительно представлявшихъ собою сословіе. Въ подобномъ винигретѣ общественныя права были вполнѣ представлены первыми камерами, а политическія—крайне неудовлетворительно вторыми. Политика, практически признающая только за однимъ сословіемъ значеніе соціальной силы для государственной жизни, а не признающая его за другими, или признающая вполовину, должна погибнуть отъ медленнаго самоубійства. Бюргеры и крестьяне не видѣли бы никакой ненавистной аристократической привиллегіи въ дворянскихъ камерахъ, если бы и они, со своей стороны, столь же полно и рѣшительно были представлены въ народныхъ палатахъ.

Сословные *выборы* могутъ привести къ весьма пропорціальному и полному *представительству народа* въ конституціонномъ сеймѣ, который въ такомъ случаѣ вовсе не будетъ сословнымъ сеймомъ. Но кон-

ституціонное начало можетъ и другимъ способомъ сочетаться съ началомъ сословнымъ. Сеймъ, которому присвоено представительство общихъ политическихъ интересовъ, вмѣстѣ съ контролемъ государственнаго управленія, представлялъ бы не сословную особенность, а весь народъ въ его совокупности. Зато въ провинціальныхъ, окружныхъ собраніяхъ, уѣздныхъ совѣтахъ, или какъ бы ихъ ни называть, которымъ предоставлено охраненіе мѣстныхъ, матеріальныхъ и общественныхъ интересовъ, нашло бы себѣ выраженіе право сословнаго расчлененія. Конституціонное представительство обще-государственныхъ интересовъ совершенно согласуется съ монархической формой; напротивъ, представительство соціальныхъ интересовъ на основѣ всеобщаго государственнаго гражданства годится только для соціальной республики. Сословное представительство всеобщихъ государственныхъ интересовъ противорѣчитъ понятію *новѣйшихъ* сословій столько же, какъ и понятію новѣйшаго государства. Конституціонное представительство общественныхъ интересовъ, поглощеніе послѣднихъ интересами политическими противно праву, какое снискала себѣ общественная идея рядомъ съ идеею государственной. Мы желаемъ, чтобы обѣ силы публичной жизни укрѣплялись въ самостоятельномъ представительствѣ. Одной изъ нихъ должно принадлежать послѣднее слово, и въ данномъ случаѣ оно принадлежитъ государству, какъ представителю цѣлаго, но да не будетъ оно послѣднимъ словомъ деспота.

Я предоставилъ слово исторіи, сопоставивъ передъ читателемъ періодъ высшей силы нѣмецкаго дворянства и періодъ его крайняго безсилія. И этимъ, думается мнѣ, показано съ достаточной ясностью, въ чемъ соціальное призваніе аристократіи, ея право на существованіе, и какимъ образомъ должна она выполнять свою задачу. Гдѣ доказательства — факты, тамъ нѣтъ надобности прибѣгать къ теоретическимъ доводамъ.

Не въ томъ дѣло, чтобы черта за чертою копировать средневѣковую эпоху дворянскаго процвѣтанія; задача въ томъ, чтобы великую основную мысль той эпохи возвысить до требованій современности.

Прежде всѣхъ другихъ сословій аристократія должна преобразоваться какъ корпорація. Значительную долю своей соціальной силы средневѣковая аристократія почерпала въ томъ обстоятельствѣ, что она представляла собою уменьшенную модель правильно расчлененнаго общества. Какъ переложить этотъ историческій фактъ на новѣйшіе нравы—мудрено изложить въ параграфахъ; при такомъ чисто практическомъ вопросѣ всякая отвлеченная теорія можетъ только затемнить дѣло. Сама, внутри себя, корпорація должна взяться за это, опять-таки не затѣмъ, чтобы нынче или завтра выставить произвольную схему организаціи и втиснуть въ нее свое сословіе, а затѣмъ, чтобы возродить условія корпоративнаго союза, для чего имъ нужно стоять на стражѣ времени и ловить каждый благопріятный моментъ современной исторіи. Церковь всего нагляднѣе научила насъ, какъ достигаются подобныя цѣли. Въ 1848 г. она умѣла благоразумно воспользоваться благопріятной минутой, чтобы достигнуть большей корпоративной самостоятельности и болѣе свободной внутренней организаціи для своей корпораціи—дѣло, исполненное ею съ истиннымъ, образцовымъ мастерствомъ.

Прочное землевладѣніе есть краеугольный камень аристократической жизненности. На немъ зиждется самостоятельность аристократіи, а эта самостоятельность въ свою очередь обусловливаетъ аристократическое призваніе. Посредствомъ землевладѣнія дворянство дѣлается ближайшимъ союзникомъ, естественнымъ покровителемъ мелкаго землевладѣльца, крестьянина. Сельскому дворянству открыто весьма широкое поле дѣятельности: оно можетъ способствовать, своимъ участіемъ, процвѣтанію крестьянскаго сословія, можетъ поддерживать крестьянина въ его старой самобытности, въ исторической дисциплинѣ его нравовъ, противъ уравнивающихъ вліяній времени. Пребываніе въ одной мѣстности сдѣлало средневѣковое дворянство національнымъ, тѣсно связавъ его съ другими сословіями. И эта осѣдлость всегда и всего лучше будетъ предохранять его отъ кастической замкнутости.

Землевладѣльческое дворянство, имѣющее передъ мелкимъ, болѣе

и болѣе оттѣсняемымъ назадъ крестьяниномъ, съ его раздробленными участками, преимущество цѣлаго, сомкнутаго помѣстья, не должно пользоваться этимъ преимуществомъ, чтобы, посредствомъ своего сельско-хозяйственнаго перевѣса, совершенно подавлять благосостояніе мелкаго крестьянскаго собственника. Это было бы не по-дворянски. Напротивъ, посредствомъ своего крупнаго хозяйства онъ долженъ стремиться къ тому, чтобы помогать окрестнымъ крестьянамъ, быть можетъ, прежнимъ вассаламъ его, въ ихъ безпомощности, въ ихъ технической неумѣлости. Дворянское помѣстье для окрестнаго края должно замѣнять собою цѣлое сельско-хозяйственное вспомогательное общество. Эту привиллегію перваго шага въ экономическихъ и соціальныхъ реформахъ аристократія не должна выпускать изъ рукъ. Зато она тѣмъ охотнѣе можетъ отказаться отъ безполезныхъ политическихъ привиллегій. Сельское дворянство должно показать крестьянамъ, что значитъ сила интеллигенціи въ земледѣліи, оно должно также производить за нихъ опыты съ введеніемъ хозяйственныхъ улучшеній. Мелкій крестьянинъ не занимается этимъ, потому что не можетъ взять на себя рискъ опыта. Напротивъ, будетъ вполнѣ по-дворянски развязывать кошель и не жалѣть жертвъ, лишь бы выиграла общая польза. Въ дворянскомъ помѣстьи должны храниться хлѣбные запасы, чтобы дворянинъ, въ тяжелое время, могъ выручить нуждающихся, что, въ крупномъ размѣрѣ, должны бы дѣлать и города со своими хлѣбными магазинами. Это тоже жертва, но она требуется общественнымъ значеніемъ аристократіи. При основаніи общеполезныхъ учрежденій имя дворянина всегда должно стоять на верху, и какъ о драгоцѣнной сословной привиллегіи онъ долженъ заботиться о томъ, чтобы ни одинъ бюргеръ-собственникъ не превосходилъ его въ размѣрѣ пожертвованій, собираемыхъ для подобныхъ цѣлей.

Въ новѣйшее время къ землевладѣнію присоединяется крупная промышленность. Оно открываетъ состоятельному дворянству новое поприще независимой и самой завидной общественной дѣятельности. И точно такъ, какъ поземельное владѣніе должно приблизить его къ кресть-

янину—здѣсь, посредствомъ общаго интереса, онъ дѣлается естественнымъ покровителемъ мелкаго ремесленника и поденщика въ блузѣ, человѣка четвертаго сословія. Вошло въ привычку видѣть въ бюргерскихъ богатствахъ преимущественно текучій, подвижный капиталъ, въ богатствахъ дворянскихъ—преимущественно капиталъ неподвижный; тамъ — считается характеристическимъ дѣятельность пріобрѣтенія, здѣсь сохраненіе пріобрѣтеннаго, твердаго основнаго капитала. Это глубокая истинна, но нужно правильно понимать ее. Съ каждымъ значительнымъ капиталомъ какъ бы соединяется нравственная обязанность—кромѣ эгоистическаго пользованія имъ для собственныхъ потребностей, обращать часть его для общей пользы, для цѣлаго. Не законъ принуждаетъ къ тому богача, а нравственное чувство. Если купецъ, ремесленникъ, въ треволненіяхъ барыша и потерь, эгоистически удерживаетъ у себя временной избытокъ, то онъ уже въ постоянномъ процессѣ денежнаго круговращенія заплатилъ обществу свою дань, почему его эгоизмъ, по крайней мѣрѣ, въ хозяйственномъ смыслѣ, имѣетъ свое оправданіе. Но если аристократъ, какъ хранитель наслѣдственнаго недвижимаго имущества, ведетъ свои дѣла такъ, чтобы затрачивать свою ренту единственю въ интересѣ личнаго комфорта, то онъ поступаетъ вовсе не по дворянски. Обычай, по справедливости, требуетъ отъ дворянина, чтобы онъ, въ извѣстной мѣрѣ, производилъ затраты не только для своего удовольствія, но и для общаго блага. Въ основѣ этого обычая лежатъ не одни лишь расточительные капризы придворной роскоши: здѣсь таится вѣрная мысль, что не слѣдуетъ оставлять, мертвымъ капиталомъ недвижимое имущество, не внося постояннаго процента въ пользу всей страны. Дворянство восемнадцатаго столѣтія, не смотря на свое вырожденіе и упадокъ, въ этомъ отношеніи много превосходило новѣйшее дворянство. Эта, въ настоящемъ смыслѣ слова „благородная“ расточительность, считавшаяся тогда, больше чѣмъ нынѣ, пунктомъ чести аристократіи, обезпечивала даже преуспѣяніе разныхъ отраслей искусства, разныхъ издѣлій роскоши. Приведу для при-

мѣра только кабинетную живопись и камерную музыку семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій—искусства, которыя существенно обязаны своимъ матерьяльнымъ благостояніемъ утонченному вкусу высшей аристократіи. Этимъ примиряется и обезсиливается естественная зависть, какую всегда питаетъ человѣкъ, трудящійся въ потѣ лица, къ тому, кто спокойно наслаждается уже готовымъ достояніемъ. Не аристократическая черта—обыкновеніе многихъ нѣмецкихъ бароновъ, подписываться на чтеніе въ книжныхъ библіотекахъ, вмѣсто того, чтобы считать для себя дѣломъ, сословной чести обладаніе собственной, богатой библіотекой. По этому пункту въ англійской аристократіи замѣчается болѣе тонкій тактъ. Если мелочная бережливость выставляется даже какъ средство для поднятія дворянскаго значенія, то это свидѣтельствуетъ о полномъ непоминаніи аристократической соціальной задачи. Въ 1848 году, нерѣдко случалось, что состоятельное дворянство съ особой ревностью налагало на себя чрезмѣрную бережливость, опасаясь зависти пролетаріевъ. Взглядъ крайне фальшивый! Разумная политика сословія требовала, чтобы въ ту пору аристократія, не смотря на свои столь многія матерьяльныя потери, пускала бы въ обращеніе всякій избытокъ, старалась бы щеголять полезной расточительностью, показывая тѣмъ рабочему люду, что она хорошо сознаетъ свою соціальную обязанность и съ истинно дворянской щедростью добровольно вноситъ для общей пользы свою дань съ недвижимой поземельной собственности.

Впрочемъ, дворянство восемнадцатаго столѣтія—способомъ своей „расточительности“, навлекло также на свое сословіе упрекъ, который долженъ быть устраненъ дворянствомъ девятнадцатаго столѣтія. Тогдашняя аристократія, какъ признакъ „хорошаго тона“, преимущественно ввела въ обычай презирать продукты отечественнаго производства и блистать только заграничной утварью, заграничными украшеніями, заграничной одеждой. Поэтому для современной аристократіи становится рѣшительно дѣло совѣсти изгладить эту зазубрину и наоборотъ ввести теперь въ моду, чтобы драгоцѣннѣйшими и самыми великосвѣт-

скими продуктами промышленности были тѣ, которые освящены пястью отечественнаго труда.

По той же причинѣ дворянство обязано, какъ дѣло, къ нему не подходящее, представить биржевымъ жидамъ превращеніе большихъ капиталовъ въ спекуляціонные фонды и, ради соціальныхъ побужденій, посвящать свои сбереженія національной промышленности къ искусству. Быть можетъ, при этомъ барыши для отдѣльныхъ лицъ будутъ не столь велики, какъ при аферахъ другого рода, но барыши, какіе получатся, вслѣдствіе подобнаго образа дѣйствій для чести, силы и процвѣтанія всего сословія, будутъ истинно аптекарскими барышами.

Погоня за политическимъ вліяніемъ естественнѣе въ дворянствѣ, чѣмъ во всякомъ другомъ сословіи, ибо оно ищетъ *новыхъ путей* для дѣятельности и искони, какъ сословіе, было самой выдающейся политической корпораціей. Но ему всегда нужно помнить, что въ среднихъ вѣкахъ даже мѣстныя представительныя собранія потому лишь были такъ могущественны, что дворянство не искало только собственно выводъ, а скорѣе выполняло *посредническую роль* между государемъ и гражданами, такъ какъ въ народномъ представительствѣ, хотя и основанномъ на сословныхъ началахъ, отдѣльность сословій изглаживалась.

Аристократія страдаетъ, если выходъ изъ этого наиболѣе требовательнаго сословія не въ мѣру затрудняется, если вступленіе въ него не въ мѣру облегчено. По этому вопросу, порядокъ, существующій въ англійской аристократіи, весьма часто выставлялся образцомъ и для нѣмецкаго дворянства. Обычай наслѣдственнаго перехода дворянскаго титула и званія на всѣхъ сыновей, не мало способствовало развитію дворянскаго пролетаріата; при этомъ обычаѣ, побочныя дворянскія отрасли, лишенныя всякой матеріальной основы для аристократической дѣятельности, не могутъ переходить въ бюргерскій кругъ. Но обычай нельзя отмѣнить указами; онъ долженъ самъ потерять свою силу.

Государство можетъ имѣть подъ своимъ наблюденіемъ право маіоратовъ и фидеикомиссовъ; но если бы оно захотѣло вовсе отнять его у дворянства, то тѣмъ самымъ оно подсѣкло бы въ самомъ корнѣ общественное и политическое значеніе аристократіи. Безъ наслѣдственнаго охраненія фамильнаго достоянія ни одинъ дворянскій родъ не могъ бы удержать за собою ту основу независимости и самостоятельности, на которой все сословіе утверждается или упадаетъ.

Но въ нынѣшнее время сила и независимость достигаются не однимъ матеріальнымъ обладаніемъ. Онѣ заключаются также въ духовномъ образованіи. Въ среднихъ вѣкахъ, цѣлый литературный періодъ названъ періодомъ рыцарской поэзіи. Во Франціи, еще въ семнадцатомъ столѣтіи, національная литература развивалась подъ покровительствомъ и при сотрудничествѣ столь выродившейся аристократіи. Напротивъ, въ Германіи національная литература восемнадцатаго вѣка въ ея первомъ бурномъ періодѣ, окрылилась безъ содѣйствія, даже отчасти вопреки аристократіи. Реформа нѣмецкой аристократіи, наступившая послѣ и вслѣдствіе первой французской революціи, ознаменована тѣмъ, что съ той поры въ аристократіи снова проснулось влеченіе къ высшему національному образованію, выразившееся, на этомъ поприщѣ, плодотворнымъ соучастіемъ нѣкоторыхъ выдающихся ея членовъ. Какъ средніе вѣка требовали отъ дворянства нетолько поземельнаго владѣнія, но также мощной руки въ турнирахъ и на полѣ битвы, такъ новѣйшее время, рядомъ съ поземельнымъ владѣніемъ, требуетъ отъ нея сильной руки и крѣпкаго оружія въ великомъ духовномъ турнирѣ.

Но какъ итогъ всего сказаннаго, прежде всего требуется, чтобъ аристократія сохранила въ себѣ вновь найденное сознаніе своей соціальной задачи, налагающей на нее обязанность—никогда не упускать изъ виду, какъ ея главнѣйшее, настоящее дѣло, развитія *исторически-расчлененнаго* общества. Только крѣпкое, хорошо организованное мѣщанство, здоровое, крѣпкое и солидное крестьянство не только

дѣлаютъ возможнымъ существованіе сильнаго дворянства, но оба они и обусловливаются имъ. Желающіе упразднить дворянство должны сперва уничтожить бюргеровъ; а кто хочетъ упразднить бюргеровъ, долженъ сначала уничтожить дворянство. Зданіе новѣйшихъ сословій покоится не на привиллегіяхъ, какъ было въ средніе вѣка, еще менѣе на зоологическомъ племенномъ различіи благородной или неблагородной крови. Послѣдняя мысль все еще нерѣдко проникаетъ въ понятіе родоваго дворянства, устраняя правильное уразумѣніе сословія съ обѣихъ сторонъ. Еслибъ существовало природное преимущество чистоты крови въ этомъ грубо-матерьялистическомъ смыслѣ, тогда дворянинъ-пролетарій все-таки былъ бы лучше, достойнѣе обѣднѣвшаго младшаго сына дворянской фамиліи, возвратившагося къ мѣщанскому имени и мѣщанской профессіи. Мостъ, соединяющій аристократію съ бюргерствомъ, былъ бы сломанъ,—дворянство было бы уже не сословіемъ, а кастою. Между тѣмъ эта, наиболѣе вредная самому дворянству мысль, о какомъ-то зоологическомъ преимуществѣ дворянства передъ мѣщанствомъ, продолжаетъ гнѣздиться еще во многихъ головахъ, хотя смутно и полусознательно. Народное остроуміе съ давняго времени бичуетъ эту претензію ѣдкими сатирическими пословицами и поговорками.

Непосредственно, новѣйшія сословія отличаются другъ отъ друга только своимъ *соціальнымъ призваніемъ*, родомъ дѣятельности и правами, а посредственно—и своей политической ролью. Они обозначаютъ собой *раздѣленіе труда*, выпавшее на долю отдѣльныхъ группъ, въ виду неизмѣримыхъ задачъ общества, сообразно съ его историческими условіями, равно какъ, вытекающія изъ того раздѣленія, разнообразныя формы идеальной культуры. Слѣдовательно, вмѣстѣ съ различіями являются также и единеніе всѣхъ сословій.

Соціалисты еще не умерли; но они уже оставили намъ драгоцѣнное наслѣдіе, научивъ насъ своею враждой той истинѣ, что сословія *солидарны* въ благоденствіи и въ невзгодахъ и что каждое сословіе должно безъ зависти способствовать самостоятельному развитію другаго, ибо

только такимъ путемъ всѣ будутъ сильны и одинаково хорошо вооружены противъ общаго врага. Врагъ же этотъ, какъ извѣстно, хочетъ уничтожить всякое расчлененіе общества и замѣнить „историческое право“ „правомъ духа“, не признавая, что вѣдь всякій духъ есть непремѣнно духъ историческій и что самый соціализмъ есть лишь особая форма вѣчнаго человѣческаго духа, обусловленная исторически,— именно та историческая форма, которая, въ ея настоящемъ корнѣ, вызвана усыпленіемъ и захирѣніемъ *всякой сословной самобытности* въ печальнѣйшую эпоху, въ эпоху косичекъ и париковъ.

Книга вторая.

Движущія силы.

I. БЮРГЕРСТВО.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Бюргеръ добраго закала.

Съ давнихъ дней бюргерское сословіе было верховнымъ представителемъ законнаго общественнаго движенія, общественныхъ преобразованій. Потому-то оно — именно въ своей новой формѣ — представляетъ противоположность крестьянству. Бюргерское сословіе ищетъ всеобщаго, крестьянство — частнаго. Но въ обществѣ, частное, обособленное есть наличная старина — то, что существуетъ издавна; напротивъ, всеобщее только еще создается. У крестьянина, по одеждѣ и по носу сразу видно, откуда онъ, гдѣ его родина; а у бюргерства — однообразная внѣшность „образованнаго общества", распространившаяся уже по всей Европѣ. Но стремясь сглазить рѣзкія отличія историческаго общества, оно, однакоже, не помышляетъ совершенно упразднить ихъ и разрушить до основанія, какъ того желаетъ четвертое сословіе.

Безспорно, современное наше бюргерство владѣетъ господствующею силою въ матеріальной и нравственной сферахъ. Вся наша эпоха носитъ бюргерскій, буржуазный отпечатокъ. Съ признаніемъ за бюргерствомъ политическаго совершеннолѣтія, состоявшимся въ первую французскую революцію, отомкнулись ворота новой эпохи. Поэтому, въ дни того кризиса, каждаго члена общества знаменательно, называли „гражданиномъ". Съ тѣхъ поръ слово „гражданство" всего рѣшительнѣе

выражаетъ собою универсальность новѣйшей общественной жизни. Для многихъ бюргерство и новое общество — однозначительны. Поэтому взгляду, бюргерское сословіе — правило, остальныя сословія — только исключенія, развалины стараго общества, случайно удержавшіяся въ новомъ. Мы сами держимся словоупотребленія, вытекающаго изъ такого взгляда и очень характеристическаго для нашего, преимущественно бюргерскаго, времени. Мы говоримъ о „гражданскомъ (бюргерскомъ) обществѣ“, въ противуположность „политическому“ *, не исключая при этомъ другихъ сословій изъ общества и не желая оспаривать у нихъ право на существованіе, одинаковое съ правомъ бюргерскаго сословія. Сознаніе универсальности бюргерства безпрестанно звучитъ теперь въ нашемъ разговорномъ языкѣ. Зачастую общиннаго деревенскаго начальника, называютъ теперь „бюргермейстеромъ“, хотя онъ начальствуетъ только надъ крестьянами. Напротивъ, въ прежнее время, еще не знавшее нашей универсальности бюргерства, строго отличали, въ городахъ и деревняхъ, бюргермейстера, или бургомистра, отъ сельскаго старшины. Говорятъ о „гражданской чести“, о „гражданской смерти“ тамъ, гдѣ правильнѣе было бы говорить объ общественной чести, объ общественной и политической смерти. Вмѣсто того, чтобы говорить о членахъ государства, вошло въ обычай принимать значительнѣйшую часть за цѣлое и говорить о „гражданахъ“ государства.

Какъ въ среднихъ вѣкахъ аристократія была микрокозмомъ общества, такъ въ нынѣшнее время—бюргерское сословіе. Новѣйшее бюргерство, гораздо удобнѣе всякаго другаго сословія подраздѣляется на гражданство аристократическое, спеціально бюргерское, крестьянское и пролетаріатское. Но важнѣе то, что въ наши дни универсальный, уравнительный духъ бюргерства сказывается столь же рѣшительно во всѣхъ

* По нѣмецки „бюргеръ“, кромѣ своего частнаго, спеціальнаго значенія, какъ человѣка средняго сословія, имѣетъ еще и общее значеніе „гражданина“. Во французскомъ языкѣ для этихъ двухъ понятій существуетъ два особыхъ слова: „bourgeois“ и „citoyen“.

сословіяхъ, какъ въ средніе вѣка сказывался во всѣхъ прочихъ сословіяхъ корпоративно-замкнутый духъ аристократіи. И какъ тогда аристократія, въ своемъ тѣсномъ кругу, повсюду предвозвѣщала реформы, сдѣлавшіяся впослѣдствіи достояніемъ всего общества, такъ и въ нѣдрахъ бюргерства совершалось то же—съ шестнадцатаго столѣтія.

Если наши современныя соціальныя борьбы приводятъ къ кровавому рѣшенію, то это почти всегда случается на городскихъ улицахъ—не на поляхъ или въ деревняхъ, не передъ рыцарскими бургами, какъ бывало прежде. Теперь преимущественно городъ сдѣлался исходнымъ и центральнымъ пунктомъ всѣхъ великихъ жизненныхъ движеній, соціальнаго и политическаго свойства. Средневѣковая городская жизнь слагалась оригинальнѣе въ образовательномъ процессѣ тогдашняго строя; зато новѣйшая городская жизнь, дѣйствуетъ несравненно рѣшительнѣе, своимъ массивнымъ давленіемъ—можно сказать, дѣйствуетъ исключительно на ходъ и направленіе новѣйшихъ идей. Великая противуположность двухъ силъ: общественнаго консерватизма и общественнаго движенія, представляется въ то же время, какъ противуположность города и деревни, гдѣ, съ одной стороны, крупные и мелкіе землевладѣльцы, съ другой, достаточные и голодные представители бюргерской профессіи. Крестьянинъ и дворянинъ ручаются намъ за то, что добрые элементы прежняго сословнаго быта не погибнутъ въ конецъ; бюргеръ и пролетарій служатъ порукой, что вымершее и косное въ этомъ быту не будетъ снова искусственно вызвано къ жизни.

Нынѣ бюргерское сословіе не имѣетъ никакихъ твердыхъ, господствующихъ сословныхъ нравовъ, какъ имѣетъ ихъ крестьянинъ. Напротивъ, безцвѣтный, общепринятый образъ жизни, ничѣмъ не бросающійся въ глаза, нерѣдко называютъ мѣщанскимъ, бюргерскимъ. Соотвѣтственно этому, въ разговорномъ языкѣ, бюргерское сословіе называютъ „среднимъ“. Это выраженіе во многихъ отношеніяхъ—превосходно, и мы принимаемъ его также въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ—именно, что бюргерство образуетъ центральный пунктъ, на-

стоящую сердцевину новаго общества. Крестьянскіе обычаи поражають яркими колерами, легко вдаются въ крайности. Напротивъ, бюргерскіе обычаи, по общему понятію, означають нѣчто умѣренное, узкое, домовитое. Въ разговорномъ языкѣ „бюргерское" часто равнозначительно скромному, простому. Въ настоящей крестьянской пирушкѣ столы должны ломиться подъ явствами; „бюргерскій же обѣдъ" означаетъ умѣренный, простой домашній. Втеченіе нѣсколькихъ столѣтій полиція— мы не разбираемъ здѣсь, было ли это основательно или нѣтъ—хлопотала до поту лица, чтобы ограничить въ крестьянскихъ нравахъ духъ излишества, для чего издавались полицейскіе приказы, съ цѣлью регулированія издержекъ по случаю приходскихъ праздниковъ, похоронныхъ обѣдовъ, свадебъ, крестинъ и т. п. Въ бюргерскомъ сословіи, по крайней мѣрѣ со времени тридцати-лѣтней войны, подобныя излишества не могли вызывать попечительнаго усердія полиціи. По части „соотвѣтственныхъ званію издержекъ" крестьянинъ новѣйшаго времени, какъ и во многомъ другомъ, стоитъ гораздо ближе къ аристократіи, чѣмъ бюргеръ.

Сохранились лишь скудные обломки и развалины оригинальныхъ бюргерскихъ нравовъ, существовавшихъ въ средніе вѣка. Въ Германіи они сдѣлались исключеніями, тогда какъ въ крестьянскомъ сословіи такого рода своеобразность остается правиломъ. Въ верхненѣмецкихъ краяхъ давно уже вышелъ изъ употребленія даже популярный корсетъ, густо украшенный серебромъ, и подобіе его встрѣчается только между ремесленной мелюзгой; въ богатыхъ же семействахъ серебряный бабушкинъ корсетъ хранится только въ качествѣ фамильной рѣдкости. Мюнхенскій высокій чепецъ тоже есть жалкій остатокъ оригинальнаго бюргерскаго костюма.

Стоитъ замѣтить, что въ восемнадцатомъ столѣтіи бюргерскій костюмъ мало по малу образовался изъ придворнаго. Въ этомъ заключается горькая иронія надъ фальшивымъ универсализмомъ новаго бюргерства. Наоборотъ, въ новѣйшее время все уравнивающая бюргерская мода от-

зывается на придворной одеждѣ. Даже при дворахъ длинные штаны съ сапогами начинаютъ вытѣснять короткіе штаны съ чулками и башмаками, а Людовикъ-Филиппъ кокетничалъ своимъ буржуазнымъ сюртукомъ и неизбѣжнымъ зонтикомъ, для того, чтобы въ его „буржуазномъ королевствѣ“ не было недостатка въ точкѣ надъ і. Напротивъ, Людовикъ-Наполеонъ, политика котораго не опирается на буржуазіи, снова ввелъ въ дворцовые аппартаменты короткіе штаны съ шелковыми чулками. Равенство начинаетъ перерастать свободу; поэтому очень естественно, что уже не буржуа заимствуетъ короткіе штаны отъ двора, а наоборотъ, дворъ заимствуетъ длинные штаны отъ бюргера. Въ средніе вѣка, бюргерская одежда нерѣдко состояла изъ смѣси придворнаго и крестьянскаго костюмовъ, какъ нельзя лучше отвѣчая соціальному характеру „средняго сословія“.

Точно также мѣстная пестрота нарѣчій болѣе и болѣе изглаживалась въ бюргерскомъ сословіи. Тогда какъ народный языкъ между крестьянами повсюду еще процвѣтаетъ богато,—оригинальный бюргерскій языкъ, въ его городскихъ діалектахъ, сохранился лишь въ скудныхъ остаткахъ. Въ Аугсбургѣ, напр., было прежде свое собственное городское нарѣчіе, продолжающее жить теперь только въ отдѣльныхъ обрывкахъ. Въ этомъ, отличавшемся своимъ упорнымъ корпораціоннымъ бытомъ, городѣ были даже рѣзко разграниченныя ступени діалектовъ для отдѣльныхъ городскихъ кварталовъ. Все это почти окончательно вымерло. Напротивъ, жители Франкфурта могутъ похвалиться, что въ ихъ способѣ выраженія сохранился живьемъ образчикъ старо-бюргерскаго діалекта, принадлежащій собственно городу, какъ его первоначальная собственность, и который нужно отличать отъ другихъ мѣстныхъ лингвистическихъ особенностей, входящихъ въ городскую рѣчь изъ источника окрестнаго областнаго нарѣчія. Въ противуположность разнообразію оригинальныхъ бюргерскихъ діалектовъ, только вслѣдствіе обобщающаго духа нѣмецкаго бюргерства стало возможнымъ, что образовался всеобщій, такъ называемый чистый нѣмецкій языкъ, какъ го-

воръ всѣхъ образованныхъ людей, по возможности свободный отъ вліянія діалектовъ. Въ большихъ нѣмецкихъ городахъ, съ городскими діалектами соединяется своего рода поэтическая мѣстная литература. Но эта бюргерская поэзія діалектовъ, воспѣвавшая Нанте Штрумпфъ и Гампельманна и тому подобное, носитъ столь сильный отпечатокъ дѣланности и поэтическаго ничтожества, что она выставляетъ въ самомъ яркомъ свѣтѣ всю малозначительность остатковъ городскихъ нарѣчій, особенно если сравнить ихъ съ роскошно-поэтическою народной пѣснью крестьянина, отмѣченной истинно творческимъ языкомъ. Народная деревенская пѣснь, на областномъ нарѣчіи, вмѣстѣ съ звуками радости, беретъ также ноты печали и скорби, спускается въ душевную глубину, изображаетъ намъ здоровую, крѣпкую натуру сельчанина; народныя же пѣсни городскихъ діалектовъ, отзывающіяся букетомъ пивныхъ или яблочнаго вина, почти всегда вращаются въ кругу фарса, грубой сатиры, изображая намъ выродившагося бюргера—плачевную фигуру филистера. Вѣнскій народный фарсъ, далеко превосходящій въ культурно-историческомъ и художественномъ значеніи рапсодіи о Нанте, Гампельманнѣ и другихъ, не противорѣчитъ нашему мнѣнію. Какъ вѣнская музыка подслушана у штирійскихъ и тирольскихъ народныхъ пѣсенъ, такъ точно ни Гансвурстъ, ни Вастель, ни Касперль, блистающіе на сценахъ вѣнскихъ предмѣстій, не принадлежатъ къ уличнымъ дѣтищамъ самой Вѣны, а переселились туда, какъ это доказывается исторически, изъ штирійскихъ и тирольскихъ горъ.

Что касается сохраненія своеобразно-бюргерскихъ нравовъ, то, вообще говоря, до сихъ поръ еще существуетъ большое различіе между городами, высшее процвѣтаніе которыхъ преимущественно относится къ давнему прошлому, и тѣми, настоящій ростъ которыхъ совершился лишь въ новое время. Конечно, въ первыхъ, именно въ прежнихъ имперскихъ городахъ, намъ звучитъ еще и нынѣ отголоски того стараго бюргерства, которое съ неменьшею вѣрностью, чѣмъ современный крестьянинъ, удерживаетъ свои индивидуально-своеобразные сословные нравы. Но,

въ сущности, эти факты имѣютъ все-таки лишь антикварскій интересъ. Тамъ гордость стараго гильдейскаго духа зачастую выражается только тѣмъ, что какіе нибудь мясники или булочники, разнаго рода традиціонными формальностями въ исполненіи своей профессіи, испытываютъ терпѣніе покупающей публики и т. п. Эта профессіональная манерность относится къ гордому самосознанію прежнихъ гильдій почти такъ, какъ сила городскихъ стрѣлковыхъ обществъ новѣйшаго времени относится къ военному могуществу стараго Ганзейскаго союза. Правда и то, что бюргеръ изъ такого города все еще цѣнитъ свое бюргерское право безконечно болѣе, чѣмъ бюргеръ чисто новѣйшаго городского центра. Онъ сознаетъ свое существованіе болѣе обезпеченнымъ, благодаря сохраненію превосходныхъ бюргерскихъ учрежденій и фондовъ стараго времени, и еще недавно банкротство бюргера во Франкфуртѣ, напримѣръ, было, въ существѣ дѣла, ничѣмъ инымъ, какъ обмѣномъ труднаго и рискованнаго торговаго ремесла на какую нибудь спокойную муниципальную должность.

Но, какъ сказано, эта обезпеченность и замкнутость городскаго быта можетъ считаться нынче не больше, какъ совершенно частнымъ, случайнымъ явленіемъ. Бюргерство „истаго закала и склада“ не проникнуто, какъ многіе, можетъ, полагаютъ, исключительно консервативнымъ духомъ—не есть какъ бы цивилизованное, культурное крестьянство. Оно, въ самомъ корнѣ своемъ, отличается отъ послѣдняго. Въ средневѣковомъ обществѣ, когда еще не существовало крестьянскаго сословія въ новѣйшемъ смыслѣ, бюргерство, какъ представитель соціальной устойчивости, выполняло отчасти роль, выпавшую теперь на долю крестьянства. Но и это можетъ быть сказано лишь съ большими ограниченіями. Въ борьбахъ между цѣхами и патриціанскими фамиліями, столь живо характеризующихъ средневѣковую городскую жизнь, уже сталкиваются другъ съ другомъ, на тѣсномъ пространствѣ, всѣ стихіи великой борьбы новѣйшаго времени, происходящей между различными общественными слоями. Перемѣнились только названія. Что называлось тогда

цѣхами и патриціанскими фамиліями, то называется теперь исторически расчлененнымъ обществомъ и общественными уравнителями. Подобныхъ движеній въ крестьянствѣ доселѣ еще не бывало.

Исторія бюргерства богаче исторіи всѣхъ прочихъ сословій обиліемъ внутренней жизни, крутыми противуположностями и открытою ихъ враждою. Здѣсь не приходится, какъ у крестьянъ, наблюдать несложный, спокойный порядокъ—здѣсь мы видимъ неусыпную дѣятельность, всегдашнее созданіе и всегдашнее разрушеніе. Истинно-драматическія, соціальныя столкновенія представляютъ собою важнѣйшую черту въ средневѣковой городской исторіи. Оттого наше историческое чувство возмущается при видѣ лживыхъ, неестественныхъ красокъ, которыми нѣсколько времени назадъ дряблая отрасль романтической школы усиливалась изобразить, въ поэзіи и пластикѣ, старое бюргерство, какъ вялую, тихую жизнь, въ которой не было ничего другого, кромѣ смиренныхъ, наслѣдственно-честныхъ подмастерій и столько же честныхъ мастеровъ, обладающихъ бѣлокурыми дочками. Навѣрное, суровые, дѣятельные граждане и безпокойные головы старыхъ, драчливыхъ городовъ, выглядывали совсѣмъ иначе. Впрочемъ, и такое разумѣніе *средняго* бюргера не будетъ полнымъ и вѣрнымъ. Бюргеръ—чтобы сказать это сразу—является *двойственною натурою*. Эти задорные старые цѣхи, круглый годъ заводившіе ссоры, эти бранные бюргеры, которые, какъ нѣкогда жители Кёльна, поссорившіеся со своимъ архіепископомъ Конрадомъ Гохштеттеномъ, дрались съ необычайной храбростью противъ рыцарей и ландскнехтовъ — эти самые люди по временамъ снова обращались въ смирныхъ мѣщанъ, любившихъ спокойствіе, которымъ иной разъ нужно было крѣпко насолить, чтобы вывести ихъ изъ терпѣнія, послѣ чего, конечно, ихъ воинственность тѣмъ сильнѣе пробуждалась и они тѣмъ яростнѣе раздавали удары. Потому то извѣстная сентенція, провозглащающая „спокойствіе“, „первымъ долгомъ бюргера“, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ духу бюргерства, хотя тоже самое бюргерство было душою всякаго величественнаго движенія, самаго мо-

существеннаго, общественнаго и политическаго прогресса въ государствѣ и въ обществѣ. Замѣтимъ вскользь, что кёльнскій хроникеръ 1490 г., описывающій только что упомянутыя кровавыя битвы между кёльнскими бюргерами и Конрадомъ Гохштеттеномъ, называетъ судей, навязанныхъ жителямъ Кёльна волею этого архіепископа, ослами, хотя и облеченными въ львинную шкуру, но тотчасъ выказывающими свои ослинныя свойства, какъ только имъ приходится открыть ротъ. И нужно прибавить, что онъ писалъ, можно сказать, подъ глазами архіепископскаго правительства, что, однако, нисколько не ослабило бюргерской выразительности и откровенности его языка. Одна эта черта лучше рисуетъ особенности средневѣковаго бюргерства, чѣмъ цѣлая дюжина романтически вылощенныхъ стихотвореній и картинъ изъ эпохи старой дюссельдорфской школы!

Фридрихъ Листъ, въ своей „Системѣ политической экономіи“, въ рѣзкихъ контрастахъ сопоставляетъ „фабриканта“ и „земледѣла“. „При грубой системѣ земледѣлія, говоритъ онъ, господствуютъ умственная лѣность, тѣлесная неповоротливость, преданность старымъ понятіямъ, привычкамъ, обычаямъ, недостатокъ въ образованіи, благосостояніи и свободѣ. Напротивъ, духъ стремленія къ постоянному умноженію духовныхъ и матеріальныхъ благъ, духъ соревнованія и свободы характеризируетъ мануфактурное и торговое государство“.

Этотъ суровый приговоръ, развиваемый и доказываемый Листомъ чрезвычайно остроумно, будетъ вполнѣ истиннымъ въ томъ случаѣ, если мы сравнимъ загрубѣлаго мелкаго крестьянина съ фабрикантомъ высшаго разряда; но эта истина будетъ представляться тѣмъ условнѣе и ограниченнѣе, чѣмъ болѣе, относительно земледѣловъ, мы будемъ подниматься къ крупному землевладѣльцу, а относительно промышленниковъ—спускаться къ мелкому ремесленнику. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ указанною уже двойственною натурою бюргерства. Мелкій ремесленникъ, именно въ провинціальныхъ городахъ, почти столько же консервативенъ въ понятіяхъ и рѣчи, въ трудѣ и въ обычаяхъ, какъ

крестьянинъ. Въ соціальныхъ и политическихъ дѣлахъ онъ играетъ совершенно такую же, страдательную и безгласную, роль,—съ тѣмъ, впрочемъ, важнымъ различіемъ, что онъ большею частью терпитъ и молчитъ вслѣдствіе своей подавленности и нравственнаго упадка, вслѣдствіе невольнаго самоотреченія, тогда какъ преданность крестьянина старинѣ является продуктомъ природной непосредственности. Косный крестьянинъ здоровъ, косный бюргеръ — разслабленъ болѣзнью. Поэтому проницательный государственный мужъ вообще не будетъ придавать страдательному, невольному консерватизму мелкаго бюргера того же значенія, какое онъ долженъ придавать естественному, природному консерватизму крестьянина.

Идеальная закладка въ натурѣ бюргера не знаетъ подобнаго самоотреченія. Его истинная живая стихія—состязаніе и погоня за пріобрѣтеніями, усовершенствованіями, улучшеніями. „Конкурренція" есть истинно бюргерское понятіе, совершенно чуждое коренному крестьянину. Бюргерское сословіе стараго и новаго времени, въ своихъ лучшихъ дѣяніяхъ, служитъ фактическимъ оправданіемъ афоризма, высказаннаго Листомъ, что „способность создавать богатства безконечно важнѣе самаго богатства". Поэтому учрежденія маіоратовъ и заповѣдныхъ имуществъ—не въ духѣ бюргерства, хотя оно вполнѣ соотвѣтствуетъ духу аристократіи и крестьянства. Лучшее бюргерское наслѣдіе—не обезпеченная собственность, а способность и внѣшняя возможность пріобрѣтать богатство. Та высшая гордость сильныхъ душъ—достигать всего собственными усиліями, есть чисто бюргерская добродѣтель, противуположная аристократической гордости, основанной на исторической славѣ и унаслѣдованномъ имуществѣ. Въ Старой Баваріи можно видѣть крестьянъ, которые со времени ихъ конфирмаціи до смерти носятъ на воскресномъ камзолѣ наличный капиталъ въ восемь гульденовъ. Именно въ камзолѣ бываетъ обыкновенно двадцать пуговицъ и каждая пуговица состоитъ изъ полновѣсной монеты въ 6 бацнеровъ. Съ намекомъ на это швейцарскій крестьянинъ выражается объ отчаянномъ пьяницѣ: онъ

пропиваетъ всѣ пуговицы съ одежды. Подобный обычай ношенія наличныхъ денегъ на кафтанѣ или камзолѣ возможенъ только у крестьянъ, радующихся по дѣтски обладанію мертвымъ капиталомъ. Настоящій бюргеръ пустилъ бы двадцать бацнеровъ въ оборотъ, пока современемъ они не превратились бы въ двадцать луидоровъ, но и тогда онъ долго еще не поставилъ бы себѣ на камзолъ золотыхъ пуговицъ.

Изъ героевъ ново-нѣмецкой національной литературы никто, болѣе Лессинга, не совмѣщалъ въ себѣ, въ столь величественномъ сочетаніи, здороваго, мѣткаго остроумія, остраго разсудка и пламеннаго стремленія къ реформамъ. И именно Лессингу принадлежитъ извѣстное изреченіе, что если бы Богъ предоставилъ ему выборъ между истиною и стремленіемъ къ истинѣ, то онъ выбралъ бы послѣднее. Слово, исполненное гордаго, истинно бюргерскаго міросозерцанія! Сказать мимоходомъ, докторъ Фаустъ и старый чернокнижникъ, дѣтище гетевской фантазіи, тоже былъ бюргеромъ. Цитированный выше афоризмъ Листа, что способность создавать богатство несравненно важнѣе самаго богатства—есть примѣненіе общей лессинговой мысли къ частной экономической области. И въ обоихъ изреченіяхъ лежитъ тайна, посредствомъ которой бюргерство сдѣлалось верховной силой общественнаго движенія. Бюргерство ставитъ рычагомъ волшебную силу этихъ двухъ изреченій—здѣсь въ царствѣ духа, тамъ въ царствѣ матерьяльнаго стяжанія, и такимъ путемъ съ этими двумя афоризмами оно завоевало себѣ преобладаніе въ новомъ обществѣ.

Основная причина непрестаннаго стремленія и движенія внутри бюргерскаго сословія заключается уже въ томъ, что оно обнимаетъ собою самые разнородные виды дѣятельности, тогда какъ крестьянство и поземельное дворянство существенно ограничены однимъ занятіемъ. Относительно силъ соціальнаго движенія, какъ бюргерства, такъ и четвертаго сословія, призваніе, дѣятельность, не совпадаетъ съ сословіемъ; въ силахъ же соціальнаго охраненія призваніе сходится съ сословіемъ. Поэтому, послѣднія разграничиваются гораздо точнѣе и гораздо легче

опредѣлить ихъ характеръ. Нѣтъ болѣе сильныхъ противуположностей призванія, какъ между мелкимъ ремесломъ и высшей духовной работой научнаго и художественнаго творчества, и однако обѣ онѣ объемлются бюргерствомъ. Подобныя же противуположности повторяются въ другихъ бюргерскихъ кружкахъ: обитатель маленькаго городка, столицы, имперскаго города, гражданинъ большого всемірноторговаго города — все это совершенно различные типы, сознающіе, однако, свое единство въ общемъ для нихъ духѣ бюргерства. Этого нѣтъ у крестьянъ. Обособленные въ отдѣльныхъ группахъ, они не могли еще возвыситься до сознанія общегерманскаго крестьянства.

Тотъ одновременный отпечатокъ духа раздѣльности и стремленія къ единству, который, какъ указано мною во введеніи, составляетъ существенный признакъ всей нашей общественной жизни новаго времени, нигдѣ, ни въ одномъ сословіи, не отражается такъ разительно, какъ именно въ бюргерствѣ. Корпораціонный духъ живетъ еще въ нашихъ ремесленныхъ производствахъ, и его воскрешеніе въ лучшемъ его значеніи можетъ выйти только изъ бюргерства. И тѣмъ не менѣе то же самое бюргерство было родителемъ той государственной конституціонной идеи, которая стремится свести къ наименьшему значеніе корпорацій. Первые предвѣстники грядущей самостоятельности средневѣковаго городскаго быта выразились тѣмъ, что бюргеры взяли въ свои руки управленіе общественнымъ имуществомъ, ремесленную и рыночную полицію. И какъ своеобразно развилась потомъ эта самостоятельность въ управленіи общиннаго городскаго быта! И однако опять-таки черезъ посредство того же самаго бюргерства, не менѣе проникнутаго духомъ цѣлаго и всеобщаго, сдѣлалось впослѣдствіи возможнымъ централизированіе общиннаго строя полицейскимъ государствомъ. Такимъ образомъ новѣйшее бюргерство и въ этой двойственной своей натурѣ опять является настоящимъ микрокозмомъ нашего *новѣйшаго* общества.

Крестьянское сословіе и аристократія, силы соціальной устойчивости, соціальнаго охраненія — суть однородныя формаціи; бюргерство и

пролетаріатъ, силы соціальнаго движенія, сливаются въ одно изъ разнородныхъ противуположностей. Вотъ и вслѣдствіе этихъ, свойственныхъ среднему сословію противуположностей, можно назвать его „среднимъ сословіемъ“.

Въ нѣмецкомъ среднемъ сословіи постоянно боролись между собою влеченіе, двигающее впередъ, и наклонность къ спокойному пребыванію на мѣстѣ. Такъ безустанно подвигается геній нѣмецкой промышленности къ новымъ изобрѣтеніямъ, но затѣмъ впадаетъ въ лѣнивый покой, предоставляя другимъ народамъ эксплуатировать открытое. Это идеалистическая черта въ характерной физіономіи нѣмецкаго бюргера—что онъ творитъ ради собственной славы, но для пользы другихъ, согласно тому истинно бюргерскому воззрѣнію, по которому способность къ пріобрѣтенію цѣнится выше самаго пріобрѣтенія.

Указанная двойственность бюргерства приводитъ къ тому, что обѣ наиболѣе крайнія политическія партіи питаютъ противъ него озлобленіе. Для революціонеровъ бюргерство есть корень всякаго застоя и реакціи; для абсолютистовъ—источникъ всякихъ мятежей и переворотовъ. Но замѣчательна при этомъ, со стороны обѣихъ партій, опасливость, побуждающая ихъ не называть прямо бюргерства. Демократія не отваживалась позорить честное нѣмецкое имя бюргера, обращая его въ ругательную кличку партій, такъ какъ ей хорошо извѣстно, какъ популярно звучитъ это имя. И въ родѣ того, какъ прибѣгаютъ нерѣдко къ французскому языку, чтобы, по крайней мѣрѣ, высказать мысль тамъ, гдѣ боятся слова, такъ и здѣсь перекрестили сначала „бюргерство“ въ „буржуазію“, чтобы потомъ, не краснѣя, начать противъ него борьбу. Точно также абсолютизмъ не хочетъ признать, что онъ угрожаетъ „истинному“ бюргерству. Поэтому онъ придумываетъ призрачное понятіе „истаго“ бюргерства, нѣчто въ родѣ городскаго крестьянства, долженствующаго изображать собою только спокойствіе и консерватизмъ въ политической и общественной жизни, но котораго на дѣлѣ не существуетъ вовсе. Этому, такъ называемому „истому“ бюргерству по-

клонники политическаго застоя выказываютъ много пріязни, уповая избѣгнуть этимъ неудобной полемики противъ дѣйствительно существующаго бюргерства, какъ рѣшающей силы въ дѣлѣ законнаго соціальнаго движенія. Но отсюда со всей ясностью раскрывается намъ, какъ велико должно быть бюргерское владычество въ новомъ мірѣ, если всѣ избѣгаютъ затронуть, по крайней мѣрѣ, имя бюргерскаго сословія!

Замѣчательно, что основа нынѣшнему преобладающему положенію бюргерства положена въ такое время, когда начало уже упадать благосостояніе средневѣковаго городскаго строя—старинное процвѣтаніе ремеслъ и торговли. Я разумѣю эпоху реформаціи. Этотъ исполинскій церковно-общественный кризисъ имѣлъ, относительно духовнаго преобладанія нѣмецкаго бюргерства, то же значеніе втеченіе нѣсколькихъ столѣтій, какое будетъ имѣть, для матерьяльнаго его перевѣса, не менѣе исполинскій промышленный кризисъ, созданный изобрѣтеніемъ машинъ. Въ этихъ двухъ фактахъ, которые, на нашъ взглядъ, далеко не такъ разнородны, какъ представляется многимъ, поразительно сказалась сила соціальнаго движенія въ бюргерствѣ. Въ борьбахъ реформаціи бюргерскій духъ возвысился до просвѣтленія на аренѣ церковной и общественной жизни. Это одностороннее прогрессивное движеніе духа породило реакцію, отозвавшуюся на матерьяльномъ существованіи: тридцатилѣтняя война уничтожила благосостояніе бюргерства, а послѣдовавшее затѣмъ бѣдное и убогое время создало изъ гордаго средневѣковаго ремесленника и купца—смиреннаго нѣмецкаго филистера. Но великая „реформація“ новѣйшей промышленности возвратитъ бюргерскому труду утраченную самостоятельность и точно также создастъ новый общественный строй бюргерства, какъ назадъ тому триста лѣтъ создала его церковная реформація.

Только у германскихъ народовъ на европейскомъ сѣверо-западѣ существуетъ еще крѣпкое, замкнутое бюргерское сословіе, и только среди этихъ германскихъ народовъ церковная реформаціонная борьба была пережита во всей ея глубинѣ.

Еще до пробужденія реформаціи нѣмецкое бюргерство испытывало, какъ бы про себя, свою силу духовнаго движенія. Историкъ Генрихъ Рюккертъ въ своихъ „Анналахъ нѣмецкой исторіи“ говоритъ: „Было нѣчто *бюргерское* во всѣхъ нѣмецкихъ мистикахъ, начиная съ середины тринадцатаго столѣтія, — но то было глубочайшее содержаніе этого бюргерскаго духа, очищенное отъ всякихъ примѣсей. Не было уже фантастическаго полета *рыцарской* духовной поэзіи; но за то тѣмъ сильнѣе выдвигалось возвращеніе къ дѣйствительности въ области самыхъ сокровенныхъ состояній человѣка, надъ которыми рыцарская поэзія проносилась мимо подъ вліяніемъ какого-то религіознаго дуновенія,—замѣчалось стремленіе не только на минуту возвыситься надъ самимъ собою, но слиться въ одно съ христіанствомъ, какъ съ вѣчно дѣйствующимъ живымъ началомъ—создать нравственное обновленіе, при которомъ этотъ новый духъ уже само собою примѣнялся бы къ жизни. Это великое, но чисто *практическое* начало служитъ объясненіемъ, почему то мистическое направленіе находило себѣ все сильнѣйшій отголосокъ въ народѣ...“

Изученіе классическихъ литературъ, проложившее путь къ реформаціи, нашло своихъ высшихъ представителей въ бюргерствѣ. Сатирическіе предвѣстники великаго движенія, Себастьянъ Брандъ, Генрихъ фонъ Алькмаръ, Томасъ Мурнеръ и др. олицетворяютъ въ себѣ весьма рѣшительно соціальную агитацію, исходившую изъ нѣдръ бюргерства. Нѣмецкіе имперскіе города были первые, которые съ бюргерскимъ упорствомъ и бюргерскою смѣлостью взяли реформацію подъ свою защиту.

Самъ Лютеръ съ своей двусторонней натурой есть настоящій прототипъ нѣмецкаго бюргера. Въ его груди непрестанно боролось влеченіе сдвинуть міръ съ его фундамента—съ влеченіемъ къ дѣйствительности, съ сознаніемъ, что только преданность существующему, прочно стоящему, можетъ изгнать необузданный духъ мечтательности. Отсюда—столько противорѣчій въ его жизни, проистекающихъ не изъ вялой тру-

сости, а изъ самыхъ тайниковъ борьбы. Это—противорѣчія нѣмецкаго бюргерства.

„Почему не устроять такъ, какъ бывало въ израильскомъ народѣ, гдѣ оставался только одинъ царь? Братьямъ его давали кое-что а затѣмъ они были равны прочимъ. Должны ли всѣ оставаться владѣтельными князьями и дворянами, которые родились въ княжескихъ и дворянскихъ семействахъ? Что худого, если князь возьметъ за себя бюргерскую дочку и долженъ будетъ ограничиваться средствами бюргера? И почему благородной дѣвушкѣ не выйдти за-мужъ за бюргера? Вѣдь нельзя родовому дворянству вѣчно брачиться только съ дворянствомъ. Если мы не равны въ глазахъ міра, то всѣ мы равны передъ Богомъ, всѣ дѣти Адама, твари Господнія, и каждый человѣкъ не хуже другого".—Уже не замѣчается ли въ этихъ словахъ Лютера та мысль о равенствѣ, посредствомъ которой новое бюргерство взорвало на воздухъ послѣднія твердыни средневѣковаго сословнаго строя, чтобы изъ ихъ развалинъ устроить новый соціальный фундаментъ для политической свободы? Въ наше время въ одномъ нѣмецкомъ протестантскомъ государствѣ полиція конфисковала выборку радикальныхъ цитатъ съ соціально-политическимъ характеромъ изъ сочиненій Лютера. Но точно также демократическое правительство могло бы конфисковать выборку изрѣченій изъ сочиненій реформатора за ихъ чрезмѣрную „реакціонность". Здѣсь сказывается двойственная натура не одного Лютера, а всего нѣмецкаго бюргерства.

Новые писатели справедливо поставляли на видъ, что громоносные успѣхи Лютера тѣсно связаны съ тѣмъ обстоятельствомъ, что проповѣдь его обращалась къ *нѣмецкому народу*. Однако, тогда еще не существовало народности въ новомъ смыслѣ слова. По своему положенію среди бюргерства Лютеръ былъ народнымъ только во второй линіи. Какъ извѣстно, тогдашнимъ крестьянамъ гораздо больше нравился соціальный демагогъ и бунтарь Карльштадтъ, чѣмъ бюргерскій реформаторъ Лютеръ. Карльштадтъ и Лютеръ, съ соціальной точки зрѣнія,

относятся другъ къ другу точно такъ, какъ уравнительное неистовство четвертаго сословія къ примирительнымъ и посредническимъ общественнымъ тенденціямъ бюргерства.

Тотъ высшій нравственный законъ протестантизма, что отводитъ борьбу за спасеніе съ поля внѣшнихъ дѣлъ въ глубину внутренняго человѣка, отвѣчаетъ бюргерскому духу, для котораго борьба за пріобрѣтеніе дороже и привлекательнѣе, чѣмъ самое обладаніе пріобрѣтеннымъ. Католическая церковь, по аристократически, владѣетъ неподвижнымъ. неотчуждаемымъ отъ ея основнаго капитала запасомъ средствъ къ спасенію; протестантизмъ, по бюргерски, знаетъ лишь борьбу для достиженія благодати и спасенія посредствомъ вѣры, и протестантская догматика нигдѣ не даетъ церкви законнаго свидѣтельства на неподвижный, неизмѣнный капиталъ сокровищъ благодати.

Но съ теченіемъ времени католицизмъ, въ свою очередь, не могъ избѣгнуть этого бюргерскаго вліянія и сдѣлался болѣе бюргерскимъ въ литургіи, проповѣди и другихъ формахъ богослуженія, равно какъ въ доступности для всей общины переведеннаго по-нѣмецки священнаго писанія, тогда какъ прежде въ немъ господствовалъ жречески-аристократическій характеръ. Здѣсь усматривается одно изъ рѣшительныхъ *соціальныхъ* послѣдствій реформаціи.

Протестантское богослуженіе, протестантская постройка церквей и все, что съ ней связано — являются бюргерскими до крайности, т. е. простыми, трезвыми, разсудочными, практическими, но въ то же время лишенными задушевности и поэзіи. Совершенно такъ же очерчивалъ я выше новые бюргерскіе нравы. Пышность католическихъ церковныхъ обрядовъ можетъ назваться не то аристократическою, не то народно-крестьянской. Дѣйствительно, крестьяне католическихъ мѣстностей украшаютъ свои церкви и часовни гораздо пестрѣе, чѣмъ даже богатѣйшія городскія общины. Это совершенно естественно и послѣдовательно въ сопоставленіи съ ихъ пестрой одеждой и богатырскими свадебными пирушками.

Протестантское хоровое пѣніе, съ его ровнымъ, тяжелымъ темпомъ, серьезное, безъ прикрасъ, вращающееся въ самыхъ первобытныхъ формахъ мелодіи и гармоніи, но производимое всѣмъ собраніемъ молящихся,—носитъ чисто бюргерскій отпечатокъ. Напротивъ, католическіе церковные гимны—либо имѣютъ преимущественно аристократически-контрапунктный складъ, либо, въ общихъ хоровыхъ частяхъ, примыкаютъ къ подвижной народной пѣснѣ, къ пластически-задушевному крестьянскому напѣву. Достойно вниманія, какъ замѣчательный соціальный фактъ, то обстоятельство, что протестантизмъ строго удалилъ изъ своего богослуженія истинную народную пѣснь новаго времени—крестьянскую пѣснь, выражающую нерѣдко въ столь трогательной формѣ простоту религіознаго чувства.

Безъ лютеровской нѣмецкой библіи, безъ твердо установленныхъ, вліяніемъ этого труда, нѣмецкаго выговора и нѣмецкаго правописанія новѣйшій универсализмъ бюргерства былъ бы рѣшительно невозможнымъ. Ибо коренное условіе этого универсализма въ томъ, чтобъ раздѣльность сословій была похерена огромной поперечной линіей, раздѣляющей все общество на *образованныхъ* и *необразованныхъ*. Но „образованное общество“, въ противоположность ученому міру, сдѣлалось возможнымъ только вслѣдствіе лютеровской централизаціи нѣмецкаго литературнаго языка.

Въ послѣднее время, вопреки только что высказаннымъ взглядамъ, не разъ выставляли реформацію истинной гибелью для нѣмецкаго бюргерства. Никто не станетъ отрицать, что вслѣдствіе религіознаго раздора и возникшихъ отсюда междоусобій благосостояніе нѣмецкихъ городовъ было почти въ конецъ разрушено, что послѣ тридцатилѣтней войны, казалось, былъ подавленъ и всякій духовный полетъ, и рядомъ съ настоящимъ бюргеромъ становился деревянный нѣмецкій филистеръ. И однако со времени реформаціи идеальная сила бюргерства, сравнительно съ другими сословіями, постоянно возростала—въ такой мѣрѣ, что въ настоящее время, по мнѣнію многихъ, имѣющему свое оправда-

ніе, не существуетъ никакого граждански-законнаго сословія, кромѣ бюргерскаго. Подобное мнѣніе въ средніе вѣка, когда бюргерство, по всѣмъ признакамъ, находилось въ высшемъ своемъ процвѣтаніи, было бы совершенною безсмыслицей. Конечно, бюргерство также должно было заплатить свою дань *всеобщему соціальному усыпленію* семнадцатаго и восемнадцатаго столѣтій; но и это всеобщее усыпленіе, со всемірно-исторической точки зрѣнія, должно считаться лишь преходящимъ, случайнымъ эпизодомъ. Эпоха реформаціи, какъ характернѣйшій подвигъ нѣмецкаго бюргерскаго духа, впервые указали бюргерству его новое призваніе въ общественномъ мірѣ — призваніе быть рѣшающей силой соціальнаго движенія. И въ сознаніи и уразумѣніи этой задачи скрывался зародышъ новаго, прежде и не воображавшагося, соціальнаго могущества бюргерства.

Безъ сомнѣнія, бюргерское сословіе изъ эпохи париковъ и косичекъ не представляется въ особенно выгодномъ свѣтѣ, если разсматривать его въ отдѣльности. Но оно выдѣлится съ блескомъ, коль скоро мы сравнимъ его состояніе съ тогдашнимъ упадкомъ высшихъ сословій. Именно въ эти неприглядные дни сказалась консервативная стихія, присущая мелкому ремесленному классу. Послѣдній остался, по крайней мѣрѣ нравственно, вѣрнымъ себѣ, тогда какъ аристократію грозило погубить нравственное, растлѣніе. Тогда въ тихомъ, исполненномъ самоотреченія трудѣ, въ честной и благочестивой семейной жизни нѣмецкій ремесленникъ былъ и оставался національнымъ, хотя и въ немъ, наравнѣ съ другими, погасло ясное національное сознаніе. Въ политическомъ смыслѣ онъ былъ несостоятеленъ не болѣе и не менѣе всѣхъ прочихъ сословій. Но въ то же самое время въ общественномъ смыслѣ этотъ классъ, изъ нѣдра котораго только что вышло потрясающее движеніе, былъ почти единственною охранительною силою въ государствѣ, не допустившею общество до распаденія въ нравственной пошлости. Крестьянинъ былъ тогда почти общественнымъ нулемъ. Безустанный, упорный трудъ мелкаго ремесленнаго класса въ эпоху, когда крупная промыш-

ленность была почти уничтожена въ Германіи—образуетъ мостъ, ведущій къ новѣйшему промышленному величію. Безъ терпѣливой, политой горемъ, усидчивости тѣхъ мелкихъ бюргеровъ, былъ бы невозможенъ быстрый расцвѣтъ новѣйшей промышленности, безъ ихъ благоговѣнія къ остаткамъ стараго гильдейскаго строя — впервые пораженнаго, въ девятнадцатомъ вѣкѣ, суровой дланью полицейскаго государства—нѣмецкое бюргерство въ настоящее время перешло бы уже въ бюргерскій пролетаріатъ.

Въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, среди безнадежнаго общаго состоянія, духъ нѣмецкаго бюргерства, духъ его обособленности, высказался въ своей величайшей славѣ. Оттуда пошло—что нынче понятія „бюргерскаго“ и „почтеннаго“ считаются родственными или даже однозначительными. Во Франціи, гдѣ именно въ тѣ столѣтія совершено было великое дѣло централизаціи, гдѣ у мелкаго буржуа, въ виду всеохватывающей порчи нравовъ, не доставало силы замкнуться въ своей особенности, гдѣ городской бытъ регулировался нравами великой столицы—во Франція и буржуа воспринималъ гораздо болѣе отъ высшихъ сословій, въ добромъ и зломъ. Въ Германіи достаточно взглянуть на сапожника или портнаго хотя бы сзади — и у него уже на спинѣ написано, что онъ сапожникъ или портной. Въ Парижѣ этого нѣтъ. Но мы не завидуемъ французскому буржуа въ этой всеобщей воплощенности внѣшнихъ пріемовъ и манеръ. Ибо этотъ нѣмецкій сапожникъ, у котораго даже на спинѣ написано его ремесло, говоритъ въ то же время всѣмъ своимъ существомъ, что онъ честный, настоящій сапожникъ, а не какой нибудь проходимецъ.

Одинъ французскій писатель (Шарль Нодье) рисуетъ страшно печальную параллель относительно соціальной испорченности Парижа, гдѣ духъ буржуазной особности уже не представляетъ собою спасительной силы, гдѣ, благодаря политической централизаціи, добрые элементы такъ неразрывно слились съ дурными, что и первоначально доброе подверглось отравѣ. Онъ говоритъ:

„Коль скоро исполинскій городъ соединяетъ въ себѣ всѣ заблужденія человѣческаго ума, всѣ нелѣпости ложной политики, презрѣніе къ священнымъ истинамъ, страсть къ заманчивымъ новизнамъ, неприкрытый эгоизмъ и больше софистовъ, риемоплетовъ и канатныхъ плясуновъ, чѣмъ требуется для десяти извращенныхъ поколѣній, то такой городъ по необходимости дѣлается абсолютнымъ владыкой и царемъ городовъ. У Рима, при частыхъ вторженіяхъ сѣверныхъ племенъ, не было уже ни консуловъ, сената, ораторовъ, ни воиновъ, и онъ могъ противопоставлять варварамъ только лицедѣевъ, дѣвъ радости и гладіаторовъ—позорные остатки преувеличенной и растлѣнной цивилизаціи, выступавшей изъ всѣхъ клоаковъ—и Римъ тѣмъ не менѣе оставался столицею міра!“

Что касается многихъ ученыхъ людей, до того ослѣпленныхъ своей собственной теоретической отвлеченностью, что въ жизни они видятъ лишь плоско выравненное общество, не видя уже никакихъ, достойныхъ упоминанія, остатковъ корпораціонныхъ влеченій и духа особности, слѣдовъ котораго мы, напротивъ, ищемъ усердно, то мы хотимъ только напомнить этимъ ученымъ объ ихъ студенческихъ годахъ. Нѣмецкіе университеты—это одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ историческаго „расчлененія общества“. Въ нихъ вѣетъ старый духъ нѣмецкаго бюргерства, чувствующій себя дѣйствительно сильнымъ и свободнымъ только въ тѣсныхъ границахъ корпораціи. Студентъ, поступающій въ высшую школу, прежде всего спѣшитъ обособиться въ строго разграниченныхъ группахъ, въ обществахъ буршей, союзахъ земляковъ и т. п. Онъ дѣлаетъ это не ради какихъ нибудь реакціонныхъ идей, а въ силу своей академической свободы и для полнаго пользованія этой свободой. Юношеская наивность, простодушная юношеская натура ищетъ соціальнаго расчлененія; отживающая старость расплывается во всеобщемъ. Студента, не принадлежащаго ни къ какой корпоративной группѣ, желающаго жить лишь студентомъ „in abstracto“, бурши, на своемъ остроумномъ и мѣткомъ языкѣ, называютъ

„верблюдомъ“. Съ этимъ нелестнымъ наименованіемъ соединяется у нихъ понятіе сухого, деревяннаго эгоизма, только потому предпочитающаго голую всеобщность, что при этомъ есть возможность безпрепятственно предаваться своимъ личнымъ хотѣніямъ и прихотямъ. Такіе же общественные верблюды—тѣ „всеобщіе государственные граждане“, которые на-чисто раздѣлались со всѣми историческими расчлененіями и законными отдѣльными группами общества.

Неоцѣненный общинный складъ нѣмецкаго университетскаго духа есть ничто иное, какъ порожденіе бюргерскаго корпораціоннаго духа въ среднихъ вѣкахъ. Въ университетахъ живетъ еще ограниченная артельнымъ началомъ свобода стараго стиля; цѣховой духъ и сословная замкнутость глядятъ тамъ изъ всѣхъ оконъ, и однако же на зубцахъ этихъ старинныхъ бурговъ развѣвается знамя свободной науки!

Въ Германіи, гдѣ у каждаго башмачника написано на спинѣ его ремесло, родился Яковъ Бёме, царь башмачниковъ, philosophus teutonicus,—родился Гансъ Саксъ, „башмачникъ и поэтъ также“, родился Винкельманъ, сынъ стараго башмачника Штендаля. И Гёте, дѣтище франкфуртскаго бюргерства, не почелъ ниже своего поэтическаго величія своей переработкой придать новый блескъ риемамъ стараго нюренбергскаго поэта и башмачника. Только народы, у которыхъ бюргерство сохранилось въ столь рѣзко-сословной особности, какъ между нѣмцами и англичанами, могли обладать, въ переходный періодъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени, тремя столь изумительными геніями, каковы были: Лютеръ, Шекспиръ и Яковъ Беме — этотъ трилистникъ могучихъ сыновъ англійскаго и германскаго бюргерства.

Все движеніе нѣмецкой національной литературы восемнадцатаго столѣтія одушевлено и проникнуто бюргерскимъ духомъ. Здѣсь въ односторонне-первобытной силѣ выступаетъ на свѣтъ двигающая, толкающая впередъ, уравнивающая сторона нравственной личности бюргера. Французы завоевали у себя признаніе третьяго сословія мечемъ гражданской войны и революціонными переворотами; мы же достигли

этого мышленіемъ, писаніемъ, пѣснями. И къ соціальной побѣдѣ нѣмецкаго бюргерства, которое считали уже упавшимъ и мертвымъ, къ его побѣдѣ посредствомъ преобразованія церкви, искусства и науки, прямо примыкаетъ новый полетъ новѣйшей промышленности, соціальныхъ послѣдствій котораго никто еще не можетъ предвидѣть.

Та побочная отрасль строгаго католически-консервативнаго направленія, которая требуетъ для возрожденія стараго блеска своей церкви также и возстановленія *средневѣковаго* сословнаго быта, всѣхъ прежде поняла соціальныя послѣдствія указанной духовной борьбы. Она осудила все развитіе бюргерства, всю его исторію, начиная съ шестнадцатаго столѣтія, какъ фактъ протестантизма. Вся наша новая національная литература, Лессингъ, Клопштокъ, Гердеръ, Гете, Шиллеръ, были для нея слишкомъ „протестантскими“, и она разумѣла это слово не только въ его религіозномъ, но также и въ соціальномъ смыслѣ. Культъ генія, связанный съ этими великими именами, былъ для этой партіи предметомъ негодованія, ибо она хорошо сознавала, что новая національная литература содѣйствовала разрушенію *старыхъ* сословій не менѣе революціи. Часто поставляли на видъ и развивали въ подробностяхъ, что герои нашей классической письменности не могли освободиться отъ космополитической мечтательности и хотя въ нихъ жило горячее чувство къ народу, но все-таки въ національномъ сознаніи они преимущественно видѣли стѣснительные оковы и помѣху на пути общечеловѣческаго развитія. Съ филологическимъ педантизмомъ прилагали новѣйшій національный масштабъ къ словамъ Лессинга, Гердера, Гете,—и старые художники не были въ авантажѣ при такомъ испытаніи. Но если бы, сверхъ того, такого рода педантизмъ взялъ мѣриломъ для сужденія о тѣхъ литературныхъ царяхъ нашу точку зрѣнія объ исторической организаціи общества, то они совсѣмъ оказались бы плохи. Строго-католическая фракція отлично понимаетъ, что Шиллеръ и Гете были гораздо болѣе опасными носителями и пропагандистами протестантски-бюргерскаго духа, чѣмъ цѣлыя дюжины прослав-

ленныхъ богослововъ. Ибо все направленіе новѣйшаго духа, по скольку оно противорѣчитъ среднимъ вѣкамъ, равнозначительно для этихъ людей съ протестантскимъ духомъ. Она чувствуетъ, что космополитическая филантропія Шиллера и Гете, что философскій и поэтическій идеализмъ этихъ поэтовъ, отрицающій всѣ историческія различія, главнымъ образомъ пробудили въ образованномъ слоѣ бюргерства сознаніе о силѣ бюргера, какъ главнаго рычага соціальнаго движенія. Не будемъ же обманывать себя: эти поэтическіе вожди были апостолами бюргерства, могущественнаго въ своихъ влеченіяхъ къ движенію и соціальной уравнительности, и даже болѣе—они были пророками четвертаго сословія!

Нѣмецкій бюргеръ недоступенъ политической и соціальной мечтательности, которая навязывается ему въ видѣ системы и ученія; но въ стихахъ онъ охотно готовъ раздѣлять мечты о всемірномъ гражданствѣ, и низверженіи всѣхъ сословныхъ различій, о чистой человѣчности, и какой нибудь закарузлый филистеръ, на дѣлѣ посылающій къ черту всякую свободу и равенство, отхлопываетъ себѣ ладони до боли, слушая пѣніе Донъ Жуана: „здѣсь ничего не значатъ сословія, ничего не значитъ имя!“ и затѣмъ припѣвъ, съ гремучимъ аккомпониментомъ трубъ: „Да процвѣтаетъ свобода!“.

Но если благороднѣйшіе умы націи дѣйствительно были апостолами бюргерства, какъ сословія реформаторскаго, призваннаго, къ общественному движенію, и даже пророками четвертаго сословія, то именно это служитъ для насъ новою порукою внутренней законности этихъ движущихъ силъ, идущихъ *рядомъ съ консервативными силами.* И хотя четвертое сословіе пока влачится еще въ тинѣ разлада и безплодной сумятицы, однако мы вовсе не вправѣ отрицать его будущее, какъ не вправѣ отрицать у бюргерства, что ему принадлежитъ настоящее.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Соціальный филистеръ.

Въ новѣйшемъ бюргерскомъ сословіи обнаружилась своеобразная соціальная болѣзнь, достигшая по истинѣ эпидемическаго распространенія. Эта болѣзнь—тупая невоспріимчивость ко всякому общественному интересу, безсовѣстное равнодушіе ко всякой общественной жизни. Значительная часть новаго бюргерскаго сословія формально выдѣлена изъ общества—индивидуумъ замыкается, какъ улитки, въ четырехъ стѣнахъ своего частнаго жилища. Судьбы государства и общества пробуждаютъ его участіе лишь тогда, когда прямо и явно затрогивается при этомъ его личная выгода, когда они даютъ матерьялъ для бесѣды или даже удобный поводъ къ самовосхваленію. Всю эту огромную толпу окрестили именемъ *филистера*.

Политическій филистеръ не принадлежитъ ни къ какому особому сословію въ частности, онъ представляется выродкомъ государственнаго гражданина, а не гражданина общественнаго; напротивъ *соціальный* филистеръ существенно принадлежитъ къ бюргерскому сословію. Если здоровое бюргерство получаетъ свой соціальный отпечатокъ и дѣлается орудіемъ соціальнаго движенія только вслѣдствіе постоянно живущихъ въ немъ противоположностей духа особности и стремленія къ единству, то эти противуположности нейтрализуются въ филистерѣ и переходятъ въ индифферентность, такъ что онъ олицетворяетъ въ себѣ общественный застой. Конечно, и въ филистерствѣ есть жизнь и дви-

женіе, но это та отвратительная жизнь, которая бродитъ и шевелится въ гніющемъ трупѣ.

И филистеръ, подобно намъ, признаетъ въ бюргерствѣ „среднее сословіе", но не потому, что онъ находитъ въ немъ средоточный пунктъ, къ которому сходятся всѣ радіусы общественной жизни, а потому, что *его* бюргерство есть выродокъ соціальной посредственности, ни къ чему негодное, обвѣтшалое „triste-milieu".

Не разстраившійся въ своихъ дѣлахъ бюргеръ, дѣлается обыкновенно филистеромъ; напротивъ, филистерство предполагаетъ извѣстный достатокъ, хотя бы очень маленькій и жалкій; это—растущее въ плевелы бюргерство, отпавшее отъ своего принципа, но тѣмъ гуще прозябающее по внѣшности:

„Не вѣсть куда умчался духъ,
Осталась только грязь!"

Здѣсь сразу высказывается замѣчательный контрастъ между крестьянствомъ, аристократіей и бюргерствомъ. Баронъ, погрязшій въ чванствѣ своимъ дворянскимъ званіемъ, превращается въ „юнкера"; крестьянинъ, грубѣя, дѣлается жесткимъ мужикомъ, т. е. оба остаются въ крайностяхъ сословной замкнутости. Напротивъ бюргеръ, исказившійся въ филистера, теряетъ всякое сословное самосознаніе, и онъ большею частью отличается полнѣйшей соціальной индиферентностью. Дворянину, превратившемуся въ юнкера, соотвѣтствуетъ не филистеръ, а *мѣщанинъ* (Spiessbürger),—бюргеръ, погрязшій въ своей сословной односторонности. И опять замѣчательное различіе стараго и новаго времени представляется въ томъ, что прежде выродившійся бюргеръ предпочтительно былъ мѣщаниномъ, теперь же филистеръ большею частью вытѣснилъ мѣщанина. Пролетарій-соціалистъ или пролетарій-коммунистъ и филистеръ одинаково способствуютъ разложенію органически-сложившагося общества: одинъ—своими прямыми нападеніями, другой—тѣмъ, что тупо и безучастно допускаетъ эти нападки: первый теоретически устраняетъ историческое общество, второй, какъ стра-

усъ, прячетъ голову въ уголъ, съ увѣренностью, что уже нѣтъ никакого историческаго общества.

Филистеръ—это одураченный бюргеръ, посмѣшище и козлище отпущенія для всѣхъ партій, хоть она этого не сознаетъ и не замѣчаетъ. У него точно такъ же нѣтъ соціальнаго исповѣданія вѣры, какъ нѣтъ политическаго; онъ всегда за ту партію, у которой въ данную минуту формулирована наиболѣе удобная программа. Поэтому онъ искажаетъ всякій масштабъ для оцѣнки дѣйствительнаго значенія партій. Съ тѣхъ поръ какъ филистеръ образуетъ собой формальную общественную группу, идея „общественнаго мнѣнія“ сдѣлалась пустымъ звукомъ. Какъ только филистеръ примѣчаетъ гдѣ нибудь признаки формирующагося большинства, онъ тотчасъ, безъ всякой мысли, примыкаетъ къ нему, чтобъ только не отдѣляться отъ массы, вслѣдствіе чего поддерживается убѣжденіе, что голосъ массы есть голосъ неразумія. Точно также въ художественной и литературной сферѣ, благодаря филистеру, понятіе о разсуждающей и судящей „публикѣ“ превратилось въ опасное самообольщеніе. Достаточно нѣсколькимъ молодцамъ громко выразить свое одобреніе, какъ за ними, стогласнымъ эхомъ, повторяетъ то же самое цѣлая ватага филистеровъ.

Филистеры, какъ отдѣльныя личности, современны возникновенію государствъ и обществъ; но филистерство, какъ обширная соціальная группа,—явленіе новое. По духу классической древности, филистеръ долженъ бы былъ подлежать изгнанію и гражданской смерти. О внутренней пустотѣ полицейскаго и бюрократическаго государства новѣйшихъ временъ говоритъ тотъ печальный признакъ, что оно вовсе не признаетъ государственной и общественной опасности филистерства, а если подчасъ и признаетъ, то не знаетъ, какъ устранить ее. Коренная черта филистерства — глубокая политическая безнравственность, медленно отравляющая государство и общество, и однако, по государственно-полицейскому воззрѣнію, филистеръ, при этомъ качествѣ, можетъ быть, съ политической, т. е. съ полицейской точки зрѣнія, самымъ

благонадежнѣйшимъ гражданиномъ. Какое ужасающее противорѣчіе! Ничего не дѣлать и ничѣмъ не быть въ политическо-соціальномъ смыслѣ —это не преступленіе, а добродѣтель въ новѣйшемъ государствѣ! Но пусть, однако, имѣютъ въ виду, что эта черта на лицѣ новѣйшаго государства, есть истинно „гиппократовская“ черта, предвозвѣщающая смерть. Мы уже при разсмотрѣніи крестьянства замѣтили, что наши правительства умѣютъ вторгаться въ общественную жизнь почти только отрицательно, уничтожая и упраздняя, а не положительно, развивая и подвигая дальше, изъ частнаго, изъ отдѣльнаго. Соціальнаго филистера, который опаснѣе для общества, чѣмъ коммунистическій пролетарій, нельзя обуздать домовыми обысками, административными высылками и арестами; можно только, посредствомъ охраны и поддержанія сильнаго и здороваго духа въ бюргерствѣ, косвенно способствовать вымиранію этой группы выродившагося бюргерства. Но здѣсь мы опять сталкиваемся съ противорѣчіемъ: полицейско-бюрократическое государство очень хотѣло бы найти опору въ общественныхъ силахъ, но оно боится живаго содѣйствія! Оно желаетъ лишь слабыхъ союзниковъ, а слабые союзники въ этомъ случаѣ—не что иное, какъ противники.

Великолѣпной кличкой „филистера“ мы обязаны студенческому быту. Что для бурша „верблюдъ“ въ тѣсномъ кругу студенчества, то для него филистеръ, въ широкихъ границахъ всего общества. Въ своей корпораціонной гордости студентъ какъ бы признаетъ только университетъ и все къ нему принадлежащее законнымъ обществомъ. Все, находящееся извнѣ—филистеры. Такъ и для самаго гражданскаго общества всѣ стоящіе извнѣ должны быть филистерами, потому что въ своекорыстіи ихъ частнаго быта у нихъ уже не остается никакого мѣста для общественныхъ интересовъ. Согласно этому происхожденію, кличка оказывается вдвойнѣ мѣткою; она хлещетъ, какъ бичъ, и отмѣчаетъ филистера, какъ настоящаго заслужившаго свою участь *парію общества*. Въ настоящее время, изъ всѣхъ общественныхъ классовъ, сатира всего ревностнѣе завладѣла филистерами. Дворяне, бюргеры и кре-

стьяне, закоснѣлые въ особности своихъ сословій, пудреные бургомистры, вмѣстѣ съ барономъ Паппендеккелемъ и мызникомъ Фельдкюммелемъ— все это уже давно полинялыя каррикатуры. Напротивъ, комическія фигуры филистеровъ—Гампельманы, Статегеморроидаріи и Пипмейеры— принадлежатъ какъ разъ новѣйшему времени. Ни къ чему негодный, выродившійся пролетаріатъ всѣхъ сословій заключаетъ въ себѣ слишкомъ много серьезнаго и пугающаго для сатиры. У насъ филистеръ—единственный обильный источникъ для своеобразной общественной каррикатуры. Но имъ нужно пользоваться не для мелочнаго фарса, а для аристофановской насмѣшки, съ широкою нравственною подкладкою. Гампельманнъ, измѣряющій высшіе интересы общественной жизни аршиномъ шерстянаго оптоваго торговца, чья соціальная политика всецѣло ютится въ денежной мошнѣ, который воображаетъ себя выше всѣхъ партій, потому что всѣ партіи натягиваютъ ему носъ, типъ ограниченнаго, тупаго эгоизма въ филистерскомъ вырожденіи бюргерства; Пипмейеръ, простирающій свои щупальцы для удостовѣренія, слѣдуетъ ли ему передвинуться чуточку вправо или влѣво, этотъ прародитель той широко развѣтвленной группы филистеровъ, для которой самое дѣятельное участіе во внѣшнемъ движеніи общественной жизни, служитъ только матерьяломъ для бахвальства своей жалкой личностью—вотъ комическія, но въ то же время самыя темныя, самыя безнадежныя порожденія нашего общественнаго устройства.

Испорченный пролетарій-крестьянинъ главнымъ своимъ мѣстопребываніемъ избираетъ не мызы и поселки, а большія, подобныя городамъ, села. Наоборотъ гнѣздилищемъ бюргера, выродившагося въ филистера, бываютъ гораздо чаще маленькія, подобныя деревнямъ, города, чѣмъ крупные, полноправные городскіе центры. Искони силы бюргерства лучше заявляли себя въ широкой совмѣстной жизни и взаимодѣйствіи, сила крестьянства — въ раздробленности. Въ разговорномъ языкѣ, „обыватель мелкаго городка“ считается даже синонимомъ филистера. Лишь тогда, какъ распались средневѣковые сословные союзы и само-

стоятельные города сдѣлались провинціальными, для филистера открылось свободное поприще. Мало по малу недоросшіе, межеумочные го-города, которыхъ у насъ такъ-же много, какъ переросшихъ свою мѣру селеній, сдѣлались истинными разсадниками филистерства. Поэтому пріятно видѣть, что со времени распаденія старой нѣмецкой имперіи централизація нѣмецкаго городскаго быта дѣйствуетъ такъ энергически. Съ каждымъ годомъ маленькіе, лежащіе въ захолустьяхъ провинціальные города превращаются въ настоящіе деревни, принимаютъ крестьянскій обликъ и впослѣдствіи снова будутъ называться деревнями; за то настоящіе города въ той же мѣрѣ усиливаются и выигрываютъ въ самостоятельности. Отъ многочленнаго, распадавшагося на отдѣльныя единицы средневѣковаго общественнаго устройства мы наслѣдовали пропасть маленькихъ городковъ, которые при тогдашнемъ состояніи бюргерства удобно могли сохранять за собою самостоятельность; но наше бюргерство сдѣлалось совершенно другимъ, тогда какъ многіе изъ мелкихъ городковъ, не смотря на эту перемѣну, остались неприкосновенными. Въ добавокъ еще въ два послѣднихъ столѣтія возникло множество искусственныхъ городовъ, вызванныхъ на свѣтъ княжеской прихотью и другими случайными мотивами—именно множество княжескихъ резиденцій, отвлекавшихъ у законныхъ большихъ городовъ жизненныя стихіи здраваго бюргерства, но не имѣвшихъ въ себѣ столько жизненной силы, чтобы создать изъ себя свое бюргерство. Эта чрезмѣрная раздробленность нѣмецкаго городскаго быта достигла въ прошломъ столѣтіи своего апогея. Съ тѣхъ поръ мелкія резиденціи съ нѣсколькихъ сотенъ снова сократились до нѣсколькихъ дюжинъ. Въ промежутокъ времени 1803—1817 гг. было упразднено большое число городскихъ статутовъ, раздававшихся прежде съ истинно безсовѣстной неразборчивостью, и миніатюрные городки, зачастую вмѣщавшихъ въ себѣ не болѣе 500 человѣкъ жителей, опять обратились въ деревни. Автору извѣстны многіе изъ такихъ городковъ, потерявшихъ только въ ту пору свои права, и повсюду, какъ онъ замѣтилъ, превращеніе въ

крестьянскія села было уже такъ полно, что почти нигдѣ, по физіономіи мѣста, нравамъ и занятіямъ жителей, нельзя было угадать прежняго города—доказательство, какъ спасительно и законно было превращеніе. Наоборотъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ за самыми мелкими гнѣздышками сохранился старый городской характеръ, какъ напр., въ Кургессенѣ, можно наглядно убѣдиться въ соціальной опасности подобнаго межеумочнаго существованія.

Мелкія нѣмецкія государства особенно отличаются изобиліемъ слишкомъ маленькихъ и недостаткомъ большихъ городовъ. Поэтому въ многихъ изъ этихъ миніатюрныхъ владѣній почти не знаютъ бюргерства въ полномъ и гордомъ смыслѣ этого слова, за то тѣмъ лучше знакомы съ филистерствомъ. Здѣсь именно —что было одной изъ нелѣпѣйшихъ мѣръ—назначали административнымъ властямъ мѣстопребываніе въ многочисленныхъ маленькихъ городкахъ, имѣвшихъ деревенскій складъ, для того, чтобы придать такимъ городкамъ извѣстный политическій характеръ и искуственное значеніе. Нигдѣ косичка филистерства не выростаетъ длиннѣе, какъ въ этихъ бюрократическихъ городкахъ; нигдѣ бюрократія, этотъ заклятый врагъ свободнаго, сильнаго и самостоятельнаго бюргерства, не находитъ себѣ столь привольнаго убѣжища и разсадника. Быть можетъ, въ основѣ этого искуственнаго созданія маленькихъ городковъ въ мелкихъ владѣніяхъ лежала тщеславная мысль — посредствомъ возможно большаго числа самостоятельно устроенныхъ городовъ дать странѣ видъ крупнаго государства, подобно тому, какъ уменьшая произвольно мѣру квадратныхъ миль, можно, совершенно мирнымъ путемъ, значительно увеличить—въ собственномъ воображеніи — поверхность страны. Но подобное тщеславіе повлекло за собой свою кару, ибо въ часъ опасности обнаружилось, что остались только, расходившіяся врозь, крайнія сословія, а не было связующаго, промежуточнаго средняго класса.

Спеціальная исторія дѣтскихъ и юношескихъ годовъ соціальнаго филистерства втеченіе трехъ послѣднихъ столѣтій была бы чрезвы-

чайно поучительною. Государственная власть съумѣла сдѣлать призрачными всѣ бюргерскія корпораціонныя права, предполагавшія живую самостоятельность сословія. За то, съ глубокомысленнымъ расчетомъ, оставили въ неприкосновенности всю внѣшнюю декоративность корпораціоннаго быта, годную развѣ лишь для того, чтобы сдѣлать его смѣшнымъ и обременительнымъ. Косичка, напр., еще долго и безпрепятственно отстаивала свои права въ ремесленныхъ цѣхахъ, тогда какъ крѣпкій самостоятельный духъ цѣховыхъ союзовъ давно уже былъ вытравленъ стараніемъ государственной власти. Во многихъ мѣстахъ безпутныя цѣховыя пирушки переживали самые цѣхи. Централизующая государственная власть думала создать отвлеченнаго вѣрноподданнаго, но вмѣсто того создала лишь крайне конкретнаго филистера. Соціальное призваніе добраго гражданина должно было состоять въ томъ, чтобы забыть объ обществѣ. Административныя власти какъ будто нарочно вызвали филистера на божій свѣтъ искусственными средствами, то подавляя всякое свободное общественное движеніе, то опять, когда это казалось полезнымъ, подстрекая и возбуждая къ нему. Съ своимъ полуживотнымъ равнодушіемъ, съ своей лукавой безцвѣтностью, филистеръ очевидно созданъ той политической дрессировкой, которая въ одно и тоже время пришпориваетъ ногами и затягиваетъ поводья руками. Какъ ни глубоко упало дворянство въ этотъ дѣтскій возрастъ филистерства, все же, въ самыхъ плачевныхъ условіяхъ, его связывалъ внѣшній цементъ сословныхъ правъ и сословныхъ предразсудковъ. Крестьянство, какъ соціальная группа, относилось совершенно индиферентно къ государственной власти. Оно обладало только общественнымъ инстинктомъ, но не обладало общественнымъ самосознаніемъ, и выраженіемъ этого сознанія въ немъ были и пребываютъ его обычаи. Наоборотъ въ бюргерѣ только изъ общественнаго самосознанія возникаютъ оригинальные сословные обычаи. Такимъ образомъ выдѣлившійся изъ бюргерства филистеръ не могъ, подобно крестьянину, укрыться за свои сословные обычаи, потому что у него эти обычаи далеко въ сторонѣ. Изъ всѣхъ

сословій бюргеръ былъ самою беззащитною жертвою нивеллирующей государственной власти. Взвѣсивъ все это, мы не будемъ удивляться, что столь значительная часть бюргерскаго сословія выродилась въ соціальное филистерство. Мы должны удивляться скорѣй, что сохранилось еще рядомъ съ филистерами, настоящее, здоровое бюргерство, чѣмъ и доказывается твердая нравственная сила бюргерскаго сословія.

Одинъ изъ выдающихся жизненныхъ признаковъ филистерства—то, что многіе ремесленники стыдятся своей професіи, какъ *рабочіе,* что они хотятъ быть фабрикантами, купцами и т. п., что достоинство своей дѣятельности они мѣряютъ не мѣрою способностей и рабочей силы, а величиной затраченнаго на предпріятіе капитала. Въ этомъ сказывается отреченіе бюргерства отъ самаго себя. Вы конфузите портного, называя его портнымъ. Торчащій въ немъ соціальный филистеръ оскорбляется этимъ. Онъ, видите-ли, изготовитель платья, платейный фабрикантъ. Онъ вовсе не знаетъ, что уже по словопроизводству „портной“ означаетъ нѣчто значительно высшее, чѣмъ изготовитель платья. Портной („Schneider“) — это человѣкъ съ дарованіемъ, мастеръ, набрасывающій планъ одежды, искусно рѣжащій ножницами, кроящій; напротивъ подмастерья и ученики, сшивающіе скроенное—суть простыя „изготовители платья“ (Kleidermacher). Но, въ восходящей прогрессіи, вы обижаете столичнаго портнаго даже въ томъ случаѣ, если назовете его „изготовителемъ платья“:—онъ купецъ, онъ держитъ „магазинъ платьевъ“. Такъ то здѣсь въ конецъ утрачена старинная гордость *искусствомъ,* какъ высшею славою бюргерства, и филистеръ цѣнитъ въ предпріятія только капиталъ, а не свое призваніе! Какъ будто не требуется совсѣмъ разныхъ людей, чтобы собственноручно сдѣлать платье или чтобы предлагать уже готовое на продажу, что превосходно выполняетъ послѣдній ветошникъ? Для отдѣльныхъ ремеслъ существуютъ сатирическіе клички съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ ремесла, и мейстеры Гейсбоккъ и Пехдратъ гораздо старше соціальнаго филистера.

Но чтобы настоящее почетное наименованіе ремесла, какъ напр., портной и сапожникъ, считалось само по себѣ насмѣшливой кличкой—это является однимъ изъ опаснѣйшихъ симптомовъ въ чумномъ недугѣ филистерства.

Болѣе того. Филистеръ не удовлетворяется тѣмъ, что искажаетъ названіе профессіи—онъ вноситъ въ каждое промышленное дѣло порчу и искаженіе. Изъ сотни примѣровъ, возьму одинъ,—купца бюргера и лавочника филистера. Еще въ очень недавнее время человѣкъ образованный, говоря о „купеческомъ духѣ“ разумѣлъ духъ варварства, мѣряющій таланты и образованность талерами и грошами,—вся мудрость котораго состоитъ въ томъ, чтобы покупать товары десятками пудовъ и продавать фунтами. Какой контрастъ съ купеческою честью бюргера прежнихъ столѣтій! Но съ теченіемъ времени филистеръ просочился въ нѣмецкаго купца, и дѣйствительно большею частью превратилъ его въ такого лавочника, которому больше ничего не нужно, кромѣ извѣстной дозы природной сметливости, знанія четырехъ дѣйствій ариѳметики и оборотнаго капитала. Кто ежегодно пускаетъ въ торговый оборотъ нѣсколько тысячъ талеровъ, того обыкновенно называютъ купцомъ, а кто обарачивается нѣсколькими сотнями—лавочникомъ. Это безсмысленное различеніе. Есть лавочники, ведущіе большую оптовую торговлю, и есть купцы, обладающіе очень скудною лавчонкой. Тутъ все дѣло въ томъ—проникъ ли въ купца соціальный филистеръ, или нѣтъ. Лавочникъ покупаетъ и продаетъ только для своей прибыли; тоже дѣлаетъ и купецъ, но онъ ищетъ своей прибыли тамъ, гдѣ она въ то же время бываетъ прибылью и выгодой корпораціи, сословія, націи. Даже въ торговлѣ своей у него не теряется общественный интересъ. Съ національно-экономической точки, совершенно справедливыя начала фритредеровъ — что купецъ всегда долженъ покупать на дешевѣйшемъ рынкѣ, что въ денежныхъ дѣлахъ нѣтъ мѣста чувству, и т. п., — эти начала, взятыя въ ихъ голомъ видѣ, будутъ, съ нравственной точки зрѣнія, принципами лавочниковъ, а не купцовъ. Настоящій купецъ посовѣстится для своего барыша поощрять

иностранную промышленность къ вреду отечественнаго труда, точно также какъ честный государственный человѣкъ посовѣстится измѣнить интересамъ своей страны въ угоду чужому правительству. Потому то настоящій купецъ считаетъ себя членомъ національно-экономической, политической силы. За то есть лавочники—разумѣю лавочниковъ съ значительнымъ оборотнымъ капиталомъ, — которые свою сословную честь, свое купеческое благородство поставляютъ въ продажѣ однихъ только иностранныхъ товаровъ. Я знаю фирму, которая слыветъ изъ первыхъ, въ одномъ изъ крупныхъ торговыхъ городовъ Германіи. Эта фирма сочтетъ себя тажко оскорбленною, если поставить ее на одну доску съ другими фирмами, которыя также торгуютъ предметами роскоши и, навѣрное, въ одинаковомъ размѣрѣ. Чѣмъ же здѣсь оскорбляться? Та фирма держитъ исключительно англійскіе товары, другіе же смиренно присоединили къ тому и нѣсколько продуктовъ нѣмецкой промышленности,—и вотъ нѣмецкій филистеръ съ почтительнымъ изумленіемъ взираетъ на торговлю, въ которой сплошь чисто англійскіе товары.

Какъ извѣстно, нашъ пролетарій не очень благосклонно отзывается о купцахъ; говоря о неравномѣрномъ, одностороннемъ скопленіи богатствъ, они прежде всего разумѣютъ торговое сословіе. Но богатство нѣмецкаго купца, преимущественно банкира, кажется имъ наиболѣе противнымъ справедливости только потому, что они представляютъ себѣ купца, какъ соціальнаго филистера, какъ лавочника, ведущаго оптовую торговлю, стало быть, какъ человѣка, въ которомъ затрата умственныхъ силъ и дѣятельности вовсе не соотвѣтствуетъ ни размѣрамъ его прибылей, ни пользѣ, получаемой обществомъ, государствомъ, народомъ отъ этой дѣятельности, посвященной только мамону своекорыстія. Что до меня, я никогда не одобрялъ жалкой зависти пролетарія къ „золотымъ мѣшкамъ"; но пусть также не забываютъ, что проницательность голодной нищеты подглядѣла здѣсь эгоизмъ соціальнаго филистера и что эта предосудительная ненависть прямо вызывается лавочниками, присваивающими себѣ оптовую торговлю.

Только при сравненіи общественныхъ и національныхъ заслугъ нашихъ такъ называемыхъ „первоклассныхъ домовъ“ съ дѣятельностью старыхъ царей торговли въ итальянскихъ, нѣмецкихъ и нидерландскихъ торговыхъ городахъ, раскрывается со всей ясностью, какъ глубоко, въ эпоху косичекъ, соціальный филистеръ внѣдрился въ нашемъ купечествѣ. Патронатство тѣхъ старыхъ негоціантовъ искуству и наукѣ было честью для послѣднихъ, напротивъ, если новѣйшій богатый лавочникъ вздумаетъ „покровительствовать“ таланту и просвѣщенію, то онъ оскорбляетъ ихъ своимъ меценатствомъ.

Въ старину, въ большинствѣ нѣмецкихъ городовъ, соблюдалась строгая демаркаціонная линія между купцами и лавочниками. Лавочникомъ могъ быть каждый; купеческое дѣло требовало „людей обученыхъ“. Но уже въ прошломъ столѣтіи это различіе трудно было подмѣтить. Понятія о купцѣ и лавочникѣ сдѣлались совершенно другими. Изъ чисто дѣловыхъ подраздѣленій они начали переходить въ соціальныя. Объяснительная кличка „филистера“, эта драгоцѣнная кличка, еще не была открыта. Семьдесятъ лѣтъ назадъ Юстусъ Мёзеръ настаивалъ на томъ, чтобы, по примѣру старинныхъ ремесленныхъ порядковъ, снова было приведено въ жизнь различіе купца отъ лавочника. Онъ хорошо понималъ, какъ сильно вредитъ репутаціи всего купеческаго сословія непризнаніе и несоблюденіе этой противуположности; но онъ преимущественно видѣлъ здѣсь противуположность со стороны дѣловой, а не соціальной. Это подало императрицѣ Маріи Терезіи поводъ отважиться на попытку строго профессіональнаго разграниченія купца отъ лавочника въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ. Не знаю, на сколько она успѣла въ этомъ. Конечно, если бы можно было загнать соціальнаго филистера въ ограду особаго цѣха, то онъ никому уже не причинялъ бы вреда! Самое страшное въ немъ, какъ и въ пролетаріатѣ, именно то, что онъ вправѣ назваться настоящимъ „вездѣ“ и „нигдѣ“, которое можно схватитъ за-шиворотъ только въ идеѣ, а не въ реальной существенности.

Нѣмецкое филистерство даже создало себѣ свою собственную лите-

ратурную вѣтвь, наложило свое клеймо на большой отдѣлъ литературной исторіи. Эта литература филистерства процвѣтала въ періодъ времени отъ первой французской революціи до освободительныхъ войнъ, стало быть какъ разъ въ пору плачевнѣйшаго замиранія всякой общественной жизни въ Германіи. Въ эпоху реставраціи двадцатыхъ годовъ разцвѣлъ особый литературный цвѣтокъ. Школа Иффланда-Коцебу-Лафонтена вездѣ изображаетъ намъ современнаго человѣка внѣ общественныхъ и политическихъ узъ, выставляя намъ скучныхъ общечеловѣковъ, погруженныхъ только въ свои жалкіе частные интересы, нисколько не затронутыхъ могущественными вліяніями государства и общества. Изъ этихъ сочиненій говоритъ намъ нѣмецкій филистеръ, и филистерство съ ликованіемъ признало въ нихъ свое отраженіе. Чувствительныя трагедіи, заимствованныя нѣмцемъ у французовъ, но развитыя имъ далѣе до самаго своеобразнаго филистерства, были названы, съ большой прозорливостью, „мѣщанскими“ трагедіями. Такъ какъ дѣйствующія въ нихъ лица суть голыя безцвѣтныя частныя лица, по этому ихъ называли „мѣщанскими“. Что разыгрывалось между четырехъ стѣнъ, а не на площади, что носило шлафрокъ, а не тогу—называлось „мѣщанскимъ“. Въ этомъ, полагаю, таилось, по крайней мѣрѣ, предчувствіе, что соціальный филистеръ принадлежитъ бюргерству. Здѣсь впервые проявился въ искусствѣ, дозрѣвшій до самосознанія, филистерскій инстинктъ, противъ котораго такъ горячо ратовала истинно бюргерская школа Шиллера-Гёте. Когда Гёте на закатѣ своей жизни соглашался, чтобъ ему поставили памятникъ, наравнѣ съ Блюхеромъ, то онъ написалъ слѣдующее четверостишіе, прямо подходящее къ нашей темѣ:

«Безъ робости вы можете поставить,
Какъ Блюхеру, мнѣ памятникъ, друзья;—
Онъ отъ французовъ васъ съумѣлъ избавить,
Отъ филистерства васъ избавилъ я.»

Но не слѣдуетъ думать, что литература филистерства умерла

вмѣстѣ съ вышеназванными корифеями. Она процвѣтаетъ и нынче, только уже не въ видѣ такой плотно сомкнутой группы. И почва, которая потеряна филистерами на сценѣ, въ романахъ и альманахахъ, съ лихвою возвращена имъ въ журналистикѣ. Замѣчательно то совпаденіе, что именно во время господства Коцебу на нѣмецкой сценѣ вошло въ обиходъ понятіе „публики“, не какъ наслаждающейся и учащейся, но какъ произносящей приговоры и поучающей части общества. Я уже выше упоминалъ, какъ тѣсно связано понятіе критикующей „публики“ съ филистерскимъ духомъ массы. Филистеръ знаетъ все, на все даетъ свои рѣшенія, ибо за отсутствіемъ соціальнаго самоограниченія у него обыкновенно недостаетъ и силъ поставить себя въ тѣсныя границы настоящаго, спеціальнаго призванія. Диллетантъ и филистеръ—близнецы. По этому средніе вѣка въ своихъ кортраціонныхъ рамкахъ не знали критическаго диллетантизма ни отдѣльныхъ личностей, ни публики. Политическій диллетантизмъ, въ которомъ недавно видѣли признакъ народнаго развитія и главнѣйшее условіе народнаго самодержавія, есть ничто иное, какъ порожденіе соціальнаго филистерства. Именно этотъ филистерскій духъ диллетантизма, это проклятіе всевѣдущей „публики“, всегда обнаруживается всего ярче въ тѣхъ случахъ, когда цѣлыя массы выступаютъ съ притязаніями на судъ и рѣшеніе. Въ послѣдніе годы нерѣдко приходилось видѣть, что сотни толковыхъ людей, соединявшихся въ качествѣ критикующей публики, поступали и разсуждали по ослиному, тогда какъ въ отдѣльности каждый изъ нихъ, быть можетъ, высказалъ бы вполнѣ разумное сужденіе. Чтобы избавить народную массу отъ этого проклятія „публики“, нужно снова возсоздать пригодные къ извѣстному, опредѣленному дѣлу и соціально-узаконенные группы и союзы, какъ орудіе противъ общественнаго диллетантизма и въ послѣдней инстанціи—противъ соціальнаго филистера.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мнимыя сословія.

Рядомъ съ *образовавшимися*, естественными сословіями есть также сословія *сдѣланныя*, искусственныя, мнимыя. Если въ настоящее время зачастую не хотятъ уже признавать сословіями четыре естественныя главныя группы общества, зато прежде всѣхъ и все превращали въ „сословіе". Понятія „профессія" и „сословія" смѣшивали между собою совершенно произвольно. Говорилось о духовномъ сословіи, о сословіи ученыхъ, о чиновничьемъ сословіи, о судебномъ сословіи, о военномъ сословіи, о ремесленномъ сословіи и проч. Ради послѣдовательности надлежало бы продолжить эту цѣпь до безконечности и говорить о сословіи портныхъ, булочниковъ, каменьщиковъ, дровосѣковъ и т. д. Въ этомъ отношеніи разговорная рѣчь была крайне сбивчива, и мы до сихъ поръ еще употребляемъ слово „сословіе" и „профессія", какъ синонимы. Это служитъ дальнѣйшимъ доказательствомъ сбивчивости сословнаго и вообще общественнаго сознанія въ наше переходное время.

Подобное смѣшеніе и искаженіе понятій не заслуживали бы большаго вниманія, если бы они оставались чисто теоретическими. Но нѣкоторыя изъ этихъ фальшивыхъ сословій были и въ самой жизни надѣлены соціальными привиллегіями, которыя должны быть принадлежностью только естественныхъ большихъ подраздѣленій общества. Сверхъ того, правительственная мудрость эпохи пудреныхъ париковъ пользовалась этими механически сдѣланными сословіями, чтобы вбивать ихъ, какъ

клинья, промежъ естественныхъ сословій и тѣмъ разбивать въ дребезги докучную сословную самостоятельность. Такъ были вколочены въ пазы бюргерства „сословія“ военное, ученое, духовное и чиновничье. Съ этимъ смѣшеніемъ сословныхъ понятій погибло и то вліяніе, какое они имѣли еще на умы. Посредствомъ выхоливанія и поднятія мнимыхъ сословій хотѣли, по этому хитрому военному плану, сдѣлать безвредными сословія настоящія. Почти все, что ни есть антипатичнаго въ нынѣшнемъ сословномъ быту, брошено ему на плечи посредствомъ мнимыхъ сословій. Они дали наилучшее оружіе въ руки противниковъ всякаго соціальнаго расчлененія; благодаря имъ, общественныя силы сдѣлались крайне подозрительными государственной власти, такъ что въ нихъ нужно видѣть настоящихъ сподвижниковъ уравнительнаго полицейскаго государства, которое, съ своей стороны, по возможности щадило ихъ привиллегіи, всячески, въ то же время, стѣсняя права натуральныхъ сословныхъ группъ.

Матерьялъ для образованія мнимыхъ сословій былъ исключительно взятъ изъ бюргерскаго сословія. Только здѣсь могло имѣть мѣсто указанное смѣшеніе понятій, потому что въ этомъ сословіи понятія дѣятельности и сословія не совпадаютъ между собою, какъ они совпадаютъ въ другихъ—и сословіе вмѣщаетъ въ себѣ множество самыхъ разнообразныхъ профессій.

Посмотримъ внимательнѣе на четыре важнѣйшія изъ мнимыхъ сословій: сословія духовное, ученое, чиновничье и военное.

Духовное сословіе искони существовало въ Германіи, оно было даже въ общественной іерархіи „первымъ сословіемъ“ позднѣйшаго періода среднихъ вѣковъ и донынѣ существуетъ въ католическихъ странахъ романскаго юга. Но у насъ въ настоящее время нѣтъ уже никакого духовнаго сословія, въ истинномъ смыслѣ слова, да при новѣйшемъ пониманіи сословной идеи его не можетъ и быть. У насъ есть еще только духовное призваніе, духовная профессія. Иначе было въ первую половину среднихъ вѣковъ, когда духовенство, обладавшее гораздо болѣе

строгой соціальной замкнутостью, представляло собою единственный образованный классъ общества. Въ исходѣ среднихъ вѣковъ эта особность исчезла; низшее духовенство, по своему происхожденію, образу мыслей и нравамъ, главнѣйше принадлежало къ бюргерству и крестьянству, высшее—главнѣйше къ аристократіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и церковныя привиллегіи католическаго клира перестали быть бюргерскими. Каждая изъ четырехъ естественныхъ сословій имѣетъ отдѣльныя группы духовенства, особо ему принадлежащія: аристократія—прелатовъ и церковныхъ князей; бюргерство—главную массу низшаго духовенства; крестьянство — отшельниковъ и колонизирующіе монашескіе ордена; пролетаріатъ—духовныя братства съ нищенской сумой. Но въ цѣломъ и въ общемъ духовенство причисляется къ бюргерству. Духовный санъ открытъ каждому сословію. Напротивъ, именно въ эпоху косичекъ господствовала наклонность видѣть въ духовенствѣ особое общественное сословіе,—въ ту эпоху, когда аристократія, считая высшія духовныя должности своими сословными бенефиціями, не считала, однако же, нужнымъ, чтобы аристократическіе юноши, прежде полученія этихъ должностей, проходили снизу всѣ ступени церковной іерархіи. Какое странное смѣшеніе понятій, какое помраченіе общественнаго сознанія выражается въ томъ, что эти два, прямо противуположныя другъ другу понятія, одновременно имѣли силу въ однихъ и тѣхъ же людяхъ! Въ противность этому, ультра-торійское вестфальское дворянство восхваляется, какъ извѣстно, за то, что въ настоящее время оно опять въ частыхъ случаяхъ предназначаетъ своихъ младшихъ сыновей къ духовному званію, причемъ эти молодые люди, для достиженія высшаго сана, не брезгаютъ начинать свою карьеру скромнымъ званіемъ сельскихъ приходскихъ священниковъ. Извѣстный епископъ майнцскій, баронъ Кеттелеръ, съ этого началъ свою духовную карьеру.

Духовенство, уже ради своего церковнаго положенія, какъ выходящаго за предѣлы соціальныхъ перегородокъ, должно отвергать мысль о томъ, что оно составляетъ отдѣльное общественное сословіе.

Удивительно какъ-то случилось, что католическое духовенство съ его крѣпкой корпоративной организаціей, переходящей даже за рубежи національностей, съ его замкнутымъ орденскимъ устройствомъ и проч., стало быть, при всѣхъ данныхъ къ развитію твердо разграниченнаго сословія, скрываетъ, однако, въ самой этой организаціи противоборствующій элементъ, никогда не позволяющій ему перейти въ полную замкнутость отдѣльнаго сословія. Я разумѣю институтъ безбрачія. Если бы изъ оригинальнаго организма католической іерархіи устранить безбрачіе, то онъ давно уже превратился бы въ замкнутую и наслѣдственную духовную касту. Въ силу безбрачія, священникъ, какъ частное лицо, почти совершенно выдѣляется изъ гражданскаго общества, затѣмъ, чтобы духовенство въ цѣломъ не было окончательно выдѣлено изъ него. Бюргерская семья есть одно изъ важнѣйшихъ условій для существованія сословія. Безъ этой семейной жизни корпоративное самосознаніе общественной группы никогда не можетъ возвыситься до самостоятельнаго сословія. Быть можетъ, что для католическаго духовенства не требуется никакихъ дальнѣйшихъ атрибутовъ самостоятельнаго сословія, кромѣ семьи.

Напротивъ, въ протестантскомъ духовенствѣ это условіе семейственности обрѣтается въ богатѣйшей степени. Въ сельскихъ приходахъ почти всегда духовное званіе переходитъ по наслѣдству отъ отца къ сыну. Здѣсь говорится даже о „духовной крови“. Но зато въ немъ недостаетъ крѣпкой и обособленной организаціи церковнаго товарищества, недостаетъ папы и орденскаго устройства. Такимъ образомъ съ обѣихъ сторонъ какъ нельзя лучше приняты мѣры къ тому, чтобы деревья не выростали до неба и священники оставались въ бюргерствѣ.

Ученое сословіе для нашихъ цѣлей имѣетъ лишь историческій интересъ. Ибо послѣ сказаннаго доселѣ читатель, конечно, не потребуетъ отъ насъ доказательствъ, что „сословіе“ такого рода есть соціальная безсмыслица. И однако въ нашихъ нѣмецкихъ государствахъ до послѣдняго времени наслѣдственно сохранялись предписанія, гарантирующія нашимъ ученымъ корпораціямъ (напр. университетамъ) со-

ціально-политическія права. Если духовенство заключаетъ въ себѣ всѣ условія, кромѣ одного, чтобы быть сословіемъ, то въ такъ называемомъ ученомъ сословіи совсѣмъ не имѣется этихъ условій, за единственнымъ исключеніемъ—что оно представляетъ собою профессію. Въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ еще вырабатывались между учеными своеобразные сословные нравы. Но вопреки естественнымъ сословнымъ нравамъ, представляющимъ повсюду оживляющій, укрѣпляющій, связующій элементъ общественныхъ группъ, эти сословные нравы ученыхъ отзывались сухостью, чопорностью, мертвенностью. Это уже было вѣрнѣйшимъ свидѣтельствомъ, что съ ученымъ сословіемъ дѣло не ладилось. Искусственно созданный цѣхъ ученыхъ гораздо болѣе способствовалъ униженію цѣховаго быта, чѣмъ исторически сложившіяся ремесленныя гильдіи въ дни самаго крайняго ихъ упадка. Ученые нравы эпохи париковъ были каррикатурою настоящихъ сословныхъ нравовъ. Даже частныя отрасли ученой дѣятельности отдѣлялись другъ отъ друга въ видѣ сословій и нерѣдко проникались взаимной враждой и завистью. „Враждебность общественныхъ классовъ", о которой столько ужаснаго пророчатъ намъ новѣйшіе уравнители, временно была вполнѣ олицетворена въ „ученомъ сословіи". Враждебность классовъ—это старая комедія во вкусѣ рококо о докторѣ и аптекарѣ, но не новѣйшая драма съ борьбою естественныхъ соціальныхъ группъ противъ неестественнаго уравненія индивидуальныхъ формъ общественной жизни. Естественныя сословія — настоящіе громоотводы враждебности между классами. Гдѣ бюргерскія профессіи, равно какъ и ремесла, наперекоръ естественному порядку, отмѣчаются сословнымъ клеймомъ, гдѣ искусственно навязываютъ обществу фальшивыя общественныя группы, тамъ-то всего безпощаднѣе свирѣпствуетъ гроза вражды между классами.

Съ нашей точки зрѣнія въ высшей степени замѣчательный фактъ соціальнаго самопознанія представляютъ съѣзды или конгрессы ученые. игравшіе столь замѣтную роль въ сороковыхъ годахъ. На этихъ съѣздахъ, по крайней мѣрѣ, лучшее большинство нѣмецкихъ ученыхъ умѣло

поставить свободный союзъ научныхъ профессій на мѣсто фальшивой сословной замкнутости.

Что, напр., могло соединить тогда германистовъ, между которыми были представители всякихъ ученыхъ профессій—историки, филологи, правовѣды, философы? Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, когда юристъ-практикъ почелъ бы безполезнымъ, безхлѣбнымъ искусствомъ такую штуку, какъ „германское языкознаніе", а лингвистъ не призналъ бы даже „настоящей наукой" юриспруденцію, какъ продуктъ опыта и преданія, какъ помѣсь римскаго права и отечественныхъ обычаевъ—пятьдесятъ лѣтъ назадъ эти элементы такъ же плохо сходились между собою, какъ масло и вода. Теперь же филологи, историки и правовѣды, позабывъ вражду классовъ и ложный сословный духъ, соединились въ мысли, что всѣ они помогаютъ изслѣдованію нашей національной жизни—и назвались германистами! Эти съѣзды внушены были прогрессивнымъ универсальнымъ духомъ бюргерства—въ контрастъ съ старинной обособленностью самозваннаго ученаго сословія. По справедливости эти собранія германистовъ признаны были предвѣстниками того благороднаго, совершенно законнаго движенія въ тревогахъ 1848 г., которое главнымъ образомъ поддерживалось нѣмецкимъ бюргерскимъ сословіемъ. Чисто ученый конгрессъ не имѣлъ бы такого значенія, если бы онъ не былъ вмѣстѣ съ тѣмъ формой и выраженіямъ крупнаго соціально-политическаго факта.

Не со вчерашняго дня національно-германскія науки теоретически работали сообща, въ видахъ изслѣдованія историческаго хода нашей народной жизни, и для того, чтобы на этомъ прочномъ фундаментѣ воздвигнуть національную будущность; но чѣмъ-то совершенно новымъ и многозначительнымъ было то, что наиболѣе ревностные совершители этого труда составили свободное товарищество затѣмъ, чтобы хотя разъ въ годъ обозрѣвать вмѣстѣ какой нибудь клочекъ дорогаго отечества, вмѣстѣ совѣщаться, вмѣстѣ пообѣдать и осушить бокалъ въ честь своей родины.

Въ одномъ изъ мелкихъ нѣмецкихъ владѣній даже безобиднѣйшему изъ этихъ ученыхъ дружествъ—нѣмецкаго сельскаго хозяйства и лѣсоводства—запрещено было собираться на съѣзды. Полицейское государство почуяло общественный смыслъ этихъ конгрессовъ. Но возмездіе не заставило ждать себя. Пять лѣтъ спустя Раво и его товарищи устроили конгрессъ совершенно иного рода въ той же залѣ, гдѣ полицейское управленіе не дозволило мирнымъ сельскимъ хозяевамъ произносить рѣчи и сидѣть за обѣдомъ.

Естествоиспытатели, какъ новѣйшая отрасль ученаго міра, открыли рядъ большихъ собраній. Тогда какъ нынче еще есть цѣховые ученые, считающіе такого первокласснаго мыслителя и изслѣдователя, какъ Либихъ, только искуснымъ лаборантомъ-аптекаремъ, естествоиспытателей именно хвалили за то, что собранія ихъ представляли наиболѣе свободное смѣшеніе спеціальностей, гдѣ въ добромъ согласіи соединялись самыя разнородныя направленія. Филологъ, еще въ прошломъ столѣтіи бывшій настоящимъ типомъ сословной закорузлости ученаго міра, внесъ таки маленькую косичку въ товарищескія собранія, назвавъ свой конгрессъ конгрессомъ „филологовъ *и* оріенталистовъ". Это различительное *и*—есть послѣдній цѣховой признакъ „классическаго" филолога, желающаго видѣть въ представителѣ неклассическаго восточнаго языкознанія только простаго приспѣшника науки. Враждебность классическихъ филологовъ и реалистовъ тотчасъ обнаружилась на конгрессахъ. Вотъ въ этомъ-то я вижу „ненависть между классами", ненависть которая, по моему, оставляетъ позади зависть бюргера къ барону, или даже рознь между врачемъ и аптекаремъ.

Всего менѣе повезло философамъ. Они совсѣмъ не могли перейдти за узкій кругъ школы къ товарищескому сближенію. Для нихъ, за отсутствіемъ общественнаго интереса, оставался въ виду, какъ нѣкогда у схоластиковъ, только научный турниръ. Вышло, что нѣмецкіе философы всѣхъ оттѣнковъ регулярно появлялись въ собраніяхъ естество-

испытателей, или германистовъ, или филологовъ, или врачей и *не* являлись только на свои собственныя собранія.

Переходимъ къ воздушному призраку отдѣльнаго *чиновничьяго сословія*. Въ природѣ вещей, что члены каждаго гражданскаго состоянія могутъ быть призваны и способны на занятіе общественныхъ должностей. Говорятъ объ опасности государства въ государствѣ. Пусть. Но чиновничье *сословіе* есть сословіе въ сословіяхъ и въ этомъ заключается гораздо серьезнѣйшая опасность.

Въ сословіяхъ естественныхъ одно сословіе исключаетъ другое. Никто не можетъ быть одновременно дворяниномъ, бюргеромъ, крестьяниномъ и пролетаріемъ. Въ искусственныхъ, фальшивыхъ сословіяхъ совсѣмъ иначе. Очень легко можно представить себѣ ученаго, чиновника, священника, солдата и проч., соединенными одновременно въ одномъ и томъ же лицѣ. Нѣкоторыя изъ этихъ профессій даже прямо требуютъ предварительнаго существованія другой.

Пока занятіе цѣлыхъ разрядовъ государственныхъ должностей исключительно предоставлялось извѣстнымъ гражданскимъ состояніямъ, то здѣсь, по крайней мѣрѣ, была возможность къ образованію особаго чиновничьяго сословія,—при условіи преобладанія общества надъ государствомъ. Но съ нашими новѣйшими понятіями объ отношеніи общества къ государству вообще не согласуется то, чтобы государственная служба представляла собою особую соціальную рубрику. Въ такъ называемое чиновничье сословіе вступаютъ члены изъ каждаго дѣйствительнаго сословія. Вотъ правило. Переходъ же члена дѣйствительнаго сословія въ другое дѣйствительное сословіе есть весьма рѣдкое исключеніе. Бюргеръ можетъ получать дворянскій патентъ, но черезъ это онъ еще вовсе не сдѣлается дворяниномъ въ соціальномъ смыслѣ слова. Крестьянинъ, выигравшій въ лоттереи большую сумму и переѣхавшій въ городъ для проживанія своей ренты, можетъ употребить весь остатокъ своей жизни, чтобы сгладить съ себя слѣды крестьянства, но усилія его не приведутъ къ цѣли. По общему правилу только сыну удастся довер-

шить переходъ, въ которомъ застрялъ отецъ, отъ одного сословія къ другому. Но еще труднѣе для дворянина сдѣлаться бюргеромъ или для нихъ обоихъ возвратиться къ непосредственному состоянію крестьянства. Безъ сомнѣнія, оба они могутъ отдаться земледѣлію, могутъ также безъ особаго труда „омужичиться", но въ Европѣ имъ никогда не удастся превратиться въ дѣйствительныхъ, настоящихъ крестьянъ. Только въ первобытныхъ лѣсахъ Америки дворянинъ и бюргеръ могутъ сдѣлаться истинными крестьянами. Но и тамъ они сначала должны разучится читать и писать, забыть даже свой родной языкъ, перепахать, такъ сказать, всѣ свои старыя привычки и понятія, и тогда лишь въ нихъ зародится новый крестьянинъ. Такъ глубоко настоящее сословное различіе коренится во внутренней природѣ человѣка! Только въ одно сословіе одинаково легокъ переходъ для всѣхъ прочихъ сословій, при чемъ имъ не нужно отправляться въ Америку—въ пролетаріатъ! Пролетаріемъ можетъ сдѣлаться каждый, еще легче, чѣмъ чиновникомъ. Но пролетаріатъ не есть уже сформированное, готовое, а только слагающееся сословіе: въ немъ—отрицаніе и распаденіе сословій, какъ положительнаго соціальнаго факта. Переходъ отъ одной формы общественныхъ наслоеній къ другой чрезвычайно труденъ; переходъ къ уничтоженію всякой общественной культуры—удивительно легокъ. Далеко лежитъ одно сословіе отъ другого; только сословіе бѣдствій и нищеты одинаково близко ко всякому.

Только благодаря соціальной фикціи отдѣльнаго чиновничьяго сословія сдѣлался возможнымъ политическій феноменъ бюрократіи. „Бюрократія"—до чрезвычайности характерное слово. Живописно составленное изъ французскаго и греческаго, на тарабарскій ладъ, оно означаетъ не господство писарей, а „господство писарской комнаты". Здѣсь безподобно схвачена механическая безсодержательность бюрократіи. Исторія политическихъ дѣяній бюрократіи представляетъ крайне соблазнительную тему по своей пикантности. Здѣсь мы имѣемъ въ виду бюрократію лишь какъ соціальное явленіе.

Если правительства, съ наступленіемъ новой эпохи, настойчиво и упорно стремились къ тому, чтобы образовать особое чиновничье сословіе рядомъ съ особымъ военнымъ сословіемъ, то въ основѣ, въ принципѣ, эта политика была совершенно правильна; только она ошибалась въ выборѣ предмета и средствъ. Правильною была руководящая мысль, что каждая правительственная политика должна отыскать себѣ извѣстную соціальную силу, которая служила бы для нея твердой матеріальной опорой. Ложнымъ было примѣненіе этой мысли. Вмѣсто того, чтобы опираться на исторически сложившіяся, естественныя соціальныя группы, которыя, конечно, при случаѣ, могли оказаться нѣсколько упрямыми и строптивыми—создавались искусственныя соціальныя группы, на преданности которыхъ правительства полагались при всякихъ обстоятельствахъ. Въ подобномъ образѣ дѣйствій есть нѣчто отважное, но отвага, переходящая за естественные законы, сходится съ дерзостью. Такъ чиновничье и военное сословіе, создаваемыя по приказаніямъ власти, напоминаютъ вагнеровскаго гомункула въ „Фаустѣ“:

«Нѣжная точка, откуда вспыхнула жизнь,
Кроткая сила, тѣснившаяся изнутри,
Что брала и давала, образуясь по своему.
Что присвоивала сперва ближайшее, а затѣмъ чужое,
Вотъ эта сила лишена теперь своего достоинства.»

Чиновничье и военное сословія были искуственно, стараніями правительствъ, отдѣлены отъ гражданъ, отъ бюргеровъ и рачительно поддерживались какъ сословія среди естественныхъ сословій. Офицерскій рангъ измѣряется совсѣмъ по другому масштабу, чѣмъ ранги въ другихъ сферахъ общественной жизни, такъ какъ, въ видѣ исключенія, самый юный подпоручикъ или прапорщикъ, бюргерскаго происхожденія, имѣетъ доступъ ко двору и высочайшему столу. До нашего времени въ разныхъ мѣстахъ въ кадетскіе корпуса принимали только мальчиковъ, отцы которыхъ принадлежали къ извѣстному рангу или служебному классу. Офицерамъ изъ бюргерства прямо запрещалось вступать въ бракъ съ невѣстами изъ черезъ-чуръ бюргерской среды. Это—выходитъ

за предѣлы „органическаго“ расчлененія общества. Изъ политически-соціальныхъ соображеній власть поощряла исключительно чиновничьи и военные клубы. Не только офицеры, но и чиновники должны были носить свою форменную одежду, какъ сословное одѣяніе. Еще наканунѣ мартовскаго движенія правительству одного маленькаго нѣмецкаго государства причинило великую скорбь, которая и была выражена имъ въ рескриптѣ, опубликованномъ во всѣхъ тогдашнихъ газетахъ, то обстоятельство, что состоящіе на государственной службѣ не хотятъ уже носить ни старо-модной треуголки, ни форменной шпаги, вовсе непригодной для боя.

Человѣческая натура была бы совсѣмъ иною, если бы подобный посѣвъ повсюду упалъ на каменистую почву. Понятіе сословія растворилось въ понятіи ранга. Тотъ іерархическій духъ касты, въ которомъ часто безъ основанія упрекаютъ естественныя сословія, широко развернулся въ этихъ фальшивыхъ сословіяхъ. До сихъ поръ крестьянинъ нерѣдко смѣшиваетъ съ чиновниками надменныхъ, гордящихся своимъ званіемъ, людей. Для чиновника, все общество, вмѣсто историческихъ группъ, распадается на два большихъ полукруга: „служащихъ“ и „бюргеровъ“. Для „служащихъ“ тогда было изобрѣтено великолѣпное наименованіе „Honoratioren“ — ѣдкая эпиграмма въ одномъ словѣ.

Въ до-мартовское время во многихъ нѣмецкихъ государствахъ чиновнику, желавшему обзавестись семьей, не было надобности приписываться къ какой нибудь бюргерской общинѣ — онъ былъ просто гражданиномъ in abstracto, проживалъ номадомъ подъ шатрами государства и не нуждался въ осѣдломъ кровѣ среди общины, между тѣмъ какъ для всякаго другаго право государственнаго гражданства только потому получило свой смыслъ и свое практическое значеніе, что съ этимъ соединялось право гражданства въ общинѣ. Упраздненіе этой несообразности было большимъ общественнымъ успѣхомъ.

Зачастую считалось весьма политичнымъ почаще перемѣщать са-

мыхъ молодыхъ и бѣднѣйшихъ чиновниковъ для того, чтобы они ни въ одномъ мѣстѣ не сдѣлались настоящими гражданами, для того, чтобъ, будучи граждански-бездомными, они привыкали считать себя осѣдлыми только въ государственной службѣ. По той же причинѣ любили посылать католическихъ чиновниковъ въ протестантскія области и обратно. Но вмѣсто того, чтобы сдѣлать бѣдняка-чиновника благонадежнѣе политически (лояльнѣе) посредствомъ этой убыточной бездомности, посредствомъ этого страннаго кочеванья, надъ которымъ высилась только указающая десница таинственныхъ министерскихъ распоряженій, достигали развѣ того, что дѣлали его кандидатомъ въ четвертое сословіе!

Эта организація чиновничества, какъ особаго сословія, разительно напоминаетъ образецъ ея—церковную іерархію. Но въ чиновничьемъ сословіи нѣтъ безбрачія. Поэтому если духовенство представляется только недовершеннымъ отрывкомъ особаго сословія, то бюрократія составляетъ, пожалуй, цѣлое сословіе, но такое, которое относится къ естественнымъ сословіямъ, какъ гомункулъ, дистилированный Вагнеромъ въ склянкѣ, относится къ натурально рожденному человѣку. Даже бѣдный чиновникъ жертвуетъ обыкновенно послѣднимъ грошомъ, чтобы и сына своего помѣстить на государственную службу. Само по себѣ, это не заслуживаетъ порицанія, но достойна порицанія, порожденная духомъ касты, идея, видящая въ государственной службѣ только *привиллегированную богадѣльню*. Въ особенности матери уже съ раннихъ поръ прививаютъ своимъ сыновьямъ безнравственную мысль, что государственная служба есть средство для извѣстной цѣли—средство къ существованію, сопряженному съ пенсіями и вдовьимъ содержаніемъ. Это существованіе, безъ борьбы обезпечивающее всю будущность посредствомъ хорошо выдержаннаго государственнаго экзамена, есть настоящій золотой телецъ, вокругъ котораго благоговѣйно пляшетъ бюрократическое филистерство.

Во времена римской имперіи впервые народилась воздушная фан-

тасмагорія—особое сословіе государственныхъ служилыхъ людей. Наши историки усматриваютъ въ этомъ фактѣ признакъ, что все національное развитіе приближалось къ банкротству. А въ нынѣшнее время?...

Искусственныя, дѣланныя сословія и чудовищная соціальная безтолочь, вызываемая ихъ призрачнымъ существованіемъ, всего болѣе дѣлали непопулярною каждую попытку вовратиться къ естественному укладу общественныхъ группъ; но и сверхъ того они повели къ безчисленнымъ практическимъ промахамъ въ опытахъ соціальныхъ реформъ. Какъ сдѣсь видѣли передъ собой сословный строй, въ которомъ, по внѣшнему произволу, можно было прямить кривое и подрѣзать разросшееся не въ мѣру,—точно такъ полагали, что подобные же пріемы могутъ примѣняться и къ естественнымъ сословіямъ, забывая, что послѣднія могутъ ввыносить только самый легкій толчекъ къ дальнѣйшему развитію извнутри себя.

Съ цѣлью воскресенія старой благородной сдержанности прежнихъ сословій въ потребностяхъ, нравахъ и обычаяхъ, одинъ высокопоставленный ораторъ внесъ слѣдующее, исторически-достопримѣчальное, предложеніе въ первой баденской палатѣ 1819 г.:

„Если я не вношу здѣсь предложенія о введеніи національной одежды, принимая во вниманіе, что кое-гдѣ произведенныя попытки такого рода доселѣ не удавались и что мы еще не составляемъ *единой* націи въ той степени, которая давала бы право надѣяться на успѣхъ подобнаго предпріятія во всей Германіи, то это не говоритъ, однако, противъ необходимости общихъ постановленій въ каждомъ союзномъ государствѣ, относящихся къ слѣдующимъ предметамъ: Нужно опредѣлить: *какого рода одежду и изъ какихъ матерій дозволяется носить каждому сословію и каждому роду?* Кому даруется право держать экипажи и лошадей, и кому не дозволяется этого? Какого рода мебелью можетъ обзаводиться *каждый классъ* и каждое званіе?—при чемъ имѣющая быть составленною классификація такого рода должна принимать во вниманіе болѣе достаточныхъ лицъ и въ от-

ношеніи къ нимъ допускать исключенія изъ общаго правила, съ надлежащими указаніями на ихъ благопріятное матеріальное положеніе".

Здѣсь мы въ отчью видимъ всю нелѣпицу поддѣльныхъ сословій? Какъ „чиновничьему сословію" можно предписать ношеніе его сословнаго фрака, такъ и „бюргерскому сословію", по мнѣнію оратора, можно предписать то же самое. И почему бы нѣтъ?

Если не далѣе, какъ тридцать лѣтъ назадъ возможно было, со всей серьезностью, предлагать подобное общественное врачеваніе для возрожденія старой умѣренности сословій, то по истинѣ, мы можемъ гордиться громадными успѣхами, какіе сдѣланы съ той поры наукою общественной жизни.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Бюргерство въ политической жизни.

Политическій строй констинуціоннаго государства главнымъ образомъ выработанъ и завоеванъ усиліями бюргерства, буржуазіи, средняго сословія. Какъ ни представлять себѣ происхожденіе и форму конституціоннаго устройства, но въ сущности конституціонный принципъ неизмѣнно сводится къ мысли, что въ государственной жизни гражданинъ, какъ членъ общества, долженъ исчезать въ государственномъ гражданинѣ. Крестьянинъ совершенно равнодушенъ къ этому; пролетарій самое большее усматриваетъ здѣсь плохо понятую и употребленную во зло соціалистическую истину, аристократъ—ложную доктрину. Напротивъ бюргеръ, видящій въ себѣ преобладающую, достигшую политическаго сознанія, массу новѣйшаго общества, всего лучше пользуется силой приуравнительномъ государственномъ гражданствѣ. Каждый политическій вопросъ есть вопросъ о силѣ, пока не наступитъ блаженное тысячалѣтнее царство, гдѣ всякая политика будетъ направляться естественнымъ правомъ. Конституціонный строй—это сила бюргерства.

Оживленіе конституціонализма и новаго бюргерства исторически совпадаетъ въ исходѣ восьмнадцтаго столѣтія. Съ тѣхъ поръ конституціонныя идеи въ бюргерскомъ сословіи непрерывно развивались, расширялись, укрѣплялись. Можно различно думать объ ихъ примѣненіи, еще болѣе объ ихъ единовластіи, но никто уже не будетъ оспаривать у нихъ права на то, чтобы достигнуть силы въ дѣствительной жизни.

Конституціонализмъ, какъ ученіе политической середины, движущей середины, соотвѣтствуетъ бюргерству, какъ среднему сословію. Взаимное уравновѣшеніе силы между государственными властями соотвѣтствуетъ щепетильности бюргера. Никогда не приводящее къ цѣли и въ то же время никогда не остающаяся вовсе безъ результата борьба за господство одинаково свойственна различнымъ конституціоннымъ властямъ; въ силу передвижныхъ противуположностей въ государствѣ поддерживается живая жизнь, — исключительной властью не обладаетъ никто. Это въ природѣ бюргерства. Но не будемъ также скрывать отъ себя, что конституціонализмъ такъ же близокъ къ политическому филистерству, какъ близокъ бюргеръ къ соціальному филистеру.

Безъ бюргерства въ великой картинѣ общества не доставало бы среднихъ красокъ. Между тѣмъ живописцы знаютъ, что не яркіе краски, а именно среднія, всегда преобладающія количествомъ, даютъ главный тонъ всей картинѣ.

„Спасительные подвиги“ противны духу бюргерства, въ особенности, если они, вмѣсто исключеній, становятся правиломъ. Способъ достиженія политическаго права, для истиннаго бюргера, имѣетъ больше цѣны, чѣмъ самый актъ достиженія. Либерально-бюргерская партія часто терпѣла пораженіе потому, что въ рѣшительную минуту она не рѣшалась измѣнить требованіямъ формальнаго конституціонаго порядка: пораженіе во всякомъ случаѣ, не постыдное. Политика аристократіи есть какъ бы традиціонная историческая собственность; для ея охраненія, въ виду революціи „спасительныя дѣянія“ гораздо ближе. Съ другой стороны демократическій пролетаріатъ исключительно держится спасительными подвигами, ибо у него нѣтъ еще никакого историческаго права и ему принадлежитъ лишь то, что онъ себѣ завоевываетъ.

Сословія — не одно и то же, что политическія партіи; поэтому нельзя сказать, что всѣ бюргеры избѣгаютъ „спасительныхъ дѣяній“, или что всѣ они отличаются монархически-конституціонными воззрѣнія-

ми. Я говорю лишь о большинствѣ и о томъ, что его представляетъ — о духѣ сословія.

Изъ нѣдръ нѣмецкаго бюргерства вышелъ идеальный толчекъ мартовскаго движенія 1848 г., направленнаго къ національной и конституціоной реформѣ. Во главѣ его стояли корифеи бюргерской либеральной партіи, даже преимущественно тѣ истинно-бюргерскіе германисты, съ которыми мы уже встрѣчались выше. Лишь тогда, какъ въ движеніе захотѣли вмѣшаться выросшіе изъ подъ земли, опиравшіеся на пролетаріатскій резервъ республиканцы съ своими „спасительными дѣяніями“, только тогда бюргерское движеніе къ реформамъ превратилось въ революцію. Во многихъ мѣстностяхъ на тогдашнихъ классическихъ спискахъ „народныхъ требованій“ первоначально стояли только умѣренные пункты, внесенные представителями бюргерской партіи, и уже во время преній вождями пролетаріата включены были требованія, чуждыя всякой умѣренности.

Пока члены предварительнаго парламента занимались совѣщаніями въ церквѣ св. Павла, сторонники разныхъ партій дрались на улицахъ Франкфурта возлѣ двухъ знаменъ, изъ которыхъ на одномъ было написано „республика“, а на другомъ „парламентъ“. Тогда часто слышался боязливый вопросъ: выскажется ли народъ за республику *или* за парламентъ? Въ этомъ забавномъ противупоставленіи лежалъ глубокій смыслъ. Съ парламентомъ связывали идею конституціоннаго порядка въ публичныхъ дѣлахъ, примыкавшаго къ существующимъ государственнымъ отношеніямъ, въ духѣ свободнаго бюргерства; подъ республикою разумѣли „спасительные подвиги“ соціальной демократіи. Въ лозунгѣ „парламентъ“ бюргеръ совершенно вѣрно усматривалъ національныя конституціонныя учрежденія, какъ лучшее обезпеченіе его сословной гегемоніи.

Мартовское движеніе носило чисто идеальный характеръ, пока оно сдерживалось бюргерствомъ; многія нововведенія были превосходны. Когда же, на практикѣ, четвертое сословіе хлынуло черезъ голову бюр-

герства,—водворилась такъ сказать сердечная анархія. Такъ какъ бюргеры, крестьяне и дворяне не соединились между собою, чтобы противодѣйствовать четвертому сословію, то въ дѣло вмѣшались правительства съ войсками. Вслѣдствіе своей собственной пассивности эти три соціальныя силы были принуждены отступить и потеряли плоды побѣды. Но только по отступленіи бюргерства могла начаться реакція.

Не говоритъ ли все это достаточно громко о важности *соціальной*, или, выражаясь непопулярно, о важности *сословной* политики?

Многопрославленный парламентскій либерализмъ до-мартовскаго времени коренился въ бюргерскомъ духѣ, но отчасти также въ духѣ филистерства. Не безъ основаній прозвали его „буржуазнымъ либерализмомъ“. Онъ толкалъ впередъ, не двигаясь съ мѣста. Говорить и совѣтовать ему было важнѣе, чѣмъ дѣйствовать. Какъ горячій парламентскій представитель формальной конституціонной политики, онъ не умѣлъ цѣнить общественныхъ силъ; можно даже сказать, что интересы партіи были для него выше интересовъ народа. Тѣмъ не менѣе этотъ фразистый либерализмъ, прежнее вліяніе котораго на массу теперь, съ полнымъ измѣненіемъ обстоятельствъ, легко забывается, выражалъ собою, въ бюргерской средѣ, влеченіе къ соціальному и политическому движенію въ такое время, когда вся общественная жизнь погрязла въ косности. Если положительные результаты, достигнутые этимъ направленіемъ, очень часто не удовлетворяютъ насъ, то все-таки мы должны, по крайней мѣрѣ, признать, что оно оказало большую косвенную услугу, пробудивъ къ движенію почти вовсе уснувшія общественныя силы.

То же самое направленіе, со всѣми своими недостатками и преимуществами, продолжалось, еще усиленнѣе, и въ первые два года революціи. Въ это время конституціонно-бюргерскій либерализмъ такъ ярко выставилъ наружу внутреннее раздвоеніе въ нѣмецкомъ бюргерствѣ, что я считаю необходимымъ обозначить, въ нѣсколькихъ крупныхъ чертахъ, тогдашній кругъ его политическихъ идей.

Бюргерскій либерализмъ желалъ государей — но не государей

божьей милостью,—конституціонной монархіи, но въ то же время демократической—„на самой широкой демократической основѣ“,—короля, который царствуетъ, но не правитъ. Свободномыслящій бюргеръ былъ доволенъ, что, между прочимъ, существуютъ еще государи, но испугался, когда прусскій король, на празднествѣ сооруженія Кельнскаго собора, громко объявилъ, что государи еще существуютъ. Бюргеръ желалъ палаты, могущей засунуть министровъ въ карманъ, но которая не брала бы власть въ свои руки,—политическаго представительства вообще, но не представительства частныхъ группъ. Онъ желалъ республики во Франціи, чтобы нѣмецкіе государи хранили уваженіе къ парламентаризму; желалъ германскихъ основныхъ правъ—но съ изъятіями,—религіозной свободы, но безъ іезуитовъ, монастырей и свободныхъ религіозныхъ общинъ; желалъ народнаго движенія, народныхъ требованій, народной побѣды, но не революціи,—гражданской милиціи, но не общаго народнаго вооруженія. Онъ требовалъ бюргерскихъ министерствъ; когда же они явились, бюргерскій либерализмъ оставилъ ихъ безъ поддержки. Филистеръ дѣлалъ это изъ зависти; но многіе добрые бюргеры поступили такъ въ силу честныхъ, но не практическихъ сомнѣній—въ силу критической добросовѣстности. Допускались чиновники и солдаты, но не допускалось сословій бюрократическаго и военнаго. Желали, какъ гласило излюбленное изрѣченіе, „стоять такъ же далеко отъ анархіи, какъ и отъ реакціи“, почему подпадали сначала анархіи, а потомъ реакціи. Вслѣдствіе стремленія быть справедливымъ къ обѣимъ сторонамъ, вслѣдствіе послѣдовательности доктрины тамъ, гдѣ совершавшіеся факты вовсе не были послѣдовательными—игра была проиграна цѣликомъ. Исторія нѣмецкаго бюргерства въ минувшіе вѣка равнымъ образомъ показываетъ, что оно въ множествѣ случаевъ подготовляло себѣ столь же трагическія судьбы изъ-за одинаково честныхъ побужденій. Бюргерскій либерализмъ требовалъ германскаго единства безъ ущерба существующей обособленности,—медіатизацій безъ указанія какихъ либо опредѣленныхъ границъ. Или же само-

стоятельность мелкихъ государствъ и централизація во имя цѣлаго были одинаково противны одному и тому же лицу. „Патріоты“ желали пораженія нѣмцевъ на боевыхъ поляхъ Венгріи, чтобы новая конституція нѣмцевъ не потерпѣла пораженія на бумагѣ.

Не должно думать, что этотъ всегдашній контрастъ движенія впередъ и застоя разрѣшался въ итогѣ нулемъ, какъ при дѣленіи двухъ равныхъ чиселъ одного на другое. Въ частности движеніе могло оставаться безплоднымъ, но, въ цѣлости, движеніе было—а это и есть самый важный и неопровержимый результатъ.

Истый бюргеръ остался вѣренъ себѣ въ своихъ сомнѣніяхъ, въ своей теоретической добросовѣстности. Филистеръ, опираясь на катихизисъ Фальстаффа о чести, могъ казаться гораздо дѣятельнѣе, потому что онъ всегда бѣжалъ по слѣдамъ силы и махалъ кулакомъ только тамъ, гдѣ чувствовалъ себя въ безопасности.

Оттого-то въ движеніи, которое преимущественно было вызвано самимъ бюргерствомъ, послѣднее вовсе не выступало замѣтно на первый планъ. Это всегда съ ними бывало. Бюргерскому сословію, гдѣ оно является рычагомъ общественнаго и политическаго движенія, не выпадаетъ на долю ни рыцарски-блестящая роль аристократіи, ни рискованно-смѣлая роль пролетарія, ни задушевная роль крестьянина. Онъ завоевываетъ себѣ каждый шагъ, а не имѣетъ отъ того ни чести, ни барыша; напротивъ, зачастую онъ терпитъ насмѣшки и глумленіе за свою непрактичную добросовѣстность, за свои неловкіе, угловатые пріемы. Бюргеръ, томящійся въ борьбахъ общественной жизни, почти вовсе не годится, какъ модель для художественной фигуры; пролетарій, крестьянинъ и дворянинъ несравненно богаче картинными, выразительными чертами. Въ революціонныя времена крестьянинъ такъ же мало заботится о принципахъ, какъ о прошлогоднемъ снѣгѣ; онъ старается только добыть то, что представляется ему выгоднымъ для его обстоятельствъ, какъ въ крупномъ, такъ и въ мелкомъ. Либеральный нѣмецкій бюргеръ борется до тѣхъ поръ за принципъ, пока за его спиною всѣ другіе успѣютъ

подѣлить между собою реальныя выгоды. Онъ способенъ задумывать государственные перевороты, но не способенъ эксплуатировать ихъ— совершенно въ томъ родѣ, какъ представители бюргерской промышленности въ Германіи дѣлаютъ изобрѣтенія единственно для выгодъ другихъ націй.

Въ маѣ 1849 г. во Франкфуртѣ собрался конгрессъ либеральныхъ (конституціонныхъ) и бюргерскихъ ферейновъ Южной Германіи, чтобы сговориться на счетъ образа дѣйствій этихъ многочисленныхъ клубовъ либеральнаго бюргерства, въ виду тогдашней „борьбы за имперскую конституцію“. Но при самомъ открытіи конгресса разразилась, какъ бомба, извѣстіе о возстаніи въ Карльсруэ и Раштатѣ и о бѣгствѣ великаго герцога баденскаго. Тотчасъ баденскіе члены рѣшили возвратиться домой. Это было по человѣчески, такъ какъ у нихъ были дома и семьи. Наоборотъ, пролетаріи именно тогда-то и остались бы на конгрессѣ. Крестьяне, вѣроятно, тоже бы удалились, но за то захватили бы съ собою въ Баденъ и весь конгрессъ, потому что ворчливая пассивность— высшая крестьянская политика—выполняется гораздо успѣшнѣе, когда крестьянинъ знаетъ, что онъ—самъ пятьдесятъ, а не самъ три или четыре. Такимъ образомъ конгрессъ былъ разслабленъ съ перваго шагу. Стали совѣщаться о присоединеніи къ демократическимъ мартовскимъ союзамъ, „съ цѣлью проведенія имперской конституціи“. Авторъ помнитъ еще очень живо, какъ нѣкоторый ораторъ—ибо самъ онъ былъ этимъ злополучнымъ ораторомъ—подвергся осмѣянію за сдѣланное имъ предостереженіе, что лишь недавно на родинѣ его либеральные бюргеры, благодаря такому же „присоединенію“, были согнуты демократами въ бараній рогъ. Конечно, можно было смѣяться, зачѣмъ же либералы позволили согнуть себя въ бараній рогъ? Впрочемъ, смѣявшіеся тогда, быть можетъ, втихомолку желали отправить ко всѣмъ чертямъ имперскую конституцію вмѣстѣ со всѣми мартовскими ферейнами. Однако, рѣшено было „примкнуть къ мартовскимъ союзамъ для приведенія имперской конституціи въ исполненіе“. Ибо ради политической

послѣдовательности и согласно голосу чести и совѣсти, надлежало держаться имперской конституціи, да и нечего было возразить противъ *буквы* демократической программы, клонившейся къ „осуществленію“ помянутой конституціи. Всѣ видѣли, какая бездна зіяла впереди, всѣ знали отлично, что демократы будутъ при этомъ надрываться отъ хохота, но тѣмъ не менѣе рѣшено было не измѣнять „принципамъ“. Это было чисто по-бюргерски. Въ глубокомъ смущеніи покинули мы конгрессъ: въ узкихъ рамкахъ на немъ была представлена вся драма, какую суждено было разыграть бюргерскому либерализму втеченіе тѣхъ годовъ на великой сценѣ отечественной исторіи.

Для сохраненія послѣдовательности въ принципахъ, и въ новѣйшее время (1851 г.) опять заговорили о присоединеніи остатка конституціонной партіи къ демократамъ. Предвидятъ заранѣе, что конституціонная партія уничтожится при такомъ союзѣ; всѣ видятъ, что вмѣшательствомъ соціальнаго вопроса широкая бездна разъединила обѣ партіи. Но упрямо держаться доктрины логическихъ принциповъ— гордость бюргера; упрямо держаться обычая—гордость крестьянина, а упрямо держаться безусловнаго величія нищеты, которая огуломъ должна поглотить бюргера, крестьянина и барона—гордость четвертаго сословія.

Позднѣе пошли въ ходъ дешевыя насмѣшки надъ „профессорами“. Подъ этимъ разумѣютъ тѣхъ кабинетныхъ политиковъ, которые, забывая факты народной жизни, назрѣвшіе исторически, и данное политическое положеніе, руководствуются общими началами своей излюбленной доктрины, посредствомъ которыхъ и желаютъ врачевать недуги общественнаго строя. Пусть не забываютъ, что въ глазахъ образованнаго бюргерства эти профессора были первоклассными авторитетами. Пусть не забываютъ также, что почти всѣ великіе реформаторскіе умы новѣйшаго бюргерства, отъ Лютера до Лессинга и Гете, имѣли въ себѣ весьма многое изъ такой профессорской натуры, а это многое отнюдь не

было въ нихъ худшимъ. Только „профессора“ послѣдняго времени изъ-за образованнаго бюргерства не видѣли совокупности общества; обладая массою знаній, они проглядѣли „науку о народѣ“,—забыли, что есть еще пролетаріи, крестьяне и дворяне, и не было для нихъ прусскаго короля, который напомнилъ бы имъ о существованіи этихъ силъ, подобно тому, какъ онъ напомнилъ демократамъ о существованіи государей.

Не всѣ бюргеры поклонялись либеральному прогрессу этой школы. Но истинно по бюргерски было то, что никто не хотѣлъ враждовать съ прогрессомъ, а каждый разумѣлъ лишь по своему этотъ прогрессъ. Есть крайне консервативные бюргеры,—ихъ нужно считать не отдѣльными личностями, а цѣлыми группами,—далеко еще не дошедшіе до порога конституціонализма. Но во всемъ бюргерскомъ сословіи одинаково глубоко коренится сознаніе политической законности, которое скорѣе помирится съ неудачами вѣрно-конституціонной политики, чѣмъ съ успѣхами политики насилія. Одинъ изъ французскихъ поэтовъ восхвалялъ своего короля, какъ короля-гражданина, *принудившаго* французовъ быть счастливыми,—нѣмецкій бюргеръ наврядъ ли нашелъ бы много „гражданскаго“ въ мягкосердечномъ принужденіи такого рода. Въ мастерской сценѣ „Эгмонта“, гдѣ подгулявшій писецъ Вансенъ —обращикъ литературнаго пролетарія въ старомъ стилѣ—подстрекаетъ гражданъ къ недовольству, онъ упоминаетъ о „старинѣ, о правахъ правителей, штатовъ и провинцій“. Когда же писарь заговариваетъ о „народныхъ правахъ“ и ихъ нарушеніи, граждане становятся подозрительными, потому что „прежніе государи тоже покушались на это“, какъ выражается лавочникъ Зестъ. Перечисленіе старыхъ законныхъ льготъ и привиллегій, дѣлаемое ораторомъ, жадно выслушивается народомъ. А при его увѣреніи: „я это покажу вамъ на бумагѣ, написанной двѣсти-триста лѣтъ назадъ“—разражается шумъ и бюргеры восклицаютъ: „И мы терпимъ новыхъ епископовъ? И мы позволяемъ инквизиціи угнетать насъ? Насъ защититъ дворянство, мы начнемъ борьбу!“

Вся сила и вся слабость бюргерства безподобно очерчены въ этой сценѣ.

Наши государственные люди не должны забывать, что эта упорная привязанность бюргера къ писанному праву, особое значеніе, придаваемое имъ точно опредѣленному, формальному ходу формальной политики—есть та же самая, глубоко честная черта характера, которая дала бюргерскому сословію богатство и силу, заставляя его вести свои торговыя и всякія дѣла съ самою скрупулезною добросовѣстностью. Миролюбивый бюргеръ допускаетъ порою и „спасительный подвигъ»—въ величайшей крайности, когда государство и общество готовы сорваться въ пропасть; но въ спокойныя времена эти героическіе способы сокрушаются о купеческую честность бюргера. Если позволительно безъ обиняковъ нарушить такимъ образомъ, одной изъ сторонъ, общественный договоръ, то почему точно такъ же не могутъ быть нарушаемы неудобные, для какой либо стороны, частные договоры? Вотъ совершенно естественный вопросъ, возникающій въ умѣ бюргера.

Именно эта дѣловая честность бюргера въ политикѣ ручается за то, что охраненіе политическихъ формъ будетъ твердымъ оплотомъ противъ всякаго произвола, и мы замѣчаемъ съ радостью, что это бюргерское направленіе болѣе и болѣе проникаетъ во всѣ сословія. Но ошибочно думать, будто съ этими формами, само собою, создастся также политика какого либо положительнаго характера. Подобная односторонность свойственна многимъ конституціоналистамъ.

Вездѣ бюргерство видитъ себя солидарнымъ въ дѣлѣ охраны формальнаго конституціоннаго права. Практическій реалистъ-крестьянинъ совершенно незнакомъ съ такими объединительными идеями—коренными политическими идеями сословія. Вообще бюргеръ и крестьянинъ—двѣ самыя разительныя соціальныя противуположности. Если бы уравнительность общества снова сдѣлала большой шагъ впередъ, если бы нынѣшнія натуральныя группы снова слились, то все-таки неизмѣнно остались бы два главныя подраздѣленія: бюргеръ и крестьянинъ.

Преданность идеѣ правового государства можетъ имѣть какъ либеральный, такъ и консервативный характеръ. Здѣсь опять открыто свободнѣйшее поприще двойственной натурѣ бюргерства, и новизна, исходящая изъ среды бюргерскаго сословія, всегда будетъ идти впередъ не иначе какъ умѣреннымъ шагомъ. Большею частью пріобрѣтенія бюргерства незначительны по внѣшности, но зато они прочны. Такъ, напр., судебная реформа 1848—49 гг. можетъ подвергаться ограниченіямъ и урѣзкамъ, но уже невозможно вовсе уничтожить ее. Поэтому самое большое искусство мудрого правительства—это дѣлать уступки соціально и политически движущей силѣ бюргерства, но уступки надлежащія и въ надлежащее время. Чѣмъ вѣрнѣе попадутъ на этотъ пунктъ, тѣмъ консервативнѣе будетъ бюргерство. Но никогда не слѣдуетъ ни въ чемъ уступать филистеру, которымъ овладѣваетъ то лихорадка движенія, то застой или реакція, потому что рядомъ съ уступками возрастаетъ его безстыдство. Если бы въ 1848 г. растерявшіяся правительства сдѣлали поменьше уступокъ филистерамъ, то, быть можетъ, у бюргеровъ достало бы мужества и силы умѣрить движеніе, вызванное ихъ же заклинаніями.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Результаты.

Какъ развалина стараго бюргерства, держится ремесленное сословіе среди новаго бюргерскаго міра. Если бюргерство—миніатюрный оттискъ новѣйшаго общества, то ремесленнику выпадаетъ въ немъ соціальная роль, принадлежащая крестьянину въ большой оригинальной картинѣ. Ремесленникъ — это прирожденный консерваторъ между городскими бюргерами. Но онъ не останется консервативнымъ, если впадетъ въ нищету или безпорядочность. Въ виду вліятельнаго положенія ремесленнаго производства въ бюргерствѣ матеріальное благостояніе мелкихъ ремесленниковъ есть жизненный вопросъ для охранительной политики. Богатство еще ни одного бюргера не превратило въ демагога, но тѣмъ чаще къ этому приводила бѣдность.

Но для соціальнаго политика ремесленное сословіе имѣетъ еще несравненно важнѣйшій интересъ. Здѣсь представляются нетолько развалины стараго корпораціоннаго быта, на которыхъ можно многому поучиться, но также много крѣпкихъ живыхъ проявленій здраваго гильдейскаго духа, на которыхъ можетъ испытывать себя педагогическое искусство государственнаго человѣка.

Гдѣ еще существуетъ такая союзная жизнь, какъ у ремесленниковъ? И однако какою слабою кажется она сравнительно съ прежнимъ! Но несомнѣнно, что союзы эти снова смыкаются тѣснѣе, ремесленныя общества умножаются. Въ этихъ союзахъ, относительно реформы реме-

сленнаго бюргерства, не разъ уже со скамьи ремесленника раздавались рѣчи, за которыми куда какъ далеко могла прятаться мудрость профессорской каѳедры. Долго не разумѣли соціальной важности общихъ ремесленныхъ складовъ; наконецъ всемірная промышленная выставка въ Лондонѣ сразу на этотъ счетъ озарила всѣхъ будто громаднѣйшимъ факеломъ. Замѣчательны также, сдѣлавшіяся нынѣ столь многочисленными, попытки союзовъ или же частныхъ ремесленныхъ кружковъ изготовить ремесленныя издѣлія для общей продажи. Купцы давно уже поняли эту выгоду; большинство крупныхъ фирмъ достигли своего нынѣшняго положенія только благодаря совокупнымъ предпріятіямъ. Скоро мастера-ремесленники сдѣлаютъ шагъ далѣе и сообща будутъ отстаивать ремесленную состоятельность каждаго изъ своихъ собратій, тогда какъ въ настоящее время одинъ другому подставляетъ ногу. Въ Вестфаліи крупные землевладѣльцы-дворяне уже начали кое-гдѣ входить въ союзы, чтобы спасти своихъ задолжавшихъ сотоварищей отъ полнаго раззоренія и превращенія въ пролетаріевъ, вслѣдствіе утраты поземельной собственности. Если это можетъ сдѣлать дворянство, то это сдѣлаетъ и бюргеръ. Сословному духу дворянства онъ представляетъ самый лучшій противовѣсъ, когда онъ подражаетъ ему. Но гдѣ ремесленный союзъ будетъ охраною отдѣльнаго мастера, тамъ ремесло и званіе снова сдѣлаются предметомъ личной гордости. И это не коммунизмъ, а только старая золотая истина, что полдюжины людей средняго достатка вмѣстѣ составляютъ одного богача, изъ котораго впослѣдствіи легко можетъ сдѣлаться полдюжины богачей.

Пусть только обратятъ вниманіе, что до-мартовское полицейское государство, не хотѣвшее допустить никакой свободы и тѣмъ менѣе безусловной, принимало подъ свою защиту одну только безусловную распущенность ремесленника. Опасная, надо полагать, та свобода, которая пользуется такимъ покровительствомъ? Полиція и бюрократія опасались самостоятельнаго и энергическаго ремесленнаго сословія, хорошо сознавая, что всеобщая хозяйственная безтолочь есть надежнѣйшая

узда для ремесленнаго бюргерства,—узда съ острой, вонзающейся въ тѣло иглой, могущей превратить въ смиренную клячу самаго пылкаго скакуна. Не надо имъ было больше цеховыхъ мастеровъ, доказавшихъ свою способность испытаніемъ въ кругу товарищей по ремеслу; оказались достаточными, и „патентные мастера“, изъ коихъ каждый, даже ничему не учившись, могъ вести любое ремесло, если онъ только за нѣсколько гульденовъ запасся патентомъ и держалъ подмастерья; если же онъ былъ предпріимчивъ, то могъ одновременно заниматься полдюжиной различныхъ ремеслъ. Это ничто иное какъ государственная премія за плохое производство и надувательство. Государство поручало свои постройки и общественныя предпріятія подрядчикамъ, бравшимъ дешевле,—и это было преміей за надувательство. Оно при посредствѣ арестантовъ изготовляло—и изготовляетъ—обыкновенныя бюргерскія производства, и этой конкуренціей, которая ему едва даже стоитъ и заработной платы, уменьшаетъ заработки бюргера. Наказывая преступника, оно въ тоже время наказываетъ честнаго ремесленника. Нужно пожить въ странахъ, гдѣ подъ вывѣскою ремесленной свободы вели подобную политику, чтобы понять всю ненависть, которою всѣ безъ исключенія проникнуты противъ этой свободы. Въ такихъ странахъ, при первыхъ вспышкахъ движенія 1848 г., для ремесленныхъ мастеровъ не было болѣе настоятельнаго вопроса, какъ спастись отъ столь убійственной свободы.

Есть старые, промышленные города, въ которыхъ старое цеховое устройство не погибло, а напротивъ развилось далѣе ко благу ремесленнаго сословія. Есть также пришедшіе въ упадокъ старые имперскіе города, гдѣ еще и нынѣ цѣпляются за всю обрядность стараго цеховаго быта и сохраняютъ ее со всѣми ее окоченѣвшими формами. Тамъ большею частью ремесленники, за превращеніемъ истинно-гильдейскаго духа въ безсодержательную внѣшнюю обрядность, стали столь же лѣнивыми, неумѣлыми, закоснѣлыми и недовольными, какъ и въ

странахъ безусловной ремесленной свободы. Обѣ крайности подрываютъ ремесленное сословіе.

Вопросъ о ремесленной свободѣ отнюдь не есть лишь вопросъ политической экономіи. Въ немъ не менѣе важна соціално-политическая сторона, и если политикъ-экономъ имѣетъ право подать здѣсь свой голосъ, то не менѣе достовѣрно, что не ему одному принадлежитъ послѣднее слово. Поэтому пусть не думаютъ, что старонники партій, бурно высказывающіеся сегодня за ремесленную свободу, а завтра противъ нея, руководствуются единственно заботами о народномъ трудѣ и народной промышленности. Вездѣ скрывается соціально-политическая задняя мысль. Консерваторъ, желающій, чтобы народъ, тихо и спокойно, развивался въ колеѣ старыхъ поэтическихъ нравовъ, чтобы бюргеръ былъ самостоятельнымъ и своеобразнымъ въ своихъ союзахъ, чтобы подмастерья и ученики были привязаны нравственными узами къ семьѣ мастера и къ болѣе широкой гильдейской семьѣ—будетъ отстаивать реформу старыхъ ремесленныхъ законовъ, но не будетъ требовать разнузданной ремесленной свободы. Наоборотъ, либералъ, усматривающій въ распаденіи старо-бюргерскихъ обычаевъ, въ уничтоженіи политическихъ и сословныхъ различій залогъ національной свободы, для котораго полчища независимыхъ поденщиковъ-рабочихъ тоже что щуки среди карасей стариннаго разжирѣвшаго мѣщанства—либералъ, повсюду стремящійся только къ возможно-быстрому обращенію идей и капиталовъ, будетъ ратовать за ремесленную свободу. И тотъ и другой будутъ выставлять политико-экономическія выгоды своего политическаго исповѣданія. Но окончательнымъ мотивомъ служитъ для нихъ соціально-политическое соображеніе. А бюрократъ, слышащій за своимъ письменнымъ столомъ какъ ростетъ трава, слѣдуетъ то тому, то другому взгляду, смотря по направленію политическихъ вѣтровъ, дующихъ справа или слѣва; къ тому же, съ помощью своихъ статистическихъ таблицъ, сегодня онъ можетъ доказать, что для народнаго благоденствія всего выгоднѣе ремесленная свобода, а завтра—что эта свобода

пагубна и всего необходимѣе стѣсненія ремесленнаго производства. Затѣмъ предвзятыя мнѣнія племенъ и городовъ и взаимно противорѣчащіе своекорыстные интересы частныхъ ремесленныхъ кружковъ и публики прибавляютъ сюда свою долю, чтобы окончательно запутать вопросъ.

Тѣмъ не менѣе, въ обществѣ болѣе и болѣе распространяется убѣжденіе, что масса ремесленниковъ всего лучше можетъ судить о своихъ собственныхъ потребностяхъ. Гдѣ власти судятъ и рѣшаютъ о ремесленныхъ дѣлахъ, тамъ при нихъ долженъ былъ-бы состоять совѣтъ изъ ремесленниковъ, и давать свое мнѣніе. Въ послѣдніе годы по этому пункту улучшилось многое въ разныхъ нѣмецкихъ земляхъ. Чиновникъ вообще того мнѣнія, что сапожникъ долженъ знать только свою колодку; о себѣ же онъ думаетъ, что онъ нетолько можетъ управляться съ ворохомъ бумагъ, но въ случаѣ нужды и съ сапожной колодкой.

Изъ соціальнаго консерватизма общины и гильдіи, при раздачѣ патентовъ и пріемѣ ремесленника въ свою среду, должны бы наблюдать хоть за тѣмъ, чтобы у претендующихъ на открытіе мастерской имѣлся необходимый оборотный капиталъ. Новомодная сантиментальность видитъ въ обязанностяхъ подмастерья къ хозяину гнетущее подчиненіе, тягостную зависимость, и называетъ эти отношенія не-гуманными. Но вѣдь „подмастерье" означаетъ то же, что „товарищъ мастера"; между тѣмъ какъ, словно для потѣхи, подмастерья, вмѣсто этого почетнаго званія, хотятъ называться „помощниками"! Прежде существовала, кромѣ „гордости мастера", и „гордость подмастерья"; теперь осталась лишь первая. Быть всю свою жизнь подмастерьемъ честнаго мастера вовсе не бѣда; гораздо хуже быть хозяиномъ жалкой мастерской. Состоящіе въ государственной или частной службѣ бываютъ часто очень довольны, если имъ приходится быть подмастерьями, сотоварищами. Впрочемъ, если молодой ремесленникъ можетъ предъявить свои сбереженія отъ наемной платы, вмѣсто наслѣдственнаго достоянія, то эти сбереженія должны считаться ему вдвое, если онъ

просить о правѣ на собственную мастерскую, такъ какъ прилежаніе и бережливость тоже составляютъ отличный капиталъ въ предпріятіи. Притомъ же это было бы вполнѣ „по-бюргерски“, согласно принципу нашего сословія, что способность пріобрѣтать богатство важнѣе самаго богатства.

Кто хочетъ сдѣлаться мастеромъ, долженъ выдержать надлежащее испытаніе въ своей способности. Отъ мастера требуется и мастерская работа. Кандидатамъ на званіе мастера не слѣдуетъ давать патента на основаніи однѣхъ только, хотя бы и наилучшихъ, рекомендацій и свидѣтельствъ о долгомъ пребываніи у мастера въ качествѣ ученика и подмастерья. Пробному испытанію онъ все таки долженъ подвергнуться. Съ другой стороны слѣдуетъ удостовѣриться въ искусствѣ самихъ мастеровъ, и лишь дѣйствительно способнымъ чужимъ мастерамъ предоставлять право гражданства въ общинахъ.

Въ дѣлѣ учрежденія ремесленныхъ школъ и союзовъ въ новѣйшее время достигнуто уже весьма многое. Если, въ этомъ отношеніи, государство не ставитъ помѣхи ремесленникамъ корпораціи—то другаго ничего и не нужно. У крестьянина никогда не хватитъ на столько догадки, чтобы, по собственному побужденію, сложиться въ товарищество и основать подобныя учрежденія, въ видахъ экономическаго преуспѣянія. За то въ другихъ вещахъ, сравнительно съ прочими сословіями, онъ имѣетъ свою особую сметку. Въ этомъ то и состоитъ противуположность соціальнаго движенія и соціальной устойчивости. Во времена старыхъ гильдій собирались цеховыя собранія, гдѣ обсуждались общіе интересы ремесла, для взаимнаго поученія и поощренія; устраивались выставки лучшихъ издѣлій, гдѣ мастера нерѣдко давали уроки подмастерьямъ и ученикамъ; самый домъ мастера, въ высшемъ смыслѣ, чѣмъ нынче, было школою для его работниковъ. Сколько исчезло изъ этихъ превосходныхъ обычаевъ и сколько снова было возстановлено ремеслами въ новѣйшее время! Эти, внушающіе уваженіе, факты, всего

лучше могутъ свидѣтельствовать о прогрессивныхъ успѣхахъ бю-
герства.

По вопросу о путешествіяхъ молодыхъ ремесленниковъ написана
уже цѣлая библіотека. Насъ занимаетъ здѣсь только соціальная точка
зрѣнія. Годы путешествія — это университетскіе годы ремесленника.
Есть большая опасность, что подмастерье, постоянно остающійся дома,
превратится въ отупѣлаго „мѣщанина", или даже въ соціальнаго фили-
стера. Вольный воздухъ — лучшее лекарство противъ этого недуга.
Многіе, имѣющіе возможность путешествовать, сидятъ теперь за печью;
пятьдесятъ лѣтъ назадъ это было бы зазорно. Оттого-то и въ ремеслен-
номъ сословіи язва филистерства день ото дня принимаетъ болѣе угро-
жающій видъ. То было однимъ изъ нестерпимѣйшихъ притязаній и
вмѣстѣ съ тѣмъ ужаснѣйшимъ соціально-политическимъ абсурдомъ со
стороны полицейскаго государства, что оно намѣревалось вовсе запре-
тить путешествія молодымъ ремесленникамъ.

Такія и тому подобныя главныя основы, изъ которыхъ должны сло-
житься матеріалы, могущіе послужить къ укрѣпленію ремесленнаго со-
словія, не представляютъ, конечно, ничего новаго, но они въ то же
время нисколько ни устарѣли; большею частью они доселѣ еще —
благочестивыя желанія.

Партія старо-сословной реставраціи не благопріятствовала охранѣ
туземной промышленности отъ натиска иностранной конкуренціи, — и,
опять таки, преимущественно подъ вліяніемъ соціально-политическихъ
мотивовъ. Промышленность есть прямая соціальная противоположность
недвижимой собственности. Такъ какъ старо-сословная партія ищетъ
себѣ главной опоры въ дворянскихъ землевладѣльцахъ, то, понятно,
она не можетъ особенно радоваться важному соціальному перевѣсу, до-
стигнутому бюргерскимъ сословіемъ вслѣдствіе чрезвычайнаго развитія
новѣйшей промышленности. За это промышленникъ отплачиваетъ тѣмъ,
что онъ не хочетъ признавать никакого сословнаго раздѣленія и всего
менѣе склоненъ допустить, чтобы правительство оказывало такую же

благосклонную охрану замкнутому крупному землевладѣнію, какую, однакоже, онъ требуетъ для себя и своей промышленности. Оба поступаютъ съ одинаковой односторонностью, а настоящая мѣра лежитъ въ серединѣ. Государство должно поощрять и поддерживать каждую законную общественную силу и каждую профессію. Такъ же несогласно съ консервативными интересами раззорять торговлю и землевладѣніе посредствомъ огромныхъ покровительственныхъ пошлинъ, какъ несогласно съ ними, изъ опасеній за благосостояніе землевладѣцевъ, лишать промышленность необходимой поддержки, которая доставляется умѣреннымъ покровительствомъ.

Въ томъ-то и состоитъ проклятіе, одинаково тяготѣющее на приверженцахъ теоретически-конституціоннаго, какъ и на приверженцахъ старо-сословнаго государственнаго идеала,—проклятіе, дѣлающее невозможнымъ всякое соглашеніе между ними,—что обѣ эти партіи признаютъ законность и самое существованіе только одной половины общественныхъ силъ: для первыхъ существуютъ только бюргерство и пролетаріатъ; для вторыхъ—только крестьяне и аристократія.

Безспорно, что одностороннее промышленное развитіе, дошедшее до крайности, можетъ быть опаснымъ въ соціальномъ смыслѣ, потому что въ равновѣсіи всѣхъ экономическихъ и соціальныхъ силъ заключаются величайшая жизненность націй. Я не раздѣляю мнѣнія, что нужно только довести до высшаго предѣла матеріальное благосостояніе націи, и нація будетъ могущественна извѣ, сильна и здорова внутри. Промышленность уравниваетъ общественныя противуположности несравненно радикальнѣе всякихъ соціальныхъ теорій, и одностороннее, чрезмѣрное попеченіе о промышленности разрушило бы всякую самобытность общественныхъ группъ, а послѣдствіемъ этого были бы только ослабленіе и упадокъ націи. Говорю это противъ того грубаго матеріализма, который измѣряетъ процвѣтаніе народовъ единственно суммою продуктовъ и не знаетъ никакого другаго врачеванія соціальныхъ недуговъ, кромѣ таможенныхъ пошлинъ, торговыхъ договоровъ, устрой-

ства желѣзныхъ дорогъ и фабрикъ. Однако я вовсе и не думаю, что промышленность въ Германіи и теперь уже достигла столь пагубнаго изобилія. Государство должно устранять опасную сторону промышленнаго развитія и обращать въ свою пользу то, что въ немъ есть благотворнаго, и оно достигнетъ этого, доставляя промышленности умѣренное покровительство, способствующее ея естественному преуспѣянію, безъ вреда для прочихъ факторовъ матеріальнаго общественнаго порядка.

Въ старину фабрики и бюргерскіе промыслы столь же угрожали дворянству и государямъ, сколько индустріализмъ новѣйшему государству. Открытая враждебность между тѣми и другими, къ сожаленію, и тогда была тоже не рѣдкимъ явленіемъ. Но порою мы усматриваемъ, что государи умѣли вовлекать бюргера въ свои интересы, выступая его друзьями, а не врагами, посредствомъ разумнаго покровительства ремесламъ.

При этомъ покровительствѣ старые бюргеры были очень консервативны; если же императорскія или королевскія привилегія не давали имъ такой защиты, то они сами умѣли добиться ее. Въ старыхъ хроникахъ, равно какъ въ разныхъ позднѣйшихъ кодексахъ и земскихъ распоряженіяхъ говорится не только о старомодныхъ правахъ и льготахъ, но также о покровительствѣ, въ старомъ духѣ, труду и промысламъ. Упоминаемыя мѣры была расчитаны на маленькое хозяйство и не годятся уже для нашихъ условій. Но коренная ихъ мысль годится для насъ —та мысль, что благоденствіе бюргера и его привязанность къ власти сохраняются посредствомъ матеріальнаго и нравственнаго покровительства ремесламъ и промышленности. И теперь, при видѣ столь многихъ, въ прежнее время богатыхъ, а нынѣ захирѣвшихъ старыхъ городковъ, гдѣ прежде живало немало богатыхъ скорняковъ, чьи кожанные товары покупались за сотни миль кругомъ, либо богатыхъ ткачей, либо суконщиковъ, либо чулочниковъ, чьи товарные тюки встрѣчались на каждой большой ярмаркѣ,—людей, превратившихся теперь въ настоящихъ мѣщанъ-пролетаріевъ,—при видѣ этого мы не должны забывать

вопроса: не порожденъ ли указанный упадокъ, кромѣ другихъ причинъ, и упраздненіямъ стариннаго покровительства ремесламъ?

Приведу поучительный образчикъ того старомоднаго способа дѣйствій. Политико-экономъ вправѣ улыбнуться по этому поводу; напротивъ, соціальный политикъ извлечетъ отсюда, *косвеннымъ образомъ*, важныя указанія.

Нѣсколько столѣтій назадъ въ бывшихъ нассау-оранскихъ городахъ Зигенѣ и Герборнѣ ремесла достигли чрезвычайнаго процвѣтанія. Въ близкихъ и дальнихъ земляхъ, по нѣмецкимъ торговымъ путямъ, развозились шерстяныя издѣлія этихъ городовъ. Если разбойникъ-рыцарь хотѣлъ поживиться завидной добычей, то онъ подстерегалъ герборнскихъ суконщиковъ, отправлявшихся на франкфуртскую ярмарку. Стоитъ приглядѣться, какимъ образомъ старинные оранскіе графы покровительствовали своей туземной шерстяной промышленности, этимъ самымъ сохраняя у себя трудолюбивое бюргерское сословіе.

Въ шестнадцатомъ столѣтіи заграничныя мануфактуры угрожали затопить страну своими издѣліями; люндское сукно, кирсей и бархатъ много вредили зигенскимъ и герборнскимъ суконщикамъ. Тогда Нассау-оранскій графъ Вильгельмъ ввелъ совершенно своеобразный видъ таможенныхъ пошлинъ, наивность которыхъ соотвѣтствовали тогдашнимъ порядкамъ. Онъ распорядился, чтобы заграничное сукно по прежнему возилось въ страну, но съ тѣмъ, что лишь туземцы-суконщики имѣютъ право продавать его, тогда какъ настоящіе купцы и посредники могли торговать исключительно туземными издѣліями. Это тоже самое, какъ если бы теперь дозволить лишь однимъ нѣмецкимъ желѣзозаводчикамъ непосредственно пріобрѣтать англійское невыдѣланное желѣзо. Понятно, что они не слишкомъ торопились бы воспользоваться своимъ преимуществомъ,—и точно такъ же поступали гербонскіе суконщики. Такимъ образомъ щегольство заграничными шерстяными издѣліями скоро вышло изъ моды, и жители, какъ это всего больше пристало къ бюргерамъ, снова стали носить платье изъ матерій, выдѣланныхъ дома. Съ те-

ченіемъ времени и суконщики стали искуснѣе. Сначала они должны были выписывать тонкія сукна изъ заграницы, потому что сами они никогда не выдѣлывали подобныхъ. Но съ каждымъ тюкомъ, переходившимъ черезъ границу, они все больше изучали издѣлія своихъ соперниковъ, и теперь только пришло имъ въ голову, что было бы гораздо лучше, если бы сами они попытались изготовлять и тонкія матеріи. Распоряженіе ландграфа подѣйствовало, какъ запретительная пошлина, не вызвавъ однако же, дурныхъ результатовъ послѣдней, то есть, не сдѣлавшись поощреніемъ для туземной бездѣятельности. Шерстяныя фабрики быстро улучшились, и успѣхъ доказалъ пригодность правительственнаго распоряженія, которое имѣло силу не втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ и затѣмъ отложены были въ архивъ, а втеченіе цѣлыхъ столѣтій, и которое трижды возобновлялось.

Но, кромѣ заграничной конкуренціи, оранскимъ суконщикамъ приходилось бороться еще и съ другою опасностью. Отличная шерсть, добываемая на Зигѣ и Диллѣ, привлекала въ страну чужезванныхъ купцовъ, скупавшихъ это сырье у стадовладѣльцевъ для заграничныхъ фабрикъ. Вслѣдствіе этого зигенскіе и герборнскіе фабриканты едва могли добывать въ странѣ необходимый сырой матерьялъ. Нѣкоторые недобросовѣстные фабриканты даже позволяли себѣ обрабатывать гораздо худшую шерсть окрестныхъ земель и выдавать свои издѣлія за настоящія герборнскія. Черезъ это поколебался кредитъ обоихъ городовъ. Тогда вышеназванный правитель издалъ другое распоряженіе, ограждавшее суконщиковъ и въ то же время удержавшее цѣны на шерсть. Къ троицѣ, гласило это распоряженіе, назначается большая шерстяная ярмарка, куда не допускается ни одинъ чужеземный купецъ, пока туземные суконщики не запасутся шерстью для своего годичнаго обихода. Но для того, чтобы крестьяне не испытывали безденежья въ ожиданіи этой ярмарки, графскіе экономы или цехъ суконщиковъ заранѣе должны давать крестьянамъ авансы, буде тѣ того пожелаютъ. Если рынокъ будетъ перегруженъ товаромъ, графскіе экономы или довѣренные

цеха обязаны покупать шерсть и свыше потребности, для того собственно, чтобы сырой матерьялъ обрабатывали въ странѣ и чтобы репутацiя туземнаго сукна оставалась неподорванною. Съ другой же стороны, для того, чтобы суконщикъ не потерпѣлъ ущерба въ случаѣ недостатка у него денегъ ко дню ярмарки, не позволяющаго ему обезпечить себя годичными запасами шерсти—цехъ обязанъ доставить ему, въ видѣ займа, необходимую сумму. Благодаря такому распоряженiю, стадовладѣльцы были поставлены въ удобное положенiе, такъ какъ имъ всегда обезпеченъ былъ сбытъ, а задатки были даже какъ бы премiей за продажу въ предѣлахъ страны; суконщики же чувствовали себя вдвойнѣ хорошо, какъ по причинѣ дешевизны сырья, такъ и потому, что случайный недостатокъ въ деньгахъ не угрожалъ затормозить разомъ все ихъ дѣло.

Я отнюдь не думаю, что и въ нынѣшнее время можно управлять рынкомъ посредствомъ подобныхъ мѣръ; но по крайней мѣрѣ на нихъ можно видѣть, что въ прежнее время ремесленный трудъ поощрялся и охранялся, извнѣ и внутри, совсѣмъ иначе, чѣмъ теперь; что правительство, какъ и сама ремесленная корпорацiя, гораздо болѣе нынѣшняго сознавали себя обязанными къ совокупной заботливости о ремесленномъ благосостоянiи бюргера, какъ отдѣльной личности. Эта картина крайне патрiахальнаго быта дышетъ, по крайней мѣрѣ, тѣмъ влiянiемъ довольства и благоденствiя въ границахъ опредѣленной сословной профессiи, какое почти совершенно исчезло изъ современной бюргерской жизни.

Съ этимъ сословнымъ довольствомъ исчезла привлекательная задушевность нѣмецкаго бюргерства. Гордиться собою, оставаясь въ необходимыхъ границахъ своего общественнаго положенiя — есть чисто бюргерская добродѣтель. Кто обладаетъ нынѣ этою добродѣтелью? О границахъ, идущихъ сверху, новѣйшiй бюргеръ знать ничего не хочетъ; напротивъ границы снизу поддерживаются тѣмъ крѣпче, чѣмъ менѣе вѣрится въ ихъ устойчивость. Въ этомъ таится чванливый эгоизмъ.

нравственная испорченность. Человѣкъ четвертаго сословія по крайней мѣрѣ послѣдователенъ, не признавая никакихъ соціальныхъ перегородокъ. Это, конечно, фантасмогорія, но всетаки она можетъ быть плодомъ идеально-нравственнаго міросозерцанія.

Государственный человѣкъ обязанъ поощрять все, что можетъ привести бюргера къ тому, чтобы онъ снова почувствовалъ себя гордымъ и довольнымъ въ границахъ своего общественнаго положенія. Здѣсь всего важнѣе возможно широкая мѣра общественнаго самоуправленія. Въ этомъ отношеніи прусское городовое положеніе Штейна содержитъ въ себѣ нѣсколько превосходныхъ постановленій. Городамъ возвращено право выбирать своихъ должностныхъ лицъ изъ собственной среды. Городскіе гласные, тоже избираемые бюргерствомъ, стоятъ возлѣ магистрата, какъ контролирующая и знающая свое дѣло власть. Въ качествѣ высшей корпораціи надъ городами стоятъ земскія сеймы, основанные на принципѣ сословнаго самоуправленія. Затѣмъ лишь, какъ вѣнецъ цѣлаго, выступаетъ національное представительство.

Слѣдуетъ обновить многочисленныя развалины прежняго корпораціоннаго быта бюргерства, слѣдуетъ поддержать ихъ, посредствомъ дальнѣйшаго ихъ развитія. Нѣмецъ справедливо считаетъ ученый корпораціонный бытъ и университетское самоуправленіе сокровищемъ націи, и кто нападаетъ на нихъ, нападаетъ на бюргерство.

Спасти отъ полной гибели скудные остатки старыхъ бюргерскихъ нравовъ—вотъ задача соціальной политики, гораздо болѣе настоятельная, чѣмъ забота и попеченіе о крестьянскихъ нравахъ. Крестьянинъ самъ съумѣетъ сохранить свои нравы; нужно только не мѣшать ему въ этомъ. Бюргеръ же съ каждымъ днемъ выказываетъ все болѣе склонности уничтожить всякіе слѣды прежнихъ обычаевъ.

«Покуда мы пѣсней своей дорожили,
Искали веселья въ нѣмецкомъ винѣ
И въ платьѣ нѣмецкомъ охотно ходили,—
Жилось намъ недурно въ родной сторонѣ».

Эта старая запѣвка выражаетъ довольство бюргера своимъ положеніемъ, нравами и обычаями своего сословія; —она была сочинена и распѣвалась людьми, чувствовавшими себя хорошо въ своей кожѣ. Теперь она, кажется, вовсе утратила свой смыслъ для нѣмецкаго бюргерства. Пока въ нашихъ протестантскихъ городахъ сохранялся еще обычай, что каждая бюргерская семья покупала себѣ мѣсто въ церкви, означая на немъ свое имя, и цѣлыя поколѣнія удерживали его за собою, какъ нѣчто драгоцѣнное, — богатые бюргеры акуратно посѣщали церковь. Безъ сомнѣнія, такое арендованіе мѣстъ въ божьемъ домѣ не отвѣчаетъ нашимъ новѣйшимъ понятіямъ, и никто не посовѣтуетъ возстановленія этого большею частью забытаго обычая. Но я убѣжденъ, что мысль о нахожденіи въ церкви на одномъ опредѣленномъ мѣстѣ, какъ будто у себя дома, —мысль о томъ, что семья владѣетъ совершенно опредѣленною долею собственности въ этомъ общинномъ храмѣ—сто разъ приводили гражданъ въ церковь, куда иначе они заглядывали бы гораздо рѣже; чувствуя себя дома на церковной скамьѣ, отмѣченной ихъ именемъ, они чувствовали себя дома и въ благоговѣніи къ религіи. Такъ-то совершенно внѣшній обычай укрѣплялъ въ человѣкѣ несравненно серьезнѣйшее внутреннее чувства. Когда у бюргеровъ не стало собственныхъ скамей въ церкви, церкви значительно опустѣли. Привожу этотъ примѣръ именно по причинѣ его кажущейся незначительности. Человѣкъ сильнѣе зависитъ отъ внѣшнихъ вліяній, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и поэтому-то эти внѣшнія вліянія достойны величайшаго вниманія въ соціальной сферѣ. Это—маленькіе рычаги, которыми соціальный политикъ ворочаетъ громадныя тяжести.

Если уважаютъ въ крестьянинѣ силу устойчивости и упорной преданности къ завѣтамъ прошлаго, то въ бюргерѣ нужно уважать духъ реформы, преобразовательный духъ. Государственный человѣкъ, легкомысленно оскорбляющій строгое бюргерское чувство законности въ вопросахъ формальной политики, оскорбляетъ въ лицѣ бюргерства публичную нравственность. А кто выступаетъ съ оковами и стѣсненіями

противъ бюргерскаго универсализма, сдѣлавшаго просвѣщеніе общимъ достояніемъ всѣхъ сословій, тотъ, въ своихъ нападеніяхъ на бюргерство, нападаетъ въ то же время на все образованное общество. Въ правоспособности каждаго члена общества на достиженіе высшихъ мѣстъ въ искусствѣ, наукѣ, на государственной службѣ и въ церкви, указанъ настоящій исходъ объединительнымъ влеченіямъ нѣмецкаго народа, нашедшимъ себѣ самое рельефное выраженіе въ бюргерствѣ. Закрывающіе этотъ исходъ могутъ превратить законную соціальную равноправность въ ту болѣзненную и извращенную уравнительность, при которой всѣ естественныя противуположности общественной жизни растворяются въ хаосѣ „общечеловѣчности".

Я преимущественно изобразилъ „крестьянъ", какъ совершенно опредѣленныя соціальныя личности, и меньше говорилъ объ общемъ понятіи „крестьянства". Наоборотъ я чаще говорилъ объ „аристократіи" и „бюргерствѣ", чѣмъ объ „аристократахъ" и „бюргерахъ". Ту же предосмотрѣнную непослѣдовательность я допустилъ въ заголовкахъ отдѣловъ. У крестьянъ рѣшающее соціальное значеніе имѣетъ личность, характерная сословная фигура; въ аристократіи и бюргерствѣ — сословный духъ, общее общественное призваніе. Аристократическій и бюргерскій духъ давно уже переступили за рубежъ сословія, чего нельзя сказать о крестьянскомъ духѣ. Уже самое выраженіе „духъ крестьянства" представляется нѣмцу нѣсколько страннымъ. Но бюргерскій духъ, со времени среднихъ вѣковъ, выражается прогрессивнымъ движеніемъ бюргерства въ ремеслахъ и промышленности, въ искусствѣ и наукѣ и въ религіозныхъ борьбахъ.

Пусть не ошибаются на счетъ глубокаго значенія религіозныхъ убѣжденій для бюргера, даже и въ настоящее время. Нѣмецкое національное чувство, втеченіе вѣковъ, жило только въ протестантскомъ бюргерствѣ — въ его стремленіи къ церковной независимости извнѣ, въ его религіозномъ развитіи внутри. Въ значительной части крестьянства церковь, главнымъ образомъ, выполняла роль смиряющаго наставника,

предохраняла отъ полнаго внѣшняго одичанія. Гдѣ она не является ему съ ореоломъ строгаго авторитета, крестьянинъ питаетъ мало уваженія къ церкви. Наоборотъ въ бюргерствѣ—только собственное участіе сословія въ религіозныхъ вопросахъ и участіе общины въ текущихъ церковныхъ дѣлахъ создаютъ истинное усердіе къ церковно-религіознымъ интересамъ. И здѣсь проглядываетъ отчасти парламентскій духъ. Учрежденіе приходскихъ попечительствъ и подобныхъ корпорацій, дающихъ прихожанамъ право голоса въ дѣлахъ мѣстнаго церковнаго управленія, были чисто бюргерскимъ учрежденіемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что, при надлежащемъ примѣненіи къ дѣлу, оно много возвыситъ религіозную жизнь въ общинахъ.

По мѣрѣ уничтоженія и вымиранія соціальнаго филистерства, должно возрастать также довольство бюргера въ его сословныхъ границахъ. По мѣрѣ отреченія государства отъ искусственной поддержки мнимыхъ сословій, оно будетъ находить себѣ болѣе крѣпкую опору въ естественныхъ сословіяхъ, и прежде всего въ бюргерствѣ, больше всего пострадавшемъ отъ существованія поддѣльныхъ сословій.

Государственный человѣкъ долженъ принимать во вниманіе нетолько часть общества, но все общество, о чемъ ему въ особенности напоминаетъ бюргерское сословіе, какъ самое универсальное. Разумѣется, каждая опредѣленная политическая программа должна искать себѣ главнѣйшей опоры также въ опредѣленной общественной группѣ. Но она продержится недолго, если будетъ принимать эту отдѣльную группу за цѣлое общество. Крестьяне и аристократы, преимущественно проникнутые сословностью, показали намъ, что рядомъ съ государствомъ есть еще сила общественная; бюргерское сословіе, гдѣ, подъ вліяніемъ разныхъ конституціонныхъ тенденцій, общественный дѣятель сливается съ государственнымъ, свидѣтельствуетъ, что общество не до-
ляться отъ государства, не должно бороться съ государство:
точка зрѣнія здѣсь заключается въ томъ, что интересы обще-
даютъ съ интересами государства, а государство, въ своемъ

никогда не должно отклоняться отъ широкой общественной основы, въ ея естественномъ, историческомъ расчлененіи.

Противуположности, о примиреніи которыхъ я говорю, сдѣлались возможными лишь тогда, когда бюргерство столкнулось съ силами соціальнаго охраненія и вступило въ борьбу съ ихъ началами. Борьба за господство сословнаго или парламентскаго государственнаго идеала, либо за такое устройство, гдѣ примирялись бы обѣ противуположности, вовсе не есть несчастіе; напротивъ, эта борьба благотворна, потому что она внесла жизнь въ новѣйшее общество, усилила принципъ индивидуальности; можно даже сказать, что только въ этой борьбѣ общество пробудилось къ ясному самосознанію изъ своей прежней дремоты. Такимъ образомъ и здѣсь бюргерство, возбудившее эту борьбу, оказалось настоящею „силою общественнаго движенія“.

II. ЧЕТВЕРТОЕ СОСЛОВІЕ.

ГЛАВА I.

Сущность и развитіе.

Нашему изслѣдованію подлежитъ нѣчто въ родѣ физикохимическаго процесса въ новѣйшей исторіи цивилизаціи. Органическіе составы старыхъ общественныхъ группъ начинаютъ истлѣвать; кора снимается вездѣ съ древнихъ каменныхъ рядовъ сословій, такъ долго служившихъ желѣзными столбами цивилизаціи, и искусно соединенныя вещества, поддерживавшія теплоту соціальной жизни въ крови, мозгу и нервахъ, распадаются и разлагаются на свои первоначальныя составныя части. Но въ этомъ самомъ процессѣ разложенія, они опять соединяются въ новыя вещества, и изъ поврежденныхъ камней и истлѣвшихъ организмовъ образуется новая, странная жизнь.

Вотъ процессъ образованія четвертаго сословія. Оно беретъ свое начало въ разложенныхъ составахъ аристократіи, гражданства и крестьянства, которые (составы), сдѣлавшись дряблыми слишкомъ триста лѣтъ тому назадъ, наконецъ, совсѣмъ отдѣлились отъ нихъ. Оно собираетъ подъ своимъ флагомъ тѣхъ, которые оставили свои знамена, мародеровъ стараго общества, и образуетъ изъ нихъ новую, страшную своею силою, армію. Правда, что пока еще эта армія есть не болѣе, какъ дикобушующій отрядъ, ожидающій своего властительнаго вождя, отрядъ, который самъ себя еще не знаетъ, не понимаетъ себя, какъ слѣдуетъ, и въ которомъ только теперь постепенно начинаетъ пробуждаться предчувствіе своей разрушительной корпоративной силы. Этимъ предчувствіемъ и

начинается собственно исторія четвертаго сословія. Безсознательно существовало оно со времени существованія человѣчества, но что оно начинаетъ сознавать себя и собирать свои расѣянные элементы, это есть уже явленіе новѣйшей исторіи.

Обыкновенно съ четвертымъ сословіемъ соединяется и совсѣмъ другое понятіе, чѣмъ высказанное сейчасъ. Подъ четвертымъ сословіемъ понимаютъ, обыкновенно, поденщиковъ, людей, которые способны только работать, но не имѣютъ капитала, работающихъ за дневную плату на фабрикахъ, при ремеслахъ, на полѣ, къ которымъ можно еще причислить и тѣхъ, которые за дневную плату занимаются умственною работою. Это раздѣленіе было бы весьма основательно, если вообще общество раздѣлять только съ чисто экономической точки зрѣнія. Тогда не будетъ и рѣчи о гражданахъ (бюргерахъ), крестьянахъ и аристократахъ, и т. д., а мы будемъ имѣть дѣло лишь съ людьми, занимающимися первоначальнымъ производствомъ, ремеслами, промышленностью и торговлею, умственною работою и т. д. Такое экономическое распредѣленіе общества само по себѣ совершенно правильно; но цѣлью такого распредѣленія не будетъ дѣленіе на соціальныя сословія, а только по роду занятій. *Но* сословіе и родъ занятій,—это двѣ вещи совершенно различныя.

Подъ естественными сословіями мы подразумѣваемъ тѣ немногія, но значительныя группы общества, которыя отличаются другъ *отъ* друга не только отчасти по роду занятій, но существенно разнятся между собою по своимъ обычаямъ, образу жизни, по всему своему естественноисторическому облику, по принципамъ, которые они представляютъ въ историческомъ развитіи общества. Если бы мы подъ четвертымъ сословіемъ подразумѣвали лишь классъ поденщиковъ, то мы, напримѣръ, не имѣли бы также никакого права дѣлать разницы между помѣщикомъ-бюргеромъ и помѣщикомъ-дворяниномъ. Для политикоэконома оба они совершенно тождественныя явленія. Но для насъ помѣщикъ-бюргеръ, не есть ни аристократъ, ни крестьянинъ, но по всему своему соціальному характеру, принадлежитъ къ гражданству.

Но рядомъ съ тремя сословіями, которыя держатся своими установившимися сословными обычаями и своею твердою историческою почвою, совершенно ясно выдвигается четвертое сословіе, стремленіе котораго и состоитъ въ томъ, чтобы разрушить эти сословные обычаи, чтобы поглотить эти отдѣльныя историческія призванія въ одномъ общемъ и чтобы вообще уравнить характерныя особенности сословій. Тамъ, гдѣ это стремленіе есть только теоретическое убѣжденіе, оно не можетъ назваться основною мыслію сословія, а только *партіи*. Это партія соціальныхъ демократовъ. Но отчасти въ слѣдствіи разрушенія старыхъ общественныхъ группъ, это стремленіе не осталось только теоретическимъ, но создало себѣ уже соціальное тѣло, которое, впрочемъ, не можетъ еще считаться готовымъ, но только образующимся еще организмомъ. Вотъ что мы разумѣемъ подъ *соціальнымъ* четвертымъ сословіемъ. Это сословіе безсословности, если можно такъ выразиться, которое перестало бы быть сословіемъ, если бы ему удалось уничтожить свои противорѣчія, т. е., другія сословія и само сдѣлалось бы вполнѣ организованнымъ обществомъ.

Классъ поденщиковъ, которыхъ политико-экономъ называетъ четвертымъ сословіемъ, съ точки зрѣнія политико-соціальной, большею частію вовсе не принадлежатъ къ этому сословію. Они, по существу своему, принадлежатъ отчасти крестьянству, отчасти гражданству.

Намъ могутъ замѣтить, что если четвертое сословіе составляетъ сумму выродковъ всѣхъ прочихъ сословій, то гораздо логичнѣе говорить объ этихъ выродившихся крестьянахъ, гражданахъ и аристократахъ тамъ, гдѣ говорится о крестьянахъ, гражданахъ и т. д. вообще. И какъ мы уже говорили объ испорченныхъ элементахъ отдѣльно, то глава о четвертомъ сословіи будетъ только какъ бы повтореніемъ, и болѣе подробнымъ изложеніемъ всего того, что сказано было нами въ статьяхъ объ выродившемся крестьянинѣ, гражданинѣ и аристократѣ. Но мы думаемъ, что это вовсе не такъ. Выродившійся членъ остальныхъ трехъ сословій, самъ по себѣ, вовсе не принадлежитъ еще къ четвертому сосло-

вію. Соціальный филистеръ, напримѣръ, неизмѣримо далекъ отъ тенденціи четвертаго сословія — уравнять всѣ общественныя различія. Онъ, съ точки зрѣнія экономической, можетъ быть самымъ богатымъ гражданиномъ, съ точки зрѣнія политической — самымъ отъявленнымъ консерваторомъ, онъ можетъ, какъ чуму, ненавидѣть четвертое сословіе, и онъ всетаки выродившійся бюргеръ. Пропитанный духомъ юнкерства, баронъ, который, при обнаруженіи своего сословнаго сознанія, отступаетъ отъ истиннаго духа аристократіи, есть всего менѣе членъ или кандидатъ четвертаго сословія, но тѣмъ не менѣе, онъ выродившійся историческій аристократъ.

Но дворянинъ, который потерялъ необходимыя внѣшнія условія для существованія въ своемъ сословіи, и, въ слѣдствіе этого, приходитъ къ отрицанію своего сословія и сословій вообще, который не только въ слѣдствіе теоретическихъ убѣжденій, но и по внутренней необходимости своего сдвинутаго съ мѣста соціальнаго существованія, отказывается отъ обычаевъ и признанія настоящаго своего круга,—вотъ настоящій кандидатъ четвертаго сословія. Поэтому дѣло идетъ вовсе не о давно разобранныхъ и разъясненныхъ, но о совершенно новыхъ элементахъ общества

Насъ только основательно могутъ упрекнуть въ томъ, что мы употребили названіе „четвертаго сословія“ не въ обыкновенномъ его значеніи. О причинѣ, которая побудила насъ опредѣлить только *численный* порядокъ этой еще неготовой общественной группы и не назвать его особеннымъ именемъ, мы поговоримъ ниже. Пусть назовутъ его сословіемъ безсословныхъ или отрицаніемъ сословій, — противъ этого я рѣшительно ничего не имѣю. Обозначеніе поденщиковъ четвертымъ сословіемъ вовсе еще однако не сдѣлалось общеупотребительнымъ, и я еще разъ повторяю, что я далекъ отъ мысли причислить этотъ почтенный классъ борющихся за свое существованіе тружениковъ къ соціальному четвертому сословію, къ сословію выродковъ и безсословности, потому только, что они бѣдняки и работаютъ за дневную плату.

Итакъ, не пролетаріи собственно образуютъ четвертое сословіе, не одни неимущіе, которые ѣдятъ только тогда, когда заработываютъ на хлѣбъ, не одни эти рабы капитала, эти одушевленные инструменты, эти колеса, валы, рукоятки изъ плоти и крови, которые, вмѣстѣ съ желѣзными колесами, валами и рукоятками, неотвязно и на вѣки захвачены механизмомъ нашего баснословнаго машиннаго міра: всѣ они образуютъ только одну и самую безсознательную часть четвертаго сословія. Четвертое сословіе заключаетъ въ себѣ не только „рабочихъ“ но и лѣнивцевъ, не только бѣдныхъ, но и богатыхъ, не только низшихъ, но и высшихъ; для насъ это понятіе обнимаетъ всѣхъ тѣхъ, которые вырвались, или были вытѣснены изъ общественной группы, къ которой они до тѣхъ поръ принадлежали, которые считаютъ преступленіемъ противъ человѣчества говорить о господахъ, бюргерахъ и крестьянахъ, которые сами себя объявляютъ „настоящимъ народомъ“, и которые хотятъ, чтобы всякое органическое разчлененіе сословій было уничтожено и поглощено въ общей смѣси. Если соціальная демократія говоритъ о народѣ, то она вовсе не такъ наивна, —какъ это думали,— чтобы подразумѣвать подъ нимъ лишь общую сумму всѣхъ бѣдняковъ; она подъ народомъ понимаетъ всѣхъ тѣхъ, которые освободились отъ историческаго понятія общества, которые, чтобы быть народомъ, не хотятъ сперва быть крестьянами, гражданами, или господами, и затѣмъ ужъ народомъ, а съ самаго начала хотятъ быть народомъ sans phrase, народомъ настоящимъ, народомъ самимъ по себѣ — an sich und für sich—какъ говорятъ нѣмцы, словомъ, для нея народъ—воплощеніе четвертаго сословія. Поэтому съ понятіемъ четвертаго сословія нераздѣльно связана мысль о борьбѣ противъ всѣхъ остальныхъ сословій. Поэтому четвертое сословіе и будетъ считать для себя обидою, если его будутъ называть сословіемъ, но, къ сожалѣнію, при скудости моихъ корпоративныхъ понятій объ обществѣ, я не умѣю прибрать другое названіе.

Четвертое сословіе, такимъ образомъ, не хочетъ быть сословіемъ,

оно желаетъ представить собою отрицаніе всякихъ сословій, представляетъ собою всеобщность. Но желѣзная рука необходимости, законъ логики, заключили и его въ ограниченный кругъ сословій. Именно тѣмъ, что оно составляетъ оппозицію противъ другихъ сословій, оно заставляетъ послѣднихъ еще болѣе сосредоточиваться въ самихъ себѣ, въ своихъ особенностяхъ, и, вмѣсто того, чтобы сдѣлаться всеобщимъ, оно само. это четвертое сословіе, тѣмъ болѣе вынуждено обособляться, чѣмъ вѣрнѣе оно остается своему принципу уничтоженія всякаго сословнаго распредѣленія. Такимъ образомъ вездѣ устроено такъ, чтобы деревья не проломили неба.

Всякое сословіе имѣетъ тайное желаніе господствовать надъ всѣми другими сословіями, у всякаго сословія есть своя эпоха, въ которую оно является деспотическимъ. Но ни аристократы, ни бюргеры, ни крестьяне никогда не стремились къ тому, чтобы заключить все общество въ кругъ своего сословія, потому что этимъ самымъ они уничтожили бы свое собственное сословіе, существующее только въ слѣдствіе сопротивленія и ограниченія. Четвертое сословіе, напротивъ, теоретически имѣетъ притязаніе поглотить собою все общество. Но такая теорія далеко неплодотворна и дѣйствуетъ только отрицательно и разрушительно. Это совершенно новое явленіе, когда сословіе существенно характеризуется общимъ всѣмъ его членамъ стремленіемъ не быть тѣмъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Въ то время какъ во всякомъ другомъ сословіи общею связью есть стремленіе остаться въ своемъ кругѣ, въ этомъ сословіи общность членовъ обозначается стремленіемъ выйдти изъ своего круга. Всѣ прочія сословія представляютъ собою общественно организованное удобство. а четвертое сословіе—общественно организованное неудобство. Первыя стремятся поддерживать историческое общество, сохранять его. четвертое сословіе стремится его разрушить. Его философія есть философія человѣка. поджигающаго свой домъ, чтобы вѣрнѣе уничтожить вкоренившихся въ немъ гадовъ—это философія коммунизма. Мы этимъ однако не хотимъ сказать, что всѣ члены

четвертаго сословія суть коммунисты. но теоріи соціальной нивелировки (уравненія) во всѣхъ ея формахъ, отъ самыхъ невинныхъ филантропическихъ фантазій и до крайняго сумасшествія общаго равенства, большею частію, возникли въ четвертомъ сословіи. Оно нашло въ нихъ свое корпоративное сознаніе, формулу, въ которой сходятся всѣ самыя разнообразныя и многочисленныя его вѣрованія. Представители теоретическаго соціализма и коммунизма не создали четвертаго сословія, но они пробудили его отъ сна.

Что такое крестьянинъ, бюргеръ, дворянинъ — это очень легко сказать. но безконечно трудно опредѣлить, что такое четвертое сословіе. Мы говоримъ „безконечно" потому. что опредѣленіе его понятія можно сравнить съ выраженіемъ непрерывнаго дробнаго числа, гдѣ можно найти число, разнствующее съ настоящимъ только безконечно малою величиною, но гдѣ настоящаго числа всетаки отыскать невозможно. Мы говоримъ это потому, что четвертое сословіе есть величина, не опредѣлившаяся, но только образующаяся. Въ государственной практикѣ нельзя найти никакой нормы, никакого основанія для четвертаго сословія. Но, тѣмъ не менѣе. оно существуетъ, оно стучится въ дверь и требуетъ, чтобы на него обратили вниманіе. Статистикъ можетъ опредѣлить сколько въ государствѣ крестьянъ, гражданъ и т. д.; но онъ не найдетъ никакого даже приблизительнаго числа для членовъ четвертаго сословія. Четвертое сословіе вездѣ и нигдѣ; оно находится между гражданами, крестьянами и господами, можетъ быть, даже между князьями и принцами. Оно не имѣетъ никакого цеховаго знака, никакой особенной рубрики въ податныхъ спискахъ, потому что въ своей совокупности не есть какое нибудь званіе, какая нибудь имущественная особенность. а соціальный принципъ, котораго полиція и сборщики податей не умѣли еще внести въ свои списки. Однако общая связь его есть нѣчто болѣе существенное, чѣмъ одинъ только чистый принципъ, иначе это не было бы сословіе, а только партія. Спросите цыгана, у котораго нѣтъ родины, который кочуетъ по странѣ и въ полдень не знаетъ, найдетъ

ли онъ вечеромъ мѣсто, гдѣ бы положить свою голову,—спросите вы этого цыгана, который, по всѣмъ внѣшнимъ признакамъ, принадлежитъ къ четвертому сословію, о его соціальныхъ принципахъ: онъ васъ осмѣетъ за этотъ вопросъ, который ему покажется безсмысленнымъ. Ему нѣтъ никакого дѣла до „общества“, одно простое понятіе котораго уже выше его горизонта, и распредѣленіемъ общества онъ также очень мало интересуется; онъ, можетъ быть, чувствуетъ себя совершенно счастливымъ въ своей кочующей жизни. Но, тѣмъ не менѣе, въ немъ кроется зависть къ счастливцамъ мира сего и стремленіе участвовать въ ихъ роли; нужно только, чтобы кто нибудь вызвалъ наружу эти чувства. Если онъ самъ не доживетъ до этого, то до этого доживутъ его дѣти, его внуки. Назовите его, по крайней мѣрѣ, кандидатомъ, если не хотите назвать его членомъ четвертаго сословія. Богословы сказали бы, что онъ принадлежитъ къ нему хотя и не actu, но potentia.

Въ этомъ именно и заключаются трудно опредѣляемые противорѣчащіе элементы находящагося еще въ своемъ броженіи процесса. Если бы четвертое сословіе само для себя было ясно и округлено, то оно, можетъ быть, какъ соціальное переселеніе народовъ, наводнило бы, потопило бы древнее общество и разрушило бы его до основанія. Но оно еще само себя отыскиваетъ, точно также, какъ его отыскиваютъ еще съ научной и государственной точки зрѣнія. Оно для обѣихъ частей неизвѣстное x въ математической задачѣ, но никто еще не могъ найти настоящаго уравненія, которое вполнѣ ясно опредѣлило бы это искомое x.

Многіе возстаютъ противъ выраженія: „четвертое сословіе“. И, въ самомъ дѣлѣ, это вовсе неподходящее и ничего невыражающее названіе. Къ нему прибѣгаютъ только по необходимости, за недостаткомъ лучшаго, и оно, рано или поздно, уступитъ мѣсто выраженію болѣе конкретному. Но, тѣмъ не менѣе, это выраженіе, къ которому мы прибѣгаемъ за недостаткомъ лучшаго, весьма характеристично и потому превосходно. Это сословіе нельзя еще обозначить иначе,

какъ только придавая ему *нумеръ*. Оно вовсе не имѣетъ еще имени. какъ неокрещенное дитя, и лежитъ въ колыбели. Безличныя вещи обозначаютъ по нумерамъ. И четвертое сословіе — также еще не готовая соціальная личность. Въ скудномъ выраженіи „четвертое сословіе" именно и высказывается, что оно въ обществѣ еще искомое и неопредѣленное x. Поэтому мы будемъ держаться этого названія, которое, повидимому, ничего не выражаетъ, но которое, на самомъ дѣлѣ, весьма характеристично и свидѣтельствуетъ о чуткомъ инстинктѣ нашего языка.

Сначала соціальная демократія высказывала особенную любовь къ выраженію „четвертое сословіе" и довольно часто и усердно употребляла этотъ терминъ. „Эмансипація *третьяго* сословія" первою французскою революціею сдѣлалась поговоркою, и вслѣдствіе этого, избитая фраза, что современная революція будетъ имѣть своею главною задачею эмансипацію *четвертаго* сословія представляла весьма удобную параллель. Та крайняя партія, которая, при первой вспышкѣ февральской революціи, до того расширила принципъ: *всякая* работа священна, что хотѣла освятить и трудъ публичныхъ женщинъ, не удовольствовалась однимъ четвертымъ сословіемъ, и, съ нѣкоторою сдержанностію, указывала на обитателей публичныхъ домовъ, мошенническихъ трущобъ и исправительныхъ заведеній, какъ на *пятое* сословіе, которому будутъ обязаны будущею революціею.

Но когда и противники демократовъ начали прилежно употреблять „четвертое сословіе", какъ насмѣшку, какъ бранное слово, то демократы замѣтили, какому реакціонному, предполагающему „сословное раздѣленіе", слову, они оказывали предпочтеніе, и теперь они ни за что не хотятъ признать свое собственное прежнее выраженіе. Но для насъ это выраженіе имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что оно доказываетъ, что даже демократія, въ минуту откровенности, вынуждена была признать необходимость сословныхъ группъ.

Мы раздѣляемъ четвертое сословіе на двѣ значительныя группы:

оно состоитъ изъ такихъ, которые еще ничего несоставляютъ, или ничего еще не имѣютъ, которые еще только стремятся вступить въ настоящее общество, и изъ такихъ, которые уже перестали составлять что либо или уже ничего не имѣютъ и были вытѣснены изъ общества. Эти обѣ группы относятся одна къ другой, какъ идеализмъ къ реализму, какъ коммунистическая фракція къ соціалистической, какъ отрицательное стремленіе необузданно фантастической юности къ отрицательному стремленію діавольски озлобленной старости. Къ одной группѣ принадлежитъ часть рабочихъ, подмастерьевъ, служителей, молодыхъ литераторовъ и чиновническаго пролетаріата; къ другой—обанкрутившіеся мелкіе бюргеры, испорченные крестяне, обнищавшіе бароны и промышленники, воры, мошенники и бродяги всякаго сорта. Такіе элементы не могутъ идти рука объ руку, и только во время борьбы противъ общаго врага, противъ историческаго общества, они иногда дѣлаются союзниками.

Такимъ образомъ, четвертое сословіе разрознено и внутри себя, точно также, какъ оно вышло изъ разрозненности общества. Ему не достаетъ всѣхъ тѣхъ элементовъ, которые связываютъ другія сословія. Общность историческаго существованія и историческаго обычая не соединяетъ его членовъ, потому что только съ упадкомъ историческаго обычая начало возникать четвертое сословіе, и смѣлое уничтоженіе традицій есть цѣль, которую это сословіе усердно преслѣдуетъ. Четвертое сословіе есть космополитическое, между тѣмъ какъ всѣ прочія сословія суть сословія національныя, даже партикуляристическія. Бюргеръ и крестьянинъ имѣютъ во всякой странѣ свой особенный отпечатокъ. между тѣмъ какъ членъ четвертаго сословія вездѣ одинаковъ. Цивилизація и бѣдность, какъ извѣстно, суть самыя лучшія нивелирующія силы. и эти то силы вмѣстѣ и вызвали на свѣтъ четвертое сословіе и привели его къ сознанію. Образованный членъ четвертаго сословія въ Германіи бредитъ поляками, мадьярами, итальянцами, французами—только не нѣмцами. Національность для него—противоестест-

венное ограниченіе, поддерживаемое своекорыстнымъ кастовымъ духомъ. Какъ оно стремится уничтожить сословное сознаніе, точно также оно стремится уничтожить и сознаніе національное. Если обратимъ вниманіе на всѣхъ этихъ, разсѣянныхъ по всей Европѣ, членовъ четвертаго сословія, которые единодушно дѣйствуютъ въ борьбѣ противъ сословныхъ и національныхъ ограниченій, то увидимъ, что, рядомъ съ извѣстными народами, существуетъ еще могущественный неизвѣстный народъ, какое то x въ системѣ народовъ, народъ, котораго пребываніе нельзя обозначить на картѣ земнаго шара, но который, тѣмъ не менѣе, существуетъ, національность котораго состоитъ въ томъ, чтобы не имѣть національности, а патріотизмъ его—въ уничтоженіи собственной народности. Отсутствіе исторической и родной почвы, которое обыкновенно привыкли считать только послѣдствіемъ уродливой школьной мудрости, вошло въ плоть и въ кровь весьма значительнаго народнаго слоя, составляющаго четвертое сословіе. Поэтому нигдѣ нѣтъ такой крайней противуположности, какъ между четвертымъ сословіемъ и крестьяниномъ: первое, какъ сословіе, есть въ той же мѣрѣ существо неисторическое, какъ второй—историческое. Вслѣдствіе этого, къ четвертому сословію обыкновенно гораздо менѣе присоединяются люди изъ сельскаго населенія, чѣмъ изъ гражданства и аристократіи.

Тиверій Гракхъ, одинъ изъ великихъ пророковъ четвертаго сословія, дѣлая свое предложеніе о новомъ распредѣленіи земли, сказалъ слѣдующее, предъ собравшимся римскимъ народомъ, о современныхъ ему пролетаріяхъ: „Дикіе звѣри Италіи имѣютъ свои логовища и свои берлоги для отдыха; мужи же, которые на жизнь и смерть сражаются за господство и могущество Италіи, не имѣютъ ничего, кромѣ воздуха и дневнаго свѣта, и то только потому, что никто не въ состояніи лишить ихъ этихъ природныхъ благъ. Безъ хижины, безъ крова, странствуютъ они по странѣ, съ своими женами и дѣтьми. Точно горькая насмѣшка, должно имъ показаться воззваніе полководцевъ, во время битвъ, чтобы они храбро сражались за своихъ домаш-

нихъ боговъ и гробы своихъ предковъ, потому что изъ нихъ едва ли есть одинъ, у котораго есть родная гробница и собственный домашній алтарь. Они покорили міръ и считаются его повелителями, а между тѣмъ сами не обладаютъ даже и малѣйшимъ клочкомъ земли." — Римскій демагогъ хотѣлъ пріобрѣсти, для римскихъ пролетаріевъ, домашнихъ боговъ, клочекъ земли и родовую гробницу. Современная же демагогія, напротивъ стремится совершенно освободить четвертое сословіе отъ узъ домашнихъ боговъ и родной почвы. Семейство и родина—считаются чѣмъ въ родѣ стараго цеховаго стѣсненія, съ которымъ нужно распроститься; патріатизмъ—это реакція, національная гордость—принадлежность аристократизма. Такіе ужасные успѣхи сдѣлала идея четвертаго сословія, долженствующаго поглотить всѣ прочія сословія, со временъ Тиверія Гракха! Мы видѣли, какъ эти стаи бурныхъ птицъ въ 1848 году собирались вездѣ, гдѣ начиналась борьба противъ существующаго государственнаго и общественнаго порядка; мы видѣли эти пестрые ряды воиновъ, изъ всѣхъ странъ и государствъ, которые принимали участіе во всѣхъ революціонныхъ битвахъ Европы и служили всѣмъ народамъ и которые нигдѣ не были дома, какъ только тамъ, гдѣ была суматоха, гдѣ свершалось нисправерженіе существующаго порядка; они представляли собою олицетвореніе безродности четвертаго сословія. Это явленіе совершенно новое. Если средневѣковой ландскнехтъ присоединялся къ тому знамени, гдѣ больше можно было стяжать денегъ и чести, то однако не отказывался отъ своего отечества; онъ сражался только для того, чтобы сражаться; онъ занимался своимъ ремесломъ дома, или вчужѣ; онъ поступалъ, со своимъ мечемъ, въ ученіе къ чужимъ мастерамъ, точно также какъ наши ремесленные ученики поступаютъ въ ученіе съ своими мирными инструментами. Но вооруженный пролетарій девятнадцатаго столѣтія присоединялся къ итальянскимъ знаменамъ съ сознательнымъ озлобленіемъ противъ узъ, налагаемыхъ отечествомъ; онъ не видѣлъ ничего преступнаго въ воззваніи къ краснымъ штанамъ, чтобы они перешли Рейнъ, хотя они

могли принести съ собою и красныя шапки. Непреложность его постоянной мысли — уравнять все общество, все человѣчество, заставляла его профанировать все то, что намъ кажется священнымъ. Цѣпь органическаго сочлененія нельзя переломить безъ того, чтобы она не распалась совсѣмъ;кто отказывается отъ сочлененія, относительно семьи, сословій и государства, тотъ неминуемо долженъ отказаться отъ него и относительно національности, а кто сословную честь видитъ въ томъ, чтобы не принадлежать ни къ какому сословію, тотъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, долженъ видѣть національную гордость въ отсутствіи отечества. Ни классическая древность, ни средніе вѣка не знали о такомъ отрицаніи естественныхъ ступеней человѣчества: оно всецѣло принадлежитъ новѣйшему времени.

Но однако не слѣдуетъ полагать, что въ четвертомъ сословіи нѣтъ ничего другаго, кромѣ отпаденія и отрицанія, гніенія и разложенія. Одно изъ главныхъ стремленій современности осуществилось въ четвертомъ сословіи, только оно первоначально явилось на свѣтъ въ крайне одностороннемъ и ложномъ видѣ, какъ это обыкновенно бываетъ при появленіи всякой новой идеи. Съ исхода среднихъ вѣковъ, корень всей національной борьбы вращается около главнаго вопроса: должны ли сословія оставаться въ своемъ корпоротивномъ видѣ, или не состоитъ ли скорѣе успѣхъ современнаго общества, надъ древнимъ и средневѣковымъ, въ поглощеніи его значительныхъ историческихъ группъ однимъ общимъ, равнымъ, цѣлымъ? Четвертое сословіе есть практически очевидный результатъ этой теоретической борьбы, и его темное и хаотическое существованіе — это побѣдныя трофеи, пріобрѣтенныя идеею цивилизаціи, въ продолженіи трехсотлѣтняго историческаго развитія. Сперва спорили лишь о способности каждаго человѣка ко всякому призванію, о правѣ всякаго сословія участвовать въ государственныхъ дѣлахъ. Но четвертое сословіе уже не спрашиваетъ: справедливо ли, чтобы одно сословіе имѣло преимущество предъ другимъ, въ политическомъ отношеніи, или чтобы одно сословіе

господствовало надъ другимъ, эксплоатировало бы его, и т. д.; оно ставитъ слѣдующій общій вопросъ: не заключается ли въ корпоративномъ раздѣленіи общества, само по себѣ, и общественный деспотизмъ, и вытекаетъ ли такое раздѣленіе изъ естественной необходимости, или это не болѣе какъ колоссальное надувательство, которымъ въ продолженіи тысячелѣтій человѣкъ обманываетъ человѣка?

Всѣ слои общества, отъ короля и до послѣдняго нищаго, и всѣ политическія партіи, впродолженіи трехсотъ лѣтъ, часто безсознательно боролись противъ корпоративнаго раздѣленія общества и въ пользу общей цивилизаціи, и все-таки не были въ состояніи разрушить существованіе историческихъ группъ: всѣ стремились къ тому, чтобы сдѣлать общество равнымъ, а въ результатѣ оказалось, что старанія ихъ только содѣйствовали образованію четвертаго сословія.

Короли разрушили самостоятельное могущество значительнаго дворянства; они уничтожили средневѣковое многосложное государственно-гражданское раздѣленіе общества; они уничтожили также и сословныя привилегіи, и, мало по малу, усыпили сословное представительство; все общество должно было быть поглощено въ новомъ понятіи подданныхъ. Но они нивелировали такимъ образомъ только въ свою собственную пользу. Но это дѣлали и всѣ ихъ послѣдователи до современныхъ коммунистовъ, потому что гдѣ человѣкъ не можетъ выиграть, тамъ онъ и не думаетъ объ уравниваніи. Ришелье, разрушая самостоятельность французской аристократіи, завербовалъ этимъ многочисленныхъ членовъ въ четвертое сословіе. Когда нѣмецкіе монархи, чтобы противодѣйствовать наслѣдственной аристократіи, во множествѣ раздавали высокіе титулы безъ соотвѣтственныхъ къ тому матеріальныхъ средствъ, то они, сами того не подозрѣвая, создали разсадники школъ, гдѣ возрасло четвертое сословіе, которое впослѣдствіи рѣзче всѣхъ должно было выступить противъ того понятія о подданномъ, для утвержденія котораго предпринимались эти мѣры.

Бюрократическое государство смотрѣло на общество только съ точ-

ки зрѣнія администраціи. Всѣ сословія раздѣлялись для него на двѣ значительныя группы: „служащихъ“ и „гражданъ“, т. е. состоящихъ на государственной службѣ, и не состоящихъ въ ней. Гордость, заключающаяся въ этомъ различіи, въ мелкихъ земляхъ и мѣстечкахъ, ужаснымъ образомъ ослабила благородное самосознаніе гражданина. Множество ослѣпленныхъ людей, которые были бы отличными столярами и сапожниками, предпочли имъ блестящую нищету чиновническаго пролетаріата. Ремесленникъ терялъ къ самому себѣ всякое уваженіе, когда видѣлъ, какъ неизмѣримо выше его считалъ себя всякій чиновникъ, умѣвшій положить чернильное пятно на листъ гербовой бумаги.

Чиновничество, какъ искусственное сословіе, разрушая и разлагая, вторглось въ другія сословія. Здоровый, естественный корпоративный духъ превратился въ уродливый и противоестественный. Справедливая гордость своимъ высокимъ призваніемъ и достоинствомъ общественнаго положенія, сдѣлались въ чиновникахъ раздражительною дерзостію въ отношеніи къ тѣмъ изъ ихъ бюргерскихъ сословныхъ товарищей, которые, вмѣсто гербовыхъ пуговицъ на чиновничьемъ фракѣ, имѣли лишь кожаный передникъ. Но бюрократическое государство и изъ политическаго принципа стремилось уравнять корпоративное раздѣленіе общества, потому что ему гораздо легче управлять обществомъ однообразнымъ, чѣмъ разнообразнымъ, потому что централизація государственнаго управленія неминуемо влечетъ за собою и централизацію общества, и потому, наконецъ, что государство для него не болѣе, какъ мертвый организмъ, между тѣмъ какъ историческое раздѣленіе общества стремится развивать органическую жизнь, и вообще вступаетъ въ разладъ съ мертвымъ, табельнымъ управленіемъ бюрократіи.

Такъ какъ бюрократическое правленіе мѣритъ благосостояніе народа не его внутреннимъ здоровьемъ и силою, а внѣшними обстоятельствами, то оно употребило всѣ усилія, чтобы увеличить число душъ не заботясь о томъ, возвыситъ ли новоприбывшая масса народное благо-

состояніе, или только станетъ эксплоатировать его. Абсолютная свобода переселенія, неограниченная свобода промысловъ, патентованное мастерство—вотъ волшебныя средства, которыми бюрократія думала увеличить народное благосостояніе. И когда послѣ этого цѣлыя массы пролетаріевъ внезапно поставили нѣмецкую бюрократію въ ужасно неловкое положеніе, то она и понять не могла, откуда взялись эти люди, хотя она сама строила печи для искуснаго высиживанія сотнями тысячъ цыплятъ четвертаго сословія.

Мы могли бы здѣсь не особенно распространяться, а только сопоставить сумму всѣхъ соціальныхъ грѣховъ, совершенныхъ отдѣльными сословіями, или противъ нихъ, и на которые указано было въ предшествующихъ отдѣлахъ, чтобы показать всѣхъ факторовъ общественной жизни, содѣйствующихъ образованію четвертаго сословія.

Тотъ старый гражданскій либерализмъ, который въ мелочахъ боролся противъ бюрократіи, но, самъ того не замѣчая, шелъ съ нею рука объ руку во всѣхъ главныхъ пунктахъ, и знать не хотѣлъ объ историческомъ раздѣленіи общества. Не имѣть исторической почвы, значило для него быть свободномыслящимъ, и, изъ-за государства, онъ забывалъ общество. Онъ признавалъ только государственныхъ гражданъ. Абстрактное понятіе свободнаго государства было нравственнымъ топоромъ, который долженъ былъ срубить всякую культурно-историческую особенность народной жизни. Только свобода считалась правомъ, вольности же — несправедливостью. Но это понятіе всеобщей официіальной свободы государства никогда не могло привиться къ народу; сдѣлавшись свободнымъ, онъ, хотя и воспѣвалъ въ своихъ пѣсняхъ и восхвалялъ въ своихъ бесѣдахъ эту „свободу“, но на самомъ дѣлѣ всегда добивался не „свободы“, а „вольностей“. Старый либерализмъ нивелировалъ общество во имя официіальной опеки. Онъ былъ адвокатомъ четвертаго сословія, потому что во всякомъ сословномъ раздѣленіи онъ чуялъ средніе вѣка и реакцію; когда же четвертое сословіе выступило на сцену, какъ фактическая сила, и обнаружило, какъ само собой ра-

зумѣется, мало симпатіи къ государственной идеѣ стараго либерализма, то послѣдній отъ него отказался и вступилъ съ нимъ въ борьбу, какъ вообще человѣкъ всегда отказывается отъ послѣдовательности и логики, когда его собственныя идеи становятся для него опасными. Старый либерализмъ, по крайней мѣрѣ отрицательно—сталъ наконецъ жить соціальною жизнію; онъ сдѣлался противникомъ соціалистовъ и коммунистовъ, теоріямъ которыхъ онъ самъ проложилъ дорогу въ практическую жизнь, но положительнаго содѣйствія при организаціи общества онъ оказать не могъ. Мы видимъ замѣчательный прогрессъ въ развитіи стараго либерализма въ томъ, что онъ все болѣе и болѣе сталъ отступаться отъ отвлеченнаго понятія всепоглощающаго государства, по мѣрѣ того, какъ предводителямъ его предоставлена была возможность участвовать въ практической государственной дѣятельности. Такъ, будучи первоначально космополитомъ, онъ сталъ послѣ признавать необходимость историко-органическаго раздѣленія національностей. Но сдѣлать еще шагъ и признать также необходимость историко-органическаго раздѣленія общества, онъ не былъ въ состояніи. Такимъ образомъ онъ требовалъ права всеобщей подачи голосовъ и, въ то же время, боролся противъ коммунизма и соціализма, совершенно забывая, что революціонная сила этихъ теорій есть почти дѣтская игрушка, въ сравненіи съ фактическою силою всеобщей подачи голосовъ. Въ этомъ отношеніи старые либералы похожи на женщинъ, которыя признаютъ логику до извѣстнаго пункта, согласуясь со всѣми прежними посылками, но отказываются отъ нея лишь только приходится вывести заключеніе, и твердятъ, что, по ихъ убѣжденію, это все-таки не такъ.

Подобно тому, какъ конституціонный старый либерализмъ признавалъ людей лишь какъ членовъ государства, такъ и просвѣщенные пасторы не хотѣли знать ничего другаго, кромѣ общихъ христіанъ, только общихъ въ настоящемъ смыслѣ слова, потому что специфическія раздѣленія христіанъ снова привели бы къ какому нибудь корпоративному

раздѣленія. Философы же опять признавали лишь людей настоящихъ людей, а демократія — лишь всеобщность „настоящаго народа“. — странное выраженіе, при которомъ тотчасъ рождается подозрѣніе, „что рядомъ съ настоящимъ народомъ“ признаютъ всеобщность существованія „не настоящаго“. Всѣ эти отвлеченности содѣйствовали образованію четвертаго сословія. Освобожденіе третьяго сословія было только первоначальною мыслію первой французской революціи; равенство всѣхъ сословій было цѣлью ея крайняго развитія: въ этомъ знаменитомъ равенствѣ открывалась будущность четвертаго сословія и вся кровь, пролитая во время терроризма, пошла въ его пользу.

Въ этомъ именно и заключается странная иронія, что столь многія разнообразныя и, во всякомъ другомъ отношеніи, враждебныя другъ другу силы общественной жизни, сдѣлались вѣрными союзниками въ борьбѣ противъ корпоративнаго раздѣленія общества, и, всѣ вмѣстѣ, привели лишь къ тому, что образовался новый особенный членъ общества — четвертое сословіе. Этотъ могущественный союзъ могъ ухудшить существующія корпораціи и произвести вавилонское смятеніе во всѣхъ основныхъ понятіяхъ общественнаго быта, но совершенно уничтожить самыя корпораціи и вырвать изъ сознанія „настоящаго народа“ вѣру въ ихъ необходимость, этого — монархи, бюрократы, либералы, пасторы, философы, коммунисты, демократы все-таки сдѣлать не были въ состояніи. При стремленіи уничтожить существующія сословія, но создать, вмѣсто того, еще новое сословіе, случилось почти тоже самое, что съ сословными представителями Германіи въ 1848 году, которые такъ долго совѣщались о сокращеніяхъ въ бюджетѣ, что издержки на эти совѣщанія сами возросли до одной изъ статей бюджета, превосходившей втрое всякія сокращенія.

Три богатыя своими послѣдствіями революціи во Франціи, болѣе всѣхъ согнутой нынѣ подъ игомъ централизаціи, не достигли даже того, что бы ввести общественную нивелизацію хотя въ разговорный языкъ. А Франція—это обѣтованная земля четвертаго сословія.

Даже ревностные приверженцы французской соціальной демократіи, уже въ первый годъ французской республики, не могли удержаться отъ улыбки, обращаясь въ разговорѣ другъ къ другу со словомъ „citoyen“ (гражданинъ). А „настоящій народъ“, т. е. низшіе слои, еще менѣе, чѣмъ кто либо, могъ освоиться съ этимъ словеснымъ уничтоженіемъ сословныхъ различій. Его инстинктъ не позволяетъ ему оторваться отъ прежняго разговорнаго языка, который создался непроизвольно, а вмѣстѣ съ тѣмъ что есть въ немъ смѣшного, сросся съ внутреннею природою человѣка. Всякій человѣкъ рождается съ своими недостатками: почему же не можетъ быть прирожденныхъ недостатковъ и въ языкѣ? Тамъ, гдѣ народу указами навязано было употребленіе и „гражданина“ и братскаго „ты“, тамъ онъ становился въ тупикъ при употребленіи новомодной рѣчи. Такъ, вскорѣ послѣ февральской революціи, на дверяхъ одного парижскаго клуба, посѣтители котораго обязались гвоорить другъ другу „ты“, можно было читать слѣдующую надпись: „Ici tout le monde se tutoie; —fermez la porte, s'il Vous plait“ *. Неискоренимый обычай не можетъ желать себѣ большаго торжества надъ направленнымъ противъ него приказаніемъ, чѣмъ то, которое заключается въ этихъ немногихъ словахъ. Когда въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія городъ Майнцъ занятъ былъ войсками французской республики и терроризованъ клубистами, ночнымъ сторожамъ предписано было въ своей пѣсни замѣнить слова: „Hört, ihr Herrn **, und lasst euch sagen“ и т. д. словами: „Hört, ihr Bürger *** “ и т. д., съ категорическимъ объясненіемъ, что теперь нѣтъ болѣе „господъ“, а есть только „граждане“. Ночные сторожа приняли это къ свѣдѣнію, но совершенно послѣдовательно и въ концѣ той же пѣсни вмѣсто: „хвалите Господа Бога“, стали пѣть: „хвалите Бога-гражданина“ (lobet Gott den Herrn—

* Здѣсь всѣ говорять другъ другу „ты“: затворите, пожалуйста, дверь!

** Слушайте, господа, мы вамъ скажемъ.

*** Слушайте, граждане, и т. д.

lobet Gott den Bürger). Вслѣдствіе того, появилось новое предписаніе, которымъ повелѣвалось именовать Господа Бога попрежнему.

И, тѣмъ не менѣе, клубисты въ этомъ своемъ декретѣ слѣдовали лишь тому стремленію, которымъ руководилось все наше духовное развитіе со времени реформаціи, и ночные сторожа, которые такимъ образомъ безсознательно сочинили сатиру на эту историческую черту, противопоставили тогдашнему современному духу только наивное народное сознаніе, которое не понимаетъ, почему именно мы должны оставить за Господомъ Богомъ то, что отнимаемъ отъ общества.

Организмъ общества въ концѣ среднихъ вѣковъ находился въ какомъ то оцѣпененіи и отчужденіи. Нужно было преобразовать его, придать ему новую жизнь. Поэтому борьба противъ корпоративныхъ ограниченій средневѣковаго общества приняла тогда самые обширные размѣры. Но именно возникновеніе четвертаго сословія, которое было результатомъ трехсотлѣтней цивилизаціи, служитъ намъ ручательствомъ что мы уже перешли за чистое отрицаніе корпоративной жизни и приближаемся къ примиренію обѣихъ противоположностей.

Но четвертое сословіе, что ни говори, существуетъ. Освободительное движеніе во всѣхъ отрасляхъ умственнаго и промышленнаго труда неминуемо должно было создать его. Всѣ преступленія противъ общества содѣйствуютъ приготовленію мѣста для четвертаго сословія; но отсюда вовсе неслѣдуетъ заключить, что эта группа рождена въ грѣхахъ что является она, сама по себѣ, злымъ принципомъ въ обществѣ! Четвертое сословіе имѣетъ также свое *историческое* право, какъ и всякое другое сословіе. Часть гражданства считаетъ все общество поглощеннымъ въ гражданствѣ. Четвертое сословіе доводитъ это воззрѣніе до самыхъ крайнихъ предѣловъ. Такъ какъ оно представляетъ собою одно отрицаніе и отпаденіе сословій отъ самихъ себя, то оно никогда не можетъ достигнуть прочнаго органическаго устройства. Но соціальная опасность отрицающаго четвертаго сословія заключается отчасти

въ томъ, что оно пока только возникающая, колеблющаяся форма, которая можетъ обезпечить себѣ прочное существованіе только съ поглощеніемъ всего общества. Но, въ противуположность ему, существуютъ болѣе подвижные элементы гражданства — это ежедневно возрастающая масса поденщиковъ, которые до сихъ поръ образуютъ лишь особенную группу въ экономическомъ отношеніи, но изъ которыхъ можетъ возникнуть новое настоящее четвертое сословіе и въ соціальномъ отношеніи. Эти элементы нужно стараться соединить въ одно корпоративное цѣлое. Нужно бороться противъ четвертаго сословія и уничтожить его посредствомъ рабочихъ. Именно въ здравыхъ элементахъ этой рабочей массы, какъ самыхъ подвижныхъ частяхъ гражданства, лежитъ право самостоятельнаго соціальнаго существованія, которое обыкновенно смѣшиваютъ съ требованіями описаннаго здѣсь четвертаго сословія, какъ группы соціальнаго отрицанія, вслѣдствіе чего здѣсь дѣйствительно произошло опасное смѣшеніе. „Рабочій" имѣетъ будущность, имѣетъ право существованія, какъ общественная группа; онъ только пока не составляетъ еще сословія съ точки зрѣнія „естественной исторіи народа"; онъ только предвѣщаетъ собою будущее идеальное четвертое сословіе; современное же четвертое сословіе при немъ имѣетъ такое же право существованія, какъ Мефистофель въ Фаустѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Аристократическій пролетаріатъ.

Въ Германіи центра тяжестей четвертаго сословія слѣдуетъ искать не между поденьщиками или фабричными рабочими, какъ во Франціи и въ Англіи, еще менѣе—въ крестьянствѣ. Бѣдностію и испорченностію страдаютъ высшіе слои общества въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ низшіе. Въ аристократіи и въ образованномъ среднемъ классѣ Германіи, существованіе каждаго члена отдѣльно, въ сложности, менѣе обезпечено, и конкуренція гораздо сильнѣе, чѣмъ между рабочими и крестьянами. Для Германіи образованные пролетаріи суть тотъ же страшный призракъ, какимъ для Франціи являются бѣдные рабочіе, а для Англіи фабричное населеніе. Образованные пролетаріи составляютъ, такъ сказать, закваску, приводящую въ броженіе весь остальной пролетаріатъ. Самый опасный для Германіи пролетаріатъ не одѣвается въ блузу, но наряжается во фракъ; онъ встрѣчается между медіатизированными князьями и идетъ сплошь до послѣдняго голоднаго литератора.

Обнищавшихъ дворянъ въ Германіи — пропасть. Трудный и невозможный переходъ къ бюргерству и крестьянству для дворянина, лишившагося возможности исполнять свое аристократическое, соціальное призваніе, породилъ въ немъ предразсудокъ, что гораздо благороднѣе прозябать аристократическимъ пролетаріемъ, чѣмъ, подобно полезному бюргеру, заниматься честнымъ промысломъ. Но баронъ-пролетарій есть противусмысліе; онъ считаетъ себя членомъ сословія,

соціальное призваніе котораго онъ не въ силахъ болѣе исполнять, и эта то противуположность между тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ казаться, и тѣмъ, что онъ есть на самомъ дѣлѣ, необходимо должна вовлечъ его въ орбиту четвертаго сословія.

Пролетарій, въ матеріальномъ отношеніи, есть именно тотъ, чьи доходы не достаточны для удовлетворенія всѣхъ необходимыхъ житейскихъ потребностей. Пусть какой нибудь соціальный демократъ, на основаніи физіологическихъ законовъ, высчитываетъ, сколько потребуется человѣку въ годъ картофеля, хлѣба, мяса, для удовлетворенія своимъ пищеварительнымъ органамъ и, слѣдовательно, для поддержанія своего существованія, и приблизительно опредѣливъ нормальное количество этихъ продуктовъ, пусть предполагаетъ начало пролетаріата тамъ, гдѣ не имѣется этого нужнаго количества. Но не слѣдуетъ; во всякомъ случаѣ, забывать, что нищій, владѣя одною этою порціею картофеля, уже обезпеченъ, между тѣмъ какъ князь, имѣющій для удовлетворенія своихъ нуждъ ту же мѣру картофеля — бѣдствуетъ. Соціальная бѣдность начинается не тамъ, гдѣ отъ голода сгораютъ всѣ внутренности человѣка, а тамъ, гдѣ человѣкъ своими силами не въ состояніи пріобрѣсть тѣхъ матеріальныхъ и духовныхъ благъ, которыми онъ считаетъ себя въ правѣ пользоваться, по занимаемому имъ въ обществѣ положенію, и которыя само общество считаетъ необходимыми потребностями его существованія. Этотъ деспотизмъ исторіи лежитъ на высшихъ слояхъ общества болѣе тяжелымъ гнетомъ, чѣмъ на низшихъ. И чѣмъ выше сословіе, къ которому принадлежитъ обнищавшій, тѣмъ болѣе онъ выдвигается изъ него, не имѣя, въ то же время, возможности примкнуть къ другой общественной группѣ, и тѣмъ скорѣе, слѣдовательно, ввергается онъ въ хаосъ четвертаго сословія. Намъ скажутъ: если потребности человѣка не обусловливаются извѣстнымъ заготовленнымъ количествомъ жизненныхъ продуктовъ, а тѣмъ положеніемъ, которое онъ занимаетъ въ обществѣ, и тѣми привычками, въ которыхъ онъ воспитывался и выросъ, — то все это не бо-

лѣе какъ одинъ предразсудокъ. Совершенно справедливо. Но въ такомъ случаѣ и весь общественный строй, всѣ нравы и обычаи общества также предразсудокъ!? А, между тѣмъ, отнимите у человѣка этотъ предразудокъ—и онъ превратится въ дикое животное.

Изъ дней дѣтства помню я одного бѣднаго старика. Несмотря на то, что онъ не имѣлъ никакой профессіи, ни чѣмъ не занимался и ходилъ всегда въ старомъ поношеномъ сюртукѣ, старикъ этотъ пользовался извѣстнымъ уваженіемъ. Онъ былъ графъ и послѣдній непосредственный потомокъ великаго воина, имя котораго—одно изъ славнѣйшихъ въ исторіи Германіи. Изъ всего состоянія графа осталось только маленькое имѣніе, отданное въ аренду, и до того обремененное долгами, что онъ былъ далеко бѣднѣе своего собственнаго арендатора. Вскорѣ и это помѣстье перешло въ собственность послѣдняго. И вотъ однажды этотъ графъ отправляется пѣшкомъ въ то имѣніе, которое нѣкогда было самымъ малымъ изъ его помѣстій, и ищетъ пристанища и милосердія у того, кто еще недавно былъ подвластенъ ему. Крестьянинъ даетъ ему кровъ и удѣляетъ часть продуктовъ той земли, которую прежде бралъ у него въ аренду. Но и все это помѣстье едва ли доставило бы графу приличное его званію и сословію существованіе. И, несмотря на крайнюю бѣдность графа, его всюду провожалъ прежній его домашній секретарь. Онъ жилъ единственно милостями своихъ прежнихъ слугъ, и жилъ все-таки какъ графъ. Никто и не подумалъ бы, что этотъ нахлѣбникъ крестьянина, вся свита котораго состояла изъ одного домашняго секретаря, принадлежалъ къ аристократіи, а между тѣмъ онъ не былъ ни бюргеромъ, ни крестьяниномъ. Поселяне этой деревни часто утверждали, что онъ собственно теперь уже не графъ, однако всякій разъ когда кто нибудь назвалъ его просто по имени, они тотчасъ же торопились поправить, прибавивъ: „графъ“! Этимъ противорѣчіемъ крестьяне и выяснили всю загадку, и открыли, къ какому именно классу онъ принадлежалъ. Онъ былъ членомъ сословія противорѣчій, сословія пролетаріевъ.

Разъ утромъ, изъ крестьянскаго двора, по направленію къ деревнѣ, медленно тащилась телѣга, запряженная парою коровъ. На козлахъ сидѣлъ крестьянскій мальчикъ, на телѣгѣ лежалъ гробъ, за которымъ шли крестьянинъ и домашній секретарь покойнаго. Въ гробу покоились останки послѣдняго потомка одного изъ знаменитѣйшихъ родовъ Германіи. И схоронили его на сельскомъ кладбищѣ между крестьянскими могилами. Печально смотритъ на это кладбище гордый замокъ съ своею развалившеюся башнею—это былъ послѣдній замокъ, которымъ владѣлъ графъ, и владѣлъ имъ только въ ту пору, когда онъ почти весь находился въ развалинахъ. Долго ничѣмъ не украшалась его могила и была забыта какъ и лежащія вокругъ крестьянскія могилы. Но вотъ, однимъ утромъ, въ тихую долину являются каменотесы, привозятъ съ собою надгробный камень, ставятъ его на могилу покойнаго графа, и никто до сихъ поръ не знаетъ, по чьему повелѣнію воздвигнутъ этотъ памятникъ.

На передовой сторонѣ камня большими золотыми буквами было вырѣзано имя покойнаго графа. Надъ ними красовался гербъ его гордаго рода. На другой сторонѣ черными буквами начертано: „онъ умеръ въ нищетѣ и несчастіи“. На самомъ же пьедесталѣ вырѣзаны слова: „поставилъ другъ отечественной исторіи“.

Вотъ вся повѣсть аристократическаго пролетаріата. Графъ, ничѣмъ не владѣвшій при жизни, былъ уже мертвымъ при самомъ своемъ рожденіи. Великая и славная исторія его предковъ не могла его содержать и пропитывать, и незнакомецъ, другъ не рода и не дома покойнаго, а другъ той же сокрушающей исторіи, оказываетъ ему послѣднія почести, глубоко потрясенный трагедіею этого высокорожденнаго пролетарія, котораго онъ, быть можетъ, никогда и не видѣлъ въ глаза. „Онъ умеръ въ несчастіи“. Вотъ къ этой то надгробной надписи я и привелъ бы соціальнаго демократа, по мнѣнію котораго бѣдствіе начинается только тамъ гдѣ для успокоенія мятежнаго желудка не достаетъ извѣстнаго количества картофеля и проч. Этотъ графъ, за которымъ неотлучно слѣ-

довалъ домашній его секретарь, владѣлъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторое время, прекраснымъ имѣніемъ, и когда онъ уже ничего не имѣлъ, у него былъ другъ—хотя изъ мужиковъ и прежній его слуга—но другъ, который за нимъ ухаживалъ и закрылъ ему глаза. И, несмотря на то, графъ этотъ былъ несравненно бѣднѣе бѣднѣйшаго работника, котораго, на самомъ дѣлѣ, и очень часто, терзаетъ мучительный голодъ, и котораго хоронятъ иногда и совсѣмъ безъ рубашки.

Пролетаріатъ не есть только слѣдствіе столкновеній труда съ капиталомъ; онъ вытекаетъ также изъ роковой борьбы съ происхожденіемъ, съ сословіемъ, съ исторически даннымъ положеніемъ въ обществѣ. Происхожденіе, точно также, какъ и физическая сила и духовныя способности, не есть нѣчто случайное, произвольное; оно скорѣе необходимость, крѣпкая, исторіею выработнная цѣпь, захватывающая человѣка для того, чтобы на всю жизнь напоминать ему правило, по которому всѣ его стремленія должны зависить отъ предшествовавшихъ историческихъ условій. Этихъ то условій человѣкъ не въ силахъ уничтожить; на нихъ то, какъ на данномъ фундаментѣ, онъ долженъ продолжать сооруженіе, общественаго зданія. Если хотите, чтобы человѣкъ отрѣшился отъ этихъ историческихъ условій и стремился къ достиженію своихъ цѣлей на основаніи одного абстрактнаго философскаго права и принципа справедливости, то разорвите предварительно, если можете, историческія оковы происхожденія. Робочій борется не противъ господства капитала—онъ борется противъ власти наслѣдственнаго права, слѣдовательно опять-таки—противъ желѣзныхъ перегородокъ происхожденія. „О правѣ, которое родится съ нами“, не хочетъ и знать тиранъ историческаго права, точно также, какъ о бѣдствіяхъ, родящихся съ нами, не хочетъ знать деспотъ отвлеченнаго права. Эти бѣдствія могутъ сочетаться съ блузой рабочаго; но они могутъ быть нашимъ удѣломъ и подъ графской короной.

Четвертое сословіе проникаетъ и въ высшую аристократію. Есть нѣмецкіе принцы и принцессы, годовые доходы которыхъ не превышаютъ

суммы въ двѣ тысячи гульденовъ. Удовлетвореніе большей части ихъ потребностей зависитъ поэтому отъ великодушія и щедрости ихъ родственниковъ, владѣтельныхъ князей, доходы которыхъ, въ свою очередь, сильно ограничены скуднымъ бюджетомъ. И если эти княжескія особы вступаютъ между собою въ бракъ, и такимъ образомъ увеличиваютъ свои семейства новыми членами, то 2-е и 3-е колѣно не являются уже, какъ ихъ предки, только кандидатами 4-го сословія, но уже настоящими его членами. Обѣднѣвшіе эти люди не могутъ, да и не хотѣли бы, сдѣлаться бюргерами, и получить чрезъ то возможность честнымъ ремесломъ увеличить свои доходы, постоянно умаляющіеся съ каждымъ новорожденнымъ потомкомъ. Потребности этихъ лицъ остаются княжескими, между тѣмъ какъ ихъ доходы становятся бюргерскими. Такіе князья, по всей справедливости, не захотятъ, да и не должны, вступать въ бракъ. Они по своему положенію слѣдовательно бѣднѣе поденщика, котораго уже развѣ самая крайняя бѣдность и безпомощность заставляютъ оставаться холостымъ. Княжескія эти особы, съ уменьшеніемъ своей поземельной собственности, лишаются также и единственнаго средства увеличивать свое состояніе, и такимъ образомъ заботиться о благосостояніи своего потомства. Вопросъ о княжескихъ имуществахъ (доменахъ) не есть только политико-экономическій: онъ заключаетъ въ себѣ также и другой роковый вопросъ, именно — должно-ли потомство этихъ мелкихъ княжескихъ особъ подпасть четвертому сословію, или оставаться въ рядахъ аристократіи? Ничтожное содержаніе, получаемое отъ государства мелкими князьями, невладѣющими никакими собственными имуществами; скудный бюджетъ, къ которому не прибавляется доходовъ съ частныхъ имуществъ владѣтельнаго князя, есть естественное противоядіе противъ династическаго партикуляризма. Кто захочетъ свести своихъ дѣтей и внуковъ на такое непрочное пропитаніе, какъ новѣйшіе княжескіе удѣлы! Въ мелкихъ конституціонныхъ германскихъ государствахъ потомство князей лишено не только всякихъ средствъ къ приличному существованію, но для него также отрѣзана всякая

возможность посвящать себя какой бы то ни было профессіи. Исключая военной службы, всякая другая практическая дѣятельность, которой посвящали себя князья въ прежнія времена, нынѣ перешла въ руки отвѣтственныхъ министровъ. Новорождающіеся князья принуждены, подобно большей части пролетаріевъ,оставаться безъ всякой профессіи, и какъ бы ревностно ни занимался членъ княжеской семьи музыкою, живописью, поэзіею и науками, онъ никогда не сдѣлается серіознымъ музыкантомъ, художникомъ, поэтомъ, ученымъ, даже литераторомъ по профессіи. Научную его дѣятельность назовутъ, пожалуй, любовію къ наукѣ, но не призваніемъ къ ней, и онъ на всю жизнь осужденъ быть диллетантомъ. Но человѣкъ дѣятельный, трудолюбивый, удовлетворяется только тогда, когда онъ вдохновляется истиннымъ практическимъ призваніемъ, которому онъ себя всецѣло посвящаетъ. Это удовлетвореніе порождаетъ истинный консерватизмъ. Но упомянутые князья, какъ и большая часть пролетаріевъ, лишены этого удовлетворенія. Такимъ образомъ, кандидатура на четвертое сословіе проникаетъ все болѣе и болѣе въ высшіе слои нѣмецкаго общества, въ которыхъ хотя еще не наступилъ настоящій пролетаріатъ, но уже замѣтны всѣ условія его проявленія. Княжескія дѣти недовольны своимъ положеніемъ, и ихъ тяготитъ это отсутствіе всякаго призванія, этотъ разладъ между внѣшнимъ существованіемъ и общественнымъ положеніемъ. И хотя бы эти князья и не вступали въ открытую борьбу съ историческимъ обществомъ, они, во всякомъ случаѣ, доказываютъ могущество всеохватывающей идеи четвертаго сословія.

Прежніе источники доходовъ аристократіи изсякли слишкомъ на половину. Потребности ея удвоились. Въ былыя времена существованіе многихъ тысячъ дворянъ обезпечивалось вступленіемъ ихъ въ духовное званіе. Они не стремились къ занятію однѣхъ высшихъ должностей въ церкви, чтобы сдѣлаться высшими духовными сановниками, (чего во многихъ католическихъ земляхъ еще и въ настоящее время добивается большая часть нѣмецкой аристократіи), но не брезгали, въ средніе вѣка, также и малымъ приходомъ, и посвящали себя въ мона-

стыряхъ истинно духовному труду. Еще въ XVI столѣтіи въ рейнгаусской деревнѣ Лорхѣ, приходскимъ пасторомъ былъ пфальц-графъ и герцогъ Георгъ баварскій. На подобный деревенскій приходъ, въ настоящее время не обратилъ бы вниманія и самый новоиспеченный баронъ. О нѣкоторыхъ исключеніяхъ, составляемыхъ и тутъ отдѣльными дворянскими группами, мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Пошлая праздность и лѣнь, которой въ XVII и XVIII вѣкахъ предавалось дворянство, на возникавшихъ тогда новыхъ придворныхъ легкихъ, но прибыльныхъ, должностяхъ, породили горькіе плоды, осудили его на его настоящее жалкое положеніе и лишили его возможности предаваться многимъ отраслямъ той благородной дѣятельности и того честнаго призванія, которыя, въ прежнія времена, еще были доступны аристократіи. До тѣхъ поръ, пока средневѣковой баронъ зналъ церковную службу и умѣлъ владѣть оружіемъ, для него не существовало пролетаріата. Вальтеръ, призванный „von Habenichts“, былъ тоже бѣдняга; онъ водилъ пролетаріевъ въ Обѣтованную землю, гдѣ они и погибли отъ оружія турокъ, но онъ самъ не былъ пролетаріемъ. Рыцари жившіе грабежемъ на большихъ дорогахъ, знали по крайней мѣрѣ, что они должны были дѣлать для того, чтобы существовать, чего именно не знаетъ нашъ современный, благородный пролетаріатъ.

Обокраденный и ограбленный ими крестьянинъ все еще признавалъ въ своихъ грабителяхъ аристократическое ихъ призваніе: у него господствовало повѣріе, что его мучители, даже послѣ смерти, еще шмыгаютъ по его нивамъ, въ видѣ огненныхъ рыцарей, и что уваженіе къ ихъ сословію и гербу чувствуется даже самимъ діаволомъ. У аристократа среднихъ вѣковъ исполненіе его призванія, какъ дворянина, отнюдь не обусловливалось степенью его матеріальнаго состоянія, какъ у современной аристократіи. Древній рыцарь закладывалъ свои замки, даже фуфайку и галуны, и всетаки оставался рыцаремъ; но когда нынѣшній баронъ несетъ въ ломбардъ шинель, его аристократическое происхожденіе дѣлается сомнительнымъ.

[illegible] лишь тогда, когда представятъ гарантію своей состоятельности. Офицеры бюргерскаго происхожденія еще кое какъ перебиваются на службѣ, свыкшись уже давно съ нуждою и работою. Но посадите на ихъ мѣста разоренныхъ и испорченныхъ дворянъ—они сдѣлаются для государства страшнымъ зломъ. На военномъ поприщѣ дворяне, собственно говоря, не нашли себѣ никакого призванія. Такъ какъ они были призваны на службу

не вслѣдствіе ихъ познаній въ военномъ искусствѣ, а вслѣдствіе своего происхожденія, то для нихъ военная наука оказалась недоступною, а военная техника унизительною. Всего удобнѣе была дорога въ трактиръ. Они въ новомъ своемъ званіи надѣялись найти обезпеченіе своего существованія, но обманулись въ своихъ ожиданіяхъ, такъ какъ одни расходы на обмундировку уже превышаютъ ничтожный окладъ ихъ жалованья. Пролетаріи по имуществу, аристократы въ своихъ наслажденіяхъ, офицеры эти дѣлаются настоящими представителями четвертаго сословія. Съ безграничнымъ легкомысліемъ смотрѣло на это зло высшее военное начальство, и полуофиціально даже установилось мнѣніе, что „поручикъ, не дѣлающій долговъ, плохой офицеръ“.

Не мало этихъ офицеровъ пролетаріевъ встрѣтили мы въ рядахъ инсургентовъ 1848 и 1849 годовъ. Шагъ отъ тайнаго разлада съ обществомъ къ открытой борьбѣ противъ него былъ для этихъ людей гораздо легче, чѣмъ для обманутыхъ рабочихъ, сражавшихся подъ ихъ командою. Военная служба съ двумя стами гульденовъ годоваго жалованья составляетъ, конечно, для современнаго раззореннаго дворянина нѣкоторое убѣжище, но это убѣжище смахиваетъ на тотъ пріютъ, какой, въ средніе вѣка, лишенный наслѣдства рыцарь находилъ въ рыцарскомъ военномъ ремеслѣ. Убѣжище это, открытое въ другихъ формахъ и для всѣхъ насъ — есть пріютъ четвертаго сословія. Это хорошо понимали многіе германскіе офицеры, лишенные всякихъ другихъ средствъ къ существованію, и въ мирное время переселялись въ Америку, гдѣ они по крайней мѣрѣ могли быть тѣмъ, чѣмъ въ своемъ отечествѣ неизбѣжно должны были быть (и въ то же время тщательно скрывать это отъ общества), т. е. пролетаріями. Мало того: въ Америкѣ раззоренный дворянинъ можетъ сдѣлаться гражданиномъ или крестьяниномъ, онъ можетъ тамъ свергнуть съ себя тяжелое бремя своего имени, своего рожденія и своей исторіи, и отъ него зависитъ еще другой выборъ, кромѣ выбора между благороднымъ бариномъ и оборванцемъ.

Покровительствуя аристократическому пролетаріату и способствуя

его распространенія. Мелкія германскія владѣтельныя особы этимъ самымъ предали всему соціальному униженію аристократію. Только при возможно большемъ концентрированіи низшаго сословія возможно сохраненіе консервативной его силы. Аристократія только тогда и можетъ быть сильна, когда она малочисленна, и въ этомъ отношеніи она составляетъ противуположность четвертому сословію, пріобрѣтающему все большую силу, по мѣрѣ своего размноженія.

Изъ этого весьма удачно можно вывести слѣдующую игру словъ: четвертое сословіе только тогда собственно и сдѣлается „сословіемъ", когда уничтожатся всякія „сословія". Можно бы подумать, что когда Карлъ Фогтъ въ проповѣдяхъ, произнесенныхъ имъ въ церкви св. Павла, высказалъ мысль, что для уничтоженія дворянства стоитъ только предоставить каждому право принять дворянское званіе, — можно бы, говорю я, подумать, что онъ зналъ о силѣ той протекціи, которая оказывается аристократическому пролетаріату великими германскими дворами, и которая служитъ вѣрнѣйшимъ средствомъ для лишенія аристократіи ея общественнаго вѣса и кредита. Сильное ожесточеніе всѣхъ сословій противъ дворянства вызвано не правами и привилегіями аристократіи, но тѣми преимуществами, которыми пользуется аристократическій пролетаріатъ. Въ Марбургѣ недавно—а можетъ быть еще и теперь—студенты аристократическаго происхожденія имѣли только одну привиллегію—платить двойной матрикулярный взносъ. И навѣрное — такія привиллегіи всего выгоднѣе для аристократіи. Говоря объ аристократіи, мы уже не разъ намекали, что основательную ненависть къ дворянству питалъ весьма часто самый солидный и консервативный гражданинъ, вовсе не желавшій сокрушать и ломать государственный и общественный строй. Подобное настроеніе этихъ гражданъ, діаметрально противуположное ихъ соціальному характеру, возбуждено въ нихъ, естественнымъ образомъ, аристократическимъ пролетаріатомъ. Нерасположеніе къ послѣднему, незамѣтнымъ образомъ, переходитъ и къ настоящей аристократіи. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли

оставаться равнодушнымъ честный, трудящійся бюргеръ, можетъ ли онъ не чувствовать негодованія, при видѣ этихъ щегольскихъ кавалеровъ-пролетаріевъ, предающихся расточительности, какъ будто они на самомъ дѣлѣ обладаютъ несмѣтными сокровищами, тогда какъ они въ долгъ забираютъ не только предметы роскоши, но и всѣ жизненные продукты? Невольно возмущается нравственное чувство честнаго бюргера, видя, какъ баронъ-пролетарій XVIII столѣтія не только остался вѣренъ прежнему преданію объ отсутствіи у дворянъ всякаго призванія и о пріобрѣтеніи легкихъ прибыльныхъ мѣстъ въ государствѣ, но какъ онъ наслѣдовалъ и безнравственность высшихъ сословій добраго стараго времени, безнравственность, доходящую въ современномъ аристократическомъ пролетаріатѣ до „nec plus ultra“. Невольно, говорю я, возмущается всякое нравственное чувство гражданина, когда какой нибудь праздношатающійся, носящій громкое древнее имя, но не отличающійся древнею честностію, считаетъ благородствомъ надуть какого нибудь бѣднаго ремесленника, въ потѣ лица заработывающаго свой насущный хлѣбъ. Зажиточные граждане и крестьяне не могутъ удержаться отъ ѣдкой ироніи и насмѣшки, глядя на праздныхъ дворянъ, которые изъ серебряннаго блюда ѣдятъ ежедневно, быть можетъ, одинъ картофель съ солью.

Прекрасно обрисованный Иммерманомъ, въ его сочиненіи „Münchhausen“, бѣдный баронъ гонится за праздниками и строитъ воздушные замки въ то время, когда его настоящій замокъ превращается въ развалины. Но кто читалъ это произведеніе Иммермана, тотъ согласится съ нами, что иммермановскій баронъ ни въ какомъ случаѣ не возмущаетъ нашего нравственнаго чувства; напротивъ, его беззаботность и безпечность характера скорѣе возбуждаютъ къ нему нѣкоторое сожалѣніе. Баронъ этотъ не пролетарій, онъ только бѣднякъ, но остается притомъ истымъ аристократомъ. По мѣрѣ того, какъ его состояніе переходитъ изъ дѣйствительности въ область фантазіи, по мѣрѣ того переходятъ туда же и его потребности и притязанія. Въ

своихъ преданіяхъ, въ своемъ образѣ мыслей, въ своихъ правахъ и капризахъ, онъ находитъ тѣсныя границы своего призванія и состоянія, и онъ доволенъ своимъ положеніемъ. Основаніе его почти уже на половину развалившагося дома рушится, но основаніе его соціальнаго существованія крѣпко въ его воображеніи. Въ картинѣ Иммермана мы видимъ не отдѣльную какую либо личность, но цѣлый типъ. Обѣднѣвшій дворянинъ-помѣщикъ рѣдко подпадаетъ четвертому сословію; онъ въ бѣдности и нуждѣ не измѣнитъ своему прежнему общественному положенію: онъ останется вѣренъ наслѣдованнымъ отъ своихъ предковъ добрымъ нравамъ, и можетъ, пожалуй, возбудить иронію, не ѣдкую, а смѣшанную съ сочувствіемъ, но никогда не вызоветъ ненависти и озлобленія прочихъ сословій. Бюргеръ и крестьянинъ будутъ смотрѣть на него, какъ на поблекшій образъ прежняго величія истиннаго аристократа, котораго историческому характеру и призванію, какъ самостоятельному хранителю въ государствѣ консервативнаго начала, какъ представителю земледѣлія, капитала и оптовой промышленности, никогда не могъ отказать въ уваженіи представитель мелкой промышленности, мелкаго земледѣлія. Но, поэтому самому, послѣдній глубоко ненавидитъ аристократическій пролетаріатъ. Его привиллегіи онъ считаетъ въ высшей степени несправедливыми, такъ какъ онѣ не даются какому нибудь сословію съ честнымъ общественнымъ призваніемъ, а старой мертвой формулѣ, неимѣющей никакаго реальнаго содержанія, и какъ аристократическіе пролетаріи постоянно размножаются, то онъ ихъ очень часто и смѣшиваетъ съ самою аристократіею.

Когда въ мартѣ 1848 года фогельбергскіе бароны-помѣщики подверглись сильнымъ притѣсненіямъ и грабежу со стороны гессенскихъ крестьянъ, многіе не понимали этого яростнаго озлобленія, направленнаго противъ людей, доставлявшихъ окрестностямъ большія выгоды, искупавшія въ глазахъ населенія небольшія непріятности, претерпѣваемыя отъ помѣщиковъ. Но эта ненависть крестьянъ собственно относилась не къ помѣщикамъ, а къ привиллегированному аристократическому

пролетаріату, который они стали смѣшивать съ истинною аристократіею. Сельскихъ помѣщиковъ настигъ ударъ, направленный собственно противъ городскаго дворянства. Аристократическій пролетаріатъ можетъ искоренить только сама же аристократія, и этого даже требуетъ чувство ея самосохраненія. Она должна способствовать возрожденію многихъ, отъ времени уже сгнившихъ, частей своего сословія, доставляя бѣднымъ дворянамъ возможность переходить въ бюргерство и посвящать себя честному призванію, вмѣсто того, чтобы возбуждать въ нихъ несбыточныя мечты и ни на чемъ неоснованныя надежды, и этимъ самымъ вербовать ихъ систематически въ ряды четвертаго сословія. Тутъ безполезными окажутся всякіе законы и декреты, и коль скоро разъ навсегда существуетъ обычай, по которому новорождающіяся дѣти наслѣдуютъ права и званіе своихъ отцовъ, то его трудно уничтожить путемъ законодательства. Обычай сильнѣе закона. Но само дворянство, какъ мы сказали, должно способствовать распространенію въ своей средѣ не безпутства, а чистой, доброй нравственности. Этому могутъ также содѣйствовать дворы и министры, отнимая особенныя привиллегіи, дарованныя аристократическому пролетаріату, служащему камнемъ преткновенія для бюргера и раззореніемъ для дворянства. Когда матеріальное подспорье, встрѣчаемое аристократическимъ пролетаріатомъ, въ особенности въ мелкихъ государствахъ, уничтожится, тогда и испорченный баронъ найдетъ гораздо полезнѣе и раціональнѣе посвящать себя честной и прибыльной работѣ, чѣмъ, голодая, жить только пустымъ, хоть и громкимъ аристократическимъ именемъ. Съ уничтоженіемъ аристократическаго пролетаріата, исчезнетъ и ненависть гражданъ къ дворянству, и отъ этого вообще много выиграетъ все общественное положеніе аристократіи, которая пріобрѣтетъ тогда въ обществѣ болѣе значенія и вліянія. Или это уже роковая судьба дворянства, что ему нѣтъ другого выбора, кромѣ огромнаго богатства и нищенскаго посоха?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Пролетаріи умственной работы.

Въ Германіи пролетаріи умственной работы стоятъ во главѣ четвертаго сословія и составляютъ, такъ сказать, представительный его элементъ. Они образуютъ громадную армію того общественнаго слоя, который открыто и сознательно ведетъ войну со всѣмъ существующимъ соціальнымъ устройствомъ. Пролетарій-ремесленникъ вообще еще не дошелъ до полнаго сознанія своего соціальнаго положенія. Онъ въ крайнемъ случаѣ можетъ только инстинктивно стремиться къ ниспроверженію историческаго общества. Умственный пролетаріатъ, напротивъ, очень хорошо сознаетъ и чувствуетъ себя, какъ отдѣльное четвертое сословіе, и въ теоріи и на практикѣ стремится уничтожить сословное раздѣленіе.

Группа умственныхъ пролетаріевъ обнимаетъ пролетаріатъ чиновническій, учительскій, саксонскихъ кандидатовъ на должность проповѣдниковъ, голодныхъ академическихъ приватъ-доцентовъ, литераторовъ, журналистовъ, художниковъ всякаго рода, отъ странствующихъ виртуозовъ и труппъ комедіантовъ до органистовъ и уличныхъ пѣвцовъ. Изъ всей Европы упомянутый разрядъ пролетаріевъ всего многочисленнѣе и разнообразнѣе именно въ Германіи. Обстоятельство это подтверждаетъ несомнѣнный фактъ, что матеріальное богатство и промышленность одной части народа не находятся въ равномъ отношеніи къ умственной дѣятельности другой его части. Германія произво-

дитъ духовныхъ продуктовъ гораздо болѣе, чѣмъ ей нужно и чѣмъ сколько она въ состояніи окупить. Этотъ излишекъ духовныхъ продуктовъ, который не есть какое нибудь моментальное явленіе, но который все растетъ съ каждымъ днемъ, свидѣтельствуетъ о болѣзненномъ состояніи народнаго труда, о противоестественномъ распредѣленіи въ народѣ рабочихъ его силъ. Умственный пролетаріатъ—это гораздо болѣе ѣдкая сатира на народное благосостояніе, чѣмъ безвыходное положеніе фабричныхъ рабочихъ и крестьянъ.

Мы тутъ находимся точно въ заколдованномъ кругѣ. Развитіе духовныхъ произведеній идетъ ненормальнымъ путемъ. Недостатокъ матеріальнаго вознагражденія, встрѣчаемаго этими продуктами мысли, мѣшаетъ послѣднимъ пускать глубокіе корни въ нетвердой почвѣ. Самое зерно плохо развивается и только одна шелуха увеличивается въ объемѣ. Избытокъ растительной силы переходитъ не въ сердцевину дерева, а въ наружныя его части, въ кору и листья. Въ этомъ обстоятельствѣ кроется вся опасность соціальнаго положенія Германіи. Въ то время какъ въ остальной Европѣ четвертое сословіе возникло вслѣдствіе быстраго и насильственнаго поднятія промышленности, здѣсь оно является результатомъ чрезмѣрнаго умственнаго подъема. Въ другомъ мѣстѣ мы уже замѣтили, что нѣмецкое бюргерство своимъ вліяніемъ и новымъ положеніемъ въ современномъ обществѣ обязано двумъ великимъ событіямъ своего духовнаго возрожденія, именно—реформаціи и классическому періоду новѣйшей національной литературы, между тѣмъ какъ промышленныя его заслуги стали проявляться наружу только въ послѣднее время. Чрезмѣрная плодовитость германскаго духовнаго пролетаріата есть оборотная сторона этого явленія въ бюргерствѣ. Мы здѣсь ясно видимъ, что эти кризисы бюргерства естественнымъ образомъ породили въ обществѣ новый слой четвертаго сословія. Мы видимъ здѣсь двойственное соціальное взаимодѣйствіе одного и того же духовнаго возрожденія народа: положительное и отрицательное.

Нечего завидовать нѣмцамъ въ отношеніи этого перевѣса про-

[illegible] отдѣльную [illegible] работы. [illegible] фактъ [illegible] доходитъ до [illegible]. За этой [illegible] четвертаго [illegible] и [illegible] и противорѣчіе между [illegible] являются самыми [illegible]

[illegible] умственной работы [illegible] съ тѣхъ поръ, какъ [illegible] произведенія стали смотрѣть, какъ на [illegible] превратили ихъ въ отдѣльную отрасль промышленности. Бѣдствія которыхъ исторія [illegible] очень многіе [illegible] сами были не болѣе какъ пролетаріи. Но въ то время, какъ [illegible] самомнѣніе Германіи почти исключительно [illegible] въ литературѣ и искусствѣ, пролетаріи умственной дѣятельности стали получать о своемъ значеніи все болѣе [illegible] тѣмъ уже должны были [illegible] реальнымъ положеніемъ. Что духъ четвертаго [illegible] съ точки инте-
этихъ пролетаріевъ — это уже новый фактъ. [illegible] перешелъ въ
генція сдѣлалась идоломъ нашего времени. Такъ какъ интелли-
люди, превратившіе эту интеллигенцію въ [illegible] всѣ великіе и маленькіе
сію, стали титуловать себя ея жрецами и предъявлять несбыточныя и въ профес-
громадныя притязанія. Всѣ движенія, происходившія въ послѣднее
время въ Германіи въ соціальномъ отношеніи, были прямо или косвен-
но, вызваны пролетаріями умственной дѣятельности. Нигдѣ не найдете
вы болѣе рѣзкой ироніи на государственное устройство Германіи, какъ
въ томъ обстоятельствѣ, что въ 1848 году сами чиновники цѣлыми
массами хлопотали объ уничтоженіи историческихъ началъ общества,
тогда какъ бюргерство, крестьянство и поденщики оставались въ то
время совершенно спокойными. Цифра испорченныхъ литераторовъ, вы-
пускаемыхъ каждогодно государственными школами и вооружающихся
противъ общественныхъ началъ, служитъ самою ѣдкою эпиграммою на

общественное воспитание въ Германии. Социальный разладъ въ ней встрѣчается тамъ гдѣ его всего менѣе можно было ожидать—въ томъ общественномъ слоѣ, которымъ государство интересуется и занимается ex officio, которому онъ посвящаетъ все свое попеченiе—именно въ ученомъ бюргерствѣ. Подобную картину видѣли мы недавно во Франціи, только въ другой области. Чѣмъ болѣе это государство, въ лицѣ своего временнаго правительства, хлопотало объ улучшеніи быта бѣдныхъ рабочихъ, тѣмъ бѣднѣе становились послѣдніе, тѣмъ опаснѣе сдѣлались они для самаго государства.

Аристократическій элементъ, внесенный въ четвертое сословіе, состоялъ, какъ мы уже видѣли, изъ отжившей части давно существующей замкнутой общественной группы. Въ пролетаріатѣ умственной дѣятельности мы видимъ новую группу, только еще вызываемую къ бытію новыми теченіями культуры. Поэтому картина аристократическаго пролетаріата могла быть нами набросана на основаніи утраченныхъ свойствъ и потеряннаго значенія одной части истинной аристократіи, тогда какъ пролетаріатъ умственной работы мы должны будемъ рисовать по тому положенію, къ которому онъ стремится, и въ которое онъ надѣется себя поставить въ будущемъ. Тамъ соціальное болѣзненное положеніе обусловливалось недостаткомъ жизненной дѣятельности, здѣсь—избыткомъ ея, односторонне и неестественно нанаправленнымъ въ одну сторону, въ одинъ пунктъ. Аристократическій пролетаріатъ гибнетъ потому, что живетъ въ своемъ прошедшемъ, умственный же — потому, что онъ изъ фантома, изъ за какой то, его воображеніемъ созданной, соціальной будущности, забываетъ свое настоящее. Но въ то время, когда у аристократическаго пролетарія и у пролетаріата рабочихъ осталось еще воспоминаніе о прежней общественной организаціи своего сословія, въ то время какъ первый въ извѣстной степени живетъ въ преданіяхъ вліятельной и сильной аристократіи, а второй въ традиціяхъ свойственнаго ему ремесла, пролетаріатъ умственной дѣятельности и понятія не имѣетъ объ историческомъ раздѣленіи

сословій и работы, такъ какъ для него вообще исторія должна еще быть создана впередъ. Онъ, поэтому, по справедливости, можетъ быть названъ усовершенствованнымъ микрокозмомъ всего четвертаго сословія, идею котораго онъ осуществляетъ собою какъ нельзя вѣрнѣе.

Пролетаріатъ умственной дѣятельности вербуется изъ всѣхъ сословій; здѣсь господствуетъ самая неограниченная промышленная свобода: здѣсь нѣтъ ни цеховъ, ни спеціальностей, ни мастеровъ, ни подмастерій. Не только испорченные портные, какъ Вейтлингъ, но и испорченные графы, какъ Сенъ Симонъ и другіе, искали удачи и на литературномъ поприщѣ, тщетно гонявшись за нею въ другихъ формахъ пролетаріата. Въ высшей степени характеристично, что въ новѣйшее время это четвертое сословіе, въ которомъ соединяются противуположности разрушенныхъ и новосозданныхъ общественныхъ слоевъ, нашло своего перваго пропагандиста и вдохновеннаго пророка въ этомъ самомъ обѣднѣвшемъ аристократѣ, фантастическомъ мечтателѣ, графѣ Сенъ Симонѣ, который съ идеальнымъ вдохновеніемъ пылкой молодости и почти уже въ предсмертныхъ судоргахъ написалъ свое послѣднее сочиненіе: „Новое Христіанство“.

Наши наблюденія надъ умственнымъ пролетаріатомъ мы начнемъ съ пролетаріата художниковъ, который, по нашему мнѣнію, весьма поучителенъ, не потому, чтобы соціальное положеніе его выдавалось изъ ряда обыкновеннаго, но потому, что онъ составляетъ интересный матеріалъ для изслѣдованія генезиса четвертаго сословія вообще.

Мы встрѣчаемъ тутъ достойное нашего вниманія явленіе, состоящее въ томъ, что художникъ тѣмъ быстрѣе и рѣшительнѣе впадаетъ въ пролетаріатъ, въ духовномъ и матеріальномъ отношеніи, чѣмъ болѣе онъ разрываетъ старую естественную связь своего искусства съ бюргерскимъ ремесломъ, чѣмъ болѣе онъ освобождается изъ подъ строгой дисциплины своей ученической жизни, и чѣмъ болѣе исчезаютъ прежнія общества художниковъ. Люди, посвящающія себя образовательнымъ искусствамъ, до настоящаго времени почти совершенно чужды духа

четвертаго сословія, такъ какъ самый родъ ихъ занятій коренится, относительно техники, на почвѣ ремесла. Музыканты же и актеры, освободившись почти совсѣмъ отъ старой соціальной дисциплины корпораціи и ремесла, этимъ самымъ образовали особенный классъ пролетаріевъ-артистовъ.

Мы послѣдовательно и постепенно перейдемъ отъ художниковъ, болѣе связанныхъ съ общественной почвой, къ такимъ, въ которыхъ эта связь менѣе всего замѣтна.

Между художниками, занимающимися образовательными искусствами, архитекторы едва ли могутъ входить въ наше изслѣдованіе. Тѣсная связь, существующая между занятіями архитекторовъ и ремесломъ и наукою, уже съ среднихъ вѣковъ указала имъ почетное мѣсто въ гражданскомъ обществѣ. Цеховой характеръ былъ въ высшей степени развитъ въ средневѣковыхъ зодчихъ. Въ архитекторскія школы не всякій могъ попасть. Чѣмъ легче познается тайна какого нибудь искусства, тѣмъ больше къ нему стремятся такіе люди, которые, останавливаясь на полдорогѣ, становятся художниками-пролетаріями. считая себя однако вправѣ примкнуть къ истиннымъ жрецамъ искусства. Въ ревностныхъ стараніяхъ средневѣковыхъ архитекторскихъ цеховъ сохранить тайну своего искусства, видимъ мы не болѣе, какъ простое желаніе не допускать въ свою среду и не считать посвященными въ искусство людей, не дошедшихъ до извѣстной степени совершенства по строгимъ цеховымъ правиламъ. Въ средніе вѣка корпораціи служили органомъ для опредѣленія мѣръ этой цеховой дисциплины. У насъ нѣтъ такого органа; недостатокъ его именно и породилъ пролетаріатъ художниковъ.

Никто еще не слышалъ о пролетаріатѣ архитекторовъ, какъ объ отдѣльной соціальной группѣ, между тѣмъ какъ пролетаріатъ музыкантовъ и актеровъ рѣзко бросается въ глаза. Точно также никто не слыхалъ о пролетаріатѣ ваятелей, хотя въ Германіи плохихъ ваятелей гораздо болѣе, чѣмъ знатоковъ этого дѣла, потому что и у этого

рода художниковъ искусство тѣсно связано съ ремесломъ. Они должны пройти тяжкіе ученическіе годы, работа ихъ трудна и медленна, а пролетаріатъ гнѣздится только тамъ, гдѣ за посѣвомъ быстро слѣдуетъ жатва. Кромѣ того, самое изученіе пластическаго искусства, равно какъ и занятіе имъ, сопряжено съ извѣстными расходами, требуетъ извѣстнаго капитала и заготовленія необходимыхъ для труда матеріаловъ. Народъ не безъ основанія судитъ о достоинствѣ разныхъ промысловъ и ремеслъ по объему требуемыхъ для занятія ими капиталовъ, у него даже выработалась поговорка, провозглашающая занятія парикмахеровъ и музыкантовъ самыми вздорными и легкими, потому именно, что они не требуютъ никакихъ капиталовъ. Пластическій художникъ устраиваетъ мастерскую, гдѣ ученикъ и подмастерье работаютъ подъ надзоромъ мастера. Въ этихъ артистическихъ товариществахъ развивается, естественнымъ образомъ, извѣстная организація. Пластическій художникъ не можетъ, подобно музызаканту и актеру, вести кочевую жизнь и въ то же время заниматься своимъ искусствомъ: для него необходима жизнь болѣе осѣдлая. Существующая между его занятіями и ремесломъ связь даетъ его существованію твердую почву. Онъ не занимается изваяніемъ однихъ только греческихъ боговъ, и вовсе не считаетъ для себя унизительнымъ искать своего счастія въ художественномъ ремеслѣ, если иногда не находитъ его въ изваяніи чисто пластическихъ произведеній. Съ такимъ реальнымъ направленіемъ искусства общество всегда идетъ рука объ руку.

Нельзя достаточно оцѣнить стремленія прежнихъ, особенно нѣмецкихъ живописцевъ концетрироваться въ выборѣ своихъ сюжетовъ. Къ существеннымъ и отличительнымъ признакамъ пролетаріевъ умственной дѣятельности принадлежитъ и то, что они не только бродяжничаютъ по разнымъ странамъ, но также и по разнымъ отраслямъ своего искусства и науки. Поэтому литераторы, выставляющіе себя обыкновенно людьми всевѣдущими и берущимися за всякую умствен-

ную работу, обозначаютъ собою апогей пролетаріата. Художникъ, пишущій *только* мадоннъ и святыхъ, или трезвыхъ и пьяныхъ мужиковъ, *только* оленей, рогатый скотъ, или овецъ, никогда не заразится тѣмъ духомъ четвертаго сословія, который отважно блуждаетъ по широчайшей аренѣ. Энергически направляя всю свою художническую дѣятельность на извѣстную точку, онъ и въ соціальной жизни устранится мысли о недосягаемой всеобщности. Отличное вліяніе въ артистическомъ и соціальномъ отношеніи строгой школьной дисциплины обнаруживается въ послѣдователяхъ древнеиталіанскихъ и древненѣмецкихъ школъ живописи. Художники эти очень хорошо знали, у кого и чему они должны были учиться. Люди извѣстнаго направленія въ искусствѣ были всегда тѣсно связаны между собою, и составляли и въ жизни какъ бы отдѣльную корпорацію. Они съ точностію обозначали себѣ кругъ своей дѣятельности, и какъ въ искусствѣ, такъ и въ соціальной жизни, имѣли всегда подъ собою твердую почву. Въ современномъ пролетаріатѣ умственной работы никогда не замѣтите вы существованія извѣстнаго направленія, извѣстной „школы“. Тутъ все перемѣшано, перепутано, какъ въ хаосѣ. Замѣчательно, что когда въ современной живописи снова стали сказываться извѣстныя школы, то не только сталъ изчезать всякій духъ пролетаріата изъ этой области искусства, но многіе живописцы, находившіеся до того времени въ ленной зависимости отъ четвертаго сословія, стали получать болѣе гражданскую самостоятельность. Во все время упадка художествъ, живописецъ, если не имѣлъ опредѣленныхъ занятій при дворѣ, всегда подпадалъ бѣдствіямъ четвертаго сословія. Съ появленіемъ школъ живописи появились и корпоративная жизнь и ассоціаціонныя вспоможенія. Воскресшій корпоративный духъ живописцевъ увеличилъ требованія строгой технической дисциплины, имѣя въ виду сохранить въ чистотѣ тѣсно связанное товарищество и отстранять отъ него наплывъ автодидактическихъ дилеттантовъ—этихъ распространителей умственнаго пролетаріата. Съ радостію замѣчаемъ,

что съ тѣхъ поръ какъ поднялась современная живопись, значительно сократились толпы незрѣлыхъ живописцевъ, появлявшихся, подобно блуждающимъ огнямъ, въ разныхъ странахъ и наводнявшихъ особенно провинціальные города и болѣе богатыя села, гдѣ, пріобрѣтая легкій заработокъ, они безпечно жили до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не погибали медленно въ нищетѣ и бѣдствіяхъ. Зато теперь въ безчисленныхъ дагеротипистахъ и фотографахъ появился родственный имъ видъ пролетаріевъ. Но такъ какъ пріобрѣтеніе извѣстнаго навыка въ своемъ дѣлѣ замѣняетъ у нихъ художническія способности, то ихъ скорѣе можно отнести къ пролетаріату тѣхъ фабричныхъ рабочихъ, все существованіе которыхъ зависитъ только отъ манипуляціи машинныхъ работъ, имѣющей значеніе до тѣхъ поръ, пока сама машина находится не въ усовершенствованномъ состояніи.

Между музыкантами встрѣчаемъ мы совершенно уже развившійся пролетаріатъ художниковъ. До 18-го столѣтія, музыканты составляли довольно тѣсную корпорацію. Кто хотѣлъ быть серіознымъ музыкантомъ, тотъ долженъ былъ сдѣлаться предварительно каликантомъ, хористомъ или горнистомъ; онъ начиналъ слѣдовательно свое художническое поприще ремесленникомъ. Кромѣ того, гражданское его существованіе обезпечивалось многочисленными мѣстами въ придворныхъ и графскихъ капеллахъ, или должностями канторовъ и органистовъ. Рѣдко кто нибудь смотритъ съ соціальной точки зрѣнія на развитіе искусства; однако несомнѣнно, что паденіе священной Римской имперіи много способствовало упадку нѣмецкой придворной музыки. Съ уменьшеніемъ въ Германіи числа владѣтельныхъ особъ, уменьшилось и число придворныхъ капеллъ; обстоятельство это лишило большую часть инструментальныхъ музыкантовъ матеріальныхъ средствъ къ существованію. Старый солидный придворный музыкантъ превратился въ современнаго странствующаго виртуоза, утратилъ свое соціальное положеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно утратилась настоящая цѣль инструментальной музыки. Въ XVII и

XVIII столѣтіяхъ ученики отыскивали своихъ учителей, у которыхъ работали какъ въ цеховыхъ мастерскихъ. Музыкальный диллетантизмъ находился еще въ зародышѣ, и диллетанту, претерпѣвшему кораблекрушеніе въ житейскомъ морѣ, никогда въ голову не пришло бы сдѣлаться, ни съ того, ни съ сего, музыкантомъ, и заработывать себѣ кусокъ хлѣба въ званіи учителя на поприщѣ, на которомъ онъ никогда не былъ даже серіознымъ ученикомъ. Прежде между музыкантами существовали строгія корпораціи. Такъ, напримѣръ, такъ называемые „ученые трубачи", проходившіе строгую техническую школу и смотрѣвшіе на свое умѣніе играть на духовыхъ инструментахъ, какъ на священную научную тайну, пользовались до Іосифа II особыми казенными привиллегіями; они не допускали играть въ своей средѣ „неученыхъ", не принадлежавшихъ къ ихъ цеху, или, какъ они выражались, къ ихъ „товариществу". Положимъ, что такой взглядъ съ одной стороны пахнетъ филистерствомъ, чопорною косичкой, но зато эта строгая дисциплина способствовала ихъ баснословному усовершенствованію въ своемъ искусствѣ. И если подумаешь, что Гендель и Бахъ выросли въ такой же строгой дисциплинѣ технической школы, и дѣйствовали въ сферѣ ограниченнаго, но твердо обезпеченнаго бюргерскаго существованія, то невольно примиришься съ этимъ педантически - мелкимъ педантствомъ, шедшимъ рука объ руку съ свободною художественною геніальностію.

Какой рѣзкій контрастъ между этими музыкантами и современнымъ музыкальнымъ пролетаріатомъ—странствующими виртуозами! Какой контрастъ между старыми, честными музыкантами и тѣми художниками, которые, не имѣя постоянной родины, кочуютъ изъ одной страны въ другую, превращая въ профессію не самое искусство, а какую-то жалкую пародію на него, и, подстрекаемые минутнымъ успѣхомъ, приписываютъ себѣ званіе артистовъ, стремятся къ легкому пріобрѣтенію жизненныхъ средствъ и обязаны своимъ существованіемъ безсмысленному капризу быстро мѣняющейся публики! Всегда бываетъ, что апогей

нравственнаго упадка народа есть самое лучшее время для пролетаріевъ-виртоузовъ. Такъ въ XVIII столѣтіи, при дворахъ, достигшихъ высшей степени развращенности нравовъ, процвѣталъ и блаженствовалъ пролетаріатъ пѣвцовъ, въ то время, какъ истинные артисты предавались скромной и дѣятельной гражданской жизни. Обѣ эпохи реставраціи двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ составляли лучшее время для инструментальныхъ виртоузовъ. Съ улучшеніемъ и развитіемъ народной и политической жизни, въ четвертомъ десятилѣтіи, набѣги этихъ номадовъ-артистовъ стали рѣже. Въ дни литературной и музыкальной „юной Германіи", пролетаріи-виртоузы въ послѣдній разъ стали проявляться вездѣ подобно быстро всходящимъ плевелямъ. При чтеніи въ исторіи музыки, жизнеописаній этихъ странствующихъ виртуозовъ, намъ какъ будто открывается громадный лазаретъ, наполненный больными въ гражданскомъ, нравственномъ и художественномъ отношеніяхъ—образцовая клиника, великолѣпно устроенная для поучительныхъ, культурно-историческихъ наблюденій. Одна только группа странствующихъ литераторовъ является еще болѣе поучительною въ патологическомъ отношеніи. Странствующіе виртуозы выбираютъ призваніе, которое никогда не можетъ наполнить все существованіе человѣка; они поэтому въ своей жизни принуждены щеголять внѣшнимъ блескомъ, рѣзко противорѣчащимъ съ ихъ настоящимъ положеніемъ. Это внутреннее противорѣчіе рождаетъ у нихъ тотъ разладъ въ гражданскомъ и художественномъ отношеніяхъ, вслѣдствіе котораго субъекты ихъ десятка смотрятъ на свѣтъ и людей, то въ настроеніи веселаго опьяненія, то въ тяжеломъ расположеніи духа „человѣка съ похмѣлья". Странствующій виртуозъ старается освободить себя отъ всякихъ ограниченій, которымъ подверженъ художникъ въ отношеніи гражданскомъ. Онъ, такъ сказать, эманципируетъ свое искусство отъ всякой дисциплины школы и мысли. Онъ составляетъ собою самый разительный образчикъ четвертаго сословія между художниками, стремящійся уни-

чтожить всякую историческую организацію дѣятельности и жизни художниковъ.

Въ высшей степени замѣчательно, что странствующіе виртуозы составляли среди музыкантовъ историческое явленіе, за которымъ можно было слѣдить впродолженіи послѣднихъ двухъ столѣтій. Въ XVII вѣкѣ многіе музыканты-авантюристы отправлялись за море,—въ XVIII вѣкѣ читаемъ мы о предпринятыхъ съ художественною цѣлію путешествіяхъ въ Турцію и Арменію. Въ сущности эти искатели приключеній составляли тотъ же, полный внутренняго разлада, современный пролетаріатъ, съ тою лишь разницею, что эти музыканты-пролетаріи прежняго времени появлялись какъ исключенія, хотя слишкомъ періодически, между тѣмъ какъ современные пролетаріи музыканты своею громадною массою берутъ перевѣсъ надъ истинными артистами. Старый Нейбауэръ, который, любя свободную артистическую жизнь, проситъ по монастырямъ Христа ради, и, выражаясь словами шиллеровскаго скрипача Миллера, за какое нибудь горячее блюдо давалъ концертъ (der Conzert für was Warmes gibt), а за ночлегъ роздаетъ свои композиціи, сочиненныя имъ навеселѣ въ кабакахъ и передних ъ—этотъ разительный примѣръ глубоко художественной, но такъ же глубоко упадшей натуры—есть истинный представитель странствующихъ пролетаріевъ-музыкантовъ прежняго времени. И, какъ бы чувствуя въ себѣ сильнѣе соціальный, чѣмъ художественный разладъ, этотъ странный артистъ вызываетъ на музыкальное единоборство своего соціальнаго антипода, честнаго Баха, этого солиднаго бюргера и акуратнаго музыканта, опредѣлившаго даже извѣстные часы въ день, въ которые онъ непремѣнно долженъ былъ что нибудь компонировать. Исторія музыки въ соціальномъ отношеніи чрезвычайно богата оригинальными картинами. Съ этой стороны она еще составляетъ почти нетронутый матеріалъ.

Пролетаріатъ странствующихъ виртуозовъ проходитъ чрезъ всѣ степени артистовъ; онъ начинается отъ салонныхъ музыкантовъ и идетъ

сплошь до артистовъ и органистовъ, странствующихъ по деревнямъ во время храмовыхъ праздниковъ. Крестьяне часто жалуются, что „со времени революціи всѣ хотятъ жить музыкою“. Замѣчаніе это направлено противъ низшаго разряда музыкальнаго пролетаріата, увеличивающагося съ удивительною быстротою. Крестьянинъ чувствуетъ всю тяжесть этого явленія, ибо онъ знаетъ, что каждый изъ этихъ ярмарочныхъ виртуозовъ есть не только безполезный, но также и обременительный и лишній членъ гражданскаго общества.

Въ Германіи есть однако классъ странствующихъ музыкантовъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ нельзя отнести къ четвертому сословію. хотя люди эти и одѣваются въ толстые балахоны. Классъ этотъ—осѣдлые деревенскіе музыканты, которые въ довольно большомъ числѣ распространены во всей Германіи. Одни изъ нихъ занимаются лѣтомъ земледѣліемъ, зимою музыкою; другіе же зимою ремесломъ, а лѣтомъ музыкою. Такъ какъ обыкновенно въ самомъ незначительномъ селѣ вы встрѣтите по крайней мѣрѣ одного изъ такихъ виртуозовъ, значущагося въ статистическихъ таблицахъ населенія „музыкантомъ“, тогда какъ его скорѣе слѣдовало бы отнести къ сословію крестьянъ, то въ общемъ итогѣ музыканты эти составляютъ баснословную статистическую цифру. Такъ въ герцогствѣ Нассаускомъ, въ которомъ почти вовсе нѣтъ большихъ городовъ, на каждую тысячу человѣкъ населенія, въ томъ числѣ женщинъ и дѣтей, приходится одинъ такой музыкантъ, что составило бы страшный пролетаріатъ, если бы каждый изъ этихъ артистовъ не занимался, сверхъ того, еще земледѣліемъ или какимъ нибудь ремесломъ. Такъ большую часть богемскихъ и фульдскихъ музыкантовъ, появляющихся въ разныхъ мѣстахъ въ громадномъ числѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя отнести къ странствующимъ пролетаріямъ. Возвращаясь изъ своихъ путешествій на родину, они находятъ тамъ свои маленькія мызы, или работаютъ въ своихъ мастерскихъ. Въ этихъ странствующихъ музыкантахъ не встрѣтите вы ни малѣйшаго разлада съ обществомъ: напротивъ, вы найдете въ нихъ скорѣе здоровую, неиспорченную на-

туру крестьянина или ремесленника, нѣсколько облагороженную художническими занятіями.

Перейдемъ къ драматическимъ артистамъ. Актеры составляли всегда пролетаріатъ между художниками; это были люди, исключенные изъ гражданскаго общества, паріи художественнаго міра, историческое и впервые развившееся четвертое сословіе между артистами. Все существо драматическаго искусства предполагаетъ въ занимающемся имъ корпоративную жизнь. У драматическихъ труппъ, находившихся въ деспотической зависимости отъ своего „комедіантъ-мейстера", образовалась строгая цеховая организація. Но цеховое это устройство могло имѣть нѣкоторыя хорошія послѣдствія только для технической дисциплины сцены, между тѣмъ какъ сами актеры оставались пролетаріями. Матеріальное ихъ положеніе было въ высшей степени жалкое. Явленіе это очень естественно. Драматическія труппы стремились къ цеховому порядку не изъ желанія найти въ своей корпораціи болѣе прочное гражданское положеніе: къ цеховому порядку онѣ были вынуждены деспотическою необходимостію сценической дисциплины и, наконецъ, самимъ обществомъ, которое ихъ исключило изъ своей среды и которое этимъ жестокимъ приговоромъ осудило ихъ на безвыходное положеніе четвертаго сословія. Корпоративная организація актеровъ была чисто внѣшняя, формальная; о вліяніи ея на соціальное ихъ положеніе не могло быть и рѣчи. Комедіантъ, которому даже послѣ смерти не отводили приличнаго мѣста на кладбищѣ, только относительно считался членомъ общества. Уже одна вѣчно странствующая жизнь, на которую осуждены были эти драматическія товарищества, должна была сильно способствовать развитію въ нихъ пролетаріатскаго духа. Возможность сдѣлаться осѣдлыми въ гражданскомъ отношеніи и выпутаться изъ своего пролетаріатскаго положенія наступила для актеровъ лишь съ устройствомъ придворныхъ и постоянныхъ городскихъ театровъ. Однако до сихъ поръ еще масса странствующихъ труппъ превосходитъ своею численностію осѣдлыхъ актеровъ. А что склонность къ осѣд-

лости далеко еще не сильна даже и между членами постоянныхъ театровъ—объ этомъ свидѣтельствуетъ то обстоятельство, что единственная связь, соединяющая труппы во многихъ большихъ театрахъ Германіи, составляютъ обязательство и контрактъ оставаться на сценѣ извѣстное время.

Какъ ни бѣденъ и ни несчастливъ странствующій актеръ, какъ ни проглядываютъ ярко въ его положеніи вѣрные признаки четвертаго сословія, его все таки нельзя сравнить съ тѣмъ опаснымъ пролетаріатомъ, который изъ зависти и озлобленія желаетъ уничтожить весь общественный строй, или по крайней мѣрѣ, подобно благородному пролетарію музыканту, съ мрачною, болѣзненною раздражительностью смотритъ на свѣтъ и людей, какъ будто совершилъ страшное преступленіе. Странствующій актеръ легко покоряется своей судьбѣ; онъ ничего лучшаго никогда и не желалъ; онъ примкнулъ къ своей труппѣ въ полномъ сознаніи, что этотъ шагъ отрѣзалъ его навсегда отъ гражданскаго общества; онъ даже на сценѣ перемѣнилъ свою настоящую фамилію на вымышленный псевдонимъ; онъ старается забыть на сценическомъ поприщѣ всякую связь съ своею прежнею жизнію, даже съ своимъ именемъ. Хотя онъ очень мало имѣетъ историческихъ познаній о развитіи своего искусства и призванія, зато онъ по крайней мѣрѣ хорошо знаетъ, что странствующіе актеры уже съ незапамятныхъ временъ были пролетаріями въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ, съ легкою покорностію добраго стараго времени, подчиняется своему грозному року; на свое несчастіе онъ смотритъ, какъ на неминуемое событіе, при которомъ безполезенъ всякій ропотъ, и котораго никакая сила не въ состояніи смягчить. Несмотря на несправедливость исторически привилегированнаго общества въ отношеніи къ странствующимъ актерамъ, несмотря на то, что оно цѣлыя столѣтія извергало ихъ изъ своей среды, послѣдніе не питаютъ къ нему никакого озлобленія, хотя имѣютъ на то несомнѣнное право. Озлобленіе противъ общества—одна изъ главныхъ пружинъ дѣйствій остальнаго современнаго пролетаріата—чуждо этимъ драматическимъ арти-

стамъ. Они безропотно покоряются своему жалкому положенію изъ одного легкомыслія, подобно тому, какъ средневѣковой пролетарій, видѣвшій въ своей незавидной судьбѣ перстъ Божій, безропотно покорялся изъ одного благочестія. Странствующій актеръ, ничего не желающій дѣлать для того, чтобы вырваться изъ своего грустнаго положенія и чувствующій въ немъ даже нѣкоторую пріятность, подобно бездомному цыгану, которому чрезвычайно нравится его бродяжническая жизнь, составляетъ рѣдкое явленіе въ современной соціальной жизни и вполнѣ заслуживаетъ нашего вниманія. Многіе изъ директоровъ этихъ странствующихъ, особенно мелкихъ, труппъ дѣлаются періодически банкротами, именно каждою весною. Навербованные осенью члены этихъ труппъ очень хорошо знаютъ, что помимо заключеннаго ими съ директоромъ контракта, они только въ первые мѣсяцы своего ангажемента будутъ играть за полное жалованье, потомъ уже за половинное и наконецъ должны будутъ довольствоваться дѣлежемъ скуднаго сбора. Все это они уже заранѣе знаютъ, и видятъ въ этомъ разъ навсегда заведенный обычай, — необходимость, которой нельзя избѣгнуть. Пролетаріатская эта жизнь по крайней мѣрѣ отчуждаетъ актеровъ отъ коммунистическихъ идей, ибо они знаютъ по опыту, что при вознагражденіи за игру дѣлежомъ сбора имъ гораздо меньше достается, чѣмъ при половинномъ жалованьѣ въ предшествовавшій періодъ сезона. Съ наступающею весною многія странствующія труппы періодически навѣщаютъ своихъ товарищей, живущихъ при столичныхъ театрахъ на хорошемъ жалованьи и составляющихъ сборы въ пользу неимущей своей братіи. Обычай этотъ существуетъ между актерами съ давняго времени и есть довольно интересный остатокъ прежняго корпораціоннаго устройства драматическихъ труппъ. Даже самый скупой членъ придворнаго или городскаго театра считаетъ священною обязанностью оказать приличное пособіе своему неимущему собрату по искусству. При многихъ театрахъ даже устроены для этой цѣли особенныя вспомогательныя кассы съ порядочными суммами, спасающія каждогодно

[illegible]

[illegible]

ное жалованье, въ Рождество на половинное, около Срѣтенія Господня на дѣлежъ сбора, а въ Ивановъ день просто уже просятъ Христа ради.

Въ лицѣ этихъ странствующихъ труппъ мы при всемъ томъ видимъ предъ нами лишь кандидатовъ четвертаго сословія, на которыхъ уже искони смотрѣли, какъ на отверженцевъ гражданскаго общества, и которые, тѣмъ не менѣе, не питаютъ никакой вражды къ этой немилосердной средѣ; это пролетаріи, умѣющіе смягчать свое горькое положеніе легкомысліемъ и веселымъ юморомъ, въ противоположность другимъ группамъ четвертаго сословія, старающимся утолять свое горе въ желчномъ озлобленіи противъ общества и въ стремленіяхъ ниспровергнуть его существующій порядокъ—люди, находящіеся въ разладѣ съ обществомъ и все-таки не въ враждебныхъ къ нему отношеніяхъ, люди, старающіеся заглушить въ мірѣ фантазіи свое постыдное положеніе, утопить свое горе въ винѣ, и съ презрѣніемъ смотрящіе на осѣдлаго филистера, положенію котораго они не могутъ завидовать. Такъ это было нѣсколько столѣтій тому назадъ, когда императоръ Гейнрихъ III, желая очистить свой Ингельгеймскій дворецъ, наводняемый въ то время странствующими histriones Joculatores, приказалъ не кормить этихъ надоѣвшихъ ему драматическихъ артистовъ, такъ это бываетъ еще и теперь. Такъ какъ современное горькое соціальное положеніе этого сословія кажется ему шуткой въ сравненіи съ грустнымъ его прошедшимъ, то оно легко и безропотно переноситъ тяжелую борьбу съ своимъ настоящимъ.

Люди, сдѣлавшіе своимъ исключительнымъ промысломъ стихотворство, стали, какъ извѣстно, постепенно улетучиваться съ шестнадцатаго столѣтія, когда разрядъ придворныхъ поэтовъ мало по малу сталъ переходить въ классъ придворныхъ шутовъ. Гостепріимная литература даетъ однако еще и теперь убѣжище тѣмъ риѳмоплетамъ, которые во время-оно исправляли бы должность poëtum Laureatorum и содержались бы на королевскихъ харчахъ. Мы переходимъ теперь къ странному соціальному феномену въ современномъ литераторствѣ.

Собственно говоря, такъ называемое литераторство въ Германіи зародилось не болѣе какъ 20 лѣтъ тому назадъ. По крайней мѣрѣ съ этого времени многочисленный классъ образованныхъ людей сталъ смотрѣть на „сочинительство" какъ на единственный предметъ своихъ доходовъ, какъ на главную основу своего матеріальнаго существованія. При нашихъ дѣдахъ книги и газеты доставляли ихъ авторамъ очень мало матеріальной выгоды. И если какой нибудь бѣдняга студентъ исключительно служилъ издателямъ, то онъ этимъ обыкновенно нисколько не выпутывался изъ своего сквернаго положенія. Обязательныя прорѣхи въ его сюртукѣ не исчезали, и чердачная комната оставалась по прежнему его квартирой. Всѣмъ извѣстны какъ скудны были гонорары, которые доставались героямъ нашей классической литературной эпохи за ихъ образцовыя произведенія отъ разбогатѣвшихъ чрезъ нихъ же издателей-антрепенеровъ. Кто хочетъ убѣдиться въ томъ, что наилучшія повременныя изданія, даже въ самое интересное для нихъ время французской революціи, доставляли лишь ничтожную матеріальную выгоду авторамъ, того отсылаемъ къ письмамъ Георга Форстера. Не слѣдуетъ однако забывать, что въ то время болѣе извѣстные писатели нерѣдко имѣли возможность пользоваться литературнымъ досугомъ и улучшать свой матеріальный бытъ безчисленными прибыльными мѣстами историографовъ, библіотекарей, придворныхъ домашнихъ секретарей, между тѣмъ какъ въ настоящее время всѣ эти должности уменьшились въ той же мѣрѣ, какъ и мѣста придворныхъ капеллистовъ и органистовъ. Въ нѣсколько позднѣйшее время видимъ мы рядъ романистовъ и драматическихъ писателей, сколотившихъ себѣ своими произведеніями приличное состояніе, но это были такія же рѣдкія исключенія, какъ рѣдки случаи, гдѣ современный писатель, своими литературными трудами составилъ себѣ состояніе. До позднѣйшаго времени никто и не думалъ обезпечивать существованіе писателей изданіемъ какой либо газеты или журнала. Оригинальныя статьи, помѣщенныя въ извѣстнѣйшихъ культурно-историческихъ повременныхъ изданіяхъ

XVIII столѣтія, были большею частію даровыя, хотя и принадлежали перу знаменитѣйшихъ писателей. Почти до позднѣйшаго времени гонорарный бюджетъ замѣнялся въ Германіи краснымъ карандашемъ и ножницами цензора, особенно въ редакціяхъ многихъ ежедневныхъ политическихъ газетъ. Періодъ настоящей современной журналистики начался съ 1813 года. Онъ наступилъ для Германіи, когда вспыхнувшая іюльская революція вновь встревожила умы. Съ журнализмомъ появились многіе литераторы, размножавшіеся все съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ разростанія журнализма. Но послѣдній не успѣлъ еще сдѣлаться самостоятельною силою, а въ Германіи существовали уже цѣлыя товарищества журналистовъ, хотѣвшихъ, во что бы то ни стало, быть самостоятельною силою, независимымъ учрежденіемъ. Собственно говоря журнализмъ до 1848 г. былъ только терпимъ въ государствѣ, какъ нѣкогда находившіеся подъ покровительствомъ евреи, но литераторы однако ни въ какомъ случаѣ не хотѣли разыгрывать жалкую роль „покровительствуемыхъ евреевъ“.

Увлекаясь хорошимъ положеніемъ прессы въ Англіи и Франціи, нѣмецкій литературный міръ почувствовалъ и въ себѣ высокое достоинство, а между тѣмъ Германская пресса вовсе не имѣла еще такого положенія. Народъ вдохновлялся политическими событіями, у него много было политическаго огня, но онъ оставался равнодушенъ къ публицистамъ. Не возвышеніе ренты книжной торговли, но пріятный внѣшній толчекъ поднявшейся конкуренціи, заставилъ книгопродавцевъ гарантировать пишущей братіи какую нибудь плату, хотя самую ничтожную, грошовую. Литература, какъ профессія, литераторы какъ отдѣльное сословіе, были въ Германіи антисипированное явленіе, преждевременный соціальный плодъ.

Изъ этого можно заключить, что нѣмецкіе литераторы, хотя появились одновременно съ журнализмомъ, не были однако имъ вызваны. Вѣрнѣе кажется, что рано появившееся литераторство, терпя сильную

нужду, способствовало къ рожденію на свѣтъ полусозрѣвшей современной журналистики.

Нѣмецкій литературный міръ, при своемъ первоначальномъ появленіи. былъ результатомъ соціальной болѣзни. Непомѣрное уваженіе къ умственной работѣ и пренебреженіе промышленною, лихорадочно охватили умы въ исходѣ XVIII столѣтія, и прежняя полезная дѣятельность рабочаго и промышленнаго люда ослабѣвала по мѣрѣ того, какъ учено-литературная слава образованныхъ стала приближаться къ своему апогею. Это оборотная сторона духовнаго возрожденія нѣмецкаго бюргерства. Эта болѣзненная односторонность поддерживалась сверху и снизу, и мы сами еще подвергались ей въ молодости. Бюрократическое государство старалось по возможности игнорировать самостоятельныя силы промышленности и торговли, потому что по его принципамъ политическій и соціальный вѣсъ государства зависитъ отъ ученаго и чиновническаго міра. Въ продолженіе всего длиннаго періода реставраціоннаго времени, героями дня то и дѣло были: чиновники (разумѣется, не государственные люди), литераторы, виртуозы и театральныя пѣвицы. Подобно тому, какъ во времена крестовыхъ походовъ все бралось за оружіе, а за неимѣніемъ его по крайней мѣрѣ за палку, даже дѣти составляли цѣлые полки и въ рядахъ сражающихся встрѣчались и женщины, такъ теперь все устремилось къ научному знанію. Женщины стряпали книги, скрыпка и литература составляли игрушки дѣтей, которыя, посмотришь, тоже слыли въ знаменитостяхъ ученаго и артистическаго міра. Донъ-кихотство литераторскаго честолюбія есть одна изъ замѣчательныхъ соціальныхъ характеристическихъ чертъ нашего времени. Ремесленникъ, который въ прежнее время съ извѣстною гордостью завѣщалъ своимъ дѣтямъ и внукамъ свое честное ремесло, желалъ теперь улучшить ихъ участь, заставляя ихъ заниматься не полезнымъ ремесломъ, а науками. Бѣдныя вдовы голодали и собирали даже милостыню, единственно для того, чтобы доставить своимъ возлюбленнымъ чадамъ средства къ обученію. Онѣ проливали слезы радости, когда

наступало давно желанное время выпуска ихъ дѣтей, имѣвшихъ тогда уже законное право пользоваться всѣми привилегіями чиновничьяго пролетаріата. Казалось, будто единственное достойное человѣка призваніе могло только вытекать изъ поверхностно нахватанныхъ познаній о какой нибудь обѣщающей хлѣбъ наукѣ, и тотъ, кто не зубрилъ 8 лѣтъ Бредера и Бутмана для того, чтобы забыть ихъ на 9-мъ году, считался полусозрѣлымъ, недорослемъ.

Однимъ изъ необходимѣйшихъ результатовъ такого болѣзненнаго настроенія умовъ было преждевременное рожденіе на свѣтъ нѣмецкаго литераторства. Главнымъ мотивомъ умственной работы многихъ бездарныхъ и непризванныхъ писакъ было честолюбіе. Чувство это могло себѣ найти скорое, легкое, хотя и ничтожное, удовлетвореніе въ ежедневныхъ повременныхъ изданіяхъ. Кто хотѣлъ жать, не сѣя, тотъ дѣлался литераторомъ. Такъ какъ само литераторство было преждевременнымъ явленіемъ, то оно большею частію стремилось къ тому, чтобы какъ можно скорѣе достичь духовной славы—этого идола вѣка. И недоучившійся студентъ, напримѣръ, съ своей стороны антисипировалъ, въ качествѣ литератора, призваніе, до котораго онъ могъ бы только дойти послѣ долголѣтней трудной работы. Опасное мнѣніе, будто при обученіи другаго можно и самому научиться, породило безчисленныхъ незрѣлыхъ писакъ. Поэтому хорошіе кизили и плохіе литераторы имѣютъ между собою то общее, что тѣ и другіе начинаютъ уже гнить, не успѣвши еще созрѣть. Такимъ образомъ литераторъ уже въ ученомъ отношеніи оказался такимъ же недозрѣлымъ, полнымъ противорѣчій, твореніемъ, какимъ онъ сдѣлался въ послѣдствіи и въ соціальной жизни. Жажда серьезныхъ научныхъ знаній и полезной практической дѣятельности быстро исчезла. А между тѣмъ главная задача публициста собственно и состоитъ въ примѣненіи своихъ серьезныхъ знаній къ практической жизни. О такихъ полусозрѣвшихъ людяхъ можно сказать: „отъ воронъ отстали, къ павамъ не пристали“.

Но честолюбіе, какъ единственный мотивъ умственной работы, по-

рождаетъ въ гражданской жизни то преждевременное сибаритство, которое составляетъ отличительный признакъ большей части нашихъ публицистовъ. Послѣдніе легко переняли у французскихъ писателей глупое чванство блестящею роскошью, золотыми цѣпочками, шампанскимъ, но въ то же время не были въ состояніи вывѣдать у зарейнской своей собратіи тайну пріобрѣтенія высокихъ гонораровъ за литературные труды. И у кого не было матеріальныхъ средствъ щеголять этимъ блескомъ in natura, старались обнаружить его по крайней мѣрѣ въ своемъ слогѣ. Въ „изящно-благородномъ стилѣ“, бывшемъ въ большой модѣ у нѣмецкихъ фельетонистовъ и беллетристовъ, особенно въ дни юной Германіи, кроется самая глубокая иронія на самихъ писателей. Читая этотъ слогъ, эти напыщенныя салонныя фразы, эти жеманно-надутые обороты такъ называемаго „высшаго общества“, вносимые авторомъ въ литературу какъ нѣчто новое, геніальное, свѣжее, съ перваго раза подумаешь, что всѣ наши литераторы воспитывались и выросли на паркетныхъ полахъ и непремѣнно бы спотыкались, если бы ступили на грубый и неизящный полъ въ квартирѣ бюргера или крестьянина. На дѣлѣ же авторы эти обыкновенно—отчаянные бѣдняки, которымъ немалаго труда стоило отрѣшиться отъ простыхъ, но здравыхъ, задушевныхъ выраженій и взглядовъ того общественнаго слоя, въ которомъ они выросли, и замѣнять ихъ громкими, напыщенными фразами чуждаго имъ сословія. Несчастіе нашего современнаго литературнаго міра заключается именно въ томъ, что онъ въ духѣ четвертаго сословія силится всячески отрицать и стряхнуть съ себя свои природныя привычки и убѣжденія.

Новѣйшая народная литература, съ точки зрѣнія исторически-литературной, сдѣлалась исключительно литературой образованныхъ, но она ни въ какомъ случаѣ не можетъ называться литературой всего народа. Взглядъ этотъ также вѣренъ и съ точки зрѣнія соціальной. Къ отрѣшенію отъ своей природной почвы, отъ бюргерства, какъ въ научномъ, такъ и соціальномъ отношеніи, стремилась прежде ученая аристократія; въ настоящее же время стремленіе это замѣтно въ ученомъ

пролетаріатѣ. Такъ и между пролетаріями-музыкантами выработался стиль такъ называемой салонной музыки, въ которомъ честные гражданскіе и народные мотивы прежнихъ артистовъ перешли въ баронство, между тѣмъ какъ сами артисты эти никогда не дѣлались баронами, а обыкновенно только переходили изъ третьяго въ четвертое сословіе. Примиреніе народа съ литературнымъ міромъ можетъ только состояться путемъ соціальнымъ, но не литературнымъ (какъ вообще думаютъ публицисты, щеголяющіе въ своихъ сочиненіяхъ народными выраженіями и оборотами, вошедшими въ послѣднее время въ моду). Слогъ ученаго аристократа или литератора-пролетарія очистится и освѣжится тогда, когда, предавшись здравой жизни гражданина, они почерпнутъ для себя изъ этой же жизни свѣжія, юныя силы. Рѣчь и воззрѣнія крестьянина — источникъ простой, размашистой и здравой силы нашего языка, подобно тому, какъ въ рѣчи бюргера кроется все его богатое, полное юношескихъ силъ, разнообразіе, тогда какъ въ нивеллированныхъ, условно напыщенныхъ и вялыхъ фразахъ образованной аристократіи замѣтна старческая безжизненность. Д-ръ Мартинъ Лютеръ, величайшій нѣмецкій народный писатель, былъ также литераторъ, и не какой нибудь бездарный писака въ популярномъ духѣ, но ученый въ полномъ смыслѣ слова, проложившій своимъ геніемъ новую дорогу наукѣ; а между тѣмъ онъ никогда не отрицалъ своей природной почвы, и въ его слогѣ такъ и слышится, что онъ былъ сынъ рудокопа изъ Эйслебена. Все его литературное поприще доказываетъ, что онъ остался вѣренъ соціальной почвѣ бюргерства, и онъ былъ истинный народный писатель, потому что черпалъ всегда новую силу и полноту мысли и выраженія въ той гражданской жизненной сферѣ, съ которою онъ былъ всѣмъ существомъ своимъ связанъ по рожденію и воспитанію.

Литераторство находится въ ненормальномъ отношеніи не только къ обществу, но также къ самому государству. *Смѣшеніе оппозиціи политической съ соціальной*, составляющее одну изъ характеристическихъ чертъ всѣхъ революціонныхъ движеній новѣйшаго време-

ни, нашло себѣ въ Германіи природныхъ пропагандистовъ и ревностныхъ распространителей въ литературномъ пролетаріатѣ. Послѣдній, особенно въ самыя рѣшительныя минуты, старался доказать рабочему пролетаріату тождественность переворота политическаго съ соціальнымъ, и настраивалъ его такимъ образомъ къ борьбѣ противъ историческаго государственнаго строя.

Аристократу-пролетарію очень мало дѣла до государственнаго строя, который хотя и ввергъ его въ бездну четвертаго сословія, но не прямо, а косвенно, посредственно. Онъ даже имѣетъ нѣкоторое основаніе быть расположеннымъ къ современному государственному строю, который одинъ почти спасаетъ его отъ голодной смерти, даетъ ему соціальное удовлетвореніе, и въ извѣстныхъ случаяхъ мститъ даже за него самому обществу, стараясь лишить аристократію ея значенія и сглаживая всякія отличія между нею и аристократическимъ пролетаріемъ. Художническій пролетаріатъ никогда не былъ въ претензіи на государственное устройство, и мало даже чувствуетъ себя обиженнымъ, когда оно его совершенно игнорируетъ. Онъ, впрочемъ, имѣетъ весьма основательную причину держаться консервативныхъ началъ, потому что очень хорошо знаетъ, что всякій переворотъ и потрясеніе въ государствѣ вмѣстѣ съ тѣмъ непремѣнно потрясетъ и его матеріальное существованіе.

Совершенно другое видимъ мы въ литературномъ пролетаріатѣ. Подъ его эгидою ищутъ себѣ защиты и убѣжища отверженные не только обществомъ, но и государствомъ—люди, потерпѣвшіе кораблекрушеніе въ житейскомъ морѣ и напрасно добивавшіеся „барскаго существованія“. Горя мщеніемъ къ государству, отказывавшему ему въ средствахъ къ существованію, ненавидя полицію, объявляющую его подозрительною личностію, литераторъ-пролетарій воспламеняется местію и противъ самаго общества, тогда какъ у пролетарія ремесленника и у поденнаго работника это наоборотъ: озлобленіе противъ общества ведетъ ихъ къ озлобленію противъ государства. Отрицающихъ литера-

торовъ, питающихъ одновременную одинаково сильную и одинаково основательную ненависть какъ къ обществу, такъ и къ государству, встрѣчаемъ мы въ Германіи только въ отдѣльной, совершенно оригинальной группѣ еврейскаго умственнаго пролетаріата. Еврейскіе литераторы par exellence, находившіеся въ революціоное время всегда тамъ, гдѣ дѣло шло о томъ, чтобы легкій огонь раздувать въ пожирающее пламя, равно отвержены государствомъ и обществомъ. Отъ специфическаго юдейства они отстали, а къ христіанству не примкнули; они знать ничего не хотятъ ни о германскимъ государствѣ, ни о еврейской теократіи. Они такъ внезапно вырвались изъ слишкомъ строгой школы религіознаго политическаго и гражданскаго гнета, что вообще не хотятъ признать никакихъ историческихъ ограниченій и формъ ни въ государствѣ, ни въ обществѣ и церкви. Люди эти служатъ образцами современнаго литераторства: они представители литературнаго пролетаріата во всѣхъ его отношеніяхъ. Что къ этой группѣ примкнули также и необрѣзанные духомъ, какъ выражается апостолъ, объ этомъ и говорить нечего, точно также, какъ нечего упоминать, что не всякій еврейскій писатель принадлежитъ къ этой категоріи.

Всякій, считавшій себя обиженнымъ государственною властію, думалъ отомстить своему врагу какъ нельзя болѣе безпощадно, выступая на литературную арену, въ которой предполагалъ найти самый острый мечъ для его пораженія. Кто самымъ краткимъ и легкимъ путемъ хотѣлъ пріобрѣсть политическій вѣсъ, дѣлался журналистомъ, подобно тому, какъ въ фалангу журнальныхъ критиковъ легко вступали люди, желавшіе играть роль въ артистическомъ мірѣ, но въ то же время, чувствовавшіе свою неспособность быть художникомъ. Одна изъ самыхъ опасныхъ сторонъ современнаго литературнаго міра заключается именно въ томъ, что многіе избираютъ свое призваніе не въ надеждѣ быть полезнымъ обществу, но единственно съ цѣлію пріобрѣсть въ немъ какъ можно болѣе личнаго значенія и вѣса. Извѣстный классъ отверженныхъ театральныхъ рецензентовъ, торгующихъ своими критическими замѣт-

[illegible] всякій стыдъ и честь, кромѣ только чести имѣть боль-[illegible]ніе на сценическій міръ, хотя бы это вліяніе и было чисто отри[illegible]тельное, вліяніе, которымъ само собою пользуется всякая презрѣнная личность. Онъ позоритъ, ругаетъ артистовъ на чемъ свѣтъ стоитъ, не только потому, чтобы послѣдніе задабривали иногда опаснаго ихъ талантамъ зоила и такимъ образомъ доставляли бы ему насущный кусокъ хлѣба, но и потому также, что въ этомъ заискиваніи артистовъ онъ чувствуетъ свое достоинство и видитъ свое личное на нихъ вліяніе. Подобная литературная сволочь, стремящаяся деморализировать большинство артистическаго міра, имѣетъ такое же право гордиться своимъ личнымъ вліяніемъ, какъ публицисты, осмѣявшіе и своимъ страшнымъ смѣхомъ, самымъ безпощаднымъ образомъ, изгнавшіе простые добрые нравы изъ цѣлыхъ слоевъ населенія. Но иногда эти рецензенты, живущіе на счетъ артистовъ и виртуозовъ и выжимающіе у нихъ послѣдніе крейцеры, прикрываютъ свои подлости рыцарскимъ благородствомъ, котораго уже ни въ какомъ случаѣ не встрѣтишь у остальныхъ современныхъ литераторовъ, посвятившихъ себя своему званію единственно съ цѣлію пріобрѣсть какой нибудь политическій вѣсъ. И это очень понятно. Дѣло въ томъ, что театральныхъ рецензентовъ заставляетъ прибѣгнуть къ оружію, т. е. перу, мучительный голодъ, между тѣмъ какъ послѣдніе хватаются за это средство какъ за орудіе мести. У этихъ театральныхъ живодеровъ большею частію систематически развитъ благородно-великодушный принципъ, выставляющій ихъ, повидимому, въ весьма благопріятномъ, даже романтическомъ свѣтѣ, и состоящій именно въ томъ, что они нападаютъ обыкновенно только на болѣе богатыхъ артистовъ, питая нѣкоторое сочувствіе къ бѣднымъ, которымъ даже иногда сами помогаютъ деньгами. Одинъ такой „цѣнитель искусства“, имя котораго пріобрѣло въ Германіи нѣкоторую извѣстность и вошло въ поговорку, опредѣлилъ даже тарифъ собираемой имъ съ артистовъ дани. Тарифъ этотъ, установленный задолго еще до мартовскихъ дней 1848 года, былъ пропорціоналенъ доходамъ артистовъ. Такъ

напримѣръ, получавшій 3,000 флор. ежегоднаго дохода, долженъ былъ удѣлять изъ нихъ 30 въ пользу своего рецензента за снисходительную его критику, получавшій 1,000 фл. за такія же услуги платилъ не 10, а 2½ фл.; у кого ежегодное жалованіе было меньше 800 фл., съ того рецензентъ денегъ совсѣмъ не бралъ, и наконецъ бѣднымъ коллектирующимъ актерамъ самъ аристархъ великодушно давалъ довольно порядочные дары. Такимъ образомъ онъ былъ еще благороденъ въ своей подлости.

Вступившій въ званіе литератора съ цѣлію мстить государственнымъ учрежденіямъ является олицетворенною соціальною оппозиціею противъ этихъ силъ. Удачно найденную имъ мысль противопоставить силамъ государственнымъ общественныя, онъ, въ теоріи и на практикѣ, превратилъ въ профессію. Не владѣй радикальный литературный пролетаріатъ такими пріемами, такою таинственною тактикою, онъ никогда не пользовался бы вліяніемъ въ испорченныхъ и почти уже разложившихся частяхъ нѣмецкаго гражданства. Вліяніе литературнаго пролетаріата можетъ утратиться только по мѣрѣ исправленія и консолидированія самаго организма общества. Поэтому государственный мужъ борется противъ литераторства не изгнаніемъ и арестами, а тѣмъ, что старается, такъ сказать, остепенить и поднять промышленность, обезпечить болѣе прочное существованіе и вообще улучшить матеріальный бытъ ремесленниковъ, рабочихъ и поденщиковъ. Поощреніе и возможно большее споспѣшествованіе развитію матеріальной работы наноситъ смертельный ударъ такъ называемому литераторству. Всякая новая школа въ области индустріи, всякая реальная гимназія, нравственные и матеріальные успѣхи какой нибудь выставки промышленныхъ произведеній, процвѣтаніе какой нибудь промышленной ассоціаціи, служатъ всегда сильнымъ оплотомъ противъ вторженія въ общество литературнаго пролетаріата. Долголѣтнее и болѣзненное отчужденіе народа отъ своихъ матеріальныхъ интересовъ сдѣлало бюргерство и рабочій пролетаріатъ воспріимчивымъ къ соціальнымъ иллюзіямъ и несбыточнымъ

мечтамъ. Этимъ болѣзненнымъ состояніемъ націй пользовался размножающійся литературный пролетаріатъ; оно было для него и дождемъ и солнцемъ, и отъ удачнаго ихъ сочетанія зависѣло могущественное вліяніе умственнаго пролетаріата. Литераторство это видитъ спасеніе міра въ соціализмѣ и коммунизмѣ, тогда какъ на самомъ дѣлѣ, на этомъ основывается только его собственное спасеніе, его вліяніе на массы. Публицисты тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, ревностно возбуждавшіе въ тогдашней журналистикѣ, хотя довольно односторонне, великіе и животрепещущіе вопросы объ индустріи, національной экономіи и вообще о матеріальныхъ интересахъ народа, не мало способствовали къ уничтоженію предубѣжденій, съ которыми смотрѣли на торговлю и промышленость такъ называемые „образованные“, то есть та прозябающая часть народа, которая вдыхаетъ въ себя удушливую кабинетную атмосферу. Какъ ни были односторонни въ своихъ взглядахъ эти писатели, они все таки оказали нѣмецкому народу громадныя услуги: они значительно охраняли его отъ больного и заразительнаго элемента испорченнаго литераторства. Опасаясь лишиться подъ своими ногами твердой почвы существованія, радикальные пролетаріи умственной работы никогда поэтому не обнаруживали особенной склонности къ изученію и разработыванію тѣхъ практическихъ знаній, которыя путемъ исторіи и опыта могли весьма вѣрно раскрыть надлежащія средства къ матеріальному благосостоянію государства и общества. Они охотнѣе изучали богословіе, эстетику, естественное право или философскую часть государственной экономіи и разныя соціалистическія теоріи. Ради своего матеріальнаго существованія и личнаго вліянія, они распространяли нелѣпую современную идею, будто бы художественныя произведенія можно создавать, зная только одну эстетику, будто для развитія здравой общественной жизни нужно только одно знаніе естественнаго права, а для замѣны церкви достаточна религіозная философія. Однако—чтобы быть послѣдовательными—они не хотѣли согласиться, что можно удовлетворить также процессу

питанія посредствомъ однихъ только физіологическихъ занятій, безъ всякой матеріальной пищи и питья. Люди эти, съ своими, философскимъ путемъ созданными, художественными произведеніями и государственными и религіозными учрежденіями, похожи въ этомъ случаѣ на того современнаго химика, который не только изгонялъ изъ растительной химіи теорію о „humus“ (черноземѣ)—такъ сказать, исторически-данную и матеріально-практическую основу жизни растеній—но также пробовалъ на песчаномъ холмѣ, содержащемъ въ себѣ весьма малое количество чернозема, разводить садъ и разсаживать въ немъ роскошныя произведенія растительнаго царства путемъ химическаго процесса. Но растенія эти удавались также мало, какъ и тѣ художественныя произведенія, которыя были созданы путемъ одной только художественной философіи: у нихъ была уже осень, прежде чѣмъ наступила весна. Геніальный нашъ химикъ, подобно этимъ литераторамъ, знать ничего не хотѣлъ о *физіологическомъ моментѣ* въ жизни растеній, но долженъ былъ наконецъ согласиться, что безъ „humus“ онъ не далеко уйдетъ въ своемъ садовничествѣ.

Всѣ группы четвертаго сословія имѣютъ для общества чисто отрицательное значеніе, что собственно и отличаетъ ихъ отъ аристократіи, бюргерства и крестьянства, характеристическія черты которыхъ составляютъ чисто положительныя начала.

При разборѣ литературнаго пролетаріата мы преимущественно старались выяснить отрицательное его значеніе, но этимъ отнюдь не произнесли приговора надъ литераторскимъ призваніемъ вообще и не думали считать всѣхъ литераторовъ безъ исключенія больною частію общественнаго организма. Фактъ—что независимое, самостоятельное литературное сословіе сдѣлалось возможнымъ—имѣетъ важное культурно-историческое значеніе. Только съ господствомъ обезпеченной интеллигенціи исчезнутъ сами собою опасныя вліянія закоснѣлой бюрократіи и мертвенной цеховой учености. Писатель по призванію долженъ быть, подобно нашимъ древнимъ великимъ живописцамъ и музыкантамъ, про-

[illegible]

[illegible] Ученая эти [illegible] [illegible] ассоціаціямъ, какихъ [illegible]; [illegible] — и это не легче! — [illegible] учительское званіе, сдѣлался его [illegible] сопряженныя съ нимъ [illegible] трудную работу. И къ чести германскихъ уни-

верситетовъ нужно сказать, что они всегда болѣе или менѣе охраняли свои храмы отъ всякой поверхностной и дилеттантской учености. Съ уничтоженіемъ умственнаго пролетаріата, представляемаго приватъ-доцентами, разрушился бы весь организмъ вовсе ужъ не пролетаріатской германской университетской жизни, и исчезъ бы чудно примиренный дуализмъ свободы академическаго преподаванія и тѣсно ограниченнаго корпораціоннаго университетскаго состава. Но въ приватъ-доцентахъ мы ни въ какомъ случаѣ не встрѣчаемъ темныхъ сторонъ литературнаго пролетаріата: въ нихъ нѣтъ ни научнаго и соціальнаго разлада, ни умственной, гніющей полузрѣлости, служащихъ всегда отличительными аттрибутами литератора-пролетарія. Это происходитъ отъ того, что приватъ-доцентъ начерталъ себѣ твердую цѣль, твердое призваніе; онъ съ свободнымъ духовнымъ творчествомъ соединяетъ всегда строгое научное изученіе и самоусовершенствованіе; съ его геніальною продукціею тѣсно связано и научное ремесло. Неосновательная мысль, что главное призваніе литератора во всю жизнь чисто геніальное творчество духа, ведетъ къ погибели наилучшую часть литературнаго міра. Самый талантливый писатель, желающій жить литературою, долженъ сверхъ того еще заниматься ремесломъ, хотя бы оно состояло въ переводахъ или передачѣ парламентскихъ и судебныхъ преній. Всякій художникъ и ученый не долженъ забывать, что Руссо, хотя въ половину уже зараженный современнымъ литературнымъ духомъ, не пренебрегалъ также переписываніемъ нотъ.

Казалось бы, что вліяніе постепенно пріобрѣтенное литераторствомъ въ мирное время, должно было еще болѣе усилиться въ годы всеобщаго броженія умовъ въ Германіи, а между тѣмъ на дѣлѣ вышло не такъ. Въ революціонное время вліяніе литераторства возрастало и сдѣлалось существеннымъ только въ отношеніи къ рабочему пролетаріату; образованная же часть народа, въ которой это вліяніе пускало прежде глубокіе корни, оставалась почти внѣ всякой нравственной зависимости отъ литературнаго міра. Литераторство опасно для государства только

до тѣхъ поръ, пока въ организмѣ послѣдняго не уничтожены внутренній разладъ и гніющіе элементы, дѣлающіе его самого родственнымъ съ современнымъ литературнымъ пролетаріатомъ. Когда же государство въ продолженіе двухъ лѣтъ, за недостаткомъ времени, перестало заниматься литераторами, послѣдніе перестали играть всякую роль въ обществѣ. Журналистика быстро увеличивалась въ объемѣ, но въ такихъ же размѣрахъ стало исчезать ея вліяніе, перешедшее тогда вполнѣ къ представителямъ народныхъ палатъ. Современныя нивеллирующія соціальныя теоріи и полицейское государство, не смотря на свои крайне противоположные принципы, раздѣляютъ между собою одну общую коренную ошибку, приписывая государственной власти возможность насильственно и прямо вторгаться въ жизненныя соціальныя силы народа. Но государство можетъ только посредственно преобразовать и усовершенствовать общество, и только тогда, когда оно исправляетъ свои собственные недостатки и, совершенствуя себя, даетъ въ тоже время матеріальнымъ основамъ народной жизни широкій просторъ для своего могущественнаго и самостоятельнаго развитія. Государство можетъ только помогать устраненію тѣхъ препонъ, которыя разные общественные слои встрѣчаютъ на пути своего естественнаго развитія и прогресса. Непосредственно же государство не можетъ даже преобразовать крестьянина въ его крестьянствѣ, тѣмъ менѣе литератора. Всякая попытка въ этомъ родѣ ведетъ только къ порожденію соціальныхъ аномалій, общественныхъ уродовъ. И если въ организмѣ германскаго литературнаго міра кроются на самомъ дѣлѣ безчисленныя опасныя болѣзни, то въ этомъ много виновато неискусно поданное врачебною рукою правительства медицинское пособіе.

Такую же почти роль, какую играетъ литераторство, играетъ большая часть германскаго чиновничьяго пролетаріата. Сверхштатные канцеляристы и референдаріи (докладчики), бѣдные, кончившіе даже университетскій курсъ, чиновники всѣхъ вѣдомствъ, получаютъ обыкновенно въ Германіи отъ правительства самый ничтожный окладъ

жалованья. Этого достаточно, чтобъ даже скромнѣйшаго филистера превратить въ самаго отчаяннаго демократа и коммуниста. Всѣ эти люди, подобно литераторамъ, считаютъ своею задачею вооружаться противъ общества. Въ послѣдніе годы этотъ чиновничій пролетаріатъ весьма часто стоялъ во главѣ оппозиціи выборныхъ палатъ, особенно въ мелкихъ германскихъ государствахъ. Тѣхъ же самыхъ правительственныхъ слугъ, которыхъ прежде радикальная партія неохотно выбирала въ члены палатъ, опасаясь слишкомъ консервативной ихъ преданности правительствамъ, послѣднія старались большею частію не допускать на выборы по совершенно противоположнымъ причинамъ: они находили ихъ черезъ чуръ радикальными. Опасному злу современнаго общества, чиновничьему пролетаріату, можно только пособить косвенно, уменьшая этотъ неестественный натискъ умственной работы и возбуждая болѣе уваженія и любви къ труду матеріальному, труду рабочему и промышленному. Всякія другія мѣры тутъ безполезны. Значительныя денежныя суммы, собранныя въ Германіи для вспоможенія чиновничьему пролетаріату, и въ особенности учительскому, принесли такіе же плоды, какіе давали во Франціи устроенныя тамъ для рабочихъ мастерскія въ виду разразившейся соціальной грозы. Въ обоихъ этихъ случаяхъ упомянутыя средства были только ничтожною холодною каплею, пролитою на горячій камень; они не только не были полезны государству, но положительно вредили ему, потому что способствовали большему размноженію въ обществѣ разныхъ лѣнтяевъ. И въ настоящее время императорское французское правительство въ Парижѣ держится еще этой же самой политики, хотя горькіе опыты его республиканской предшественницы могли бы, кажется, достаточно убѣдить его въ неосновательности такой системы. По мѣрѣ увеличенія окладовъ низшимъ чиновникамъ будетъ возрастать и стремленіе сдѣлаться таковыми, и если вслѣдствіе этого убудетъ извѣстное число пролетаріевъ-чиновниковъ, то за то втрое больше прибудетъ пролетаріевъ-литераторовъ.

Современное грустное положенiе чиновниковъ въ Германiи не представляетъ собою ничего новаго. Въ прежнiя времена положенiе ихъ было гораздо хуже. Жалованье получали они еще меньше настоящаго, и въ добавокъ жили въ постоянной личной зависимости, противорѣчащей нашимъ понятiямъ о достоинствѣ публичной, государственной и общественной службы.

Такъ какъ учительскiй пролетарiатъ въ настоящее время считаютъ самымъ жалкимъ и безвыходнымъ, то мы считаемъ не лишнимъ и весьма поучительнымъ выставить его положенiе въ прежнiя времена. Во время реформацiи, въ столицѣ Нассау, Вейльбургѣ, школьный учитель получалъ годичный окладъ отъ 18 до 20 гульденовъ и притомъ опредѣлялся на свою должность не обществомъ (что опять покажется унизительнымъ современному педагогу), тѣмъ менѣе правительствомъ, а священникомъ, который его обыкновенно нанималъ и въ добавокъ пользовался его пребендою. Учительская должность, какъ вообще всякая церковная и административная служба того времени, была очень шатка; каждую четверть года мѣста эти могли быть передаваемы другимъ. Стало быть, о твердомъ обезпеченiи существованiя нельзя было и думать. Сверхъ того, это скудное жалованiе не выплачивалось аккуратно: съ трудомъ его взыскивалъ самъ учитель, причемъ, разумѣется, не разъ былъ поставляемъ въ самое неловкое положенiе. Большая часть ученической платы нерѣдко совершенно пропадала. Во многихъ мѣстахъ школьный учитель пользовался поочередно столомъ у болѣе богатыхъ крестьянъ (Rundessen), а иногда получалъ вмѣсто жалованiя зимнее или лѣтнее платье, отчего онъ былъ поставленъ къ зажиточному классу общины въ такое же точно положенiе, въ какомъ находится домашняя прислуга къ своимъ господамъ.

Жалобы на грустное положенiе школьнаго учителя—старая пѣсня. Въ 1848 году существовали даже такiя общества, которыя въ простотѣ души считали педагоговъ какимъ то лишнимъ бременемъ и требовали уничтоженiя этого класса, подобно тому, какъ требовали

уничтоженія отягчающихъ ихъ государственныхъ налоговъ. Такой взглядъ на эту общественную дѣятельность, на служеніе обществу, также не новъ въ Германіи. Онъ есть только слабое воспоминаніе, тѣнь того зависимаго положенія, которымъ должны были прежде довольствоваться болѣе значительные чиновники и дѣйствительно довольствовались, не питая никакой вражды къ обществу и не думая, подобно современному чиновничьему пролетаріату, ниспровергнуть весь общественный порядокъ. Во время реформаціи крестьяне смотрѣли на духовенство точно такъ же, какъ ихъ потомки на школьныхъ учителей. Съ введеніемъ церковной реформы, религіозной свободы, они полагали устранены будутъ и всякаго рода священники, и отказались даже платить добавочныя деньги къ ихъ жалованью, на томъ основаніи, что „этимъ священникамъ“ — какъ они говорили, — „нечего дѣлать теперь“. Прежніе крестьяне столь же мало вѣрили въ необходимость и священниковъ, и высшихъ чиновниковъ, какъ современное крестьянство въ необходимость учителей и чиновниковъ низшихъ. Они не допускали даже, что умственная работа, чтеніе, напримѣръ, проповѣди, тоже работа, и весьма наивно говаривали, что „когда прежде священникъ служилъ обѣдню, то что нибудь да дѣлалъ, и всякій по крайней мѣрѣ зналъ, за что онъ получалъ свое жалованіе“.

Мы провели эту историческую параллель, нисколько не имѣя въ виду утѣшить ею современный чиновничій пролетаріатъ. Мы не придерживаемся такта и логики того философа-филантропа, который вольтеровскимъ разсказомъ старался бы утѣшить несчастную женщину, доказавъ ей, что два тысячелѣтія тому назадъ Гекуба и Ніоба были гораздо несчастливѣе ея. Историческою этою параллелью мы хотимъ только выяснить то обстоятельство, что причины подпаденія чиновничьяго міра четвертому сословію и вооруженія его противъ историческаго общества не кроются главнымъ образомъ въ нищетѣ и въ его зависимомъ положеніи. Тотъ рѣзкій разладъ, тѣ рѣзкія противорѣчія, которыя мы встрѣчаемъ въ чиновничьемъ мірѣ между его требованіями

и притязаніями относительно государства и общества и его настоящимъ соціальнымъ и матеріальнымъ положеніемъ, были безспорно вызваны современными бюрократическими идеями и кумирами. Что же удивительнаго, что пролетарій-чиновникъ, смѣшавъ оппозицію противъ своей ворчливой мачихи—существующей государственной власти, съ оппозиціею противъ самаго общества, сошелся такимъ образомъ, по этому пункту съ радикальнымъ литературнымъ пролетаріатомъ? Если же чиновникъ откажется отъ притязаній на отдѣльное *чиновничье сословіе* и сословный почетъ и сознаетъ себя скромнымъ бюргеромъ, трудящимся, вмѣстѣ съ другими, надъ устроеніемъ государства, то онъ, даже въ самой убогой жизни, избѣгнетъ опасности утонуть въ четвертомъ сословіи.

Между чиновниками, сдѣлавшимися случайно пролетаріями, и чиновничьимъ пролетаріатомъ, такъ сказать, по призванію, существуетъ большая разница. Школьный учитель прежняго времени весьма часто нуждался въ кускѣ насущнаго хлѣба, и далеко не былъ еще пролетаріемъ. Онъ былъ бюргеръ, хотя и бѣдный; онъ былъ въ зависимости отъ схоласта—и все таки чувствовалъ себя бюргеромъ; онъ хорошо зналъ, что имѣетъ въ обществѣ прочное положеніе, зналъ также въ какихъ размѣрахъ существуетъ для него это положеніе. Онъ получаетъ, правда, только 20 гульденовъ жалованія, зато общество не слишкомъ многаго и требуетъ отъ него, и ему не зачѣмъ притворяться богаче, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. Современный же канцеляристъ, тоже не рѣдко нуждающійся въ насущномъ хлѣбѣ, многоученый вѣдь мужъ: онъ кончилъ университетскій курсъ наукъ и мѣтитъ по крайней мѣрѣ въ министры. Соціальная фикція о принадлежности его къ отдѣльному чиновничьему сословію декретирована у него на гербовой бумагѣ. Онъ получаетъ 200 гульденовъ годоваго жалованія, а проживаетъ болѣе 400 гульденовъ. Онъ считаетъ низкимъ, да и не можетъ уже, жить бюргерскою жизнію, онъ хочетъ преобразовать общество, не будучи въ состояніи увеличить свой скудный годовой доходъ, однимъ словомъ.

онъ во всѣхъ отношеніяхъ усовершенствованный членъ четвертаго сословія. По его вульгарно-бюрократическимъ понятіямъ государство обязано доставить приличное существованіе всякому, выдержавшему свой экзаменъ cum laudo. Но такъ какъ государство не всегда имѣетъ къ тому средства, то слѣдовательно государство несправедливо къ отдѣльнымъ личностямъ, и эта несправедливость, по ходячимъ понятіямъ, ставится въ вину и обществу.

Средневѣковой духовный и солдатскій пролетаріатъ вымеръ; зато, вмѣсто него, роскошно развивается въ настоящее время пролетаріатъ литературный и чиновническій. Безчисленные германскіе странствующіе причты, весьма мало отличавшіеся отъ бродягъ и жившіе милостынею, вмѣстѣ съ тогдашними ландскнехтами, были точно также такіе же казаки цивилизаціи, и вмѣстѣ съ тѣмъ составляли язву страны, какою является въ настоящее время литературный и чиновничій пролетаріатъ. Но они были язвою страны, а не общества, чѣмъ и отстали отъ далеко опередившаго ихъ въ этомъ отношеніи современнаго умственнаго пролетаріата.

Кто внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями послѣднихъ лѣтъ, тотъ согласится съ нами, что Германія, въ особенности ея мелкія государства, должна опасаться возмущенія болѣе со стороны чиновниковъ, чѣмъ со стороны рабочихъ. Чиновникъ пролетарій, при нынѣшнемъ государственномъ строѣ, можетъ только тогда вырваться изъ рядовъ четвертаго сословія, когда въ это сословіе ввергнетъ онъ всѣ остальныя общественныя группы. Это коммунизмъ, официально докретированный министерствомъ въ служебномъ патентѣ чиновника.

Чиновничій пролетаріатъ гораздо опаснѣе литературнаго. Литераторство есть только статья индустріи и торговли. Цѣнность и масса литературныхъ произведеній всегда будетъ обусловливаться барометромъ книжнаго рынка. И какъ ни мечтай литераторъ о человѣческомъ правѣ на работу, онъ все таки не можетъ въ этомъ отношеніи выходить изъ границъ спроса, и долженъ всегда подчиняться литературнымъ ан-

трепенерамъ и издателямъ. Правительство избавлено отъ сооруженія плотинъ противъ наводненія литоратурнаго потока. Книжный рынокъ всегда ужъ будетъ заботиться о томъ, чтобы число литераторскихъ субъектовъ не превышало извѣстную норму, зато размноженіе чиновничьяго пролетаріата можно остановить только репрессивными мѣрами, которыя всегда очень опасны. Право человѣка на службу, на должность, основательнѣе, практичнѣе, соблазнительнѣе, и потому опаснѣе его философскаго права на „работу“. Неопровержимость этой истины доказана исторіею. Михаилъ-Игнацъ Шмидтъ въ своей „Нѣмецкой Исторіи“ говоритъ слѣдующее о придворныхъ шутахъ: „Съ тѣхъ поръ, какъ шуты стали смотрѣть на свои занятія, какъ на должность, этотъ классъ людей до того началъ распространяться, что правительство наконецъ вынуждено было остановить его размноженіе силою“.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Пролетаріи матеріальной работы.

Умственный пролетаріатъ до сихъ поръ составляетъ главное основаніе четвертаго сословія въ Германіи; въ соціальномъ отношеніи онъ составляетъ пролетаріатъ коренной, между тѣмъ какъ рабочій, напротивъ, есть только пролетаріатъ производный. Нѣмецкій рабочій очень долгое время боролся и придерживался послѣднихъ традиціонныхъ остатковъ древняго бюргерства, пока не подпалъ вліянію духа четвертаго сословія. Соціальныя доктрины четвертаго сословія не развились между самыми рабочими, а тѣмъ менѣе были ими изобрѣтены; онѣ даны имъ извнѣ, именно ихъ французскими сотоварищами въ несчастіи.

Но замѣчательно съ какою быстротою оставившій свое отечество нѣмецкій рабочій усвоилъ себѣ соціальный характеръ чужеземнаго пролетарія. Да, онъ даже превосходилъ послѣдняго. Пролетаріатское вырожденіе сильнѣй охватило переселившихся въ Парижъ нѣмецкихъ рабочихъ, чѣмъ коренныхъ парижскихъ сотоварищей ихъ. Вообще, чтобы узнать самыя темныя стороны нѣмецкаго пролетаріата, необходимо побывать заграницею и тамъ изучать ихъ. Такъ, напримѣръ, и нѣмецкая литературная эмаграція въ Парижѣ, Лондонѣ и Швейцаріи даетъ нашимъ взорамъ глубже взглянуть въ страшныя мистеріи нѣмецкаго умственнаго пролетаріата, чѣмъ коренная семья ихъ страдальческихъ сотоварищей въ самой Германіи. Переселеніе цѣлыхъ массъ обнищавшихъ людей въ загерманскіе столичные города Европы дѣйствуетъ весьма гибельно на ихъ родину. Эти изгнанники

суть толмачи, которые въ германскомъ духѣ передаютъ простымъ людямъ теоріи заграничныхъ соціальныхъ демократовъ. Не только изъ Парижа, Лондона и Швейцаріи, но и изъ Петербурга и Константинополя, изъ Польши и Дунайскихъ княжествъ слышатся жалобы на соціяльное разложеніе, быстро воспринимаемое и распространяемое этими нѣмецкими эмигрантами, принадлежащими къ четвертому сословію; и если англичанинъ картинно хочетъ изобразить позоръ нѣмецкаго имени, то рисуетъ фигуру гессенской дѣвушки, продающей вѣники.

Умственный пролетаріатъ, повторяемъ, принялъ у насъ на себя инниціативу развитія „четвертаго сословія", рабочій только слѣдовалъ за нимъ. У насъ не имѣется общей характеристической фигуры нѣмецкаго рабочаго, въ родѣ фигуры французскаго ouvrier, но мы имѣемъ общую характеристическую фигуру нѣмецкаго умственнаго пролетарія. Нѣмецкій „Arbeiter" (рабочій)—это не что иное, какъ внѣшній переводъ французскаго „ouvrier". Совершенно справедливо выбрано для его обозначенія общее выраженіе „рабочій", такъ какъ мы вовсе не имѣемъ опредѣленнаго представленія пролетарія матеріальной работы. Онъ распадается еще на множество особенныхъ и отдѣльныхъ характеровъ; раздѣленіе нашей индустріи уже въ географическомъ отношеніи влечетъ это за собою. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пробовали основать рабочія общества (напримѣръ, въ Кельнѣ), съ цѣлію установить общее соціальное сознаніе нѣмецкаго рабочаго пролетаріата. Но это предпріятіе должно было рушиться, потому что нѣтъ еще никакихъ внѣшнихъ точекъ соприкосновенія для такого общаго сознанія. Только въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ группахъ рабочаго класса нѣчто подобное могло состояться, какъ, напримѣръ, у наборщиковъ и типографскихъ работниковъ. Упорное сопротивленіе, которое эта организованная во всей Германіи ассоціація противопоставила капиталистамъ и заказчикамъ въ Берлинѣ, Лейпцигѣ и другихъ мѣстахъ, свидѣтельствуетъ о той могущественной силѣ, которую пріобрѣлъ бы весь рабочій пролетаріатъ, если бы онъ подобнымъ же образомъ

могъ возвыситься до соціальнаго общаго сознанія. Въ томъ именно и состоитъ выдающаяся сила умственнаго пролетаріата, что онъ, посредствомъ дивнаго электрическаго телеграфа литературныхъ сношеній, постоянно поддерживаетъ общее сознаніе во всей его свѣжести.

Потрясающія событія 1848 г. во Франціи съ самаго начала имѣли соціальный характеръ; въ Германіи они только постепенно и въ послѣдствіи получили подобный характеръ. Не доставало общаго сознанія рабочаго пролетаріата; рабочіе только постепенно, съ развитіемъ революціи, созрѣвали для соціальнаго переворота. Но хотя во всякомъ городѣ и во всякомъ мѣстечкѣ рабочіе стали размышлять объ отношеніяхъ „труда къ капиталу", и хотя коммунизмъ вездѣ находилъ себѣ сочувствіе среди обнищавшихъ людей, тѣмъ не менѣе общее сознаніе этихъ достигнутыхъ успѣховъ не могло быть установлено. Французскій ouvrier совершенно ясно понимаетъ къ чему онъ стремится съ своею общественною теоріею, хотя онъ и не знаетъ къ чему собственно стремится эта теорія сама по себѣ. Нѣмецкому же рабочему виды соціальной реформы кажутся какими то волшебными образами, безъ формы парящими въ мистическомъ полумракѣ. Онъ приноситъ свои жертвы идолу общественной реформы, и ему, какъ нѣкогда древнимъ аѳинянамъ, приходится писать на алтарѣ: „неизвѣстному божеству!"

Поэтому можно смѣло сказать, гдѣ нѣмецкіе поденщики, работающіе на фабрикахъ и мастерскихъ, были только затронуты, но не охвачены духомъ четвертаго сословія.

Самый поучительный переходъ отъ промышленнаго бюргера къ рабочему пролетаріату представляютъ собою мастеровые, переходящіе съ мѣста на мѣсто, и неимѣющіе постояннаго мѣстожительства. Этимъ мы однако не хотимъ сказать, чтобы всѣ путешествующіе мастеровые были пролетаріи, или члены четвертаго сословія. Напротивъ, подобный взглядъ—одна изъ величайшихъ полицейско-государственныхъ ошибокъ. Тотъ моментъ, который далъ бы намъ право причислить всѣхъ путешествующихъ мастеровыхъ къ четвертому сословію, тотъ

самый моментъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, положилъ бы печать разрушенія на все нѣмецкое ремесленное сословіе. Предложило же, лѣтъ десять тому назадъ, одно изъ сѣверогерманскихъ государствъ ввести свободу паспортовъ внутри Союза, причемъ должно было дѣлать различіе между „безпорочными и опороченными личностями". Къ „безпорочнымъ и безопаснымъ" которые имѣли бы почетное право на полученіе генеральнаго паспорта, должны были принадлежать чиновники, лица, извѣстныя своимъ происхожденіемъ и состояніемъ, лица, имѣющія постоянное мѣстопребываніе и ненаказанныя за какія нибудь безчестныя преступленія. Къ „небезопаснымъ" (слѣдовательно опороченнымъ!) принадлежали *мастеровые*, всякая челядь и простые солдаты. Если бы эта первоначальная полицейская мысль дѣйствительно осуществилась въ той формѣ, въ какой она была предложена, то она на самомъ дѣлѣ сдѣлала бы мастеровыхъ тѣмъ, чѣмъ пока сдѣлалась только очень малая часть ихъ, т. е. членами четвертаго сословія. Это понятіе напоминаетъ намъ безобразное выраженіе, часто употребляемое въ нѣмецкомъ языкѣ, въ началѣ біографическихъ статей, которое нерѣдко гласитъ: „онъ родился отъ бѣдныхъ, но честныхъ родителей", и т. д., какъ будто подъ бѣдностью само собою подразумѣвается непремѣнно и мошенничество!

Къ ремесленному пролетаріату принадлежитъ гораздо болѣе мелкихъ мастеровъ, чѣмъ подмастерьевъ, и только отъ первыхъ пролетаріатъ перешелъ къ послѣднимъ. И между подмастерьями опять таки къ кандидатамъ четвертаго сословія принадлежатъ не тѣ, которые съ босыми ногами и сумкою на спинѣ переходятъ съ мѣста на мѣсто, и которымъ всякій деревенскій сторожъ или полицейскій будочникъ считаетъ себя вправѣ заявить свой правительственный авторитетъ, а напротивъ тотъ парящій въ небесахъ классъ ремесленниковъ, который отправляется не „на заработки", а „путешествуетъ для своего усовершенствованія", который стыдится общества отправляющихся на заработки мастеровыхъ и стремится стать выше своего сословія, и который поэтому составляетъ лучшую находку для всякаго соціальнаго агитатора.

Пока мастеровой не корчитъ еще изъ себя важной фигуры, пока онъ умѣетъ еще „фехтовать“ *, онъ тогда еще не созрѣлъ для современнаго пролетаріата, именно потому, что онъ, вслѣдствіе своей бѣдности, не озлобленъ, не философствуетъ, но и самое нищенство для него воплощается въ рыцарскомъ, молодцовскомъ понятіи „фехтованія“; онъ ставитъ себя на ряду съ бѣдными людьми стараго времени, которые также нищенствовали безъ скрежета зубовъ, не такъ, какъ современный пролетаріатъ. Раздавать милостыню считалось непремѣннымъ долгомъ монастырей, религіозною и нравственною обязанностію всякаго состоятельнаго частнаго человѣка: это не было унизительнымъ актомъ личной милости. Только бродячіе артисты и мастеровые въ настоящее время не чувствуютъ еще всей унизительности нищенства; и тѣ и другіе нищенствуютъ еще съ юморомъ. Средневѣковое понятіе объ обязательности раздавать милостыню бродячимъ мастеровымъ сохранилось еще не только въ столѣтнемъ обычаѣ многихъ городскихъ кассъ — отдѣлять извѣстную сумму на подаяніе, не только въ вспомогательныхъ кассахъ цеховъ и мастеровъ, но и въ традиціонныхъ преданіяхъ гражданъ, и наслѣдственно переходитъ отъ отца къ сыну, что всякому уличному нищему можно отказать въ подаяніи, но уже никакъ не бродячему мастеровому. Въ пѣсняхъ этихъ мастеровыхъ мы находимъ тысячи юмористическихъ опредѣленій, обозначающихъ состояніе молодца, которому „мха“ ** не хватило, но едва ли вы тамъ когда прочтете горькую жалобу, а тѣмъ менѣе жажду мщенія. Кто шутитъ надъ своею бѣдностью, тотъ еще далекъ отъ современнаго пролетарія. Какъ страшна въ сравненіи съ этимъ юморомъ скрытая злоба голоднаго фабричнаго рабочаго!

Напротивъ, мастеровой, который „путешествуетъ для своего усовершенствованія“ и который считаетъ „фехтованіе“ слишкомъ для себя унизительнымъ, если его постигаетъ нищета, тотчасъ дѣлается

* „Фехтовать“ (fechten) есть техническое выраженіе у мастеровыхъ и означаетъ на ихъ языкѣ -просить милостыню. *Перев.*

** Пищи.

настоящимъ пролетаріемъ. Онъ стыдится обычаевъ своего сословія, своихъ товарищей по ремеслу, а втайнѣ, слѣдовательно, стыдится и самаго своего званія; его честолюбіе стремится достичь болѣе высокаго гражданскаго положенія, чѣмъ то, которое онъ на самомъ дѣлѣ занимаетъ. Онъ останавливается въ отелѣ, и именно потому онъ и есть кандидатъ четвертаго сословія, между тѣмъ какъ бродячій мастеровой, который, можетъ быть, босый заходитъ въ дешевый шинокъ, есть кандидатъ солиднаго бюргерства. Эти „молодцовскіе“ шинки всегда особенно способны были возвысить гордость и сознаніе ремесленнаго сословія и сохранить бродячихъ мастеровыхъ отъ пролетаріатскаго разложенія. Уже на вывѣскѣ такихъ шинковъ можно было всегда видѣть какіе нибудь знаки ремеслъ, а внутри комнаты на потолкѣ почти всегда висѣло какое нибудь древнее художественное произведеніе, напоминавшее о прежнемъ ремесленномъ искусствѣ и совершенствѣ. Самъ хозяинъ отчасти также былъ полуремесленникомъ. Онъ по крайней мѣрѣ могъ служить такимъ же источникомъ для всякихъ справокъ, относящихся къ ремеслу, какимъ служатъ современныя коммиссіонерскія и справочныя конторы по своей спеціальности. Мастеровые различныхъ странъ и государствъ сходились въ этихъ шинкахъ и передавали другъ другу что нибудь полезное и хорошее. Они кутили вмѣстѣ и чувствовали свое достоинство въ этомъ обществѣ. Что бы сказалъ нѣмецкій студентъ, если бы ему, вмѣсто студенческаго погребка, предложили отправиться въ какой нибудь знаменитый „ресторанъ“!

Тому будетъ уже много лѣтъ, какъ одинъ парижскій портной-подмастерье пріѣхалъ „для своего усовершенствованія“ во Франкфуртъ на Майнѣ, гдѣ еще тогда по крайней мѣрѣ строго соблюдались многія старинныя цеховыя предписанія, и остановился въ одной изъ первыхъ гостинницъ. Когда онъ послѣ записался въ число подмастерьевъ, ищущихъ работы, то ему объявили, что, согласно цеховымъ постановленіямъ, онъ долженъ перемѣнить свое мѣсто жительства и поселиться въ общей для всѣхъ портныхъ-подмастерьевъ гостинницѣ. Но этотъ при-

вередникъ, родившійся въ странѣ гордыхъ поденщиковъ и соціальнаго сумасбродства, былъ до того возмущенъ этимъ нѣмецко-средневѣковымъ предложеніемъ, что тотчасъ отправился обратно въ Парижъ. Славную, должно быть, картину нѣмецкаго варварства нарисовалъ онъ своимъ соотечественникамъ-портнымъ! Но это, кромѣ француза, могло случиться только съ важничающимъ нѣмецкимъ мастеровымъ пролетаріатомъ, потому что настоящій мастеровой былъ бы слишкомъ гордъ для того, чтобы пройти мимо гостинницы, носящей знаки его ремесла, и стыдился бы сидѣть за однимъ столомъ съ чужими людьми, когда можетъ сидѣть за однимъ столомъ съ своими товарищами по ремеслу и званію.

Авторъ неоднократно пользовался случаемъ и лично посѣщалъ мастеровыя гостинницы въ различныхъ государствахъ Германіи, чтобы изучить ихъ житье-бытье. Онъ нашелъ, что въ верхней Германіи, напримѣръ, гдѣ еще сохранились многіе остатки прежней корпоративной ремесленной организаціи, эти гостинницы досихъ поръ обладаютъ всѣми тѣми достоинствами и преимуществами, о которыхъ говорено было выше, между тѣмъ какъ въ государствахъ средней и западной Германіи, гдѣ большею частію съ незапамятныхъ временъ разрушены всякаго рода ремесленныя организаціи, эти гостинницы, въ маленькихъ мѣстечкахъ, скорѣе могутъ назваться уже трущобами мошенниковъ, и служатъ настоящими школами самому негодному мастеровому пролетаріату. Самый послѣдній хозяинъ все еще очень хорошъ для содержателя такой гостинницы. Въ его домѣ встрѣчаютъ мастероваго пьяные органщики, развратныя арфистки и тому подобный негодный сбродъ, и весьма, полагаемъ, понятно, что подобная атмосфера и подобная обстановка едва ли способны сдѣлать изъ него солиднаго и примѣрнаго бюргера. Въ то время, какъ многія изъ подобныхъ верхнегерманскихъ мастеровыхъ гостинницъ отличаются чистотою, дешевизною, хозяйственнымъ порядкомъ и доброкачественностью, вы въ мастеровыхъ гостинницахъ средне-западной Германіи не найдете ничего подобнаго. Если полиція въ са-

момъ дѣлѣ посвящаетъ свою особенную заботливость мастеровымъ, то она для нихъ не можетъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ только очистить эти бродяжническія трущобы и принимать непосредственныя мѣры для возстановленія солидныхъ гостинницъ въ ихъ прежнемъ духѣ. Въ прежнее время конечно это не было дѣломъ полиціи, а цехи сами должны были заботиться о доброкачественности своихъ гостинницъ. Такъ, собственно говоря, оно должно бы быть и теперь.

Къ пролетаріатскому чванству, дѣлающему различіе между „путешествующимъ для усовершенствованія“ ремесленникомъ и такимъ, который отправляется на заработки, присоединяется еще большею частію пагубное стремленіе не жить болѣе въ семействѣ своего мастера. Къ сожалѣнію, семейная жизнь многихъ нашихъ мелкихъ ремесленниковъ до того упала, что подмастерье только отрицательнымъ путемъ, т. е. скверньмъ примѣромъ, можетъ научиться солидности и доброму нраву. Но въ томъ именно и заключается преимущество борющагося за свое существованіе мастероваго, передъ подпавшимъ пролетаріату фабричнымъ рабочимъ, который находится съ нимъ въ совершенно одинаковыхъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, что первый все переходитъ отъ семейства къ семейству, и постоянно имѣетъ предъ собою наглядную картину хорошо организованнаго, хотя миніатюрнаго, существованія, между тѣмъ какъ фабричный пролетарій обыкновенно чувствуетъ себя совершенно одинокимъ въ обществѣ своихъ сотоварищей пролетаріевъ. И такъ какъ ему невозможно жить въ ограниченномъ природою семейномъ кругу, и ему самому также невозможно устроить себѣ свой собственный домашній очагъ, то онъ, въ болѣзненномъ своемъ настроеніи, тѣмъ легче увлекается фантастическими картинами коммунистической семьи всего человѣчества. Жизнь въ семьѣ — это самое лучшее охранительное средство противъ всякихъ соціальныхъ заблужденій, и если эти заблужденія вездѣ принимаютъ въ настоящее время такіе широкіе размѣры, то это вѣрнѣйшій знакъ, что святыня домашняго очага подверглась сильному разрушенію. Если Овену, въ его образцовой фабрикѣ въ Нью-Ла-

наркѣ, удалось возвысить ассоціацію своихъ рабочихъ до такого самосознанія, довольства и солидности, которыя можно найти развѣ только въ самомъ лучшемъ ремесленномъ сословіи, то такого результата онъ достигъ преимущественно потому, что онъ превратилъ свою ассоціацію въ одну большую не коммунистическую, а патріархальную семью, въ которой хозяинъ фабрики игралъ роль мастера-ремесленника старыхъ временъ; это былъ благодѣтельный абсолютизмъ, это было личное вліяніе мастера (слѣдовательно прямыя противуположности отвлеченнаго соціализма), посредствомъ котораго добродушному Овену удалость ввести сопротивлявшихся сначала фабричныхъ рабочихъ въ корпоративный союзъ многочисленнаго семейства. И, какъ извѣстно, этимъ порядкомъ не только удалось облагородить фабричныхъ рабочихъ и возвысить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ихъ матеріальное благосостояніе, но и дивидендъ всего предпріятія былъ совершенно другаго рода, чѣмъ тотъ, который мы видимъ при труппахъ актеровъ, гдѣ, какъ въ коммунистической семьѣ, сообща раздѣляются заработки. Значительные государственные люди, во время существованія образцовой фабрики Овена, когда весь родъ человѣческій началъ трепетать предъ демономъ фабричнаго пролетаріата, признали практичность въ предпріятіи этого человѣка, и должно считать большимъ несчастіемъ, что онъ, своими позднѣйшими соціалистическими фантазіями и практическими опытами, испортилъ великія ученія Нью-Ламарка и возбудилъ подозрѣніе даже и противъ этого замѣчательнаго и великаго предпріятія. Намъ, по крайней мѣрѣ, непонятно, какимъ другимъ образомъ можно искоренить фабричный пролетаріатъ и вырвать его изъ коммунистической атмосферы, если не преобразованіемъ фабрикъ въ большую патріархальную семью, по образцу прежнихъ ремесленныхъ мастерскихъ, чтобы рабочій, въ ограниченномъ кругѣ этой семьи, могъ найти то, чего онъ напрасно ищетъ въ фантастическомъ образѣ соціалистической семьи всего человѣчества. Въ этомъ именно и заключается вся огромная разница между бѣднымъ ремесленникомъ и бѣднымъ фа-

бричнымъ рабочимъ, что ремесленникъ все еще связанъ узами семьи и ограниченъ традиціонными остатками своего сословія, между тѣмъ какъ фабричный рабочій обыкновенно не имѣетъ ни семьи, ни домашняго очага, и ищетъ своего сословія не въ настоящемъ и прошедшемъ, а въ отдаленномъ будущемъ. Онъ не имѣетъ исторіи; существо машинной промышленности, составляющей достояніе одной лишь нашей современной эпохи, отвлекаетъ его мысль отъ всего историческаго. Слѣдовательно вся суть въ томъ, чтобы, мало по малу, создать для него исторію, родину, соціальную границу, и все это найдется само собою, если удастся для него найти семью; не такую конечно семью, которою онъ, къ сожалѣнію, обладаетъ иногда и въ настоящее время, не семью состоящую изъ голодающей жены и исхудалыхъ, жалкаго вида, дѣтей, а семейное сознаніе, какимъ обладаетъ ремесленный мастеровой, хотя онъ и не тащитъ за собою по міру своихъ дѣтей.

Бываютъ вѣчные мастеровые, у которыхъ нѣтъ надежды основать себѣ когда либо самостоятельное существованіе, но всетаки духъ четвертаго сословія не въ состояніи вытѣснить у нихъ духъ бюргерства, между тѣмъ какъ большая часть фабричныхъ рабочихъ именно потому и дѣлаются пролетаріями, что начинаютъ отчаяваться въ возможности основать себѣ самостоятельное существованіе. Вѣчный мастеровой на старости лѣтъ обыкновенно является гораздо болѣе настоящимъ, „просмоленнымъ парнемъ", чѣмъ жалкимъ пролетаріемъ. И онъ, конечно, безродно странствуетъ изъ страны въ страну, но вездѣ онъ, въ семьѣ всякаго своего хозяина, снова находитъ и для себя благодѣтельность семейной жизни, и въ каждой мастерской — свою родину. Но онъ изъ за этого не забываетъ однако своего настоящаго отечества, и у странствующихъ мастеровыхъ существуетъ обычай называть другъ друга не по имени, а по мѣсту рожденія. Если бы и фабрикамъ удалось усвоить себѣ эту артельную семейную жизнь, тогда фабричный рабочій не сдѣлался бы пролетаріемъ, изъ за того, что у него нѣтъ семьи, исторіи. Почти тоже, что видимъ съ вѣчными мастеровыми,

было и съ вѣчными студентами, которые въ прежнее время еще иногда встрѣчались, но теперь совсѣмъ почти вымерли. Весьма поучительный памятникъ такого явленія существовалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Гисенѣ. Въ Гисенѣ жилъ человѣкъ, ровно четверть столѣтія считавшійся академическимъ гражданиномъ, и когда онъ, будучи близокъ къ пятидесяти годамъ, склонилъ на покой свою уже мѣстами посѣдѣвшую голову, то его похоронили какъ студента. Обладая значительными способностями и рѣдкимъ прилежаніемъ, онъ по нѣскольку разъ прошелъ почти всѣ факультеты, и пріобрѣлъ необыкновенно значительный запасъ всевозможныхъ познаній, но всякій разъ, когда онъ намѣревался подвергнуться испытанію, что бы имѣть возможность служить обществу, онъ подпадалъ какому-нибудь физическому недугу, и его финансовыя средства оказывались къ тому недостаточными. Если бы только несоразмѣрность вознагражденія за трудъ, по отношенію къ господству капитала, производила на свѣтъ пролетаріевъ, тогда этотъ человѣкъ, питавшійся, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, корректурными работами, скудною платою за уроки и приношеніями своихъ сотоварищей, долженъ бы быть пролетаріемъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ особенности тутъ были всѣ данныя къ тому, что бы онъ сдѣлался литературнымъ пролетаріемъ. Но, не смотря на все это, страдалецъ никогда не подпалъ духу четвертаго сословія и оставался все тѣмъ же солиднымъ академическимъ гражданиномъ, вѣчнымъ студентомъ, хотя и бѣднѣйшимъ. Съ нимъ случилось тоже, что и съ вѣчно бродячими мастеровыми. Университетъ сдѣлался его родиною, а общество студентовъ, изъ которыхъ каждый въ послѣдніе годы могъ считаться сыномъ его—его семействомъ. Онъ занималъ странное, исключительное положеніе среди гражданскаго общества, и всетаки не принадлежалъ къ великому сословію исключеній — къ четвертому сословію. Какой нибудь низшій чиновникъ, при такой нищетѣ, при такой безнадежности, сдѣлался бы литературнымъ пролетаріемъ; фабричный рабочій въ его положеніи сдѣлался бы комму-

листомъ: но вѣчный германскій студентъ былъ и остался консервативнымъ „академическимъ гражданиномъ“. И все это вслѣдствіе того волшебнаго обаянія, которое имѣютъ въ себѣ, хотя только и воображаемое, семейное сознаніе и жизнь въ своемъ общественномъ кружкѣ!

Самое лучшее доказательство, что даже самая призрачная семейная жизнь сохраняетъ фабричныхъ рабочихъ отъ пролетаріатскаго духа, представляютъ намъ вестфальскіе горнозаводскіе рабочіе, которые, какъ лучшіе люди своего ремесла, отправляются въ прирейнскія провинціи, гдѣ они работаютъ на заводахъ, и которые одинаково отличаются доброй нравственностью и прилежаніемъ. Эти люди — большею частію младшіе сыновья вестфальскихъ крестьянъ, которые, по обычаю страны, ничего не получаютъ отъ отцовскаго имѣнія, или получаютъ такую незначительную часть, что не въ состояніи пропитать семейство одною хозяйственною дѣятельностію. Они, изъ года въ годъ, работаютъ на плавильняхъ, и освобождаются лишь лѣтомъ (когда не топятъ печей) на очень короткое время; эти каникулы, продолжающіеся нѣсколько недѣль, посвящаютъ они хозяйству и семьѣ; все же остальное время года принадлежитъ заводу. Но семейство живетъ дома, въ Вестфаліи, оно живетъ на незначительномъ земельномъ клочкѣ, которымъ долженъ былъ удовольствоваться глава семейства. Такимъ образомъ мужъ видитъ свою жену и дѣтей лишь одинъ разъ въ годъ. И всетаки этого ему достаточно для того, что бы сохранить и на заводѣ сознаніе семейной жизни и хорошаго вестфальскаго крестьянства и бюргерства; воодушевленный этимъ сознаніемъ, онъ въ продолженіе всего года держитъ себя совершенно солидно. Очень часто мальчики, тотчасъ по конфирмаціи *, отправляются на заводы, и такимъ образомъ, въ продолженіе всей своей жизни, видятъ домашній очагъ лишь въ короткое лѣтнее каникулярное время. Во

* У лютеранъ всѣ дѣти, передъ первымъ своимъ причащеніемъ, подвергаются испытанію въ религіозномъ знаніи, что и называется конфирмаціею.
Перев.

время этихъ каникулъ они обыкновенно выбираютъ себѣ дома подругу жизни, и разъ случилось, что такой горнорабочій, жившій съ своею женою въ разлукѣ, послалъ ее обратно домой, когда она, въ припадкѣ свойственной образованнымъ сословіямъ супружеской нѣжности, вздумала посѣтить его на заводѣ. Такое посѣщеніе показалось бы ему несогласнымъ ни съ его положеніемъ, какъ горнорабочаго, ни съ положеніемъ его жены, какъ хозяйки маленькаго родного имѣньица. Эти горнорабочіе показываютъ намъ, какъ крестьянскіе маіораты приносятъ двоякую пользу, и не только сохраняютъ крестьянское сословіе отъ разрушенія, но служатъ также лучшимъ средствомъ къ коренному преобразованію промышленнаго пролетаріата.

Англійскій рабочій пролетаріатъ стоитъ гораздо ближе къ сохраняющему свои нравы и довольствующемуся ограниченнымъ кругомъ крестьянству, чѣмъ французскій, который преимущественно усвоилъ себѣ „городскую“ эмансипацію. Поэтому англійскій рабочій пролетаріатъ, несмотря на свою громадную численность, не такъ еще опасенъ для общественнаго развитія, какъ рабочій пролетаріатъ Франціи.

Горнорабочіе, въ послѣднее время все болѣе и болѣе приближающіеся къ промышленному пролетаріату, вообще все еще однако сохранились въ примѣрно хорошемъ состояніи, и все это потому, что мысль—считать свое общество патріархальною семьею—есть ихъ древнее историческое достояніе. Работающіе въ горныхъ рудахъ, подобно фабричнымъ рабочимъ, зависятъ не отъ однихъ только колебаній промышленнаго рынка,—они, кромѣ того, при исполненіи своихъ работъ, ежеминутно подвержены всякаго рода опасностямъ, болѣзнямъ, изуродованіямъ и даже смерти. Это постоянно грозящее ему несчастіе горнорабочій считаетъ своею судьбою, своимъ предопредѣленіемъ; что же ему послѣ этого значитъ такое сравнительно ничтожное обстоятельство, какъ, напримѣръ, недостатокъ хлѣба! онъ очень легко можетъ ужиться съ этимъ положеніемъ. Но именно потому, что ниспроверженіе общественнаго порядка, по всей вѣроятности, только очень немногимъ уменьшитъ

опасность его существованія, онъ пока стремится къ болѣе практическому и легче достижимому средству для облегченія своей судьбы. Личная опасность здѣсь, какъ и на полѣ сраженія, порождаетъ дисциплину, и простой рабочій не желаетъ быть умнѣе опытнаго смотрителя, потому, что онъ за эту смѣлость можетъ поплатиться своими здоровыми членами. Съ молитвою онъ ѣдетъ въ свою руду, между тѣмъ какъ товарищъ его на фабрикѣ съ проклятіемъ берется за работу. Поэтому мы находимъ, что многіе рудокопы очень часто проникнуты духомъ піетическимъ и очень рѣдко соціалистическимъ. Вспомогательныя общества горнорабочихъ, рудокопныя и братскія кассы, существующія въ Бельгіи, Силезіи, на Гарцѣ, въ Нассау, въ Вестфаліи и въ другихъ мѣстахъ, суть поистинѣ образцовыя въ своемъ родѣ учрежденія. При многихъ рудокопныхъ кассахъ не только взимаются опредѣленные денежные взносы, но строются, кромѣ того, двѣ или три куксы въ пользу кассы. Это превосходное учрежденіе. Хотя горнорабочій иногда лишній разъ долженъ взяться за свои инструменты, чтобы обезпечить себѣ кусокъ хлѣба на случай старости, лекарство на случай болѣзни и приличный саванъ на случай смерти, но съ каждымъ ударомъ инструмента о камень ему становится все яснѣе и яснѣе, что гульденъ товарищеской кассы, которую и онъ поддерживалъ своими вкладами, стоитъ больше, чѣмъ милліонный вексель, выданный на имя будущей „организаціи труда“.

Не только ремесленные мастеровые жизнію въ семействѣ избѣгли пролетаріатскаго упадка, но мы тоже самое почти до нашихъ дней встрѣчали у прислуги и поденщиковъ. Въ этомъ именно и заключается блестящая особенность германскаго племени, что и прислуга, по крайней мѣрѣ во времена отцевъ нашихъ, считалась членами семьи. Слуги собственно потому только сдѣлались пролетаріями, что ихъ стали исключать изъ семейства хозяевъ. Теперь большая часть прислуги превратилась въ безпорядочный, безпутный пролетаріатъ, въ наемщиковъ, то и дѣло переходящихъ изъ одного дома въ другой.

Предметъ этотъ имѣетъ великое соціальное значеніе. Испорченность прислуги имѣетъ для Германіи—гдѣ упадокъ мелкаго ремесленника и мелкаго крестьянина каждый день рождаетъ цѣлыя толпы слугъ и служанокъ—такое же, если еще не большее, значеніе, чѣмъ приращеніе фабричнаго пролетаріата. Очень рѣдко случается, чтобы какой нибудь скверный городской обычай не былъ перенесенъ въ сельскую жизнь безъ посредства слугъ или служанокъ. И тутъ дѣло идетъ даже о затмѣніи народной славы, такъ какъ то, что мы въ старомъ прекрасномъ смыслѣ слова называемъ „Hausgesinde“ (домочадцами)—это чисто патріархальное отношеніе вѣрнаго слуги къ хозяйской семьѣ—есть какъ мы уже сказали, славное достояніе однѣхъ лишь германскихъ народностей *.

Нѣмецкіе писатели, занимающіеся разработкою соціальнаго вопроса, особенно въ періодической печати, обыкновенно, по примѣру французовъ, слишкомъ долго и исключительно останавливаются на промышленномъ пролетаріатѣ. Не въ отношеніи труда къ капиталу лежитъ корень соціальнаго вопроса, а въ *отношеніи обычая къ гражданскому разложенію*. Соціальный вопросъ есть прежде всего вопросъ этическій, а потомъ уже экономическій. Рабочій сперва отказывается отъ своего обычая, и потомъ уже чувствуетъ себя бѣднымъ, а не на оборотъ, т. е. онъ не отказывается отъ своего обычая потому, что чувствуетъ себя бѣднымъ, такъ какъ бѣденъ онъ всегда былъ, и въ прежнее время чуть ли не бѣднѣе, чѣмъ теперь.

Прислуга обыкновенно въ настоящее время получаетъ гораздо большее жалованье, чѣмъ прежде, и работаетъ, кромѣ того, гораздо меньше, и при всемъ томъ она въ прежнее время оставалась въ средѣ бюргерства или крестьянства, а теперь она все болѣе и болѣе начинаетъ поступать въ ряды четвертаго сословія. Не несоразмѣрное отношеніе тру-

* Должно полагать, что авторъ очень мало знакомъ съ русскою жизнію, если утверждаетъ, что подобное отношеніе прислуги и хозяевъ есть достояніе лишь *однѣхъ* германскихъ народностей. *Перев.*

да къ капиталу производитъ здѣсь пролетарія, а то обстоятельство, что слуга, при возвышенной платѣ, сдѣлался безсемейнымъ, безроднымъ. Наша семейная жизнь въ упадкѣ, а потому испортилась и наша прислуга. „Баринъ долженъ быть впереди!“ (Der Herr muss voraus), гласитъ сѣверогерманская пословица. Тамъ, гдѣ рѣчь идетъ объ испорченности слугъ, нужно сперва спросить объ испорченности господъ.

Настоящее понятіе „домашняго правленія“ изчезло изъ нашей семьи. Прежде, въ силу этого домашняго правленія, домочадцы воспитывались въ самой семьѣ и вмѣстѣ съ нею. Теперь же главы семейства считаютъ болѣе благороднымъ оставлять домочадцевъ совершенно въ сторонѣ, чѣмъ быть на самомъ дѣлѣ ихъ представителями. Учрежденіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ особенныхъ „служительскихъ школъ“, которыя должны служить посредницами къ переходу прислуги изъ родительской семьи къ одиночеству ихъ дальнѣйшей жизни, нельзя не считать настоящею сатирою на наше хорошовышколенное поколѣніе. Великолѣпные экземпляры старыхъ слугъ и служанокъ, которые, какъ не отчуждаемые предметы домашняго инвентаря, оставались въ семьѣ отъ поколѣнія къ поколѣнію, въ скоромъ времени совсѣмъ исчезнутъ. Они такъ же, какъ и вѣчно бродячій мастеровой и вѣчный студентъ, весь вѣкъ свой вынуждены были ѣсть чужой хлѣбъ, и такъ-же, какъ они, остались совершенно чуждыми пролетаріата. Мы требуемъ *нравственныхъ* услугъ отъ нашихъ домочадцевъ, мы требуемъ преданности къ намъ всей ихъ личности, а какую, спрашивается, мы съ нашей стороны оказываемъ имъ *нравственную* услугу? Или какой образецъ великаго общественнаго союза находитъ эта прислуга въ организмѣ семьи, чтобы она могла брать съ него примѣръ. „Баринъ долженъ идти впередъ!“ Мы желаемъ, чтобы слуги наши были истыми спартанцами, между тѣмъ какъ они каждый день видятъ, что ихъ господа выбрали себѣ мѣстопребываніе вовсе не въ Спартѣ, а въ Капуѣ. И это противорѣчіе между ученіемъ и примѣромъ создаетъ конечно не

спартанца, а настоящаго современнаго пролетарія. „Баринъ долженъ идти впередъ!“

Машинообразное употребленіе фабричнаго пролетарія его хозяиномъ составляетъ крайнюю противоположность съ жизнью и дѣятельностію рабочаго въ семьѣ. Фабричный рабочій, который не обладаетъ никакою промышленною способностію, а служитъ только простою механическою силою въ ряду съ прочими механическими силами фабричной машины, который долженъ оставаться равнодушнымъ, если на его мѣсто завтра поставятъ ребенка, а послѣ завтра онъ будетъ замѣненъ какимъ нибудь вновь придѣланнымъ рычагомъ, или винтомъ—этотъ рабочій, съ которымъ фабрикантъ въ сущности ничего больше не можетъ предпринять, какъ только воспользоваться имъ на время, и потомъ бросить его какъ ненужную вещь—безспорно крайне расположенъ къ переходу въ четвертое сословіе. Но ему невозможно помочь ни возвышеніемъ задѣльной платы, ни уменьшеніемъ срока работы, а единственно только присвоеніемъ ему болѣе знаній и мастерства въ ремеслѣ; но въ этомъ отношеніи самымъ лучшимъ руководителемъ можетъ служить ему само общество фабричныхъ рабочихъ, которое, въ интересѣ взаимнаго воспитанія, подпоры и возвышенія, должно соединиться въ патріархальную семью, а не коммунистическую ассоціацію для раздѣленія прибыли. Аристотель говоритъ въ своей „Этикѣ“: „рабъ—это одушевленное орудіе, а орудіе это—неодушевленный рабъ“. Такимъ образомъ фабричный стоитъ иногда гораздо ниже, чѣмъ невольникъ, такъ какъ его трудъ нерѣдко стоитъ на одной степени съ работою, исполняемою безжизненною машиною, которую бросаютъ всякій разъ, когда ее можно замѣнить другою, болѣе удобною и болѣе полезною.

Мы видѣли, какъ фабричные рабочіе сами разрушали свои собственныя машины. Это было слѣдствіемъ страшно возбужденнаго озлобленія раба, упавшаго на степень безжизненнаго инструмента, желавшаго уничтожить своего, хотя только высѣченнаго изъ дерева и кованнаго изъ желѣза, но все же сильнѣйшаго противника. Всякое улуч-

шеніе машины — хотя бы оно происходило въ его собственномъ интересѣ — большею частію внушаетъ фабричному рабочему страхъ, какъ нѣчто демоническое, какъ безцѣльно бушующая сила; это для него тоже, что обученіе грамотѣ для крестьянина. Когда въ Шеффильдѣ хотѣли ввести улучшеніе въ точеніи стержней, съ единственною цѣлію устранить гибельное дѣйствіе, производимое желѣзною печкою на легкія рабочихъ, то послѣдніе рѣшительно возстали противъ этого улучшенія. Тоже самое случилось и при введеніи открытой Дэви такъ называемой безопасной лампы. Жаккаръ (Jacquard) почти былъ забросанъ камнями за то, что открылъ искусный механизмъ въ ткацкихъ станкахъ, носящихъ его имя, освободившій рабочихъ отъ той мучительной работы, которая, при прежнихъ ткацкихъ станкахъ, такъ называемыхъ tireurs de laces, заставляла ихъ, въ продолженіе цѣлаго дня, оставаться въ уродовавшемъ всѣ ихъ члены положеніи.

Въ мартѣ 1848 года, когда голодная толпа извощичьихъ пролетаріевъ срывала рельсы съ таунусской желѣзной дороги, и, вслѣдъ затѣмъ, голодные лоцмана обстрѣливали пароходы на Рейнѣ и Майнѣ, мнѣ случилось видѣть занимающагося приготовленіемъ машинъ рабочаго, который, обнимая насмѣшливымъ взглядомъ опустошенное мѣсто, точно пророкъ пролетаріата, съ демоническою увѣренностію въ побѣдѣ, воскликнулъ: „чрезъ эту землю машина уже больше не поѣдетъ!“ Какое-то нравственное озлобленіе слышалось въ этомъ восклицаніи, такъ какъ очень можетъ быть, что съ разрушеніемъ желѣзной дороги, разрушилось и его собственное существованіе, но, тѣмъ не менѣе, онъ съ радостію смотрѣлъ на эти развалины, потому что непріятное соперничество машины есть вмѣстѣ съ тѣмъ самое глубокое униженіе человѣческаго достоинства для рабочаго.

Рабочій-пролетарій смотритъ съ тайнымъ ужасомъ на все болѣе и болѣе возрастающую машинную промышленность, и видитъ въ ней дерзкую борьбу коллективнаго капитала съ индивидуальною рабочею силою. А бѣдный крестьянинъ? Онъ такъ же, съ такимъ же страхомъ,

смотритъ на эти загадочныя дороги съ бушующими „діавольскими конями“, но его занимаютъ совсѣмъ другія мысли. Холеру и картофельную язву, скверную погоду, землетрясеніе, дороговизну, войны и возстанія все онъ, въ своемъ суевѣріи, очень часто считаетъ необходимыми послѣдствіями этого титаническаго нововведенія. Проложеніе желѣзныхъ дорогъ онъ считаетъ какою-то богопротивною дерзостію, которою необузданный человѣкъ вызываетъ на борьбу установленные Богомъ, вѣчные законы природы. Это для него вавилонская башня въ современномъ переводѣ. И вавилонская башня, шпицъ которой достигалъ бы неба, также должна была сдѣлаться соединительнымъ пунктомъ для всѣхъ народовъ земли. „И сказалъ Господь: вотъ что они начали дѣлать, и не будетъ у нихъ остановки ни въ чемъ, что они вздумали дѣлать. Пойдемъ же и смѣшаемъ тамъ языкъ ихъ, такъ, чтобы одинъ не понималъ рѣчи другаго... Тогда Господь разсѣялъ ихъ оттуда по всей землѣ, и они перестали строить городъ. Посему дано ему имя Вавилонъ; ибо тамъ смѣшалъ Господь языкъ всей земли, и оттуда разсѣялъ ихъ Господь по всей землѣ“.

И простодушный крестьянинъ смотритъ на это своимъ особеннымъ взглядомъ, и полагаетъ, что, рано или поздно, желѣзныя дороги постигнетъ та же вавилонская участь. Хотите вы презирать эту простоту? Въ ней кроется глубокая мысль, что исторія современной индустріи есть собственно только новое изданіе старой трагедіи съ докторомъ Фаустомъ.

Теперь сравните исходъ, который пророчествуетъ этимъ колоссальнымъ произведеніямъ новѣйшей культуры съ одной стороны ребяческая религіозная вѣра крестьянина, а съ другой—ребяческая соціальная вѣра пролетарія. Это характеризуетъ оба сословія.

Крайнее положеніе фабричныхъ рабочихъ, которое большею частію есть слѣдствіе невѣжества и ограниченности, можетъ быть облегчено лишь путемъ корпоративной организаціи всего сословія: сдѣлавъ „рабочихъ“ самостоятельными, мы вырвемъ ихъ изъ четвертаго сословія.

Никакая внѣшняя подпора не поможетъ рабочему, пока онъ самъ себя чувствуетъ безпомощнымъ, и сознаніе этой безпомощности именно и порождаетъ пролетаріатскія стремленія. Въ 1848 году, въ нѣкоторыхъ германскихъ государствахъ, старались занимать голодныя толпы рабочихъ и уничтожить ихъ неудовольствіе предоставленіемъ имъ устройства совершенно безполезныхъ дорогъ и т. п.; въ Парижѣ рабочимъ задавали ни къ чему негодныя земляныя работы, единственно только для того, чтобы руки были чѣмъ нибудь заняты, какъ, напримѣръ, богачи иногда занимаются токарнымъ или столярнымъ мастерствомъ, чтобы имѣть движеніе и способствовать пищеваренію. Они выдумали поводъ безъ досады выплатить рабочимъ задѣльную плату. Это былъ чрезвычайно опасный опытъ. Если эта безсмысленная работа и вела къ чему нибудь, то именно къ тому, чтобы еще ярче представить рабочему безвыходность его положенія. Открытое подаяніе было бы гораздо безопаснѣе. Гдѣ обозрѣніе его дневной работы скажетъ рабочему, что онъ лишній въ обществѣ, тамъ и самая высокая задѣльная плата не подавитъ въ немъ духа пролетаріатскаго озлобленія.

Образцовое, совершенно новое учрежденіе, имѣющее великое соціальное значеніе, составляетъ берлинское „общеполезное строительное общество", цѣль котораго вспомоществованіе рабочимъ, предоставляя имъ съ одной стороны средство къ *самопомощи*, съ другой обезпечивая имъ собственный домашній очагъ. Оно строитъ дома для ремесленниковъ, фабричныхъ рабочихъ, поденьщиковъ и др.; и жильцы, платя на капиталъ, израсходованный на ихъ устройство, всего только 6 процентовъ въ годъ, не только уплачиваютъ этимъ проценты, но погашаютъ и самый капиталъ, такъ что всякій жилецъ чрезъ 30 лѣтъ пріобрѣтаетъ домъ въ свою *полную собственность*. Если нѣсколько жильцевъ вмѣстѣ нанимаютъ одинъ изъ большихъ домовъ, то каждый жилецъ, чрезъ 5, 10 и т. д. лѣтъ, получаетъ соотвѣтственную денежную премію. Всѣ жители одного дома составляютъ одно общество и выбираютъ себѣ хозяина, который въ свою очередь находится подъ высшимъ

надзоромъ назначеннаго „строительнымъ обществомъ“ представителя. Матеріальныя и нравственныя преимущества, предоставляемыя подобнымъ общимъ корпоративнымъ хозяйствомъ, находящимся подъ строгимъ надзоромъ извнѣ, ясны и понятны всякому. Точно также занятые отдѣльными семействами дома „общества“ будутъ сильно содѣйствовать оживленію семейнаго духа между рабочими. Такимъ способомъ „рабочій“ на самомъ дѣлѣ охраняется отъ перехода въ четвертое сословіе; этимъ способомъ содѣйствуютъ здоровой общественной организаціи поденьщиковъ, которые должны составить будущее дѣйствительное, въ полномъ смыслѣ слова, четвертое сословіе. Подобное препріятіе, распространенное на всѣ болѣе значительные города Германіи, потребовало бы суммы въ нѣсколько милліоновъ, которая должна была бы быть обращена въ пользу бѣдныхъ, но оно однако не предполагаетъ ни малѣйшаго *денежнаго пожертвованія* бѣднымъ со стороны богатыхъ; это только *заемъ* подъ вѣрный залогъ недвижимаго имѣнія. Эта мѣра избавляетъ неимущихъ отъ петли квартирнаго ростовщичества, внушаетъ имъ семейную солидность, направляетъ къ общественной организаціи и предоставляетъ имъ возможность, въ видѣ преміи, пріобрѣсти свободную недвижимую собственность, или маленькій капиталецъ. Современемъ многіе зависимые поденьщики сдѣлаются такимъ образомъ самостоятельными гражданами! Мы считаемъ это предпріятіе одною изъ счастливѣйшихъ попытокъ къ улучшенію быта рабочаго класса, ибо оно предоставляетъ вспомоществованіе не въ видѣ милостыни, а даетъ неимущимъ возможность *настоящей самопомощи*.

Эти строенія берлинскаго общеполезнаго строительнаго общества имѣютъ замѣчательное сходство съ маленькимъ городкомъ бѣдныхъ, который нѣкогда былъ устроенъ въ Аугсбургѣ богатымъ патриційскимъ родомъ Фугговъ, и который называли Фугговкою (Fuggerei.) Какъ здѣсь, такъ и тамъ, честнымъ бѣднымъ людямъ предоставлялись дешевыя квартиры. Но въ шестнадцатомъ столѣтія одна семья основала вѣчное учрежденіе, въ девятнадцатомъ же вѣкѣ подобное же учрежде-

ніе предпринято акціонернымъ обществомъ. И несмотря на то, это новѣйшее общество пошло далѣе, чѣмъ древній родъ патриціевъ, потому что оно предоставляетъ бѣднымъ возможность пріобрѣсти въ *собственность* арендованное ими имѣніе или капиталъ. Не ограничивая свой планъ устройствомъ извѣстнаго числа домовъ, а напротивъ разсчитывая увеличить число домовъ по мѣрѣ надобности, предоставляя бѣднымъ не благотворительное подаяніе, подобно Фуггамъ, а возможность самимъ пріобрѣсти это подаяніе, что гораздо выше, оно тѣмъ самымъ показываетъ на сколько мы ушли впередъ въ дѣлѣ разумѣнія бѣдности въ отношеніи къ соціальной жизни и касательно средствъ къ ея облегченію.

Промышленная роль фабричнаго рабочаго во всемъ носитъ на себѣ еще отпечатокъ чего то неоконченнаго, неготоваго, образующагося. Изъ этого вытекаютъ самые рѣшительные соціальные вопросы. Фабричный рабочій—это уже не ремесленникъ, но въ то же время, онъ и не простой поденьщикъ; фабричный рабочій—это искомая величина, это x промышленнаго міра, точно также, какъ четвертое сословіе есть x міра соціальнаго.

Говорятъ: машина дѣлаетъ за людей всякую грубомеханическую, безсмысленную работу—какой шагъ впередъ къ облагороживанію всего существованія человѣка! Тамъ, гдѣ прежде работникъ цѣлые дни безпрестанно долженъ былъ то поднимать, то опускать свою руку, такъ что потъ лился съ него градомъ по всему тѣлу, тамъ теперь сидитъ фабричный рабочій у машины, замѣняющей человѣческія руки, регулируетъ ее безъ всякихъ усилій, не потѣетъ вовсе и не работаетъ столько своимъ тѣломъ. Когда работникъ прежняго времени до того стучалъ молотомъ, что у него вся голова трещала, тогда ему некогда было думать...

Но въ настоящее время, когда машина, вмѣсто рабочаго, стучитъ, прядетъ, ткетъ, ему самому остается довольно досуга, чтобы работать головою. Развѣ это не громадный успѣхъ? Но именно этотъ дилетантизмъ мышленія, эти грезы, размышленія и мечты, ко-

торія при низкой степени развитія фабричнаго рабочаго являются сами собою въ его свободные отъ работы минуты, они то и составляютъ соціальную опасность у фабричнаго пролетаріата, въ сравненіи съ пролетаріатомъ обыкновенныхъ, работающими своими руками, рабочихъ. Такъ и тѣ ремесленники, которымъ по качеству ремесла возможно цѣлый день сидѣть на одномъ мѣстѣ, и отъ которыхъ не требуется особенныхъ тѣлесныхъ усилій, которымъ, такимъ образомъ, возможно цѣлый день грезить и мечтать, какъ, напримѣръ, сапожники и портные, — тѣ чаще всѣхъ другихъ волнуются разными коммуническими и соціалистическими мечтаніями. Не слышно, что бы подобныя болѣзненныя нападки случались съ кузнецами, каменщиками, дровосѣками, словомъ со всѣми тѣми рабочими, которые работаютъ въ потѣ лица. Мы, конечно, очень хорошо понимаемъ громадный успѣхъ цивилизаціи, кроющійся въ томъ, что человѣка все болѣе и болѣе освобождаютъ отъ самой грубой механической работы. Но пока фабричные рабочіе находятся въ состояніи настоящаго ихъ промышленнаго полуразвитія, это косвеннымъ образомъ страшно питаетъ диллетантизмъ образованія въ массахъ рабочаго пролетаріата. Но какъ людямъ невозможно и не должно запрещать мыслить, то единственное спасеніе въ томъ, чтобы дать ихъ уму здоровую соотвѣтственную пищу посредствомъ образованія. Мы видимъ иногда на фабрикахъ различнаго рода строенія для гимнастическихъ упражненій засидѣвшихся и ослабѣвшихъ рабочихъ въ ихъ досужее время. Что же? Создайте такія же умственныя упражненія для фабричныхъ рабочихъ, для развитія ихъ духовной силы! Именно вслѣдствіе недостатка образованія, массы низшихъ фабричныхъ рабочихъ, изъ которыхъ большая часть прямо изъ дѣтской школы поступила на фабрику, дѣлаются столь безпомощными, и вслѣдствіе недостатка образованія, они часто и падаютъ такъ въ нравственномъ отношеніи. Именно потому, что эти фабричные рабочіе, которые, въ отношеніи промышленнаго развитія,

стоятъ большею частію гораздо ниже самыхъ послѣднихъ, работающихъ своими руками, поденщиковъ, имѣютъ гораздо больше досуга для размышленія, чѣмъ поденщики—именно потому и нужно дать имъ гораздо больше матеріала для размышленія. Государство, общество, фабричные рабочіе и фабричные хозяева—для всѣхъ одинаково полезно устройство школъ для рабочихъ, чтобы уничтожить глубокій умственный упадокъ этихъ пролетаріевъ, угрожающій и матеріальному благу отдѣльнаго рабочаго, и безопасности всего общества. Какъ мало еще сдѣлано для умственнаго и нравственнаго воспитанія фабричнаго пролетаріата! И послѣ этого являются люди, которые страшно боятся соціальнаго и политическаго упадка фабричныхъ рабочихъ, и взваливаютъ вину на составляющее нашу гордость изобрѣтеніе машинной индустріи, а сами и пальцемъ не шевельнутъ, чтобы привести въ порядокъ головы этихъ „умственно бѣдныхъ рабочихъ". Здѣсь нужно дѣйствовать внутренними миссіонерскими средствами не одной только религіи, но и здоровой, отвѣчающей нуждамъ народа науки.

Пролетаріатъ фабричныхъ рабочихъ остался на половинѣ пути, и относительно своей корпоративной организаціи, онъ пріобрѣлъ на столько общаго сознанія, что пришелъ почти къ единодушію на счетъ мѣры своихъ страданій и своихъ недостатковъ, но онъ еще не сдѣлалъ втораго шага: какъ бы самому облегчить свое положеніе, какъ бы согласиться относительно средствъ самому уничтожить свои страданія и недостатки—этого онъ сдѣлать не въ состояніи. Есть еще значительный классъ ремесленныхъ и промышленныхъ пролетаріевъ, положеніе которыхъ вообще гораздо хуже и гораздо безпомощнѣе положенія фабричныхъ рабочихъ, а для общества они между тѣмъ гораздо менѣе опасны, именно потому, что они еще не сдѣлали перваго шага къ корпоративной организаціи и по крайней мѣрѣ не пріобрѣли еще этого отрицательнаго общаго сознанія. Бродячіе точильщики, разъѣзжающіе оловянничники, починяющіе котлы, корзин-

щики и другіе, которые то подъ жгучими лучами солнца, то подъ проливнымъ дождемъ заработываютъ свой скудный хлѣбъ, находятся иногда въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ фабричные рабочіе, но они живутъ отдѣльно, не достигли еще общаго сознанія и смотрятъ на свое горе, не какъ на общее, а какъ на частное, личное. Поэтому, находясь въ крайнемъ положеніи, они будутъ красть, похищать, но только для себя однихъ, между тѣмъ какъ фабричный рабочій въ такомъ положеніи, какъ коммунистъ, становится похитителемъ въ отношеніи ко всему обществу.

Рядомъ съ промышленнымъ пролетаріатомъ стоитъ пролетаріатъ торговый. Послѣдній впервые показалъ какія вредныя послѣдствія, какъ въ гражданскомъ, такъ и въ торговомъ отношеніи, влечетъ за собою кочующая жизнь, и вотъ уже нѣсколько вѣковъ, какъ противъ него принимаютъ различныя мѣры. Германскія полицейскія постановленія прежняго времени заключаютъ въ себѣ самыя строгія мѣры противъ кочующихъ разносчиковъ, ветошниковъ и т. п., которые всегда содѣйствовали раззоренію крестьянъ, и въ прежнее время еще болѣе, чѣмъ теперь. Это такой классъ пролетаріата, котораго вредное соціальное вліяніе уже болѣе не растетъ, а напротивъ все уменьшается. Съ каждою новою желѣзною дорогой какой нибудь новый кусокъ земли освобождается отъ вреднаго вліянія разносчиковъ. Читая разсказы о томъ, какъ разносчики обманываютъ и портятъ одинокаго колониста американскихъ лѣсовъ, мы, по аналогіи, легко можемъ себѣ представить, какой вредъ эти люди въ прежнее время причиняли крестьянамъ. Юстусъ Мерзеръ представляетъ намъ грустную картину губительнаго вліянія разносчиковъ, краски которой однако въ настоящее время могутъ показаться слишкомъ рѣзкими. Въ особенности бродячіе торговцы, продававшіе разныя специи, „неизвѣстные разносчики, торгующіе теріакомъ, бродячіе купцы и коробейники“, еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія производили такое деморализующее вліяніе на сельское населеніе, что почти вездѣ запрещена была по крайней мѣрѣ разносная тор-

говля, „потому“, какъ сказано въ полицейскихъ постановленіяхъ Каценеленбогена, „что эта разносная торговля наноситъ вредъ не только нашимъ помѣщикамъ, гражданамъ и ремесленникамъ, но и простымъ крестьянамъ, которые безъ нужды подстрекаются къ покупкамъ и такимъ образомъ лишаются своего достоянія“. На совѣсти этихъ разъѣзжающихъ разносчиковъ лежитъ значительная доля вины, что многіе крестьяне бросили свою старинную одежду и прежній образъ жизни, и такимъ образомъ подпали, наконецъ, пролетаріатской безпорядочности. Они были среди крестьянъ настоящими проповѣдниками четвертаго сословія, и на этомъ поприщѣ они своими ситцами, модными блестками, а прежде своими специіями, въ особенности своимъ кофеемъ, по крайней мѣрѣ на столько же содѣйствовали нивеллированію общества, на сколько, на другомъ поприщѣ, сдѣлали то же самое умственные пролетаріи. Какое скверное понятіе имѣли въ прежнее время о разносчикахъ можно заключить изъ того, что прежніе законодатели поддѣлку товаровъ и распространеніе фальшивой и обрѣзанной монеты считали обыкновенно дѣломъ разносчиковъ, и въ этомъ смыслѣ постановляли свои рѣшенія. Пролетаріатское сознаніе у этихъ людей, точно такъ же, какъ у бродящихъ корзинщиковъ и точильщиковъ, обнаруживалось очень рѣдко, потому что они живутъ не вмѣстѣ, а порознь; но тѣмъ болѣе они содѣйствовали распространенію пролетаріатскаго сознанія среди простаго народа. Не столько профессія этого класса, сколько вредное вліяніе, произведенное имъ, заслуживаетъ вниманія соціальнаго изслѣдователя.

Совершенно особенное положеніе, среди торговаго пролетаріата, занимаютъ странствующіе еврейскіе торговцы. Здѣсь особенно ярко выступаетъ странная смѣсь бродячаго образа жизни и какого то идеальнаго національнаго сознанія, корпоративнаго единенія съ одной стороны, и подозрительности и зависти другъ къ другу въ торговыхъ дѣлахъ съ другой. Мы находимъ здѣсь, даже среди этой бродяжнической жизни, историческую святость семьи, которая выгодно отличаетъ ихъ отъ всѣхъ прочихъ бродячихъ пролетаріевъ и заставляетъ предпола-

гать болѣе глубокую нравственность, а рядомъ—сильную испорченность, самоуниженіе, которое позволяетъ себя гнать, бить, и цѣлуетъ руку своего угнетателя, лишь бы заработать копѣйку. Бродячій еврейскій торговецъ, какъ и фабричный рабочій, начинаетъ ничѣмъ: онъ также ничему не учится, онъ только приноситъ съ собою свое національное достояніе, геніальное умѣніе считать; но онъ не пугается пропасти, лежащей между трудомъ и капиталомъ, — онъ подвергаетъ себя всевозможнымъ лишеніямъ и трудностямъ, оставляя въ сторонѣ всякую соціальную философію, пока онъ наконецъ самъ дѣлается капиталистомъ. Неутомимость еврейскаго торговца, который, тяжелымъ вьюкомъ, бѣгаетъ изъ деревни въ деревню и дѣлаетъ огромныя пространства изъ за самаго ничтожнаго барыша, рѣзко противорѣчитъ общепринятому мнѣнію. что евреи чуждаются всякой тяжелой работы и тѣлеснаго усилія. Еще замѣчательнѣе, что этотъ деревенскій еврейскій торговецъ, преслѣдуемый со всѣхъ сторонъ, ненавидимый и презираемый всѣми, нося кромѣ того въ своемъ сердцѣ преданіе вѣковыхъ гоненій и униженій, нисколько однако не возмущается, не дѣлается ни соціалистомъ, ни коммунистомъ. А онъ, однако же, имѣетъ безконечно большее право на борьбу противъ историческаго общества, чѣмъ пролетарій фабричный. Онъ позволяетъ унижать себя во имя Бога и надѣется на пришествіе Мессіи, на ликованія въ Сіонѣ, которыя для такого во всѣхъ отношеніяхъ крайне реалистическаго, уважающаго наличную плату, человѣка лежатъ въ неизмѣримо далекой, мракомъ покрытой, будущности. Еврейскій торговецъ не чувствуетъ никакого страданія отъ того, что не имѣетъ своего мѣста въ обществѣ и государствѣ, такъ какъ онъ относится къ нимъ совершенно равнодушно. Фабричный рабочій *чувствуетъ себя* паріемъ; еврейскій же торговецъ въ своемъ равнодушіи къ развитію западной жизни, есть настоящій парій, нисколько объ этомъ не думая. Внутреннія противорѣчія четвертаго сословія для него такимъ образомъ вовсе не существуютъ. Еврейскій умственный пролетарій борется за положеніе въ новѣйшемъ государствѣ, въ новѣйшемъ обще-

[illegible]

[illegible] будетъ ночевать, но что цыганъ будетъ всегда кротокъ тамъ, гдѣ онъ только остановится, чтобы поѣсть и выпить, а потомъ тотчасъ отправляется далѣе. Въ этомъ воззрѣніи народа характеризуется двойственное соціальное положеніе, занимаемое цыганами и странствующими евреями. Если цыганъ семейству и домашнему очагу принадлежитъ хотя

только на одну ночь—онъ другъ общественнаго порядка; но тамъ, гдѣ онъ останавливается мимоходомъ, чтобы только немного отдохнуть, онъ тотчасъ же становится врагомъ этого порядка, если не самаго общества.

Въ той мѣрѣ, въ какой въ новѣйшее время уменьшается этотъ низшій бродячій торговый пролетаріатъ, въ той же мѣрѣ увеличивается число „благородныхъ“ странствующихъ торговцевъ. Бродячіе маклеры и агенты, странствующіе торговые прикащики и разъѣзжающіе собирать подписчиковъ акціонерные аферисты столь же вредны для городовъ, какъ прежніе торговцы разными специями были вредны для сельскаго населенія, и теперь отчасти вызвали такія же полицейскія постановленія, какъ въ прежнее время ихъ менѣе элегантные товарищи по ремеслу.

Объ испорченномъ крестьянинѣ мы уже подробно говорили въ отдѣлѣ о крестьянахъ. Мы еще не имѣемъ права относить испорченныхъ крестьянъ къ рубрикѣ „четвертаго сословія“. Общаго сознанія „крестьянскаго пролетаріата“, въ Германіи по крайней мѣрѣ, пока еще не существуетъ. И съ точки зрѣнія четвертаго сословія, они принадлежатъ къ тому классу пролетаріатскихъ художниковъ и ремесленниковъ, которые хотя много содѣйствовали разрушенію сословій художниковъ и ремесленниковъ, но все-таки не приняли на себя роли общей группы, сознательно стремящейся къ отрицанію общества. Крестьянство является намъ тутъ испорченнымъ, но этотъ испорченный обломокъ еще не на столько отдѣлился, чтобы образовать собою особенную соціальную группу.

Въ такое время, когда одно значительное промышленное изобрѣтеніе вытѣсняетъ другое, весьма естественно, что изобрѣтательный духъ порождаетъ шарлатанство, а съ тѣмъ вмѣстѣ своего рода пролетаріатъ. Цѣлая группа городскихъ пролетаріевъ пользуется этимъ шарлатанствомъ, и своимъ плутовствомъ относительно новыхъ открытій и изобрѣтеній до того налегаетъ на простоватаго филистера, что изслѣдованіе ея столь же важно въ отношеніи уголовномъ, какъ и соціальномъ.

Съ каждымъ новымъ столкновеніемъ на поприщѣ промышленной, научной и политической жизни, порождается новый пролетаріатъ, который по крайней мѣрѣ въ продолженіе двухъ трехъ мѣсяцевъ дѣлаетъ его своею профессіею. Такъ послѣднее политическое движеніе въ Германіи * образовало собственный самостоятельный пролетаріатъ, который не только нравственно, но и матеріально живетъ революціею. Къ семи свободнымъ искусствамъ, которыя Рабанусъ Маурусъ считаетъ полнымъ достояніемъ германцевъ, присоединилось еще восьмое — искусство вымогательства, которое питаетъ многихъ лучше чѣмъ какое нибудь другое искусство. Это тоже принадлежитъ къ вѣчно колеблющемуся, образующемуся еще существу четвертаго сословія, что новыя его группы постоянно замѣняютъ другъ друга и, подобно грибамъ, выростаютъ въ продолженіи ночи, и къ слѣдующему вечеру уже гніютъ и уступаютъ свое мѣсто другимъ. Если четвертое сословіе вообще можно опредѣлить только приблизительно, то тѣмъ труднѣе подробно разъяснить отдѣльные его составные элементы.

---

* Авторъ подразумѣваетъ здѣсь 1848 годъ. *Перев.*

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Сознаніе бѣдности.

Въ то время какъ въ крестьянствѣ и у помѣщиковъ-дворянъ преобладаетъ стремленіе къ твердому владѣнію недвижимою собственностію, въ то время, какъ такое же стремленіе замѣтно также, хотя и на второмъ планѣ, въ бюргерствѣ, у котораго на первой линіи стоятъ заработки и барыши, въ четвертомъ сословіи владѣнія собственностію вовсе не существуетъ, и кромѣ работы, ему ничего болѣе не остается. Съ этой точки пролетаріатъ можно разсматривать какъ бюргерство съ одностороннимъ направленіемъ, бросающееся въ одностороннюю крайность. Экономическое его значеніе зависитъ исключительно отъ его личныхъ достоинствъ: его духовныхъ способностей и физическаго труда. Слава труда есть вмѣстѣ и слава его сословія. Это конечно можетъ быть источникомъ гордаго, справедливаго сознанія своего достоинства, но вмѣстѣ съ тѣмъ также и источникомъ зависти и слѣпой самонадѣянности и высокомѣрія. Въ благопріятныхъ случаяхъ бѣднякъ-рабочій видитъ нравственно облагораживающую силу работы только въ самой работѣ. Но онъ не допускаетъ существованія такой же силы въ умѣніи сохранять и сберегать родовое или благопріобрѣтенное имущество. А между тѣмъ совершающееся почти ежедневно на нашихъ глазахъ раззореніе многихъ зажиточныхъ семействъ ясно показываетъ, что сбереженіе пріобрѣтеннаго состоянія гораздо труднѣе и составляетъ болѣе важную человѣческую добродѣтель, чѣмъ самое

его пріобрѣтеніе. Получать и заработывать деньги умѣютъ весьма многіе, но немногіе владѣютъ искусствомъ сберечь ихъ или цѣлесообразно издерживать.

Пользуясь единственно своею работою, но не владѣя въ то же время никакимъ имуществомъ, четвертое сословіе составляетъ контрастъ со всѣми общественными группами, болѣе или менѣе владѣющими какимъ нибудь состояніемъ. Факту этому дали весьма одностороннее названіе „неправильнаго отношенія труда къ капиталу“. Неправильное это отношеніе предполагали отстранить введеніемъ новой „организаціи труда“. Для этого требовали равномѣрнаго „раздѣленія между всѣми народныхъ капиталовъ и богатства“, какъ будто разнообразіе матеріальныхъ средствъ есть только слѣдствіе случайной и произвольной раздачи капиталовъ, а не неизмѣнная необходимость для каждаго общественнаго индивидуума, подобно рожденію и таланту и пр., которыхъ не уничтожитъ никто, пока не превратится въ первобытный свой хаосъ сама вселенная. О „несправедливомъ распредѣленіи капиталовъ“ можетъ говорить только тотъ, кто имѣетъ въ виду не общество, а отдѣльныхъ его членовъ. Мысль систематическаго введенія „правильнаго равномѣрнаго раздѣленія капиталовъ“ можно сравнить съ желаніемъ сдѣлать систематически равною погоду, такъ, чтобы каждый, во всякое время, могъ пользоваться такою именно погодою, которая всего болѣе соотвѣтствовала бы его личнымъ цѣлямъ и намѣреніямъ. Но въ то время, когда для одного человѣка та или другая погода бываетъ пріятна и даже выгодна, для тысячи другихъ людей она же можетъ быть источникомъ многихъ бѣдъ.

Чисто индивидуальныя человѣческія начала общества кроются именно въ разнообразіи составныхъ его частей, въ такъ называемомъ „неправильномъ отношеніи труда къ капиталу“. Въ мірѣ животныхъ господствуетъ совершенное соціальное равенство. Устраненіе общественныхъ противорѣчій возможно только съ наступленіемъ золотого вѣка всеобщаго тупоумія и бѣдствія, но не одинаковою степенью образован-

ности и равномѣрнымъ распредѣленіемъ богатствъ. Всеобщее насильственное уравненіе общества есть во всякомъ случаѣ крайняя реакція, такъ какъ равенство это отсылаетъ человѣка даже не къ среднимъ вѣкамъ, а въ самую глубокую древность, къ нашимъ прародителямъ, Адаму и Евѣ. Сословныя различія могутъ только тогда уничтожиться, когда матеріею нашихъ костюмовъ снова сдѣлаются листья смоковницы.

Жизнь различныхъ общественныхъ группъ можно весьма удачно сравнить съ жизнію человѣческаго рода въ разныхъ земныхъ поясахъ. Не вопіющая ли это несправедливость, когда эскимосы на холодномъ сѣверѣ и жители Огненной Земли на югѣ подвергаются всѣмъ капризамъ своихъ климатовъ, тупѣютъ въ своей скудной и бѣдной жизни въ то время, какъ избалованное дитя природы, житель Востока, утопаетъ въ нѣгѣ, окруженъ роскошнѣйшими произведеніями и плодами растительнаго царства, а обитателя умѣренныхъ поясовъ природа одарила необыкновенными духовными способностями, и въ добавокъ подчинила ему весь міръ? Отчего не уничтожаетъ человѣкъ этой дисгармоніи въ природѣ, этого неправильнаго отношенія человѣка къ своему ближнему? Отчего не переселяете вы эскимосовъ въ Италію, а жителей Огненной Земли въ Грецію? Но именно это противорѣчіе и свидѣтельствуетъ о величіи рода человѣческаго, который въ разныхъ климатахъ, подъ разными поясами. развивается своеобразно, вездѣ одинаково, и все-таки различно! Такъ и величіе общества, какъ живаго организма, кроется въ той чудной гибкости, съ которою своеобразно и индивидуально развивается каждый его членъ во всѣхъ, если можно такъ выразиться, соціальныхъ поясахъ, даже подъ холоднымъ небомъ самого низкаго пролетаріата.

Не трудъ безъ капитала есть главная причина того, что рабочій дѣлается пролетаріемъ, или членомъ четвертаго сословія. Главныя причины, и собственно характеристическіе признаки пролетаріата, кроются въ противорѣчіи его соціальныхъ требованій съ настоящимъ его положеніемъ, въ его враждѣ къ историческому составу общества и въ выте-

кающемъ отсюда обособленіи и разладѣ съ этимъ обществомъ. Къ сожалѣнію сами рабочіе попали на невѣрный лозунгъ и начертали на своемъ знамени не „организацію рабочаго сословія“, а „организацію работы“. Соціальные теоретики, вызвавшіе эту путаницу въ понятіяхъ, взяли на себя страшную отвѣтственность: они гораздо больше способствовали бѣдственному положенію рабочаго, чѣмъ даже „господство капитала“; они какъ бы насильно изгнали изъ его головы единственно спасительную мысль, что рабочее сословіе само можетъ вырваться изъ своего грустнаго положенія, что оно само можетъ радикально преобразовать себя и для этого вовсе не требуется, чтобы оно мимоходомъ предварительно преобразовало и все остальное общество.

Замѣчательно, что всѣ члены четвертаго сословія, даже послѣдніе фабричные рабочіе, постоянно мучатся теоретическимъ изслѣдованіемъ своего положенія въ обществѣ. Этого роковаго вопроса своего общественнаго положенія, которымъ мучится четвертое сословіе, совсѣмъ почти не существуетъ для настоящихъ членовъ остальныхъ сословій. Уже одно то, что пролетаріатъ разсуждаетъ о себѣ самомъ, какъ объ особенномъ, соціальномъ явленіи, служитъ достаточнымъ доказательствомъ тому, что четвертое сословіе во всѣхъ отношеніяхъ есть чисто современное явленіе. Замѣчательно также, что теоретическія разсужденія четвертаго сословія имѣютъ мѣсто лишь въ старой Европѣ. Появляясь въ Новомъ Свѣтѣ, гдѣ общественный организмъ не страдаетъ еще гніющими и разлагающимися элементами, пролетарій оставляетъ въ покоѣ теоретическій вопросъ о своемъ соціальномъ существованіи, и ищетъ себѣ средствъ къ скромному существованію, безъ всякихъ мечтаній, если только не желаетъ умереть голодною смертію.

Въ своей коммунистической колоніи, Раппъ за правильную работу долженъ былъ обѣщать богатыя награды въ раю, и чтобы поддерживать въ колонистахъ стремленіе къ соціальному равенству въ свободной Америкѣ, онъ принужденъ былъ нерѣдко прибѣгать и къ деспотической власти. Пролетарій въ Европѣ возстаетъ противъ такихъ учреж-

деній, которыя для него лично нисколько не тягостны; онъ сражается обыкновенно за идеалъ государственнаго устройства, лежащій внѣ его духовнаго горизонта; онъ сражается въ полной вѣрѣ, что съ уничтоженіемъ стараго государственнаго устройства рушится старый общественный порядокъ; ему сказали, что тогда онъ вычеркнетъ изъ Св. Писанія слова: „и будешь ты ѣсть свой хлѣбъ въ потѣ лица твоего". Являясь въ Новый Свѣтъ, гдѣ уже не существуетъ стараго порядка, онъ видитъ, что новыя общественныя начала, за которыя онъ велъ такую кровопролитную борьбу на родинѣ, здѣсь все еще оказываются для него невыносимымъ рабствомъ.

„Бѣдность цѣлыхъ массъ" есть грозный призракъ, страшный фантомъ, ужасающій нашъ современный вѣкъ, поставившій главною задачею человѣческаго бытія матеріальное благосостояніе и богатство. Но эта „бѣдность массъ" дѣлается опасною только тогда, когда ей противопоставляется лѣность массы людей состоятельныхъ. Тотъ не имѣетъ права вооружаться противъ мятежнаго духа, питаемаго пролетаріатомъ къ владѣющимъ сословіямъ, кто самъ (какое бы ни занималъ онъ положеніе въ обществѣ) не заработываетъ себѣ хлѣба въ потѣ лица своего. „Бѣдность массъ" сдѣлалась грознымъ выраженіемъ лишь съ тѣхъ поръ, какъ и въ бюгерствѣ праздность стали считать благородствомъ. Бѣдность цѣлыхъ массъ не есть продуктъ новѣйшаго времени. Стоитъ только поглубже вникнуть въ исторію, что бы убѣдиться, что въ прежнія времена бѣдность массъ была гораздо сильнѣе и распространеннѣе, и что въ новѣйшее время она, напротивъ, значительно уменьшилась.

Но высокомѣріе, съ которымъ само себя обожающее богатство выступаетъ противъ обѣднѣвшихъ массъ, возбудило въ послѣднихъ то тяжелое самозданіе пауперизма, которое въ бѣшеныхъ припадкахъ голода считаетъ собственность привиллегированной кражей. Вы, чей идолъ — богатство, вправѣ ли вы осудить рабочаго за то, что онъ стремится сокрушить булыжникомъ этого идола, подобно тому какъ въ Ветхомъ Завѣтѣ были сокрушаемы языческіе кумиры, по велѣнію Іеговы? Задѣль-

ная плата рабочихъ классовъ въ прежнія времена была, относительно, гораздо меньше заработковъ современнаго рабочаго люда; такъ называемый пролетаріатъ былъ прежде гораздо болѣе распространенъ, но современный „пауперизмъ“ принялъ угрожающій характеръ только *съ улучшеніемъ общественнаго положенія* низшихъ классовъ и съ одновременно возрастающимъ *высокомѣріемъ* богатыхъ.

Бросимъ бѣглый взглядъ на это замѣчательное явленіе въ исторіи „человѣческихъ бѣдствій“.

Въ нассау-катценеленбогенскомъ полицейскомъ уставѣ 1616 года существуетъ длинная глава о кочующемъ пролетаріатѣ, рисующая печальную картину этой бѣдной земледѣльческой и лишенной въ то время большихъ городовъ страны, наводняемой всякаго рода бродягами и бѣглецами. Уже одно встрѣчаемое въ упомянутомъ полицейскомъ уставѣ дѣленіе этихъ пролетаріевъ на разные категоріи, роды и виды свидѣтельствуетъ объ ихъ многочисленности. Тамъ между прочимъ говорится о „неимѣющихъ мѣста слугахъ, уличныхъ торговцахъ, такъ называемыхъ дорожныхъ сумкахъ (вѣроятно нищихъ), цыганахъ, поджигателяхъ, бѣглецахъ, ворахъ, мошенникахъ“ и т. д. Въ случаѣ нашествія цыганъ массами, „подобно саранчѣ“, полицейское постановленіе велитъ „ударомъ въ набатъ созывать всю общину и прогнать бродягъ общими силами“. Что значитъ современное бродяжничество въ сравненіи съ тѣмъ положеніемъ, которое вызвало со стороны полиціи подобныя распоряженія? Въ полицейскомъ уставѣ весьма часто упоминается о нищихъ, уродовавшихъ и увѣчившихъ своихъ здоровыхъ дѣтей для того, чтобы они, какъ калѣки, избавлялись отъ снискиванія себѣ хлѣба работою и добывали его легкимъ путемъ — выпрашиваніемъ милостыни. Подобные отдѣльные и весьма рѣдкіе случаи встрѣчаются, пожалуй, еще и теперь въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, но каковъ долженъ былъ быть крайній упадокъ нищенствующаго населенія, если подобныя преступленія, въ такомъ захолустьѣ, каково еще въ настоящее время графство Катценеленбогенъ, были такъ часты,

что для прекращенія ихъ необходимо было изданіе такихъ постановленій?

Если нѣкоторыя отдѣльныя формы пролетаріата появились только въ современномъ обществѣ, зато вымерли многія его прежнія формы. Если бы солдатскій пролетаріатъ продолжалъ существовать до настоящаго времени въ томъ именно положеніи, въ какомъ онъ находился въ средніе вѣка, то въ зданіи общества навѣрное не осталось бы и камня на камнѣ. Опасность, грозящая обществу въ минуты современныхъ смутъ со стороны бѣднаго населенія большихъ городовъ, кажется ничтожною въ сравненіи съ тѣми притѣсненіями и зломъ, которыя въ старину претерпѣвали отъ отрядовъ голодныхъ, уволенныхъ отъ службы воиновъ отдѣльныя личности, равно и цѣлыя общины. Когда императоръ Фридрихъ III просилъ у французскаго короля Карла 5,000 такихъ воиновъ, послѣдній, желая отъ нихъ избавиться, прислалъ ему 40,000, и только съ большимъ трудомъ и угрозами войны удалось переправить обратно во Францію эти буйныя орды, которыя сами присвоили себѣ названіе армагнаковъ, но были прозваны народомъ въ насмѣшку „arme Gecken“. Отряды подобныхъ пролетаріевъ, у которыхъ главнымъ средствомъ къ существованію былъ грабежъ, страшно опустошали тогда государство. Какою ничтожною, въ сравненіи съ этими полками отставныхъ воиновъ, удрученныхъ бѣдствіемъ и отчаяніемъ, оказывается та маленькая толпа воинственныхъ пролетаріевъ, которая въ послѣдніе два года революціи переходила отъ одного возстанія къ другому, пока не разбрелась и не была уничтожена въ Баденѣ и Венгріи!

Гортледеръ, въ своихъ изслѣдованіяхъ „О причинахъ германскихъ войнъ“, сообщаетъ весьма интересный списокъ около сотни пролетаріевъ, для поимки которыхъ разосланы были сыскныя письма съ описаніемъ примѣтъ. Люди эти въ 1540 году опустошали огнемъ цѣлыя германскія княжества. Они нанимались на такой промыселъ за какіе нибудь 5 гульденовъ, хотя очень хорошо знали, что въ концѣ концевъ

[illegible]

тамъ при этихъ крайнихъ бѣдствіяхъ бѣдные вооружались противъ состоятельныхъ и богатыхъ.

Еще въ концѣ пятнадцатаго столѣтія крестьяне въ различныхъ мѣстахъ Германіи сами называли себя „бѣдными людьми“, и носили это названіе, какъ совершенно почетный титулъ, который они считали для себя столь же необходимымъ, какъ болѣе счастливые — титулы рыцарей и бароновъ. Зависть бѣдныхъ къ богатымъ хотя, можетъ быть, и существовала, но она не была организована. Пролетаріатъ, не смотря на свое ужасное распространеніе, не чувствовалъ себя еще связаннымъ одною общею идеею. Это общее сознаніе пролетаріата, какъ четвертаго сословія, пробудилось, какъ мы уже сказали выше, въ оппозиціи противъ праздности имущихъ, противъ высокомѣрія и надменности богатыхъ, противъ языческаго поклоненія мамону. Въ лѣсахъ Сѣверной Америки странствуютъ, можетъ быть, тысячи самыхъ несчастныхъ пролетаріевъ, однако тамъ въ настоящее время такъ же не можетъ быть и рѣчи объ опасности пролетаріата, о пауперизмѣ, о четвертомъ сословіи, какъ во время оно въ Германіи. Только тамъ, гдѣ бѣдность, вслѣдствіе столкновенія съ высокомѣріемъ и надменностію богатыхъ и особеннаго своего распространенія, достигаетъ *корпоративнаго сознанія*, тамъ она получаетъ соціальное значеніе. Только тогда, когда свѣтъ общаго образованія озарилъ и бѣдность, она узнаетъ на сколько она въ самомъ дѣлѣ бѣдна. Четвертое сословіе заключаетъ въ себѣ достигшую самосознанія бѣдность, и фактъ, что бѣдность сто лѣтъ тому назадъ имѣла гораздо обширнѣйшіе размѣры, чѣмъ въ настоящее время, не уменьшитъ озлобленія бѣдныхъ. Если бы Томасу Мюнцеру съ своими соціальными теоріями удалось проникнуть въ массу народа, тогда понятіе о пауперизмѣ и четвертомъ сословіи не принадлежало бы только новѣйшему временк, а было бы уже извѣстно въ шестнадцатомъ столѣтіи. Крестьянскія войны обнаружили первые проблески самосознанія бѣдности, но ихъ несчастный исходъ въ то же время показываетъ, что народъ, именно вслѣдствіе своего ужаснаго поло-

[illegible] могъ достигнуть только неяснаго предчувствія этого сознанія. Вѣдь пришла же ученому Маціану куріозная мысль, которая въ настоящее время обыкновенно распространяется побѣжденными послѣ жестокаго неудавшагося возстанія, а именно, что купцы и евреи имперскихъ городовъ (т. е. „буржуазія и богачи") искусственно и нарочно вызывали крестьянскія войны, чтобы съ помощію крестьянъ свергнуть правителей и образовать въ Германіи нѣчто въ родѣ венеціанской торговой республики и денежной аристократіи.

Когда въ 1349 году появилась „ужасная смертность", и бѣдствія народа достигли крайнихъ предѣловъ, это не вызвало мятежа, какъ при появленіи въ тридцатыхъ годахъ холеры въ Италіи, а имѣло своимъ послѣдствіемъ величественное историческое бичевое шествіе [illegible]. Эта противоположность, кажется намъ, гораздо лучше разъясняетъ исторію бѣдности и нищеты, чѣмъ сравненіе прежней и нынѣшней заработной платы.

Пока богатство съ своей стороны не было еще такъ замкнуто въ самомъ себѣ, до тѣхъ поръ и самосознаніе бѣдности не могло еще пробуждаться. Очень часто даже князья и рыцари попадали въ крайнее пролетаріатское положеніе, что при всей строгой замкнутости сословій было нѣкоторымъ утѣшеніемъ для бѣднаго человѣка. Это примиреніе сословій въ общемъ горѣ и лишеніяхъ средневѣковый эпосъ весьма хорошо охарактеризовалъ въ преданіи о ландграфинѣ Елисаветѣ изъ Тюрингена. Напротивъ того, [illegible] бѣдныхъ, уже въ очень отдаленное время, было обращено противъ тѣхъ, которые особенно дорожили деньгами, пріобрѣтеніе ихъ считали первою цѣлью, и въ послѣдствіи сдѣлались представителями денежнаго господства. Мы говоримъ объ евреяхъ, которые историческими обстоятельствами вынуждены были къ поклоненію деньгамъ, денежной силѣ, сдѣлавшейся единственнымъ средствомъ откупаться отъ жестокости средневѣковыхъ владѣтелей, единственнымъ спасеніемъ отъ [illegible] въ вѣчномъ, вынужденномъ преслѣдованіями и многовѣковыми угнетеніями, странствованіи, и наконецъ единствен-

нымъ средствомъ покупать себѣ такъ называемую „защиту евреевъ“ (Judenschutz). Эту роль средневѣковыхъ евреевъ угрожаетъ, въ настоящее время, принять на себя весь имущественный классъ въ отношеніи къ пролетаріямъ, и потому ужасные подвиги раздраженнаго парижскаго пролетаріата, свидѣтелями которыхъ мы были въ іюнѣ 1848 года, можно сравнить съ ужасными преслѣдованіями и рѣзнею евреевъ, которыя были слѣдстіемъ разъяреннаго фанатизма народной массы.

Тотъ прокаженный, босоногій монахъ, который въ четырнадцатомъ столѣтіи въ такихъ прекрасныхъ, грустныхъ пѣсняхъ воспѣвалъ свое собственное горе, былъ также литературнымъ пролетаріемъ, и надо полагать, что между современными голодными литераторами найдется не много охотниковъ помѣняться съ нимъ своею долей. Такимъ образомъ возросъ литературный пролетаріатъ, и переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ Кардана, въ которомъ я вижу настоящій первообразъ современнаго литератора, но который философски презиралъ свою растерзанность и свое горе, до жалкихъ бѣдныхъ писакъ восемнадцатаго столѣтія. Но литературный пролетаріатъ находился тогда въ гораздо болѣе жалкомъ положеніи, чѣмъ въ настоящее время. Лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, бѣдный поэтъ могъ превратиться въ дитя Лоренца, много въ скептическаго Фауста, который штурмовалъ небо: въ настоящее же время взялись штурмовать общество. Поэтому нисколько не успокоительно, если по вѣрному счету оказывается, что бѣдность въ прежнее время была гораздо большая, чѣмъ теперь. Бѣдность нынѣшняго и бѣдность прежняго времени—*это числа, совершенно разнородныя*, и ихъ ни въ какомъ случаѣ не должно сравнивать одно съ другимъ. Не обѣдненіе массы (ежедневно уменьшающееся) образуетъ злой духъ пауперизма, а ежедневно увеличивающееся сознаніе массы, что она бѣдна — вотъ главная его причина. Мы потому находимъ въ прежнихъ сочиненіяхъ такъ мало матеріаловъ и замѣчаній, могущихъ служить источникомъ для исторіи бѣдности, что бѣдность въ то время вовсе не считалась какою то опасною, разрушающею силою въ политиче-

ской и соціальной жизни, а на нее смотрѣли какъ на частный фактъ; это было понятно само собою, она такъ, навсегда, уже была устроена Богомъ, какъ зима и лѣто, какъ день и ночь. Иначе усердные лѣтописцы, которые очень тщательно проникали въ малѣйшую подробность общественной жизни, и съ особенною любовію занимались спеціальностями, непремѣнно оставили бы намъ по этой части богатый матеріалъ.

Правда, что сознаніе массою своей бѣдности и корпоративное стремленіе неимущихъ рабочихъ къ достиженію своего соціальнаго права сдѣлались однажды всемірно-историческимъ фактомъ, но это случилось не въ германской народной жизни, а въ римской древности. Если мы хотимъ напасть на слѣды первыхъ попытокъ къ образованію четвертаго сословія и первыхъ проблесковъ соціальнаго самосознанія бѣдности, то мы скорѣе должны обратиться ко времени возмущенія невольниковъ подъ предводительствомъ Спартака, ко времени Гракховъ, чѣмъ къ средневѣковой исторіи Германіи. Это различіе чувствовалъ уже и Шекспиръ. Въ своемъ „Коріоланѣ“, онъ съ поразительною вѣрностію рисуетъ намъ движеніе пробудившагося къ сознанію своего права пролетаріата. Это показываетъ въ великомъ поэтѣ какое то сверхестественное предчувствіе, удивительный историческій инстинктъ, что онъ въ римской піесѣ рисовалъ пролетаріатъ, которому въ драмѣ, взятой изъ англійской исторіи, не было бы мѣста, потому что во времена Шекспира въ Англіи, хотя и было множество бѣдняковъ, но не было еще слѣда пробуждающагося къ сознанію пролетаріата.

Мы выше замѣтили, что всѣ сословія своими *соціальными проступками* содѣйствовали образованію четвертаго сословія. Такъ, напримѣръ, проступки имущественныхъ классовъ были главнѣйшею причиною усвоенія бѣдными несообразныхъ соціалистическихъ и коммунистическихъ теорій. Объ этомъ слѣдующимъ образомъ говоритъ профессоръ Вильмаръ, котораго ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить, ни въ излишнемъ расположеніи къ коммунистическому пролетаріату, ни въ особенной ненависти къ имущественной аристократіи:

„Въ нашей собственной средѣ—говоритъ онъ—въ нашихъ обществахъ, въ семействахъ, въ нашемъ сердцѣ уже живетъ коммунизмъ. Прежде чѣмъ мы произносимъ нашъ приговоръ надъ французами, или надъ нашимъ землякомъ, портнымъ Вейтлингомъ, и его сообщниками, мы должны взвѣшивать наши собственные проступки и карать самихъ себя. Развѣ неправда, что страсть къ пріятной жизни, снабженной всѣми новѣйше изобрѣтенными удобствами, въ послѣднія десять лѣтъ приняла ужасающіе размѣры? Или неодолимое влеченіе къ нарядамъ, къ великолѣпной одеждѣ, къ ежедневно мѣняющейся модѣ, не достигало у насъ размѣровъ, едва ли когда либо видѣнныхъ со времени шестнадцатаго столѣтія? Развѣ мы жизнь безъ роскошной, мягкой мебели, безъ сибаритской постели, безъ золотыхъ часовъ и цѣпочекъ, безъ золотыхъ колецъ и запонокъ и другаго подобнаго блеска и разной мишуры — считаемъ еще въ настоящее время жизнью? Развѣ комфортъ и желаніе блистать имъ, развѣ съ каждымъ годомъ увеличивающаяся расточительность въ общественной жизни не сдѣлались совершенно необходимымъ условіемъ нашего существованія? Если мы принимаемъ на себя какое нибудь дѣло, какую нибудь должность, то развѣ мы приэтомъ не имѣемъ преимущественно, или даже единственно, въ виду достиженіе всего вышеупомянутаго? Развѣ мы не думаемъ о томъ, какъ бы не только подражать, но и превзойти всякаго, кто лучше насъ одѣвается, дороже живетъ и роскошнѣе и блистательнѣе угощаетъ? Скажите, положа руку на сердце, развѣ мы довольны своею участью, когда не обладаемъ всѣми тѣми аттрибутами чувственнаго наслажденія, которыми пользуется нашъ ближній? Развѣ въ нашихъ глазахъ золотые часы и бутылки шампанскаго не играютъ, въ совершенно особенномъ смыслѣ, такую же роль, какую играютъ они въ глазахъ коммунистическаго ремесленнаго подмастерья? И, послѣ этого, развѣ мы внутренно не союзники коммунизма?“ И потомъ ораторъ говоритъ своимъ молодымъ слушателямъ слѣдующее о примиряющей всѣ сословія чести труда: „Не задавайтесь мыслью, общею въ настоящее время всему міру:

какъ можно меньше работы, какъ можно больше вознагражденія, но вы должны желать работать для того, чтобы принести пользу, вы должны желать работать безъ вознагражденія, ради самой работы, ради своего ближняго, ради Бога. Если вы сами не покажете примѣра подобными намѣреніями, то какъ же вы будете въ правѣ требовать, чтобы сословія, въ руководители которыхъ вы въ настоящее время готовитесь, послѣдовали вашимъ совѣтамъ, когда вы имъ будете проповѣдывать умѣренность и довольство своимъ положеніемъ? Гордиться своимъ благопріятнымъ положеніемъ, своимъ богатствомъ, своими удобствами, своими наслажденіями, считать себя привилегированнымъ бариномъ, который можетъ изъявлять всякія притязанія, тогда какъ другіе должны существовать только для того, чтобы быть его слугами и удовлетворять его желаніемъ — никогда еще не было такъ неумѣстно, какъ въ наши времена. Кромѣ того, что это во всѣхъ отношеніяхъ противно христіанскому ученію, оно въ настоящее время противно и здравому смыслу. Чѣмъ болѣе вы станете гордиться, тѣмъ вѣрнѣе, можетъ быть еще въ самое близкое время, разразится надъ вами буря коммунизма".

Мы должны были сопоставить множество подробностей для разъясненія четвертаго сословія, которыя однако не связаны между собою такими опредѣленными нитями, какъ подробности, приведенныя нами при изслѣдованіи прочихъ сословій. Но это совершенно въ природѣ вещей. Четвертое сословіе распадается на безконечно разнообразныя самостоятельныя отдѣльныя явленія, потому что въ немъ разлагающіеся элементы историческаго общества находятся въ общемъ процесѣ броженія. Въ системѣ общества оно составляетъ нѣчто цѣлое, но на практикѣ общественной жизни его можно разсматривать только отдѣльными группами. Четвертое сословіе нельзя также подвести подъ одну отдѣльную и опредѣленную государственную точку зрѣнія, какъ это можно сдѣлать съ аристократіею, бюргерствомъ или крестьянствомъ. Нѣтъ ничего губительнѣе какъ отыскивать тайныя средства

противъ отрицательнаго духа четвертаго сословія вообще, и предполагать, что съ изобрѣтеніемъ какого нибудь средства или способа къ уравновѣшиванію труда и капитала, исчезнетъ современный пролетаріатъ и сотрется съ лица земли духъ его. Подобнымъ образомъ можно только распространить еще большій мракъ на соціальный вопросъ четвертаго сословія. Только спускаясь въ глубь индивидуальной жизни, можно придти къ ясному понятію о четвертомъ сословіи. Съ новымъ понятіемъ о четвертомъ сословіи, которое пріобрѣтается такимъ образомъ, мы придемъ къ убѣжденію, что вопросъ объ опасности современнаго пролетаріата есть скорѣе вопросъ этическій, чѣмъ денежный, несмотря на то, что при отдѣльныхъ группахъ экономическій моментъ имѣетъ весьма важное значеніе. Это по крайней мѣрѣ сознаютъ и тѣ германскіе теологи, которые, въ виду деморализаціи и испорченности четвертаго сословія, предпочитаютъ внутреннюю нравственную миссію вещественнымъ проявленіямъ христіанской любви. Но теологи и полные высокой любви къ ближнему христіане, сами по себѣ, столь же мало въ состояніи помочь этому злу, сколько одни финансисты и экономисты. Четвертое сословіе бросило перчатку всему историческому обществу, а потому и все историческое общество должно поднять ее и вступить съ нимъ въ борьбу, но не какъ врагъ, а какъ другъ его. Въ этомъ кроется двигательная сила четвертаго сословія въ ея полномъ значеніи. Если аристократія, бюргерство и крестьянство преобразуютъ самихъ себя, то вмѣстѣ съ тѣмъ они преобразуютъ и всѣ отдѣлившіяся отъ этихъ отдѣльныхъ сословій группы, составляющія элементы четвертаго сословія.

Замѣчательною эпиграммою, сочиненною четвертымъ сословіемъ противъ самаго себя и заключающеюся въ томъ, что, стремясь къ уничтоженію всѣхъ сословій, оно ничего болѣе не могло сдѣлать, какъ только къ существующимъ уже положительнымъ сословіямъ прибавить собою еще одно—отрицательное, этою глубоко ироническою эпиграммою оно указало на ту архимедову точку, къ которой слѣдуетъ прикрѣпить рычагъ его реформы. Въ той мѣрѣ, въ какой стремленіе къ корпора-

тивному объединенію будетъ снова питаемо аристократіею, бюргерствомъ и крестьянствомъ, въ такой же точно мѣрѣ это стремленіе, въ интересѣ его самосохраненія, должно пробудиться и въ четвертомъ сословіи; но оно, именно вслѣдствіе этого стремленія, не только не укрѣпится, но станетъ распадаться на свои составныя части. Корнемъ его современемъ останется группа поденщиковъ, которые въ послѣдствіи также присоединятся къ старому бюргерству, какъ крестьяне къ аристократіи. Общество только до тѣхъ поръ должно опасаться пролетаріевъ, пока оно само, проникнутое пролетаріатскимъ духомъ, сочувствуетъ всеобщей нивеллизаціи. Государство также не въ состояніи, ни воспрепятствовать полицейскими мѣрами противузаконнымъ поступкамъ пролетаріата, ни склонить его въ свою пользу государственными мастерскими и государственною благотворительностію. Оно въ этомъ случаѣ не можетъ сдѣлать ничего болѣе разсудительнаго, какъ только — не мѣшать обществу стремиться къ большей корпоративной самостоятельности въ его отдѣльныхъ группахъ, и предоставить ему возможность преобразоваться. Если оно промысламъ и промышленности снова продоставитъ возможность стать на свои собственныя ноги, то этимъ оно сдѣлаетъ больше для экономическаго благосостоянія народа, чѣмъ основаніемъ особеннаго министерства „труда“, которое на прекрасныхъ ихъ основаніяхъ будетъ придумывать различные опыты и будетъ производить различные эксперименты — на бумагѣ.

„Selbst ist der Mann!“ (человѣкъ самъ для себя) говоритъ нѣмецкій крестьянинъ, и это изрѣченіе приложимо ко всякому матеріальному вопросу. И вездѣ начинаетъ проявляться пролетаріатскій духъ. духъ отчаянія въ самомъ себѣ, гдѣ только отдѣльный человѣкъ, или цѣлая корпорація, не осмѣливаются болѣе произнести: „Selbst ist der Mann!“

Четвертое сословіе существуетъ, и такъ какъ существуютъ также и фабрики, существуетъ журналистика, какъ вообще весь міръ не таковъ, какимъ онъ былъ прежде, то и вліяніе его не можетъ быть только

временнымъ, переходнымъ. Но чѣмъ сильнѣе крѣпятся прежнія сословія и такимъ образомъ раздробятъ четвертое сословіе, тѣмъ менѣе демократія въ состояніи будетъ утверждать, что въ пролетаріатѣ мы имѣемъ настоящій народъ, потому что у него нѣтъ ни родины, ни семьи; что онъ есть сила нація, потому что находится въ такомъ бѣдственномъ положеніи; что въ немъ богатство народа, потому что онъ не имѣетъ никакого имущества; что онъ представитель народнаго духа, потому что считаетъ образованіе и знаніе блестящимъ деспотизмомъ. Эти „безъименные" могутъ быть „наземомъ всемірной исторіи", но не потому, что они безъименнные, какъ утверждаетъ современное уравнительное варварство, а потому, что они, въ силу закона давленія и противудавленія, вырвутъ насъ всѣхъ, а также и самихъ себя, изъ будущаго состоянія безъименности и грозящаго намъ всеобщаго обезличенія, и сдѣлаютъ насъ высшими органическими представителями индивидуально-самобытныхъ сословій, гдѣ отдѣльныя группы въ состояніи будутъ обнаружить свое настоящее значеніе, и снова возвратить себѣ свои имена, и гдѣ всякій безъименный вдесятеро сильнѣе, чѣмъ теперь, будетъ, изъ нѣдръ самой группы, стремиться къ тому, чтобы достичь высшаго человѣческаго достоинства, чтобы быть „названнымъ по имени".

